Одесский
альманах

№61

II / 2015

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (61), 2015
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (61), 2015
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2015
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2015

От редакции

Одесса – один из тех городов средиземноморско-черноморской цивилизации, в которых и по сей день сохраняется (пусть и в разной мере) традиция организовывать жизнь и семей, и общин, и полисов в пространстве дворов. Именно здесь, по свидетельству историков, психологов, культурологов, в основном и складывалась уникальная общность граждан, в которой главными были не социальное происхождение, не достаток, не национальность, а обретение свойств, которые лежат в основе ментальности жителей и Барселоны, и Хайфы, и Марселя, и Генуи, и Констанцы, и Варны, и Одессы, – общительность, дружелюбие, особая хватка-смекалка, чувство юмора…

Этот ряд можно было бы и продолжать, но, заметьте, что названные в первую очередь города являются побратимами Одессы.

Образ двора зачастую занимает особое место в литературных произведениях, созданных одесскими авторами. Их герои получают во дворах первые уроки жизни, обзаводятся друзьями, здесь происходят и радостные, и горестные события, здесь играют в войну и отсюда отправляются в бой, здесь влюбляются и расходятся, здесь рождаются и умирают…

Вспомним Петю Бачея с Канатной и Мотю с Ближних Мельниц, Юрия Олешу с улицы, ныне носящей его имя, семейство Менделя Крика с Молдаванки, соседей Михаила Жванецкого со Старопортофранковской, героев повестей Георгия Голубенко и Сергея Рядченко. «Двор» – так Аркадий Львов назвал свою многотомную эпопею о нескольких поколениях одесситов, среди которых вырос и прожил годы в доме по Авчинниковскому переулку.

Мы вспоминаем в этом выпуске альманаха, как, впрочем, и в предыдущих, и, надеемся, вспомним в будущих свои дворы – на Кузнечной, Садовой, Успенской, Приморской…

Среди материалов номера фрагменты воспоминаний профессора Валерии Андреевны Кухаренко, у которой в трудовой книжке – одна запись: «Одесский государственный университет», а в паспорте – две: «Одесса, Пушкинская, 33» и «Троицкая, 10». Оба дома – по соседству. Ее рассказ о семье, о соседях, об Одессе с конца 20-х годов минувшего века и по сей день отмечены особым шармом, в них сочетаются и исповедальность, и гражданственность, и грусть, и юмор, в общем, все, что характерно для наших земляков – и реально живущих, и созданных воображением наших же писателей, поэтов, композиторов.

Наш двор – наш мир.

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Пансион на семи ветрах**
(дома Поззи, Кирьякова, Андрияша, Акацатовой, недвижимость семейства Россет, дом Черновой)

1.

Если говорить о забегаловке «Семь ветров» – в точку: как о месте, так и о людях. Стоит она не на перекрестке, не на *«пяти углах»* даже, как легендарная развязка старого Петербурга, а много круче. В створе улицы Гулевой, на стыке Коблевской и обширной Соборной площади, куда обе интенсивно вдуваются. Обратная же тяга, с Соборки, еще избыточнее. Место проходное, продувное, публика ветреная. Во времена развитого социализма – ничем особо не примечательная блинная, по сути, рюмочная, каких в ту пору было немало. При недоразвитом капитализме – фактически осталась в прежнем жанре, в чем и притягательность. В двух шагах от Дерибасовской, но при этом камерно и просторно одновременно, демократично, относительно «дешево и сердито».

Постепенно, поэтапно вся тусовка продвинутых разгильдяев типа всяческих художников, музыкантов, фотомастеров, музейщиков, галеристов, пишущей братии и тому подобных типов перекочевала сюда с насиженных мест, из тяготевших к Гаванной

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-60.

** На семи ветрах: буквально – на открытом, продуваемом всеми ветрами месте. В переносном смысле может означать: 1) что какое-то место или человек постоянно находятся в центре событий, живут беспокойно; 2) человека легкого на подъем, не имеющего привязанностей, перекати-поле.

улице кофеен и баров – «Зоси», «Ласточки», «Гаванны», «Паруса», «Этюда» и проч. В связи с вздорожанием аренды и соответственно услуг, а то и с полной ликвидацией означенных заведений – по той же причине. Жизнь берет свое, точнее, по наблюдению моего друга Саши Розенбойма, она берет как раз наше. Ушли излюбленные дешевые «наливайки», а с ними рельефнейшие персонажи: художники Юра Коваленко, Ваган Ананян, Валя Сиренко, Саша Дмитриев, композитор Женя Лапейко, поэты Игорь Павлов и Яша Качур, керамистка Катя Чечеткина. Да мало ли… Ювелир Хвостанцев… Громогласная Роксана (родственница видного историка и коллекционера Коциевского, тоже покойного), служившая реализаторшей на сувенирном базарчике в Городском саду и там же по заказу и совместительству рифмовавшая слова…

Они (мы), конечно, пропойцы, но в общем люди привлекательные, периодически полные, как непочатый шкалик. То, что как бы присутствует в пространстве, помимо интернета (он же сеть, он же паутина). Некая не виртуальная живинка. И хотя в данный момент «Семь ветров» заметно ожлобели, здесь все еще можно глотнуть и покудахтать с вяленым цветом университетского истфака, грамотными музейщиками, коллекционерами, отставными растаманами и др. Здесь блистают и меркнут философ Кукуричкин, культуртрегеры Абрамов, Голубовский, Кохрихт, художники Войцехов, Волошинов, Ивченко, Гусев, Костюченко, Наумец, Милович, Ройтбурд, Чипигин и т. д. и прочее, фотохудожники Шевчук, Череватенко, Исаев, Бойко, Алекян, поэты Борушко (и его Пушкинский фестиваль в полном составе), Божко, Векслер, Попов, Четвертков (поэтам и музыкантам, как и художничкам, здесь несть числа), сомелье Рубен Ашрафиан, керамисты Дмитрук, Стайников, Евстратова, академик Пойзнер, оперный вокалист Носырев, краевед Виноградов, атаман Юра и масса других достойнейших людей, вроде меня.

Мы, алкоголическая общественность, действительные члены Клуба городских сумасшедших имени Володи Дубинина, провели здесь много незабываемых часов, которые сложились в счастливые месяцы. Мы окрасили место, и оно ответило нам взаимностью. Во имя столь гармоничных отношений я и провел вполне серьезное исследование, касающееся старинного дома (собственно,

целого квартала, ограниченного улицами Коблевской, Дворянской, Садовой и Соборной площадью), где базируется офис «Семи ветров», наполнявших его лиц и учреждений в контексте определенных ретроспективных обстоятельств. Предполагаю, собеседники и собутыльники примут мои ученые записки с пониманием и благодарностью.

2.

Соборная площадь – грандиозная, циклопических для едва рождающегося на голом степном плато города размеров – предусмотрена самыми первыми планами Одессы. Планировщики, что называется, раззадорились и размахнулись. По целому ряду причин строительство шло туго. Возведение соборного храма приостановилось, приход перевели в отдаленное временное помещение, площадь представляла собой громадный пустырь. Как видно из генерального плана 1802 года[1], утвержденного монархом в 1803-м, ее периметр застраивался главным образом с будущей Преображенской улицы. Кварталы с противоположной стороны включали лишь единичные разобщенные строения.

Ситуация улучшилась после 1803 года с созданием Одесского строительного комитета, имевшего в своем составе квалифицированных специалистов, некоторые суммы и функционировавшего под эгидой демократичного де Ришелье. Но и после этого из-за недостатка ресурсов еще долго ощущался острый дефицит в более-менее комфортабельных строениях для размещения различных учреждений, квартирования чиновников и офицеров. Формировались, мужали административная, социальная, коммерческая инфраструктуры, что требовало все новых и новых казенных зданий и сооружений. Помимо дорогостоящей гидротехники были необходимы крепость, казармы, склады, адмиралтейство, морская таможня и сухопутные таможенные заставы, карантин, маяки, мосты, колодцы и пруды, административные здания (включая дома для генерал-губернатора, градоначальника и их канцелярий, Думы, полиции, тюремного замка, пожарной команды, почтовых служб, того же Строительного комитета и др.), биржа, банк, военный и гражданский госпитали, богадель-

ня, храмы, учебные заведения, типография и проч. Поэтому состоятельные домовладельцы уже на первом этапе существования Одессы сдавали свою недвижимость в аренду.

История «Семи ветров», где кучкуется интеллигентная публика, мистически, как теперь говорят при каждом удобном и неудобном случае, сопрягается с начальным этапом формирования системы городского просвещения. Учитывая очень конкретное функциональное назначение города, она начиналась 16 апреля 1804 года с коммерческой гимназии[2], в которой, понятно, наблюдается довольно широкая палитра сословного представительства. В составе воспитанников (1806-1809) – дети служивых и не служащих дворян, чиновников, священников, купцов, иностранных подданных.[3] Примерно тогда же французом Пьером де Вольсеем был основан частный благородный пансион, и тоже под опекой де Ришелье. При этом публика явно отдавала предпочтение частному учебному заведению, в котором потому и было больше воспитанников: в 1805-м – 43[4].

Сюжет этот в общих чертах довольно хорошо проиллюстрирован в регионально-исторической литературе. Хочу обратить внимание на другое важное обстоятельство: хотя благородный пансион был приватным учебным заведением, администрация города и края безвозмездно обеспечивала его помещениями – учебными, жилыми, служебными. В противном случае оно просто не сумело бы выжить по указанной выше причине – высокой арендной плате на крайне дефицитные комфортабельные помещения.

Коммерческая гимназия, из которой вырос Ришельевский лицей, получила под заселение одно из первых масштабных казенных строений – «дом главного воинского начальника» меж будущими улицами Дерибасовской, Екатерининской и Ланжероновской, перестроенный и переоборудованный за казенный же счет, а затем еще и отреставрированный после пожара[5]. Это тоже известный мотив, на котором нет нужды останавливаться, имея, однако, в виду, что на время восстановления сказанного здания гимназия временно находилась в другом месте. Под нее и пансион Вольсея Одесским строительным комитетом арендовались солидные частные дома. Какие? Два первых адреса – дома Кирьякова и Андрияша. Что за люди и где находились здания?

3.

Михаил Михайлович Кирьяков (1766-1825) – один из основателей Одессы, сподвижник де Рибаса и де Ришелье, главный надзиратель Комиссии (Комитета) по отстройке гавани (1800), директор Хаджибейской (Одесской) таможни, херсонский губернский предводитель дворянства, пушкинский знакомый[6], владелец имения Ковалевка, коллежский советник и т. д. и прочее. Застройщик архаической эпохи, он в разное время получил несколько участков. Интересующее нас место застроено меж 1802-м и 1805-м годами. Дом Кирьякова отсутствует на упомянутом выше плане Ферстера 1802-1803 гг., но четко отмечен на плане Франполли 1807-го[7]. Мы можем даже получить некоторое представление о его внешнем облике.

Дело в том, что в период катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов Кирьяков утратил владельческие документы на это строение. В 1816-м он обратился в Строительный комитет с прошением, в котором, между прочим, пишет: «На оных (местах. – **О. Г**.) выстроен был много прежде дом с деревянным верхним этажом, который уже по ветхости сломан, и вместо оного выстроил я имеющийся ныне каменный. Бумаги о сем, какие были, во время чумы затеряны, а как в подтверждение всего владею я оными местами и строением на них гораздо более десяти лет, то уже никакого стороннего претензии к оным быть не может».[8] В первичном строении с деревянным верхним этажом и располагался на первых порах благородный пансион. В 1806 году Кирьяков получал от Комитета солидную арендную плату – 500 рублей в полугодие[9]. Новый дом Кирьякова на углу Коблевской (нечетной) и Дворянской (нечетной) сохранился до сих пор, это поистине живое пушкинское место.

Андрияш – фигура практически неизвестная. Но поскольку каким-то чудом сохранилось описание его могилы на разрушенном в середине 1930-х первом Городском кладбище, постольку я собрал о нем кое-какую информацию в ходе написания монографии об этом погосте.[10] Константин Иванович Андрияш (Андреяш, Андриаш), полковник, надворный советник (в 1799-1800 гг. – титулярный советник), служил в Одесской портовой таможне, одесский старожил, домовладелец и землевладелец (хутор

в 25 десятин на Водяной балке, близ пудренной фабрики Пишона, с разнообразными строениями, загонами для скота, птичниками, сельскохозяйственными орудиями, посудой, колодцами, скотом, домашней птицей, топливом, лесоматериалами и прочим он приобрел 3 октября 1799 года и владел им, по крайней мере, в 1808-м), попечитель сооружаемой соборной церкви во имя Святого Николая, венгр по происхождению. Скончался 21 июля 1812 года. Супруга, наследница его, не позднее начала декабря 1814 года вступила в брак с губернским секретарем Базыкиным. В 1806-1814 годах город арендовал принадлежавшие ему, а затем его наследникам дома на углу нынешней Соборной площади и Садовой улицы для размещения благородного пансиона и девичьего училища. В 1809 году в этом училище воспитывались Элиза (6-ти лет) и Севастьяна (9-ти лет) Пети-Андриаш. Синхронно с Кирьяковым Андрияш получал за аренду дома равнозначные суммы.[11]

4.

Здесь мы понемногу переходим к основной теме наших «ученых записок» – домам, занимаемым Девичьим училищем, а точнее – девичьим отделением благородного пансиона. Если называть вещи по именам – первичным Одесским институтом благородных девиц. В каком из двух названных домов учились мальчики и юноши, а в каком девочки и девушки? Вероятно, девочки изначально обосновались в старом доме Кирьякова. Почему? 4 марта 1809 года в Строительном комитете слушали доклад директора гимназии Вольсея о намерении заведения девичьего пансиона в доме надворного советника Андрияша. Ришелье распорядился отпускать ежегодно в продолжение четырех лет по 1.500 рублей из городских доходов.[12] Следовательно, раньше он находился в другом наемном доме.

Девичье отделение возникло почти одновременно с мальчиковым, с санкции де Ришелье. Причем руководила им супруга де Вольсея. Как самостоятельное учебное заведение оно выкристаллизовалось на рубеже 1809-1810 годов. На исходе 1810 года де Вольсей и его супруга оставили Одессу, управление обоими институтами приняла на себя административная комиссия.

«Управление женским институтом было поручено г-же Поцци, образованной русской даме, умевшей снискать себе в городе большое доверие; она же заведовала приходом и расходом сумм, давая отчет членам административной комиссии».[13]

Убедительные архивные первоисточники однозначно фиксируют пребывание автономного Девичьего института в доме Андрияша, но к этому мы еще вернемся. Сейчас нас будет интересовать семейство Pozzi, каковую итальянскую фамилию я вне ретроспективных цитат позволю себе озвучивать облагороженно – Поззи, хотя это вряд ли согласуется с правилами транслитерации. Анастасия Дмитриевна Ризо, воспитанница оного института с 1810 года, представительница известного рода, в честь которого поименована улица Ризовская, вспоминала: «Учение прекратилось (в период эпидемии чумы. – **О. Г.**); осталась директриса Поцци с мужем и взрослою дочерью. Сам Поцци учил пению, добрый славный учитель, а дочь смотрела за воспитанницами. Мадам Поцци, слабого здоровья, редко выходила к нам, а дочь ее была строгая: мы боялись ее. Мы больше сидели на втором этаже, сильно скучали за герцогом (де Ришелье. – **О. Г.**)».[14]

Хотя дом Андрияша был двухэтажным, однако не удовлетворял запросам Девичьего благородного института. Натерпевшись, супруги Поззи обратились в Строительный комитет с деловым предложением: если Комитет выдаст им ссуду на строительство надлежащего здания со службами для института под соответствующие проценты, то пусть далее пользуется этим домом до той поры, пока владельцы не погасят свой долг в соответствии с ежегодными вычетами арендной платы. Другими словами: вместо того чтобы то и дело нанимать и постоянно приспосабливать разные приватные здания, выстроить именно то, что требуется. Несмотря на солидный расход, предложение это было целесообразно и выгодно в перспективе.

Вот тут-то и начинается собственно история «Семи ветров».

5.

Искомое место отведено «24 июля 1811 года по незастроению майором Дахновым» в ответ на запрос от 26 июня[15]. «Образованная русская дама», госпожа Поззи едва ли была русской. Во вся-

ком случае, 1 июля 1812 года «иностранка Катерина Оставевна Поццы» обращается в Строительный комитет (прошение подписано супругом Шарлем Поззи) с жалобой на соседа майора Дахнова, который мешает ей осуществить строительство напротив церкви Святого Николая. Строптивый вояка построился раньше по нынешней улице Коблевской – места отведены в 1802-м, в 1810-м его дом находился в залоге[16], – однако не освоил все пять выделенных ему участков. На самом углу вместо дома находился лишь сарай, а потому по существующим правилам два не застроенных плановым домом места отобрали и передали в другие руки, но с тем чтобы новый владелец компенсировал прежнему хозяину затраты по каким-либо фактически существующим сооружениям. Комитет и постановил, чтобы Поззи компенсировали Дахнову 150 рублей за сарай, что они и сделали 22 июля 1812-го. Тяжба, однако, продолжалась до ноября 1816-го, ибо уже дежурный подполковник полтавского ополчения Дахнов несколько раз жаловался в Петербург[17].

Время выдалось более чем суровое: Одесса стояла на пороге жуткой чумной эпидемии. Строительство приостановилось,

многих воспитанниц Девичьего института разобрали родители, оставшиеся, включая Настю Ризо, оказались в заточении в доме Андрияша. Смерти вопреки в апреле 1813 года Катерина Поззи завершила строительство и 21-го числа получила владельческие документы[18]. Предварительно постройки освидетельствовал городской архитектор Франческо Фраполли и нашел, что они отвечают утвержденному Комитетом плану.[19]

По ряду причин институт не сразу выехал из дома умершего к тому времени Андрияша. Супруги Поззи не успели должным образом оборудовать новое здание и службы. Катерина болела, а в 1814-м ушла из жизни. Но еще ранее, после ликвидации эпидемии, ее сменила на посту директрисы Эмилия Майе[20]. Контракт с Карлом (Шарлем) Поззи был заключен 30 июля 1814 года, задним числом, институт перебрался в новое помещение еще 1 апреля. Дополнительные работы по дому осуществлялись под началом Фраполли: деньги Строительный комитет отпускал в счет аренды, то есть они вычитались из нее, что было вполне справедливо. Так, 24 августа 1814 года Фраполли получил под расписку 1.000 рублей, однако издержал вдвое. Помимо отдельных достроек, штукатурных и прочих работ выкопали погреб объемом в 10 кубических саженей, облицованный шестивершковым камнем.[21]

Предусмотренные работы были завершены оперативно осенью, что не мешало функционированию Девичьего института на новом месте. Успевший полюбоваться этой симпатичной новостройкой и ее обитательницами де Ришелье оставил Одессу, не предполагая, что больше не вернется. Временным градоначальником герцог назначил небезызвестного генерал-майора Ф.А. Кобле, военного коменданта, старожила, любимца одесситов, дочь которого, Клавдия, такая же, как отец, добрячка, училась в институте в это самое время. Оставленный институтом дом, у которого Кобле выставил караул, дабы ничего не растащили, Фраполли должен был сдать по описи бывшей жене покойного Андрияша губернской секретарше Базыкиной[22]. Ранее, в октябре 1813-го, «надворная советница Андреяшева» напоминала Комитету о том, что ей недоплатили 3.000 рублей за аренду.[23]

Что касается Поззи, им ничего не надо было принимать по описи: оставалось только ждать, пока долг рассосется. Каким

образом? Карлу Поззи была выдана сумма 42.177 руб. 33 коп. из суммы, пожертвованной бароном Штиглицем «на построение такового дома, в котором можно было поместить девичий пансион: ибо ни город не имел приличного строения, ни Комитет не был в возможности построить оный»[24]. В соответствии с упомянутым контрактом арендная плата за четыре года, начиная с 1 апреля 1814-го, составляла 16.000 рублей, она-то и вычиталась из суммы общего долга[25]. За вычетом средств, потраченных Фраполли на доработки. И так далее, до полной компенсации.

В 1818 году Комитет заключил с наследниками Поззи следующий арендный контракт – на пять лет, но в силу роста цен уже из расчета 6.000 рублей ежегодно[26]. Карл Поззи к этому времени тоже умер. Наследники – дочь Мария и сын Александр (в архивных документах он дважды назван Александром и один раз Алексеем). О сыне я пока не нашел никаких сведений, а вот о Марии, впоследствии единоличной наследнице, кое-что известно. Если помните, Анастасия Ризо говорит о взрослой дочери директрисы, строгой надзирательнице. В перечне воспитанниц Девичьего пансиона от 22 декабря 1809 года значится «Мария Поцци (9 лет)»[27]. Сама Ризо родилась 17 апреля 1801 года[28] , то есть максимальная разница в их возрасте может составлять год с небольшим. Казалось бы, напрашивается вывод о наличии старшей сестры Поззи, но это не факт. Ризо отдали в институт маленькой дикаркой. Явившиеся с периферии дети молдавских и валашских бояр, а равно благородных греческих семейств вообще робели в окружении отпрысков российских аристократов и просвещенных иностранцев. А потому дочь директрисы вполне могла восприниматься как старшая.

6.

Порядки в институте были строгие, девочек держали в черном теле, готовили высоконравственных чопорных дам, много внимания уделяли рукоделию, сурово наказывали за малейшие провинности. Благородные девицы вообще жили изолированно, а первый выезд в свет становился одним из важнейших событий в жизни. И к этому акту готовили загодя и очень тщательно. Даже в 1836 году Лермонтов вполне определенно указывает, что

малейшее отступление от светских правил каралось с невероятною жестокостью. «Некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда разрушить ее (начавшей выезжать девицы. – **О. Г.**) будущность… И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она нравиться нашим франтам, если с первого взгляда скажут: elle a l'air bourgeois… (у нее вид мещанки) – это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет, однако же, ужасную власть над умами и отнимает все права у красоты и любезности».

Потому-то первый выезд в свет становился для молодой «комнатной» девушки строжайшим экзаменом – без какой-либо надежды на переэкзаменовку. «Между тем наступила осень. В Кашине готовились собранья, – вспоминает Т.П. Пассек (1824-1825). – Толки о нарядах выступали на первый план. Мне приготовили к первому балу белое дымчатое платье и полураспустившуюся розу к поясу». Юниорка имела блистательный успех: «Слава о моем танцевальном искусстве долетела до карточных столов. Чтобы посмотреть в мазурке на пансионерку, как меня называли, вставали из-за карт».

«То был великий день: семнадцать лет!
Все, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет;
Их затруднил удачный выбор бала:
Что, будет двор иль нет? Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой,
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный».

(Лермонтов, 1840)

И все же дикарка юная, Татьяна, дала-таки маху – по детской своей непосредственности: и вальс, и мазурку, и кадриль танцевала она с одним и тем же симпатичным ей кавалером, что, оказывается, считалось верхом неприличия. Возвратившись домой с бабушкой, которая

ее и «вывозила», «пансионерка» подверглась основательному разносу с угрозой категорического запрета посещать светские собрания. Любые оправдания резко обрывались возгласом «Молчать, кокетка!».

Первый выезд сопровождался также серией интригующих «экспромтов», загодя приготовленных опекунами, стремящимися не продешевить на этой светской презентации потенциальных невест. Вот изысканная реплика, отлично рисующая сии закамуфлированные хитрости (1824 г.): «А эта придворная фанаберия увозить из мазурки пур се фер дезире (pour se fair desirer) – «чтобы вас пуще желали», – она нарочно картавила французские слова на русский лад. – Знаю и все понимаю: старого воробья на мякине не проведешь!» (Е.А. Сабанеева).

Выращенная в светской оранжерее, вышколенная на «куртагах» (приемных днях при дворе), супруга одесского градоначальника графиня Гурьева и дамы ее круга, конечно, чувствовали себя в Одессе неуютно: «На днях у меня была дама, – пишет графиня из Одессы 30 декабря 1822 г., – которая ела взбитые сливки и желе вилкой и ножом. А другая после первого визита спросила меня, не желаю ли я быть с нею на дружеской ноге, на что я ей ответила: конечно, нет. Вот, дорогая матушка, каких дур мне приходится видеть!».

Сюда кстати подверстывается великолепный иронический монолог Смирновой-Россет: «Ах, губернские барышни! Как вы милы, вы приезжаете на бал с стоптанными башмаками, которые привязываете грязной ленточкой то и дело, чтоб идти в уборную губернаторши, где берете ее гребни, помаду, духи и одеколон; даже просите ее старых башмаков, и все это, чтобы потанцевать с пробирмейстером Бранденбургом или с Петром Петровичем Гильфердингом, а может, о счастие, с красивым Александром Кояндером, а может быть, с Жабовым…».

Ах, одесские барышни, восклицает вослед В.И. Туманский. «Замужние наши женщины (выключая прекрасную и любимую госпожу Ризнич) дичатся людей, скрывая под личиной скромности или свою простоту, или свое невежество; девушки в обхождении своем не умеют стать на настоящую точку: одне дики или грубы; другие слишком вольны, и слишком рано постигают вещи, которых не заботятся скрывать (…). Особливо гречанки меня утешают. Недавно еще покинув землю, где женский пол не имеет

общественного существования, – оне вдруг хотят насладиться всею свободою оного. Такая жадность в них простительная – как жадность невольника, впивающего в себя свет и воздух после долгого заключения».

Но как, впрочем, очаровательны простодушные потуги «эллинок» на светскость. Как умилительно их французское лепетанье, шутовской наряд, неловкие телодвижения, балаганная пляска, продолжает Туманский. Называются даже конкретные имена, причем хорошо знакомые историкам и пушкинистам (впрочем, не только гречанок): княжна Мурузи, девица Гик, Констанция Кирико, София Гипш, Елена и Зинаида Бларамберг. Поневоле припоминаешь пушкинские *экскурсии* по местным, скажем так, меблированным комнатам, причем поэт выступал как чичероне для своих кишиневских приятелей.

7.

Но вернемся к Марии, которая в архивных документах фигурирует как основная наследница Поззи. В 1818 году, когда ей было 18 лет, она уже значится супругой капитана Арнольди[29]. О нем тоже есть что сказать.

Общеизвестно, что Иван Карлович Арнольди – генерал от артиллерии, весьма заслуженный воин и в то же время довольно безнравственный господин, был вторым мужем (1815) Надежды Ивановны Россет, урожденной Лорер, матери знаменитой пушкинской «черноокой Россет». Не стану излагать скабрезные подробности постыдных приставаний отчима к красавице малышке – об этом пишут все кому не лень. Меня больше занимает та генеалогическая путаница, каковую посеяли два брака Надежды Лорер и три Ивана Арнольди. Специалисты до сих пор не могут разобраться, какие дети (и сколько) от кого произошли. Так, их совместных сыновей нередко называют не единоутробными, а сводными братьями Александры Осиповны Смирновой-Россет, предполагая, что они родились в первом браке Арнольди. Карты путает и третья его женитьба, после кончины Надежды Ивановны (1825).

Все это, безусловно, занимательно, но для нас важно знать другое: каково родственное отношение этого Арнольди к супругу Марии Карловны Поззи? Разобраться не столь уж трудно, ибо

фамилия Арнольди не так часто встречается в России начала XIX столетия. Это один из младших братьев Ивана Карловича – Петр, Осип (Иосиф) или Павел; все трое боевые офицеры. Младший отпадает сразу, ибо начал службу юнкером в декабре 1813 года, в 1814-м был произведен в прапорщики и не мог в мирное время дослужиться до капитана в четыре года. Судьба Осипа после наполеоновских войн пока не прослеживается. Остается Петр Карлович. Действительно, военную службу он начал в 1801 году юнкером, в 1808-м был подпоручиком, а далее получал боевые ордена и производства в ходе военных кампаний. Был еще, правда, старший брат Александр, но в 1800-1801 годах он числится уже штабс-капитаном, а затем следы его совершенно теряются.[30]

Занятное совпадение. Иван Карлович Арнольди, отчаянный вояка, корыстолюбец, хам и волокита, в сражении под Лейпцигом был ранен в левую ногу, остался в строю, получил втрое ранение в ту же ногу (ядром) и сделался инвалидом. Ходил он на деревяшке, стук которой позже так пугал маленькую Сашеньку Россет, однако продолжил службу, причем превосходно ездил верхом. Его брат Петр Карлович дважды ранен в правую ногу – в 1807-м и в 1813-м, но, к счастью, избежал ампутации. А еще говорят, что пуля дважды в одно и то же место не попадает… Иван и Петр, как и Павел, – награждены орденами Святого Георгия, многими другими, золотым оружием.

При каких обстоятельствах могли познакомиться Иван Карлович Арнольди и Надежда Ивановна Россет, урожденная Лорер? Вероятно, через Поззи, ибо Надежда, конечно, посещала упомянутые выше учебные заведения, в которых воспитывались ее младший брат Дмитрий Лорер[31] и двоюродная сестра Любовь Лорер, соученица и ровесница Марии Поззи[32]. Между прочим, это тот самый Дмитрий Иванович Лорер, супруг княжны Варвары Григорьевны Волконской, который впоследствии был предводителем дворянства Херсонской губернии, сердечно опекал своего брата-декабриста Николая Ивановича Лорера и даже завещал ему родовое имение[33]. Тут вся хронология сходится: брак Н.И. Россет с И.К. Арнольди, знакомство и брак М.К. Поззи и П.К. Арнольди по окончании военных кампаний. Марии на тот момент было около 18-ти, а Петру около 30-ти, вполне в традициях эпохи.

Наши расчеты убедительно подтверждаются воспоминаниями Сашеньки Смирновой-Россет, которая рассказывает, как на их приморский хутор прибыл капитан Петр Карлович Арнольди с сообщением о женитьбе своего брата на вдове Россет[34]. В цитируемом мемуаристкой дневнике матери упоминается «юнкер Поцци», то есть брат жены П.К. Арнольди, какового Надежда Ивановна направляла с поручением к госпоже Поджио, супруге Витторио Поджио, делового партнера Осипа Россета[35].

8.

Здесь появляется повод обсудить несколько очень любопытных вопросов, в продолжение многих и многих лет так и не решенных исследователями, и в первую голову – пушкинистами. Это, прежде всего, локализация местоположения городского дома отца А.О. Смирновой-Россет, а также судьба хутора и недвижимости в целом. Занимаясь этой проблематикой несколько десятилетий, я, по счастью, нашел четкие и однозначные ответы.

Путаницу вносят «показания» самой Сашеньки, воспоминания которой относились к ранней поре детства и грешат анахронизмами. Так, она говорит о маленьком доме на Дерибасовской улице, скорее всего, отождествляя родительский кров с одноэтажным домом близкой к ним госпожи Попандопуло, который действительно находился в ту пору на углу нынешних улиц Дерибасовской и Гаванной. Таковое предположение покажется более убедительным, если учесть замечание Смирновой о житье неаполитанской королевы Марии-Каролины во время ее одесского пребывания (1813 г.) в «карантинном доме», чего, конечно, не могло быть ни по соображениям этикета, ни по чисто техническим причинам. Но царственная особа вполне могла обитать в доме карантинного начальника О.И. Россета, и тогда его семейство должно было на немалый срок переместиться в другое обиталище, скажем, в дом генеральши А.А. Попандопуло[36].

Архивные разыскания подтверждают такую точку зрения, ибо собственный дом Россета, как выясняется, находился именно возле Карантина. Впрочем, упоминание этой недвижимости как раз в год рождения Сашеньки (1809) снова вносит сумятицу в лока-

лизацию: запись в журнале Одесского строительного комитета от 12 марта упоминает находящийся в залоге по контрактам (подрядам, очевидно, заключенным Поджио) «дом коллежского советника и кавалера Россети, состоящий на Военном форштате под № 557-м», оцененный в довольно значительную по тем временам сумму 15.550 рублей[37]. Квартал не указан, однако номер означает место, как раз примыкающее к дому Попандопуло по Дерибасовской! Тем не менее дома на этом участке не было и быть не могло, поскольку это место, как и три смежных, по Дерибасовской и Ланжероновской, относилось к Коммерческой гимназии, а далее к Благородному институту (Ришельевскому лицею). Тут был гимназический, затем институтский и лицейский сад, каковые четко и однозначно показаны на синхронных городских планах[38].

У меня нет точного объяснения таковой нумерации, а лишь предположение об отводе сказанного места под застройку Россету в том же году, что и тогда еще полковнику Попандопуло (1802). В конце этого года Россет и появился в Одессе. Затем, когда примыкающий справа «дом главного начальника» (де Рибаса) передали гимназии, карантинному начальнику отвели другое, весьма удобное место, а это, еще не застроенное, передали учебному заведению, однако прежний номер ошибочно сохранился за новыми строениями. Как бы то ни было, дома Россета тут быть никак не могло.

Смирнова-Россет сообщает о том, что отец ее скончался от чумы, однако сие вызывает большие сомнения, ибо Осип Иванович ушел из жизни в конце 1813 года, через много месяцев после ликвидации катастрофической эпидемии. Россет еще принимал участие в заседании Строительного комитета 20 ноября, далее отсутствовал (заседания проходили как минимум дважды в неделю, и присутствие карантинного начальника было обязательным), а умер 10 или 11 декабря[39]. Следовательно, Россет болел около трех недель, что не вяжется со скоротечностью бубонной чумы. Вероятно, пронзительные детские воспоминания накладывались друг на друга, тем более для ребенка, находившегося в самой гуще событий, отсюда соответствующие ассоциации. Вообще трудно себе представить единичный случай заражения чумой в конце 1813 года, да еще пережившего катастрофу опытнейшего карантинного инспектора.

С начала весны 1812 года Строительный комитет арендовал дом О.И. Россета для жительства разыгрывавшей в Городском театре простенькие водевили труппы русских актеров. Из журнала комитетских заседаний от 28 сентября 1814 года видно, что к этому времени накопился долг перед домовладельцам за два года и семь месяцев, из расчета 600 рублей в год, итого 1.550 рублей.[40]

Теперь перейдем непосредственно к разгадке местоположения этого дома, каковое связывает несколько любопытнейших сюжетов ранней истории Одессы. Начну с цитаты из первого серьезного исследователя истории плановой застройки города В.А. Чарнецкого: «Как видно из «Автобиографии», семья Смирновой-Россет, владея домом на Дерибасовской, проживала в казенной квартире в карантине, и только после кончины отца переселилась к себе. Вполне естественно, что, проживая в карантине, Россет где-то там же разместил и типографию, которая, конечно, обслуживала и карантин. Потому-то в реестре 1811 г. она и числится за карантинной конторой. Оставшись без хозяина, да еще и на казенной площади, типография оказалась в тягость семье. А потому была спешно продана, хотя Россеты прожили в Одессе еще более трех лет».[41]

Покупка городом приватной типографии покойного Россета – отдельная история. Здесь же бросается в глаза вот что. При всем уважении к авторитетному краеведу и логичности его построений, с ними никак нельзя согласиться. Дело не в том, что Смирнова-Россет нигде не называет обиталище своего семейства в карантине казенной квартирой, а в том, что, будучи одесским домовладельцем, карантинный инспектор вообще не мог иметь такой квартиры! А «квартира» понадобилась бы изрядная. Не говоря уже о том, чтобы «где-то там», на дефицитнейшей казенной площади, помещать приносящую доход частную типографию. Такое даже в голову не могло прийти столь добросовестному чиновнику и человеку чести, каким был Россет.

Таким образом, он имел собственный приличный дом неподалеку от Карантина. Обнаруженная архивная информация убедительно демонстрирует, что так оно и было на самом деле. В литературе иногда упоминается находившийся на Приморском бульваре, в районе нынешней Думы (старой биржи), дом

(комплекс построек) надворной советницы Черновой[42], в котором как раз квартировали актеры Городского театра. Поэтому я и заподозрил: а не это ли искомый объект, и продала ли его Надежда Ивановна Россет после брака с небескорыстным Арнольди?

Именно так. 17 августа 1818 года в Строительный комитет было подано прошение помещицы полковницы (на самом деле – очевидно, подполковницы. – **О. Г.**) Александры Черновой. Она пишет, что приобрела с публичного торгу места «на Военном форштате в I квартале по смежности одесской портовой таможни», на которых желает произвести «постройку по плану», однако не имеет представления о точных мерах. Просит, чтобы городовой архитектор указал границы участка.[43] Здесь мы еще не видим имени прежнего владельца, которое появляется немного позже. 20 сентября 1820 года Чернова вновь повторяет свое прошение об указании ей архитектором границ местам. При этом она прямо сообщает *о приобретении в 1817 году с публичного торгу дома покойного коллежского советника Россети*. Время идет, границы никак не указывают, и она не может строиться. Прошение получено в Комитете 28 сентября, резолюции нет[44], однако мы располагаем подробным синхронным планом строений, означающим, что меры определены и узаконены.

На этом плане отмечено не только местоположение всех флигелей бывшего дома Россета в масштабе, но и контуры казарм некогда располагавшегося здесь «военного городка», театра и Театральной площади, прилегающих кварталов, таможенного здания (бывший дом Мещерского). Места Черновой занимают площадь не только нынешней Думы, но и Археологического музея.[45]

4 июля 1821 года коллежский советник Николай Даревский (директор Променной банковской конторы) по доверенности Черновой просил разрешения перекрыть крышу дома, доставшегося по купле от госпожи Россет. 29 июля Строительный комитет не нашел препятствий к этому, поскольку перекрываемые строения находятся «внутри двора», то есть никак не изменится облик фасада[46]. Исправления были произведены, и уже с осени 1821 года дом Черновой был снова нанят для жительства актеров, в данном случае солистов итальянской оперы, состоявших в труппе

Гульельмо Буонаволио. При этом назначена довольно высокая арендная плата, 3.300 рублей в год.[47] Впрочем, Чернова успела получить лишь две трети этой суммы, ибо «доход с того дому» был арестован «по предписаниям начальства»[48].

Почему возникли некие финансовые нестыковки? Чернова приобрела дом с публичного торгу, а не прямо из рук Надежды Ивановны Россет (Арнольди). Кроме того, известно, что эта недвижимость служила залогом по подрядам. Из этого можно заключить: дом назначили в продажу на погашение долгов подрядчика, и лишь часть суммы досталась владельцам. Но из дальнейшего хода дел видно, что Чернова сполна не рассчиталась с Россет-Арнольди. Судя по всему, они по-соседски и по-приятельски (как землевладельцы) заключили словесное соглашение, однако покупщица оказалась несостоятельной. Вокруг этого дома вообще наблюдается серия неких спекуляций, что видно, например, из определения его оценочной стоимости и арендной платы за наем. Так, при оценке для назначения налога с недвижимости в городскую казну проставлена сумма 25.000 рублей, а при синхронной продаже в Херсонском губернском правлении по претензии генерал-майорши Арнольди – лишь 8.150 рублей. Что-то маловато, учитывая упоминавшуюся гораздо ранее оценку – 15.500. На этих обстоятельствах стоит остановиться поподробнее.

13 августа 1824 года в Строительном комитете заслушивалось письмо градоначальника графа А.Д. Гурьева: «…по высочайше конфирмованному плану театральной площади и строительному около нее кварталу, назначенный на оном бульвар, оканчиваемый уже отдельно, должен быть продолжен до строений, в коих помещается теперь здешняя таможня, но сему препятствует дом надворной советницы (а это VII класс, равноценный подполковнику. – **О. Г.**) Черновой, состоящий на берегу моря. Сколько к исполнению высочайшей воли о устранении сего квартала согласно плану, столько и для открытия вида на море и окончания бульвара, помянутый дом должен быть сломан, и владелица вознаграждена за убытки».

Чернова объявила, что менее 25.000 рублей не возьмет. Однако этот самый дом по претензии генерал-майорши Арнольди описан и оценен в 8.150 руб., и в Херсонском губернском правлении

назначен в продажу с публичного торгу. Поэтому Гурьев решил, что выгоднее принять в торге участие, и просил Воронцова о дозволении. Воронцов одобрил резолюцией: «сделать Черновой вознаграждение такою ценою, какая будет последнею при аукционной продаже означенного дома». Для участия в торгах 4, 8 и 10 июля 1824-го был командирован надворный советник Францен (Николай Алексеевич, состоял при Гурьеве по особым поручениям). Он торговался наравне с прочими лицами, и 11 июля дом остался за ним при цене 9.625 рублей.

Однако тут возникло следующее осложнение. Комплекс принадлежавших Черновой строений приносил весьма солидный по тем временам доход – только за квартирование артистов 3.300 рублей в год. Не исключено, сдавались в аренду и другие помещения. По существовавшим же правилам, при таком раскладе назначенная на аукционной распродаже цена должна была быть соразмерна получаемой от недвижимости прибыли. «Поелику же сложность годовых доходов далеко превышает сию сумму, то от присутствия Херсонского губернского правления объявлено ему, что оно само собою утвердить ему (Францену. – **О. Г.**) продажи дому за 9.625 р. не может», о чем правление и уведомляет Гурьева. При этом чиновник еще и издержал на прогоны 86 руб. 40 коп., каковые ему положено вернуть.[49]

Из всех этих выкладок, между прочим, явствует, что во все время одесского пребывания Пушкина солисты итальянской оперы проживали в доме Черновой, бывшем Россет, фактически находившемся на тогдашней Театральной площади, в каком-нибудь квартале от дома Рено, где поэт обитал в так называемой Клубной гостинице.

Продолжаю тему возможности махинаций вокруг «нашего дома» материалами архивного дела 1826 года под заголовком «Для сведения о том, чтобы дом полковницы Черновой, нанимаемый ныне для театральной труппы, так как оный назначен в продажу с публичного торгу, впредь не нанимать». Резюме четко обозначено в указании Строительному комитету новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова от 1 февраля: «Комитетом сим нанимаем был дом полковницы Черновой для театральной труппы; дом, назначенный по высочайше утвержденному

плану города Одессы в сломку и находящийся в ветхом положении. По высокой цене, за которую нанимаем был тот дом, я имею некоторое сомнение, не скрывалось ли тут какое злоупотребление, но как бы то ни было, желаю, чтобы на будущее время помянутый дом не был нанимаем Комитетом ни для каких надобностей. Между тем как дом сей продается с публичного торга в здешнем Коммерческом суде, а по сделанному мною распоряжению должен участвовать в покупке оного для города и Комитет чрез своего чиновника; то я предлагаю отрядить для сего инспектора Якубовского с подробным наставлением действиям его, какие он обязан будет иметь при торгах на помянутый дом…».[50]

Коллежский советник Осип Андреевич Якубовский служил инспектором по канцелярии Комитета.[51] Что касается подозрений Воронцова в злоупотреблении, их нельзя совершенно исключать, однако и нечем подтвердить. 3.300 рублей в год действительно кажутся несколько завышенной арендной платой, однако лишь невооруженным глазом. Судите сами, когда наш герой (и антигерой) «полковник артиллерии Арнольди квартировал без двух дней месяц» у полковника Аркудинского, была назначена арендная плата из расчета 500 рублей в месяц. Это было через два года после продажи бывшего дома Россет, в августе-сентябре 1819 года.[52] Дома Аркудинского находились на Преображенской: один на месте Художественного училища имени Грекова, другой – на месте дома Дурьяна, на углу Херсонской. Известно, сколь дорого обходился наем домов для учреждений, чиновников, учебных и богоугодных заведений. Поэтому, учитывая, что в доме Черновой, несмотря на не особую презентабельность, имелось пять флигелей, высокая арендная плата вполне реальна. Хотя нельзя исключать и сговор хозяйки с импресарио и комитетским чиновником.

Эпопея завершилась лишь в 1828-м. 12 и 16 мая в «Одесском вестнике» опубликовано следующее официально сообщение: «От Одесской городской думы объявляется, что в оной будет продаваться дом городской, заключающий в себе пять флигелей, купленный у надворной советницы Черновой, состоящий в конце бульвара вблизи уездных присутственных мест, на сломку с очисткою места. Желающие купить сей дом на вышеизъявлен-

ном положении благоволят явиться в Думу к торгам 15-го, 16-го и 17-го чисел текущего месяца, назначенным с 9-го часа до 2-го пополудни. Мая 10-го дня 1828 года».[53] После ликвидации флигелей Черновой появилась возможность продолжить реализацию устройства Приморского бульвара, и в том же году началась история постройки здесь Старой биржи[54].

9.

Другой мемориальный и в целом любопытный объект, связанный с семейством Россет, Арнольди и многими видными историческими персонами, – хутор по дороге к Малому Фонтану. Мне есть о чем рассказать, поскольку и этой темой никто и никогда всерьез не занимался.

История отвода больших участков городской земли под садоводство в сказанном районе очерчена в отдельной публикации[55]. Здесь напомню только, что Осип Россет владел хутором не позднее 6 июня 1804 года. Как сообщает Александра Смирнова-Россет, семья ее покойного отца жила тут в теплый сезон до 1817 года. Далее Надежда Иванова Россет (урожденная Лорер) и ее второй муж, Арнольди, постепенно продали всю одесскую недвижимость, начиная с дома на будущем бульваре. Как оказалось, вдова Россет владела не только хутором по дороге к Малому Фонтану, но и другим, на Куяльнике. Земля здесь изначально была отведена небезызвестному Витторио Поджио, тот не стал ее обзаводить, и она перешла к Осипу Россету, вдова которого выполнила условия по озеленению, и 17 января 1816 года получила владельческие документы. На исходе 1819 года хутор перешел в собственность к еще одному известному историческому фигуранту, графу Петру Разумовскому[56].

Соседом Осипа Россета был купец Антон Феогности, а далее, в направлении Фонтана, находился хутор коммерции советника Жана Рено. Прелюдией к продаже первого послужила серия событий, начавшаяся переделом отведенной под все эти хутора земли. 11 июня 1817 года в комитетском журнале отмечено, что у Феогности недостает довольно значительного куска отмежеванной еще в 1804 году площади. Надо разобраться, за счет которого

из двух соседей – Россета или Рено ее компенсировать. Посему Городской думе поручили перемерить и уравнять участки.[57]

После замужества Н.И. Россет за Арнольди эта недвижимость находилась под контролем полиции в связи с секвестром по конкурсу, учрежденному над несостоятельным купцом Петром Лоде (приятелем и деловым партнером покойного Осипа Россета) – с тем чтобы за счет наилучшего использования улучшать положение малолетних детей покойного Россета, формальных владельцев этого имения. В фонде Одесского строительного комитета сохранилось весьма информативное архивное дело, во всех деталях воспроизводящее суету вокруг этой приморской дачи с немалым фруктовым садом и проч. Из него следует, что власти действительно стремились использовать территорию рационально, блюдя интересы наследников, и в то же время с пользой для города. Арнольди же более искал личной выгоды и в алчном намерении обогатиться за чужой счет готов был использовать любые средства, включая недостойные боевого офицера, дворянина и просто порядочного человека.

24 марта 1819 года ОСК сообщает городовому полицмейстеру С.С. Достаничу: «Некоторым образом известно Комитету, что по случаю наложенного на хутор умершего Россети, принадлежащий теперь вдове его, нынешней полковнице Арнольдовой, ареста, подлежит оный распоряжению полиции насчет приращения с сего имения доходов. В сем хуторе Комитет желает нанять дом для квартирования садовнику Десмету»[58]. Желание понятное, ибо этот видный французский ботаник прибыл к Ланжерону с рекомендательным письмом герцога Ришелье специально для устройства Казенного ботанического сада, обширная территория под каковой была отведена как раз напротив хутора Россет, по правую руку дороги к Малому Фонтану.

Так и поступили. Десмет занял хутор и тут же правильно переустроил запущенный сад и всю территорию. Это дало повод приехавшему в августе-сентябре Арнольди говорить о разорении хутора и чинимом ботаником произволе. Поскольку же город заинтересовался покупкой этой территории, постольку жалобщик начал неуемно набивать цену, требуя, помимо прочего, компенсации ущерба за якобы разорительные мероприятия Десмета.

Арнольди хотел получить 42 тысячи рублей за хутор и восемь тысяч «за разорение фруктового сада», итого 50.000. В перечислении убытков он нахален и абсурден.

Комитет в пух и прах разбивает все его сомнительные аргументы. Скажем, назначенная Арнольди помесячная плата 500 рублей аренды за пребывание Десмета «превосходит всякую меру цен», ибо никак не может быть соразмерной найму квартиры в центре города. Никакого разорения не причинено и одичавшему саду, как раз совсем наоборот: оный устроен теперь по всем правилам. Город завален фруктами, цена на которые мизерна, и при этом Арнольди нагло утверждает, что годовой доход от продажи плодов сада на хуторе Россет даже не в самые урожайные годы давал не менее 3.000 рублей. Он же утверждает, будто устройство хутора обошлось в 60.000 рублей, угрожает письмом к императору[59].

Таковое обращение действительно последовало, дело затянулось, монарх не вникал во все обстоятельства, верил на слово заслуженному воину, но велел во всем разобраться по инстанции. Ситуация осложнялась тем, что хутор находился в секвестре. В конце концов, 15 мая 1824 года в Херсонской палате гражданского суда была совершена купчая крепость, согласно которой владельцем хутора Россет стал двоюродный брат графа М.С. Воронцова, генерал-лейтенант Лев Александрович Нарышкин, известный персонаж региональной истории. При этом Н.И. Арнольди продала имение «от своего имени, а не от детей». Вся эта информация содержится в упомянутом архивном деле[60], где, кроме того, обнаружились крайне любопытные и ранее неизвестные данные о самом семействе Россет.

Оказывается, что когда Надежда Ивановна Лорер и Иосиф Россет были сговорены, но еще не в браке, Россет тяжело захворал. По случаю болезни он завещал все свое имение невесте и дочери Луизе (получается, от предыдущего брака Россета). Завещание это не было оформлено особым актом, а наподобие маклерской сделки, 22 апреля 1808 года записано в книге одесского городового маклера Ганслера при свидетелях – духовнике и маклере. После выздоровления брак был заключен «того ж 1808 года мая 25 дня», и они жили «по день смерти (Россета. – **О. Г.**) 10-го числа

декабря 1813 года». На 20 апреля 1826 года в числе «детей, живых от его рода остающихся», – Александра и ее братья.[61] Надо полагать, Луиза к тому времени тоже умерла.

Думаю, эти сведения заинтересуют и даже порадуют исследователей, в том числе пушкинистов.

10.

Однако мы далеко ушли от дома на семи ветрах, тогда как следующий этап его истории чрезвычайно интересен. Начало 1820-х годов ознаменовалось активизацией работ по городскому благоустройству и оформлению границ порто-франко. Строительный комитет заключил ряд серьезных подрядов по шоссированию, мощению, озеленению, дренированию и проч. Нарастала интенсивность гражданского и портового строительства, стали возводить первые каменные мосты, маяк на мысе Большой Фонтан. Обустраивался Приморский бульвар, ботанический сад, мостили важнейшие транспортные артерии – Херсонский, Карантинный, Ланжероновский спуски, осуществлялись гидрогеологические изыскания. В Одессе сконцентрировались военные инженеры, а с назначением графа М.С. Воронцова новороссийским генерал-губернатором и полномочным бессарабским наместником усилился приток более или менее высокопоставленных чиновников. Накатила новая волна дефицита приличных помещений для их размещения.

Еще граф А.Ф. Ланжерон на исходе своей «каденции», в марте 1822 года, постановил: дом наследников умершего иностранца Поцци, состоящий в Комитете в залоге, передать для помещения штаб- и обер-офицеров, платить за оный Комитету по 6.000 руб. в год. Это здание следовало сдать в ведомство Думы, а для Девичьего пансиона нанять дом надворной советницы Акацатовой. Коллежский советник Кирьяков – опекун над имением Акацатовой – по соглашению с прочими опекунами объявил цену, 5.000 руб. в год. Условия были приняты, контракт заключен на три года, и при этом предусматривались перестройки, в частности «нужное место» (то есть прозаический нужник). Согласно смете, составленной архитектором Ф.К. Боффо, предстояло

издержать 1.661 руб. 50 коп. на переоборудование этого дома и служб[62]. 18 апреля 1822 года директриса Одесского благородного девичьего института Любовь Шедевер (чрезмерно строгая, чтобы не сказать злобная, Эмилия Майе была все же уволена) доложила Комитету о том, что институт переместился из дома Поцци в дом Акацатовой 11 апреля.[63]

Где он находился и какое отношение имеет к нему Кирьяков? Дом и службы занимали два места на углу улиц Дворянской и Садовой, в тылу упоминавшегося дома Кирьякова, где, как уже отмечалось, институт размещался в середине 1800-х. Участки эти отведены помещику Ольвиопольского уезда надворному советнику (что соответствовало чину подполковника, в каковом качестве он также упоминается) Акацатову еще в 1804 году[64]. После его смерти часть недвижимости отошла вдове Аграфене Васильевне (этот сюжет нам тут без надобности), а другая – именно интересующие нас строения – дочери, коллежской советнице Марии Николаевне Кирьяковой, урожденной Акацатовой[65]. Теперь понятно, почему Кирьяков значится главным опекуном над ее имением. Весной 1824 года оценочная стоимость этого дома составляла 82.000 рублей, а дохода он давал уже не пять, а шесть тысяч рублей, то есть контракт о найме был пересмотрен и увеличен[66]. Тогда же «дом профессора Поцци» оценен в 35.000 рублей при той же доходности.[67]

Во время пребывания Пушкина в Одессе дом на семи ветрах продолжал находиться в ведении Строительного комитета, и в нем квартировали чиновники. Арнольди с супругой в Одессе давно не жили, а лишь периодически переоформляли контракт о найме в счет погашения взятой покойным Карлом Поззи ссуды. 5 мая 1823 года за ними оставалось еще задолженность 6.369 руб. 84 коп. Прибывшему в город «майору Арнольди» предложили на выбор: либо продлить контракт с Комитетом еще на 2,5 года на прежних условиях, либо немедленно вернуть упомянутую сумму[68]. Судя по всему, меморандум этот уже не застал майора в Одессе, ибо он не отозвался. А в комитетском журнале от 18 августа 1823 года сказано: «Между тем в сем доме квартируют чиновники канцелярии господина градоначальника и Комитета. Они имеют кухни, и потому непременно нужен за ними присмотр во охранение от пожара…». Кроме того, они «имеют лошадей,

и для них заготовляют сено в немалой пропорции…». Над домом витает опасность возгорания. Необходимо запретить чиновникам хранить пожароопасные запасы, решительно требовать бдения полиции, сторожей, трубочистов.[69]

К сожалению, мне пока не удалось проследить последний этап принадлежности «нашего дома» семейству Арнольди во всех деталях, однако это обстоятельство нисколько не путает карты. Из архивных оценочных ведомостей видно, что в 1824 году он остается за ними, используется по тому же назначению и на тех же условиях, то есть по умолчанию они были приняты домовладельцами. Следовательно, уже на 1 апреля 1824-го долг по ссуде составлял только 369 руб. 84 коп., и вскоре Арнольди стали получать живые деньги. Срок контракта на 2,5 года должен был истечь 1 октября 1825 года. Мы не знаем только, сразу же после этого они продали дом со службами и весь участок следующим владельцам или еще один раз продлили срок контракта.

По крайней мере очень похоже, что в мае 1831 года владельцем дома был небезызвестный Жан Рено[70], барон, крупный предприниматель, казначей Строительного комитета, владелец весьма солидной недвижимости в городе и за его пределами. Вскоре строения и места отошли протоиерею Нестору Святенкову[71], а затем его вдове[72], которая тоже отдавала его внаем по частям вкупе с различными служебными строениями[73]. Не позднее 1828 года Святенков «состоял на священнической вакансии при Одесском соборе», был выдающимся проповедником, очень много сделал для организации Дома призрения нищих при Старом кладбище[74]. Недвижимость священнослужителей и их вдов, согласно существовавшим правилам, освобождалась от уплаты налогов.

Дом на семи ветрах оставался во владении «протоиерейши Святенковой» довольно долго, до начала 1870-х[75], а затем перешел к хорошо известному в исторических анналах семейству Вейнберг[76]. Любопытно, что тогда же Городское девичье училище располагалось напротив, на углу Соборной площади и Гулевой[77], где ныне 121-я школа. Но это учебное заведение было рангом ниже, нежели обособленный Одесский институт благородных девиц. Впоследствии «наш дом» перешел к небезызвестному семейству Базили.[78]

11.

Подведем итоги. Первые престижные учебные заведения Одессы находились в пределах одного и того же квартала (кварталом тогда называлась вся территория, ограниченная четырьмя улицами, в данном случае Садовой, Дворянской, Коблевской и Соборной площадью), лишь меняя дислокацию – переходя из угла в угол, а то и занимая два угла синхронно. Дом на семи ветрах отмечен уникальным «мемориальным наполнением», в особенности на ранних этапах своего существования. Как благородный пансион он посещался всей элитой, включая городскую и краевую администрацию. В нем воспитывались представительницы многочисленных благородных фамилий города и региона. Как служебные квартиры генералитета и чиновников, а затем офис Одесского строительного комитета он сконцентрировал практически весь цвет юной Одессы, все пушкинское окружение. Невозможно предположить, что посещавший Собор и соседний дом Кирьяковых Пушкин мог миновать «Семь ветров», тем более что там обитала масса знакомцев. Вот лишь краткий перечень историческим персонажам, посещавшим его, служившим, квартировавшим, воспитывавшимся здесь. Ришелье, Рошешуар, Сен-При, Растиньяк, Кобле, Ланжерон, Трегубов, Гурьев, Инзов, Воронцов, Казначеев, Рибопьер, Сабанеев, аббат Николь, братья Фраполли, Ферстер, Потье, Боффо, Дигби, Круг, Шааль, Гаюи, Лехнер, Торичелли, Морозов, Рено, де Рибасы, Шостаки, Ризничи, Лучичи, Давыдовы, Орловы, Волконские, фон Том, Аркудинские, Кирьяковы, Андрияш, Акацатовы, Россеты, Лореры, Арнольди, Сикары, Бларамберги, Дембровские, Андросовы, Протасовы, Авчинниковы, Новиковы, Крамаревы, Амвросио, Инглези, Маразли, Фундуклей, Ралли, Кумбари, Коронелли, Кирико, Левенсоны, Скаржинские, Потоцкие, Нарышкины, Ржевуские, Сабанские, Лопухины, Римский-Корсаков и так далее и так далее. Девичий институт, несомненно, посещали и венценосные особы.

Офис Строительного комитета не могли обойти вниманием все, кто по крайней мере в первой половине 1820-х годов строил дома или промышленные заведения, обустраивал хутора, обращался за утраченными владельческими документами, участвовал в аукционных торгах по заключению подрядов, реализации

недвижимости, просто-напросто платил налог с недвижимости и проч. То есть здесь побывала, что называется, *вся Одесса*. Разве только правое полуциркульное здание на Приморском бульваре и Старая биржа (Дума) могут сравниться с «нашим домом» по наполняемости. Но оба этих объекта построены гораздо позднее, и не могут помнить одесситов первых генераций.

Полагаю, никакие ветра не могут окончательно истребить памяти, если не нашей конкретно, то интегральной, общечеловеческой. Даже на сильно продуваемом месте. И с этим утешительным тезисом – вперед по жизни!

Примечания

[1] ОГИКМ, инв. № К-600.

[2] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 621.

[3] ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 15. – 71 л.

[4] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 622.

[5] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 16; К.Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 151.

[6] Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: Наука, 1989, с. 193.

[7] ОГИКМ, инв. № К-602.

[8] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 362.

[9] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 188.

[10] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 52, 153, 210, 273, 301.

[11] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 191.

[12] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 139.

[13] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 625.

[14] Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с 305.

[15] ГАОО ф. 59 оп. 1, д. 96, л. 473-496.

[16] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 147.

[17] Там же, ф 2 оп. 5, д. 264, л. 136, 208 об. – 209; ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 441-442, 578-579; д. 96, л. 473-496.

[18] Там же, ф. 59 оп. 1, д. 75, л. 57-60; д. 96, л. 473-496.

[19] Там же, ф. 2 оп. 5, д. 265, л. 157.

[20] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 625; Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 306.

[21] ГАОО ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 126, 431.

[22] Там же, л. 444.

[23] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 223.

[24] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 550-551.

[25] Там же, л. 532.

[26] Там же, л. 531.

[27] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 703.

[28] Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 299.

[29] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 531.

[30] Ю.Н. Гуляев. Братья Арнольди в войне 1812-1814 гг. – Музей-панорама «Бородинская битва»: Материалы II научной конференции. – Москва, 29 апреля 1999.

[31] ГАОО, ф. 44 оп. 1, д. 15, л. 36 об.

[32] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 703.

[33] ГАОО, ф. 1, оп. 171, д. 22.

[34] А.О. Смирнова-Россет. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989.

[35] Там же.

[36] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 294-299; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 420, 523.

[37] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 180-181.

[38] ОГИКМ, инв. № К-602; Plan de la ville d'Odessa. – 1814.

[39] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266.

[40] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 222-223.

[41] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 108.

[42] Там же, с. 35.

[43] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 304.

[44] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 359-360.

[45] ОГИКМ, инв. № К-436.

[46] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 630-631.

[47] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 270.

[48] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 282, л. 421-422.

[49] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 328, 329, 330, 331. 332.

[50] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 420, л. 2.

[51] Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1826 год.

[52] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 255.

[53] Одесский вестник, 1828, 12 и 16 мая, № 38 и 39.

[54] ГАОО, ф. 59, оп. 1а, д. 46. – В пяти томах.

[55] Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте градостроительства Одессы. Хутора (Дачи). – Дерибасовская – Ришельевская. – Кн. 50. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 6-31.

[56] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 481.

[57] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 448-449.

[58] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 13, л. 1.

[59] Там же, л. 2, 4, 6, 11-12. 14, 15-18, 19-22, 23.

[60] Там же, л. 43-44, 55, 59.

[61] Там же, л. 55, 56 об. – 57 об.

[62] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 271-272.

[63] Там же, л. 278-279.

[64] Там же, ф. 59, оп. 1 д. 4, л. 161-162; д. 164, л. 976.

[65] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 975, 977-979.

[66] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215.

[67] Там же.

[68] Там же, ф. 2, оп 5, д. 283, л. 535-537.

[69] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 281-282.

[70] Одесский вестник, 1831, 6 мая, № 36.

[71] ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942.

[72] Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 35.

[73] Одесский вестник, 1844, 24 июня, № 51.

[74] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 219, 220. 221, 222, 296.

[75] ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 35-36.

[76] К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 59, 60; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 440, 576.

[77] Там же, с. 59.

[78] В.И. Фельдберг. Вся Одесса. – Одесса, 1899, с. 33; Вся Одесса на 1911 год, ч. 4, ст. 100.

Александр Бабич

В апреле 1913-го

Из рапортов Одесского сыскного отделения

«Ничто не ново под луной!» Профессионально занимаясь историей, постоянно вспоминаешь эту знаменитую фразу. И вот снова задумался об исторических повторах, прорабатывая архив Одесского сыскного отделения.

Помимо профессионального интереса экс-милиционера пытаюсь сквозь строки ежедневных рапортов полицейских приставов «с ведомостями о происшествиях в городе Одессе» понять и ощутить атмосферу города сто лет назад. Ритм его жизни, качества обывателей, предметы, которые их окружали, события, которые их волновали… Чтоб и наш читатель мог вкусить эту атмосферу, возьмем один «заурядный» месяц и пройдем его максимально тщательно. (Выбор совершенно случайный. Поверьте, в остальных отработанных папках этого архивного фонда* примерно такая же картина. – **Прим. авт.**)

Пусть это будет апрель 1913 года – мирного, относительно спокойного периода жизни страны и нашего города. Вот и полистаем толстую, в 400 с лишним листов папку с ежедневными докладами всех приставов (теперь бы мы их назвали начальниками райотделов милиции) начальнику Одесского сыскного отделения.** Тут учтено все – от ДТП с участием биндюжников и трамвая до самоубийств с участием гимназистов…

Первый вывод, который напрашивается сразу: «А вообще-то, мало что поменялось!». Нет, ну предметы краж, профессии, некоторые обстоятельства жизни горожан – да, а остальное все – как и прежде. Мы сегодня устали от ежедневной «криминальной

* Государственный архив Одесской области (ГАОО), фонд 314.

** ГАОО, ф. 314, оп. 2, д. 24.

хроники» и «чрезвычайных новостей» на ТВ и думаем, что живем в сумасшедшем времени. На самом деле наши предки переживали примерно то же самое…

Чтоб придать исследованию какую-то логику, происшествия будут систематизированы не хронологически – напомню, это все апрель 1913 г., а по их видам.

Итак, приступим!

Самоубийства.

Как ни странно, но это самое регулярное происшествие в Одессе в ту пору. В городе могло не произойти ни одной серьезной кражи за день, но при этом обязательно кто-то вешался, стрелялся или употреблял вовнутрь какую-нибудь отраву. Лишь три дня в апреле – 19, 26 и 28 числа – не зарегистрировано попыток суицида. (И в остальных месяцах 1913 года примерно такая же скорбная статистика.) Кошмар! Декаданс, господа! Да-с! Упадничество…

Нарочно перечислю все, чтоб осознать «масштаб бедствия».

2 апреля в гостинице «Франция» (Дерибасовская, 31) застрелился из револьвера Ехуссель-Зельман Иосифов Галицкий.

3 апреля в Коммерческой гостинице (Нежинская, 77) остановившиеся в одном номере курский мещанин Иван Овечкин и турецкоподданная Сима Цалаути 18-ти лет, покушаясь на самоубийство, выпили серной кислоты с примесью нашатырного спирта. В бессознательном состоянии оба доставлены в городскую больницу. «Причина не знаемо».

На следующий день в д. 27 Среднефонтанской дор. нашатыря выпила Вера Берзина.

6.IV.1913 г. в квартиру Моисея Цулторина явился Петр Лаврентьев. Во время «крупного разговора» со своей женой, которая «служила у Цулторина», Петька нанес удар ножом в спину супруге и тут же вонзил нож себе в грудь. Скончался он на месте. Елена Цулторина «доставлена в городскую больницу в состоянии удовлетворительном».

8 августа на Старом христианском кладбище у одной из могил покончила собой, выпив кислоту, вдова надворного советника Елена Гавриловна Троцинская 42-х лет.

В этот же день напротив Андросовской гавани бросился под поезд неизвестный мужчина. «По виду разнорабочий». Поезд перерезал самоубийцу пополам.

9 апреля рабочий каменоломен при железнодорожном поселке Игнат Головский подошел к колодцу, откуда поднимался камень (глубиной 15 сажен), и, крикнув «…», бросился вниз. (Что крикнул Головский, мы уже не узнаем никогда, потому что он разбился насмерть, а лист с этим докладом сшит в архиве так, что фраза оказалась не читаема. – **Прим. авт.**)

10-го прямо на углу Новорыбной и Старопортофранковской отравился неизвестный.

11 апреля на Стрельбищном поле около хутора Новикова в канаве был обнаружен отравившийся ученик авиационной школы. На левой руке была обнаружена надпись: «Сильно измучился и решил умереть».

В тот же день Бронислав Адольфович Скиндер пытался повеситься на крюке от лампы в д. 18 на Дерибасовской. (Я бы сам повесился с таким именем. – **Прим. авт.**) «Но был вовремя замечен и отправлен в больницу».

И в этот же час на Троицкой, 3, в левую часть груди себе пальнул из револьвера «Бульдог» Григорий Кутасевич. Успешно…

6.IV.1913 г. около 10 часов утра в Александровском парке отравился нашатырным спиртом мещанин Ефим Давидов Гиверц 22-х лет. Доставлен в удовлетворительном состоянии в городскую больницу. А на Старо-Базарной площади молодой человек, назвавшийся Сергеем Кислинским, принял прилюдно дозу яда. Карета «скорой помощи» увезла его в ту же лечебницу.

13 число оправдывает свою дурную славу – сразу 4 эпизода:

– В доме Шулера под Жеваховой горой отравился нашатырным спиртом 18-летний Федор Шуляк. Состояние удовлетворительное.

– В ресторане «Волако» (???) (неразборчиво. – **Прим. авт.**) на Алексеевской площади отравился Арсентий Меличенко. Сам или ресторан помог, из рапорта пристава не ясно. Но в «тяжелейшем состоянии» доставлен в старую городскую больницу.

– «Около 9 часов вечера на Московской улице Иван Борчанов с целью самоотравления принял уксусной эссенции. Доставлен каретой «скорой помощи» в Городскую больницу».

– На лестнице, ведущей с Приморской улицы на Торговую, отравилась нашатырным спиртом Матрена Древякова 30 лет. Отправлена в старую больницу.

14.04. Абрам Кларнетон принял какой-то яд, «отчего впал в бессознательное состояние».

А в 3 часа дня в саду Юлиуса выстрелил себе в грудь из револьвера системы Наган стрелок 6 роты 14 стрелкового полка Тимофей Ярмолович (24 лет). Ранил себя и доставлен в больницу. «Причина попытки самоубийства – частые истязания поручика Ващенко, у которого он состоял денщиком».

15.04. На Александровском проспекте против дома № 1 повесился неизвестный.

16.04. Выпила карболовую кислоту 20-летняя Ксения Филипповна Евтушенко. «Причина – неудачная любовь с солдатом».

17-е было такое же «результативное», как и 13-е:

– Из-за ссоры с мужем пыталась отравиться карболовой кислотой Мария Адамовна Никулина 23 лет. Это на Болгарской, 57.

– В Александровском парке отравился раствором серы Соломон Вайнберг 20 лет.

– На Ланжероне вечером отравился нашатырным спиртом Абрам Любич 12 лет. «Состояние удовлетворительное».

– В квартире родителей – на Греческой улице, выпил незначительную дозу нашатырного спирта рядовой 14 стрелкового полка Леонтий Зубришин. «Состояние удовлетворительное».

18.IV.1913 г. Абрам Пинхусов Любич 19 лет на Ланжероне, будучи пьяным, выпил нашатырного спирта. Доставлен в Городскую больницу.

В тот же день «самоотравление нашатырным спиртом совершила Хайкина Сура-Рейзв Ицкова 27 лет. Иудейского вероисповедания» (д. № 53 по Пушкинской ул.).

19.04. Ни одного самоубийства!

20.04. Ирина Жарикова 18 лет выпила нашатырный спирт, и самостоятельно тем же и в тот же день еще отравилась Зинаида Белинская 17 лет (Московская, 17). «Первая помощь оказана».

21.04. Некто Татьяна Турович приняла мышьяк. Доставлена в Городскую больницу.

На Старом христианском кладбище дворником дома № 12 по Болгарской улице был обнаружен висевший на дереве труп Василия Старикова.

22. 04:

– Аграфена Норенко 16 лет «с целью самоубийства приняла незначительную дозу уксусной эссенции. Причина – подозрение ее в краже 10 руб. у ее хозяйки». Доставлена в больницу.

– Дмитрий Мокроус повесился в своей квартире (Михайловская площадь, д. 21). Но был замечен женой и «извлечен из петли».

– «Галуст Оганесов Галуснян (53-х лет), покушаясь на самоубийство, сделал себе ножом большую рану в левый бок. Доставлен в больницу. Состояние здоровья не удовлетворительное».

23.04. В своей квартире повесилась Ефросинья Глобаева – 26 лет. При ней была найдена записка: «Нет больше сил мучиться и страдать». В этот же день в Каретном переулке в д. 17 покончил собой, выстрелив в висок, преподаватель 1-го Казенного реального училища статский советник С.Е. Базилевич (37 лет). «Причина – болен туберкулезом».

25.04. «Сего числа около ресторана в Александровском парке мещанин Анастас Бевзюк покушался на самоубийство, выпив сулимы».

А еще нашатырным спиртом отравилась Евгения Гетман 26 лет. «Доставлена в больницу в состоянии удовлетворительном».

26-го снова никого!

27.04. Найдена на Куликовом поле со стороны трамвая отравившаяся Личина Ефросинья.

28.IV.1913 г.:

– «В Александровском парке, покушаясь на самоубийство, выпил йоду Евгений Палацет 15 лет. Доставлен в больницу. Состояние неопределенное».

– «Вечером в Андросовской гавани с целью покончить с жизнью бросилась в море англійскоподданая Лера Куртис. Причина поступка – болезнь и нервное расстройство. Однако это заметили матросы Кирилл Геюнза и Александр Батошеин. Они спасли девушку и доставили домой».

– Застрелился из револьвера Федор Шевченко.

30.04. В 8 часов утра застрелился из браунинга на Николаевском бульваре неизвестный мужчина лет 35-ти.

Вот такая мрачная хроника. Немудрено, что городские власти в какой-то момент обеспокоились этим страшным явлением и даже выпустили брошюру по профилактике самоубийств.

Еще одним жутким явлением жизни города в ту пору было избавление от нежелательных новорожденных.

За месяц таких страшных находок было пять: на Алексеевской площади, на Куликовом поле «со стороны трамвая», на Старосенной площади, в садике на Итальянском бульваре и на Степовой улице. Как пример одного такого факта можно привести следующий рапорт: «Проживающий в доме № 10 по Степовой улице дворник Лука Матковский заявил, что прислуга его (вот уж не думал, что у дворника могла быть прислуга. – **Прим. авт.**) Елеонора Иустиновна Матусевич (40 лет) заболела и ушла в больницу, а сего числа в помещении кухни под шкафом он обнаружил трупик выкидыша, спрятанный туда Матусевич. Дознание производится».

Все трупики мертвых младенцев обязательно отправлялись в Анатомический покой университета.

Теперь сделаем срез остальных преступлений, которыми была насыщена тогдашняя одесская жизнь.

Если говорить о кражах, то стоит выделить типовые кражи: карманные и квартирные. Последние, в свою очередь, полиция делила на: «со взломом», «подбором ключа «в отсутствие», «через незакрытое окно». Что касается карманных краж, то эти фиксировались одесской полицией едва ли не каждый день.

«Ничто не ново под луной…» Крали все, что плохо лежало, а чаще то, что лежало очень даже хорошо: носильные вещи, часы, золотые украшения, посуду, постельное белье, ботинки, лошадей… Все перечислить в одной статье невозможно, потому приведу только самые яркие примеры.

«Ночью, проломив стену соляной мельницы Квартирникова и Тимченко (Московская, 140), были выкрадены два кожаных паса (стоимостью 200 рублей) и железная наковальня (80 руб.)». Как же они ее унесли? Тяжелая, поди, за такие деньги! И через день у Лехтмана Дувида Лейзевова со двора ночью украли кузнечный горн. Еврей-кузнец – для Одессы это нормально. Но кража горна!

13 апреля в доме № 103 по Балковской улице Иван Антонов 24 лет украл 4 пуда каната. Здоровый хлопец был задержан при попытке убежать с краденым.

Вот еще пара «тяжеловесов» в рапортах всплывают:

«Уведомляю сыскное отделение, что постовой городовой № 992 Уманец на Приморской улице против дома № 97 заметил, что неизвестный ему человек нес ящик, а когда окликнул «остановись», то неизвестный бросил ящик и сам скорее скрылся. В ящике оказались гвозди около 2 пудов веса, и кому принадлежат они, не знает.

Пристав портового полицейского участка. Подпись неразборчива».

«На Мясоедовской улице были задержаны Дувид Ицков Безпрозванный 19 лет и Иойхель Абрамов Меламед 19 лет с куском брезента стоимостью до 20 руб., способ приобретения которого они назвать не смогли».

Дальше уже полегче, но не менее занимательно.

На Екатерининской против дома № 32 из ридикюля греческоподданной Севасрены Антопопуло (я понимаю, где Ильф брал имена своим персонажам. – **Прим. авт.**) неизвестный мальчик похитил кошелек с деньгами и три золотых зуба (!).

4 апреля наконец-то был задержан «помощник буфетчика С.-Петербургской гостиницы на Николаевском бульваре Егор Орлов за систематическую кражу коньяку из погреба гостиницы». «Систематическая» доза краж в рапорте не указана.

В тот же день на Тираспольской, 34, «Ицык Заславский угнал у Иссера Мошкова Левентона биндюгу с парой лошадей, нагруженную мукой. Преступник не обнаружен». Но уже известен! К слову сказать, за весь месяц краж лошадей было всего 5 эпизодов. Теперь угонов авто намного больше.

Продолжим… На Костецкой, 6, Михаил Бунялыкин украл железный лом. «Но был замечен дворником Николаем Себовым».

В этот же день еще один «лузер» попался: некто Иосиф Петрицкий попытался украсть из лавки Розы Мордковны Гендельман плетеную корзину. «Злодей был задержан с поличным». Ура!

Из корсетного магазина Фани Шнайдер (Екатерининская, 27) ночью было украдено шелковой материи и корсетных принадлежностей на 300 руб. Гламурненько как!

Во время сна в гостинице «Трансвааль» (Колодезный переулок) у крестьянина Константина Небоиса было украдено 15 р. 20 коп. «В содеянном он подозревает проститутку Анну Ивановну Шлык, по уличной кличке Когут». Тут чудесно все: фамилия и кличка девушки, крестьянин, гостиница…

У Радиной Марии прямо в церкви Кожевников Семен вытащил кошелек с 37 копейками. Ничего святого, вот же сволочь мелочная!

И в этот же день на Базарной, 37, из квартиры Герц Сося-Мася (?) выкрали «разных золотых и брильянтовых вещей на сумму 8800 рублей (!)»

А вот разнообразные кражи белья:

– Украдено белье, предназначенное в стирку, на сумму в 64 рубля.

– У Сруля Маргулиса было крадено со двора мокрое белье на 54 рубля.

– У Меланьи Позняковой мокрого белья на 10 рублей с чердака.

– У Фоменко Григория, дворника дома № 13 по Божакиной улице, украли: одни кальсоны, 2 женских рубахи, один розовый лифчик, 1 красную и одну синюю рубаху и 3 пары «старых рваных брюк». Ну просто кража века! Вор Айзек Брантман был задержан.

8 апреля были задержаны крестьяне Лука Романюк и Андрей Родионов при попытке украсть «городской камень-лаву». Ну и подумаешь! И в XXI веке крадут, правда, целыми улицами.

Крестьянин Ефим Москаленко украл у Щербакова Сергея ботинки. Поносить он их не успел, потому что сразу был задержан околоточным надзирателем Антоном Хилем. Интересно, он певцу Хилю дедушкой не приходился?

А вот у Тихона Иванова (без места жительства) украли и ботинки, и пальто. Но сыскное отделение их тут же взялось искать. Не думаю, что сегодня милиция ринется на поиски, если у бомжа ботинки сопрут…

И вот снова о ботинках: У Инкина Михаила с Балковской улицы «украли с ног ботинки» ценой в 5 руб. Задержан Завьялов Иван.

На Новом базаре Дмитрий Васильев подобрал ключи к рундуку мещанки Хаи-Суры Шулимовой Вайнблюм и выкрал 12 пар ботинок и 18 пар туфель. Вор задержан.

«В ночь на 11 апреля неизвестные злоумышленники проломили каменную стену в доме 21 по Торговой улице, где располагался обувной магазин Исаака Каменецкого, и попытались вынести оттуда 6 мешков обуви на сумму 200 руб. Но, видимо, им кто-то помешал, потому что преступники скрылись, не забрав ничего».

Не везло владельцам ботинок, но еще больше не фартило тем, кто пытался ботинки украсть. Почти все попытки были безрезультатными.

А велосипеды тогда крали, как сейчас. Вот у Леонида Григорьевича Перепелицина (Александровская ул., 35) украли железного коня. Велосипед заявителем оценен в 185 руб. Ого, тогда они стоили! Вор задержан. А уже на следующий день житель Полицейской улицы Вильгельм Клюх обнаружил свой пропавший месяц назад велосипед у Шимона Бубиса. «Дознание производится».

На Привозе некий Яков Колбаско украл 1 окорок (2,50 руб.), но тут же был задержан. С его фамилией зариться на колбасу надо, а не на окорока.

В доме 80 по Большой Арнаутской из магазина Арона Хаимовича Вильнера вор Мордко Дусман украл разных кошельков на сумму 55 рублей 90 коп. Не наполнит он их деньгами – задержан был сразу.

На той же Большой Арнаутской у Мошко Гершгорна Абрам Дегтяр корзину апельсинов украл. 2 руб. 40 коп. убытка причинил.

«Задержан известный воришка Алексей Козарь с мешком чищеных китайских орешков весом 1 пуд 31 ф., стоящих до 10 руб. 65 коп. Неизвестно где похищенных».

«У Осадченко Степана украдена из дома птичка кенар, часы-будильник, 6 штук салфеток и золотые серьги». Птичку жалко. Хотя на Староконку снесли, поди, и продали.

В толпе на Куликовом поле у коллежского асессора Григория Яковца кто-то вытянул из кармана серебряные часы (20 руб.) и золотой жетон с надписью: «Сослуживцы Либавской таможни Г.О. Яковцу» (60 руб.). А подарки у таможенников за 100 лет и не поменялись вовсе!

Грабежи тоже были частым явлением, и «с применением оружия, и «группой лиц». Интересно, что даже топография улиц не сильно поменялась: рекордсменами в этом виде «вечерних развлечений» были Балковская и Приморская улицы.

Наряду с кражами и грабежами сыскное вело учет и всяческим несчастным случаям. Вот несколько примеров:

– Рабочий парового подъемного крана Яков Черепаха упал с крана. Доставлен в больницу Красного Креста.

– На голову помощника кладовщика хозчасти РОПиТ Юлиана Бачевского упал иллюминатор весом 1 пуд 30 фунтов. «С поражением головы он доставлен в фабричную больницу Красного Креста».

– «В доме № 82 по Болгарской улице во дворе с находившимся там неким Иваном Матушенко (ночлежник приюта, Польский спуск, 12) приключился обморок. Врачи вызванной кареты «скорой помощи» констатировали в нем истощение от голода и выдали ему два билета на бесплатный обед».

– «В доме № 15 по Московской улице скончался дворянин Спиридон Фомич Бржозовский 75 лет. По профессии владелец буфета сельтерской воды». Интересно, не его ли родственник построил «Шахский дворец»?

Несколько неординарных ДТП.

«На Старосенной площади трамвай наскочил на мальчика-разносчика и передней частью вагона выбил ему несколько зубов (!). Николай Накриничный доставлен в городскую больницу». Железный мальчик!

«Трамвай, шедший по Б. Арнаутской к Ришельевской, у дома № 73 наскочил на биндюгу Менделя Клейнера. Пострадала от осколков лошадь».

Извозчик Ахмет Урман наехал на Болгарской улице на двухлетнюю девочку Фрейду Канторович и причинил ей перелом левой руки. Девочка доставлена в Еврейскую больницу. А у дома № 159 на Московской улице фургон Григория Зражука сшиб проходившего через мостовую малолетнего Пинхуса Моисеева Копельмана, причинив ему ушибы тела. Копельман доставлен в больницу.

Драки, выяснения отношений и прочее «Пусть говорят!»:

У ворот Старого кладбища подрались два официанта ресторана Соскова (Пантелеймоновская, 75) – Карагодин и Пыненков. Победил Пыненков. Карагодин, падая, ударился головой об камень и, не приходя в чувство, скончался в карете «скорой помощи».

На Ярмарочной площади произошла драка с поножовщиной. (Я там в 80-90-е лет 7 прожил, там это обычное дело. – **Прим. авт.**). «Владимир Козел нанес несколько ударов ножом Илье Дунаеву». Ну не козел был этот Козел?

На Новом молу кочегар кочегара порезал. Тот, что с парохода «Николай», – Иван Присяжнюк, находясь в сильно пьяном виде, нанес удар ножом в голову тому, что с парохода «Черномор», Никону Горбану. А потом зачем-то тем же ножом поранил легко себе руки. Оба были доставлены в больницу.

«Крестьянин Иван Федошковский подрезал своего брата Алексея на Ливадной, 22. Пострадавший доставлен в Новую больницу».

29 апреля около 9 часов вечера в доме № 17 по Золоторевской улице в квартире Христины Работниковой (по первому мужу Козаковой) произошла ссора, во время которой ее сын Иван Козаков (18 лет) нанес ножом три глубоких раны ее сожителю Ивану Бугаю. По дороге в больницу Бугай скончался. Иван Козак явился сам в полицейское отделение и заявил о совершении преступления.

Покушение на изнасилование. И такое было частым делом одесской жизни 1913-го.

«В доме Вартанова по Пишениной улице два молодых человека, живущие там же, и дворник дома попытались изнасиловать Данченко Марию 15 лет».

Еще одна 15-летняя жертва – некая Мария Мунтян, на которую «возле кладбища Кривой Балки набросилось 20 человек, которые ее затащили в скалы и совершили гнусное насилие. Из насильников Мунтян троих опознала. Один уже задержан».

Покушение на растление 3-летней дочери Феодозенко Ивана Лукьяновича, Московская, 163. Ее заманил к себе в квартиру Лука Калиниченко, киевский мещанин. Калиниченко задержан и ведется дознание. Это тоже случай не единичный в том месяце. Буквально за день до этого в Михайловский полицейский участок Аграфена Гетман доставила крестьянина Василия Гончарука и заявила, что он пытался растлить 3-летнюю дочь жилицы их дома Пелагеи Гоконовой. Сыскное взялось производить дознание.

Рапорта приставов, несмотря на свое яркое содержание, были формализованы, разбиты на необходимые колонки и достаточно сухи по форме. Регулярно выделялись только доклады пристава Александровского участка – это детективные рассказы с эмоциями и красками. Ах, как жаль, что пока не установлено его имя! Вот их примеры:

«16 апреля около 4 часов дня содержатель тира на Куликовом поле аккерманский мещанин Киракор Артемов Куроноглу, 41 года, зашел в тир своего соседа Александра Залинского на Куликовом поле и, разговаривая с Залинским, стоял за стойкою, возле нее. В это время неизвестный подросток, подойдя к стойке, взял заряженный монте-кристо и, нечаянно задев курок, произвел выстрел, причем пуля попала в Куроноглу в область живота. Неизвестный, ранивший Куроноглу, скрылся. Потерпевший направлен в Евангелическую больницу. Пуля не извлечена. Состояние здоровья хорошее. Дознание производит надзиратель Куликовский (!)» На Куликовом поле с такой фамилией! Случайно ли?

«Около пяти часов дня итальянскоподданная Христина Ивановна Франческини, живущая на Базарной улице в доме № 24, пришла в галантерейный магазин в доме № 36 по Канатной улице, а за ней туда же вошел ее муж Иженио-Евгений Августов, с которым она не живет вместе более года. В магазине муж бросился к ней с обнаженной бритвой и нанес ею жене удар в левую щеку, причинив незначительную рану. Спасаясь, Христина Франческини выбежала из магазина и вбежала во двор дома № 34 по Канатной, где, споткнувшись, упала. Гнавшийся муж настиг ее, навалился на упавшую своим телом и стал бритвой наносить жене удары по шее. Подоспевшими прохожими он был обезоружен и задержан, успев причинить жене две раны на шее и одну на левой руке. Каретой «скорой помощи» пострадавшая отправлена была в Старую больницу, откуда по оказании помощи вернулась домой. Здоровье удовлетворительное. Иженио Франческини задержан при участке».

«16 апреля около 5½ часов вечера в балаган Михаила Сологуба на Куликовом поле пришли в нетрезвом виде рядовой жандармской команды Павел Щербинин и неизвестный млад-

ший унтер-офицер той же команды. Владелец балагана как пьяных не хотел их впускать на зрелища, но жандармы, обнажив шашки (чем они отличались от наших нынешних стражей порядка? Ну, у наших шашек нет! – **Прим. авт.**), очистили себе проход и, войдя в балаган, позволяли себе бесчинства, вызвавшие обращение администрации балагана к содействию дежурных чинов полиции. На место случая были командированы околоточные надзиратели Пересыпского участка Змиевский, Шпаковский и Александровского участка Сярчинский. Жандармам было предложено следовать в участок для составления протокола. Когда вышли из балагана и вошли в толпу, то унтер-офицер, обнажив шашку, сделал ею удар, направляя его в голову надзирателя Сярчинского, который успел отклониться от него и избегнуть опасность. Примеру унтер-офицера последовал и рядовой Щербинин, обнаживший шашку, и оба они, размахивая шашками, очищая путь, бросились бежать, чтобы скрыться. Тогда надзиратель Шпаковский, чтобы устрашить их, произвел три выстрела в воздух. Когда жандармы бросились бежать, то городовой Пересыпского уч. Кваш хотел было задержать Щербинина, но он нанес ему удар шашкой по правой руке, поранив ему указательный палец. Унтер-офицер успел скрыться, а рядовой Щербинин был задержан и отправлен под конвоем в свою часть. Дознание производит пом. пристава Винцковский».

Чудесно, правда? Страсти кипели в строках рапорта.

Но в целом жизнь Одессы апреля 1913-го назвать тихой было сложно. Кражи, грабежи, самоубийства, изнасилования. Както даже грустно стало, когда долистывал эту папку. Хотелось какого-то хеппи-энда. И последний лист сам все сделал. Последним рапортом уже в ночь на 1 мая от пристава портового участка была такая запись: «Около 3 часов ночи сего 1 мая на Военном спуске против дома № 16 по водосточной трубе спустился черный медведь и стал бросаться на прохожих, почему был убит несколькими выстрелами из револьверов надзирателя Шаликашвили и городового Погребняка и Уманцева. Убран конторой по уборке животных. Медведь был…» А вот откуда появился

медведь на улице Одессы, мы уже не узнаем, потому что это был последний лист папки, и приклеен он был к обложке каким-то архивариусом намертво, а потому окончание рапорта добросовестного пристава Портового полицейского участка сгинуло под слоем казеинового клея.

Нескучной была жизнь Одессы в апреле девятьсот тринадцатого. Даже медведи по улицам ходили!

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Грампластинки в старой Одессе

Наше детство в густонаселенных одесских коммунальных квартирах проходило под музыку проигрывателей. Мы слушали пластинки с записями классической музыки, советской эстрады, оперетт и т. д. Пока в нашей жизни не появились телевизоры, радио и пластинки были главным развлечением.

Первые предшественники проигрывателей – «говорящие машины» – появились в развитых странах во второй половине XIX века. Это были поначалу фонографы, позже – быстро получившие широкое распространение граммофоны с пружинным приводом и огромным рупором, усиливающим слабые колебания движущейся по пластинке стальной иглы.

С тех пор в течение всего XX века граммофонный диск – грампластинка – оставался основным источником «консервированной» звуковой информации в быту. Идея записи информации на плоском носителе по спиральной дорожке, предложенная талантливым изобретателем и предпринимателем Эмилем Берлинером еще в 1888 году, оказалась столь плодотворной (в силу компактности и простоты тиражирования записей), что находит и поныне применение в современных цифровых устройствах записи-считывания информации (CD-Audio, CD-ROM, DVD и пр.).

На рубеже XIX и XX веков в мире работали несколько граммофонных гигантов, производящих грампластинки и граммофоны: «Columbia Records» (Колумбия – округ в США, где начиналось производство граммофонов), «Zonophone», «Pathé» и др. Многие российские, как правило, небольшие, граммофонные фабрики были филиалами этих заграничных концернов: «Amour Gramophone Record» русско-американского акционерного общества

«Граммофон» с фабрикой в Риге («Пишущий амур»), братьев Пате («Pathé»), «Метрополь Рекордс» (Апрелевка) и др.

В качестве фирменных знаков (торговых марок, trade mark), призванных защищать продукцию от подделок, использовались, как правило, сентиментальные картинки с ангелочками, амурами, русалками, лирами и т. д. Логотипом фирмы «Columbia Records» были две магические ноты («Magic Notes»), немецкие фирмы с филиалом в Польше «Фаворит-рекорд» и «Стелла-рекорд» использовали в этом качестве звезду.

Английская фирма «His Master's Voice» («Голос его хозяина») в качестве логотипа и названия применила картину английского художника Фрэнсиса Барро, на которой любимая собачка художника как бы прислушивается к граммофонной трубе. Граммофон этой фирмы описал наш земляк писатель Валентин Катаев, увидев его в начале XX века в доме богатого родственника. «Граммофон этот был дорогой, заграничный, не похожий на те сравнительно дешевые рыночные граммофоны с размалеванной широкой трубой, напоминающий какой-то фантастически увеличенный цветок типа петунии. Труба граммофона была длинная, узкая, никелированная и держалась на специальной, довольно сложной подставке, а сам ящик был из тяжелого красного дерева, и на нем виднелась марка всемирно известной граммофонной фирмы «Голос моего хозяина» с изображением легавой собаки, заглядывающей в трубу граммофона, думая, что там сидит ее хозяин».

На самых ранних пластинках запись производилась лишь с одной стороны. На наших коллекционных односторонних пластинках фирмы «Amour Gramophone Record», российского филиала американской фирмы «Gramophone», размещены записи классического репертуара в исполнении великих русских певцов Ф. Шаляпина, Л. Собинова и А.В. Неждановой. Фабричная марка изображена дважды: цветная картинка «Пишущий амур» на лицевой стороне и тоновая, шероховатая, на обратной стороне, где записи нет. Кроме того, на оборотной стороне приклеено грозное уведомление для потенциальных пиратов звукозаписи о том, что все права принадлежат исполнителям и фирме «Граммофон», любое посягательство карается законом.

На пластинке из нашей коллекции с романсом П.И. Чайковского в исполнении великой певицы, выросшей в Одессе, Антонины Васильевны Неждановой приклеена наклейка – «Музыкальное депо» Л.И. Иозефер», которое помещалось в знаменитом одесском «Пассаже». Есть и другие пластинки с записями классических музыкальных произведений, приобретенные когда-то в магазине Иозефер. Владельцы музыкальных и нотных магазинов Одессы быстро приняли модные новинки XX века – граммофоны и пластинки к ним – в ассортимент своих товаров. Продавался в магазинах и «Полный сборник либретто для граммофона», изданный Акционерным обществом «Граммофон».

Gramophone, Йозефер, односторонняя

His Master's Voice

Одесские реалии попадали на многие записи. В рижской фирме «Zonophone Record» была записана песня «Маруся отравилась» в исполнении Одесского хора и оркестра.

На коллекционной пластинке еще одна степень защиты – прямоугольная маленькая наклейка Агентства механо-музыкальных прав (АМПРА), призванного для защиты авторства. Такие наклейки с зубчиками в виде марок видны на многих дореволюционных российских пластинках.

Несмотря на все предупреждения и принятые меры, избежать подделок не удавалось как сто лет назад, так и в наши дни. Подпольный музыкальный бизнес процветал и приносил

смельчакам, грубо нарушавшим закон, баснословные барыши. На свой страх и риск в обход закона об авторских правах они копировали и тиражировали пластинки с записями выдающихся певцов и музыкантов. Запись на таких пластинках была несравнимо худшего качества, чем на лицензионных, но и стоили они намного дешевле.

Теневой граммофонный бизнес процветал и в столицах, и в Одессе. Как утверждают историки граммофонного производства в России, предприимчивый одесский купец Вольф Полякин с четырьмя сыновьями, владевшие магазином музыкальных инструментов в знаменитом одесском «Пассаже», организовали попутно небольшой заводик, где штамповались «самопальные» пластинки под маркой «Poliaphone Concert Record» «Торгового дома Полякин и сыновья».

На коллекционной пластинке этой фирмы записан «Еврейский свадебный танец» из пьесы «Европейцы в Америке» в исполнении оркестра «Поляфон» в Одессе. Кроме того, Полякины на пластиночной этикетке сообщали, что их «Фабрика поляфонов и пластинок» находится в Берлине и Одессе. По мнению специалистов, Полякины не регистрировали надлежащим образом всю продукцию своих заводов. Коллекционная пластинка выглядит, на наш взгляд, вполне пристойно, возможно, что контрафактная продукция Полякиных не попала в нашу коллекцию.

Хотя этикетка коллекционной пластинки российской фирмы «Поляфон» «Poliaphon Concert Record» без упоминания Полякиных оформлена совершенно иначе, чем у Полякиных: на ней три «цветных» ангела вместо одного. На пластинке запись песни «Как поживаете» в исполнении румынского оркестра под управлением капельмейстера В. Бельфа.

Не беремся утверждать, было ли подпольным или легальным производство Полякина и сыновей, но это первое производство пластинок в нашем городе.

Фирменные грампластинки попадали в Южную Пальмиру через представительства крупных фирм, открывавших тут свои филиалы.

Мощным поставщиком грампластинок в Россию была с 1908-1909 годов фирма «Сирена Рекорд», фабрика которой находи-

лась в Варшаве, а представительства – в Москве, Вильно (Вильнюсе), Санкт-Петербурге и Одессе.

Для еврейского населения города сюда доставлялись пластинки с еврейскими мелодиями, имеющими колоритные названия: «Нахес» и «Цурес», что в переводе с идиш означает: «Счастье» и «Горе». В репертуаре румынского оркестра нашлась и «одесская песня» «Миша уезжает», и записи в исполнении известного в то время шансонье Д. Богемского.

Gramophone, Йозефер, односторонняя

Сирена Рекорд Аэроплан

Четыре немецких производителя пластинок в первое десятилетие XX века объединились в акционерное общество: «Карл Линдстрем», общества «Лирофон», «Стелла» и «Бека-Рекорд-Омокорд». Одесское представительство и фабричный склад укрупненной фирмы находились на Жуковского, № 34, где делами заправляли Г. Брутман и Р. Колин.

Чуть позже, в 1911 году, в Одессе обосновалось представительство крупной французской фирмы братьев Пате. Весьма предприимчивые братья-французы всегда держали нос по ветру. Владея бистро в Париже, они вначале установили для привлечения публики «говорящую машину», затем занялись изготовлением и продажей граммофонов и пластинок к ним, позднее присовокупили к ассортименту «точных аппаратов» «синематографы и ленты».

Генеральная компания фонографов, синематографов и точных аппаратов «Братьев Пате» обосновалось в самом центре

Одессы, на Дерибасовской, № 10, угол Ришельевской, в доме страхового общества «Россия». Огромные буквы «ПАТЕ» парили над городом, так как были закреплены на верхушке углового эркера высокого дома.

Для удобства своих покупателей фирма «Пате» выпустила «Сборник либретто для патефонных пластинок», в котором приведены тексты русского репертуара французской фирмы.

Еще одно представительство, снабжавшее одесситов качественными музыкальными записями, располагалось на Екатерининской улице, № 24. Там находилось одесское отделение крупного Вильненского граммофонного синдиката «Братья М. и В. Иссерлин», объединявшего несколько предприятий этой отрасли.

Новооткрытый склад граммофонов и других ценных вещей по баснословно низким ценам: «граммофон – от 6 руб., пластинки двусторонние – 40 копеек» – содержал в 1911 году на углу Преображенской и Малой Арнаутской, 86, господин Н.Ш. Кунянский. «При покупке 50 пластинок разновременно даю стенные часы или граммофон ДАРОМ» – потрясающие бонусы во все времена! «Как не покупать при такой дешевизне?» – вопрошает владелец заведения. В рекламе не хватает названий фирм, изготовивших граммофон и пластинки, а в этом, возможно, скрывался секрет таких цен и скидок.

Первая мировая война, революция и гражданская война надолго прекратили производство и распространение музыкальных записей. Бывшая фабрика «Метрополь Рекордс» под Москвой в 1925 году приобрела имя «Апрелевский завод памяти 1905 года», позже появился крупный завод в Ногинске.

К середине 1930-х годов получили распространение патефоны – компактные и портативные граммофоны с рупором, помещенным внутрь корпуса. Такие устройства использовались повсеместно до середины XX века. Патефоны не требовали источников питания благодаря пружинному приводу диска, были компактны и потому удобны для использования в любых условиях.

В 1920-1930-х годах заграничные фирмы – английский филиал фирмы «Columbia» и французская фирма «Parlaphone» – выпускали пользовавшиеся спросом пластинки русских эмигрантов: великого шансонье Александра Вертинского и Петра Лещенко.

Вертинский часто с успехом выступал в Одессе до революции, отсюда он уехал в эмиграцию, пережив «окаянные дни» частой смены властей в городе.

Петр Лещенко родился под Одессой, но, учась в Кишиневе, оказался на территории Румынии и там снискал исполнительскую славу. В 1942 году он прибыл в оккупированную румынами Одессу и дал триумфальный концерт в Русском театре. Одесская публика знала Лещенко по заграничным пластинкам, окольными путями попадавшим в советскую Одессу и до войны, и после нее.

Лещенко. Colambia

50-е годы

Спрос на пластинки после Великой Отечественной войны стал расти очень быстро. Для удовлетворения растущих музыкальных потребностей помимо крупных фабрик пластинки выпускались местными предприятиями пластмассовых изделий. Этикетки местных фабрик выполнялись способом фотопечати на черно-белой бумаге и были намного хуже цветных этикеток ведущих предприятий. Кроме того, на них в обязательном порядке указывалось ведомство, которому предприятие подчинялось.

С 1947 года одесская артель «30 лет Октября» под руководством Облпромсовета начала выпускать грампластинки.

Позднее Промкомбинат Кагановичского района на ул. Ленина, 66, руководимый Министерством местной промышленности УССР, выпускал пластинки, в том числе с песнями известной

эстрадной исполнительницы Изабеллы Юрьевой и Леонида Утесова, в то время заслуженного деятеля искусств.

Был период, когда Кагановичский райпромкомбинат подчинялся министерству не только местной, но и почему-то *топливной* промышленности.

Пластинку с песенкой «Мишка» выпустил производственный комбинат управления торговли одесского облисполкома, а «Чудо-песенку» композитора Л. Лядовой – «МСО комбинат № 3 Облутог».

В конце 1950-х годов Промкомбинат уже назывался «фабрикой пластмассовых изделий», работающей под руководством Областного управления местной промышленности.

На этикетках использовали изображение великолепного оперного театра, маяка и парусника с маяком, на конвертах – Потемкинской лестницы, маяка при входе в порт, колоннады Воронцовского дворца. В это же время использовали для звукозаписи рентгеновские снимки, что называлось «музыкой на костях». Такие записи были недолговечными, быстро выходили из строя.

Пластинка Апрелевского завода с яркой красной этикеткой, на которой записана песня «У Черного моря» на слова С. Кирсанова в исполнении Леонида Утесова, очень выгодно отличалась от провинциальных пластинок.

Завершает наш рассказ об одесских пластинках запись цикла «Песни об Одессе» в исполнении Татьяны Шмыги и Глеба Дранова, выпущенная в 1970-х годах Всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия». Так в это время назывался Апрелевский завод.

Фабрики грампластинок в Одессе в это время уже не было, но существовала студия звукозаписи на Карла Либкнехта (Греческой), 45, в которой можно было записать на недолговечном гибком диске любимую мелодию со словами поздравления и добрыми пожеланиями родным и близким.

Феликс Кохрихт

Дом как мир

В заголовок этих заметок я вынес слова, сказанные Константином Симоновым Аркадию Львову после прочтения первой части его романа «Двор». Случилось это в 60-е годы минувшего века. Впоследствии роман этот разросся в многотомную эпопею и еще не закончен автором, проживающим ныне в Соединенных Штатах Америки.

Он посвящен Одессе, которая сосредоточена в одном дворе, стоящем в Авчинниковском переулке, где прошла значительная часть жизни Львова. Почему же я начал с него, приступая к представлению воспоминаний, которыми доверительно и с завидным даром повествователя делится с нами Валерия Кухаренко в книге, недавно увидевшей свет в нашем городе?* Да потому что и Валерия Андреевна, и Аркадий Львович – одни из, увы, нынче не многих потомственных одесситов, внесших важный вклад в формирование нашей самоидентификации, иными словами – в создание если не типового, то близкого к нему образа, если не уходящей, то и не бурно воспроизводящейся натуры. Они – одесситы с Того Времени, с середины 20-х, и дни их рождения от Октябрьского переворота отделяют считанные годы.

К тому же, они знакомы с юности, со студенческих лет в институте иностранных языков (Валерия) и на истфаке университета (Аркадий). В молодые годы я познакомился с ними и с тех пор нас связывают и воспоминания, и добрые отношения. Учитель одной из одесских школ, Львов приходил в редакцию нашей газеты «Знамя коммунизма» со своими рассказами, и мы некоторые из них печатали. Профессор Кухаренко принимала доброе участие в работе моей жены Тани, заканчивающей кандидатскую диссертацию.

* В.А. Кухаренко. Воспоминания о том, чего больше нет. – Одесса, 2014.

И еще совпадения: семья Валерии Кухаренко жила на Пушкинской, 33, напротив здания редакций и типографии, а ее отец после болезни работал здесь сторожем. Спустя много лет я стал замредактора газеты «Слово» (Еврейская угол Авчинниковского переулка), и дом, воспетый в романе «Двор», оказался по соседству…

Несмотря на разницу в годах, сегодня я узнаю в их книгах и свое послевоенное детство на Садовой в доме № 6, и своих соседей, и друзей по играм в те же «казаки-разбойники»… Я вспоминаю родителей, бабушку, брата, которых начинаю понимать лишь сейчас, став старше, чем они были, и повторяю вслед за Валерией Андреевной: «Простите меня, если можете…».

При сходстве времени и места действия повествования Львова и Кухаренко принадлежат к разным пластам, жанрам, формам литературной деятельности. «Двор» – роман, герои которого при всей достоверности характеров и яркости образов созданы воображением автора, а вот в «Записках…» мы знакомимся с реальными людьми, именно знакомимся, словно и впрямь только что переехали со Слободки в дом на Пушкинской, а когда в него попала вражеская бомба, перебрались за угол – на Троицкую, 19.

Книгу, подаренную нам, я прочитал залпом и тут же стал пересказывать ее Тане, приплетая к воспоминаниям Валерии Андреевны и свои, добавляя то, что всплывало в памяти и требовало немедленного изложения, пробуждая желание тут же поделиться ими… Может быть, когда-нибудь это и произойдет.

А сейчас, в который раз сетуя на тираж (100 экземпляров) этой исповедальной и занимательной, поучительной, а не поучающей книги, приглашаю вас к путешествию в Одессу, где живет Валерия Андреевна Кухаренко, у которой в паспорте всего два адреса прописки, а в трудовой книжке и вовсе одна: «Одесский университет имени Мечникова». В ее мир, в ее дом.

Мы выбрали несколько фрагментов, которые дают если не полное, то достаточное представление о таланте, профессиональном мастерстве, обаянии, да что там – шарме Леры, Валерии, В.А. Кухаренко, которая, надеюсь, продолжит свои воспоминания.

Феликс Кохрихт

Дом как мир

В заголовок этих заметок я вынес слова, сказанные Константином Симоновым Аркадию Львову после прочтения первой части его романа «Двор». Случилось это в 60-е годы минувшего века. Впоследствии роман этот разросся в многотомную эпопею и еще не закончен автором, проживающим ныне в Соединенных Штатах Америки.

Он посвящен Одессе, которая сосредоточена в одном дворе, стоящем в Авчинниковском переулке, где прошла значительная часть жизни Львова. Почему же я начал с него, приступая к представлению воспоминаний, которыми доверительно и с завидным даром повествователя делится с нами Валерия Кухаренко в книге, недавно увидевшей свет в нашем городе?* Да потому что и Валерия Андреевна, и Аркадий Львович – одни из, увы, нынче не многих потомственных одесситов, внесших важный вклад в формирование нашей самоидентификации, иными словами – в создание если не типового, то близкого к нему образа, если не уходящей, то и не бурно воспроизводящейся натуры. Они – одесситы с Того Времени, с середины 20-х, и дни их рождения от Октябрьского переворота отделяют считанные годы.

К тому же, они знакомы с юности, со студенческих лет в институте иностранных языков (Валерия) и на истфаке университета (Аркадий). В молодые годы я познакомился с ними и с тех пор нас связывают и воспоминания, и добрые отношения. Учитель одной из одесских школ, Львов приходил в редакцию нашей газеты «Знамя коммунизма» со своими рассказами, и мы некоторые из них печатали. Профессор Кухаренко принимала доброе участие в работе моей жены Тани, заканчивающей кандидатскую диссертацию.

* В.А. Кухаренко. Воспоминания о том, чего больше нет. – Одесса, 2014.

И еще совпадения: семья Валерии Кухаренко жила на Пушкинской, 33, напротив здания редакций и типографии, а ее отец после болезни работал здесь сторожем. Спустя много лет я стал замредактора газеты «Слово» (Еврейская угол Авчинниковского переулка), и дом, воспетый в романе «Двор», оказался по соседству…

Несмотря на разницу в годах, сегодня я узнаю в их книгах и свое послевоенное детство на Садовой в доме № 6, и своих соседей, и друзей по играм в те же «казаки-разбойники»… Я вспоминаю родителей, бабушку, брата, которых начинаю понимать лишь сейчас, став старше, чем они были, и повторяю вслед за Валерией Андреевной: «Простите меня, если можете…».

При сходстве времени и места действия повествования Львова и Кухаренко принадлежат к разным пластам, жанрам, формам литературной деятельности. «Двор» – роман, герои которого при всей достоверности характеров и яркости образов созданы воображением автора, а вот в «Записках…» мы знакомимся с реальными людьми, именно знакомимся, словно и впрямь только что переехали со Слободки в дом на Пушкинской, а когда в него попала вражеская бомба, перебрались за угол – на Троицкую, 19.

Книгу, подаренную нам, я прочитал залпом и тут же стал пересказывать ее Тане, приплетая к воспоминаниям Валерии Андреевны и свои, добавляя то, что всплывало в памяти и требовало немедленного изложения, пробуждая желание тут же поделиться ими… Может быть, когда-нибудь это и произойдет.

А сейчас, в который раз сетуя на тираж (100 экземпляров) этой исповедальной и занимательной, поучительной, а не поучающей книги, приглашаю вас к путешествию в Одессу, где живет Валерия Андреевна Кухаренко, у которой в паспорте всего два адреса прописки, а в трудовой книжке и вовсе одна: «Одесский университет имени Мечникова». В ее мир, в ее дом.

Мы выбрали несколько фрагментов, которые дают если не полное, то достаточное представление о таланте, профессиональном мастерстве, обаянии, да что там – шарме Леры, Валерии, В.А. Кухаренко, которая, надеюсь, продолжит свои воспоминания.

Валерия Кухаренко

Записки о том, чего больше нет

Фрагменты воспоминаний

...Папа родился на Манежной улице, на Слободке (она называлась тогда Слободка-Романовка) 13 декабря 1890 г. и был наречен Андреем в честь Андрея Первозванного, то есть званого первым – первого ученика Иисуса, по апокрифическим сведениям дошедшего с проповедью христианства до Крыма, день которого отмечался 14 декабря. Моя бабушка рожала много, но выжило четверо: три девочки и один мальчик, и хотя он не был ни самым младшим, ни самым старшим, отношение к нему и к «девчонкам» было разное. Его, единственного в семье, послали в церковно-приходскую школу, четырехлетнее обучение в которой он благополучно завершил, и в 12 лет по множественным просьбам отца и дядьев, клятвенно обещавших «отблагодарить мастера как положено», был определен «подносить струмент» к местному слесарю-водопроводчику, который сам незадолго до этого события тоже «по протекции» вошел в элитарный состав водопроводчиков-котельщиков.

В начале XX века центральное отопление в Одессе при всех великосветских амбициях города («маленький Париж!», «черноморский Элизиум!») только входило в моду. Вот папа с младых ногтей и попал в эту перспективную отрасль. «Габѐлок (мальчишка) я бил (был) шо надо, – скромно начинал он повествование о своей головокружительной карьере, – хватал все, и шо сказали, и шо тока (только) подумали… Та шо там говорить, в 17 лет у мене уже часы били с цепкой на всю праву грудь! Счастье? Еще какое!»

А дальше произошло просто нечто невероятное – подошел призывной возраст, он отправился на пункт и вытянул белый билет![*] Это спасло его и от первой мировой.

Поднося струмент при оборудовании здания центральным отоплением, он освоил не только инвентарь и процесс работы, но и чертежи многоэтажной паутины труб и радиаторов, ведущей

* «Белый билет» – разговорное обозначение военного билета для тех, кто по разным причинам освобождался от военной службы. Обычные военные билеты были красного цвета.

к сердцу всей системы – огромному котлу. Венцом его профессиональных достижений стало приглашение остаться постоянным котельщиком-смотрителем только что завершенной системы «в доме Н. Шретера, по ул. Пушкинской, 33, с безоплатной квартирой там же». Обратно (в смысле «опять») везуха!

К этому времени папа был первый парень на Манежной улице, где вырос: он страшно гордился своими усами, шевелюрой и часами. Его сестер выдали замуж, отец умер, и шанс переехать в центр города, на Пушкинскую, да еще в «казенную», как он всегда ее называл, квартиру просто упал с неба. (Вот счастье!)

Квартира находилась в непосредственной близости от котельной, то есть в подвальном этаже. В ней было две комнаты: первая, в которую вела входная дверь, имела одно довольно большое окно (треть над землей, две трети выходило в полуметровой ширины нишу, регулярно обновляемую побелкой, что в солнечные дни очень помогало общему освещению), комната была узенькая и длинненькая, как пенал. Не исключено, что она задумывалась как прихожая. Но я ее застала уже в ранге комнаты. Вторая – «зала» – была о двух окнах и светлее первой, так как наш двор, как и пересекающие Пушкинскую Троицкая и Еврейская, «спускался» в направлении моря. Соответственно, части окон, выглядывавшие из глубоких ниш, были побольше. И, наконец, – сердце семейной жизни, кухня, тоже с одним (самым светлым) окном, с большой плитой, обеспечивающей все жизненно важные функции, приготовление всех видов пищи, отопление квартиры, нагревание воды для производства санитарно-гигиенических процедур, эмоционально-психологическое объединение разнонастроенных членов семьи в самом теплом, весьма ограниченном пространстве.

Вдоль спины этой удивительной квартиры (казенному коню, в конце концов, в зубы не смотрят) шел длинный коридор с кладовками, в которые загружали запасы угля для котла. В этот коридор умелец папа провел воду и поставил отлив – «Я вже тогда и не тока это сам мог», – небрежно-скромно сообщал он всем, еще не посвященным в его исключительные достоинства. Ну а то, что «все остальное» (а сколько там этого остального? – «ну, пару раз вискочил») помещалось в дворовом туалете, так и на Манежной, да и не только на Манежной, тоже! Так что, можно считать, квар-

тира! в центре! в новом доме! почти со всеми удобствами! до работы в буквальном смысле слова – рукой подать! Вот счастье!

...Успешно пробыв в статусе завидного жениха более пятнадцати лет, папа совсем расслабился и решил, что так свободно и необременительно можно жить всегда, и на этом самом месте вышла из строя динамо-машина, которая и обеспечивала завидную холостяцкую свободу, – слегла моя бабушка. Последствия были оглушительными: все родственники, знакомые, соседи, «все слесаря Одессы», люди давно и прочно окольцованные и с тоской наблюдавшие затянувшуюся легкость бытия моего папы, бросились ему на помощь. Но не варить-стирать-убирать и т. д. (см. выше), как он полагал, а (по-видимому, не без тайного злорадства) искать невесту!

Как известно, залог успеха любого коммерческого мероприятия – реклама, и брак по сватовству – не исключение. Конечно, в отличие от крупных коммерсантов (папа уважительно называл их по-заграничному, как в начале XIX в., «негоциантами»), репертуар рекламных средств здесь был значительно скромнее. Однако, учитывая открытость жизни одесских дворов (в прямом смысле – окна были открыты настежь круглосуточно) и исконное одесское стремление самоутвердиться хотя бы при помощи громкости звучащего голоса, вопросы купли/продажи, поисков/обнаружения нужного объекта решались в удивительно сжатые сроки. Да и бабушка не выздоравливала. «Что ты перебираешь?» – возмущались многочисленные доброхоты, выступавшие в роли продавцов. Папино сопротивление заметно теряло силу, он понял, что выхода нет. И согласился.

В прикотельную квартиру вошла Жена.

...Мама родилась и выросла в Николаеве. Главным человеком в доме Зленко была моя бабушка, управлявшаяся со своим постоянно увеличивающимся выводком детей и далеким от технологических «гаджетов» хозяйством. Дедушка с рассветом открывал чайную и работал «до последнего клиента». По легенде, мама, окончив 4 класса школы, готовилась к поступлению в гимназию, но поскользнулась на банном полу, упала, ударилась головой, и доктора запретили ей дальнейшее обучение. Будучи третьей по старшинству девочкой в семье, она стала главной помощницей своей мамы, но выходила и «в свет». Именно «в свете», на благотворительном

балу, она познакомилась с кадетом Сережей Хомяковым. Обоюдная любовь с первого взгляда так ярко осветила мамины юно-девичьи годы, что с тех пор и до своего последнего дня в январе 1976 года мама делила все прожитое ею время на два неравных периода: «мирное время» и «все остальное». Как ни странно, первый из них включал и первую мировую, и половину гражданской войны. «Мирное время» закончилось с отплытием кадета Хомякова из Николаева с последними частями белой армии. «Он сказал: «Надюся (так все звали мою маму до ее замужества, когда она стала просто Надя), у меня каюта, поедем вместе». Но я сказала: «Я невенчанная, и ехать с тобой не могу». Эту историю мне, а потом и моим детям, мама рассказывала неоднократно. Она была очень горда своей высокой моральной планкой. Для того чтобы продемонстрировать, как хорош был кадет, как восхитительно было «мирное время», мама демонстрировала, как они танцевали мазурку – «все смотрели только на нас». Тут она становилась на одно колено, изображая «его» партию, потом вставала и делала элегантный полет вокруг стоящего на одном колене партнера. Поскольку эта сцена демонстрировалась сначала мне, а потом и моим детям, многократно, «мирное время», «кадет Сережа Хомяков» и «мазурка» слились в единый образ. Когда я выросла, я не сразу могла понять, как даже Великая Война, которая изменила не только жизнь мира, но и жизнь нашей скромной семьи, вошла просто как эпизод во «все остальное», после мирного времени, великой любви и великого отречения от нее.

В новой жизни, уже в Одессе, она, наверно, еще ожидала возможности испытать чувства юности, но замужество, хоть тоже «не венчанное», их не дало. А потрясение, испытанное тогда, в конце маминого «мирного времени», перекрыло все последующие. Весь свет погас тогда. И во всей оставшейся жизни светил один лучик – дочка.

...Я научилась читать! Вслух! С выражением! Мгновенно встал вопрос репертуара. Ни у одной из дворовых семей книг не было. У нас, правда, стоял оставленный владельцами дома при отъезде массивный книжный шкаф. Он был абсолютно пуст и занимал полкомнаты. Его дверцами служили две стеклянные панели, демонстрировавшие зияющую пустоту полок. Мама, с трепетом относившаяся

даже к слову «образование», не могла себя заставить занять полки постельным бельем, как советовали соседи. Наконец, она вышла из положения: выкрасила зеленкой два куска марли и прибила их мелкими гвоздиками изнутри шкафа к его дверцам. Шкаф сразу обрел необходимую солидность и таинственность – а какие книги вы держите в специальном дубовом красавце? Первая и единственная *собственная* книга попала туда только в 1938 году: работавший шофером на приисках сибирской реки Алдан мамин брат Петя приехал в Одессу в отпуск и, уезжая, спросил разрешения у моего папы взять мою маму с собой до Москвы, чтобы она увидела столицу. И он благородно отпустил маму на неделю. Вот оттуда мама привезла Петин подарок для меня – «Московское метро». Это была изумительная книжка, засмотренная до дыр всеми обитателями двора. Когда немцы в 1941-м подошли к Одессе, мама, несмотря на мои истерики, сожгла ее, как партийный документ (?!). Это при десятке икон, висевших с лампадами и расшитыми полотенцами в положенном углу!

Спас положение на книжном фронте задолго и до появления моей собственной книги, и до трагических событий ее уничтожения Раин папа – Яков Михайлович Владовский, главбух редакций обеих одесских газет – русского «Большевистского знамени» (потом «Знамени коммунизма») и украинской «Чорноморської комуни». Обе они жили вместе, напротив нашего дома, на Пушкинской, 32. Яков Михайлович был абсолютно крошечным человеком, которого не только обожал, но и уважал весь двор – за неизменную приветливость, внимательность к взрослым и детям и, конечно, за портфель. Через много-много лет знаменитым станет другой одесский портфель – старенький, тощий, с несколькими листками, которые заставляли смеяться (над собой же!) всю страну, – портфель Михаила Михайловича Жванецкого.

В портфеле Якова Михайловича не было ничего смешного, он был тоже старый, но очень толстый, и двор тайно подозревал, что это было вместилище не столько разных бумаг – без них как же? – сколько зарплаты для всех работников редакций и типографии. Портфель Якова Михайловича до сих пор жив в моей голове как символ ставших много позже понятными мне слов, которыми он ловко орудовал в беседах с восхищенными соседями – аванс, кредит, годовой отчет (очень страшно)…

Яков Михайлович был не только владельцем узнаваемого портфеля, отцом и мужем, он еще был официальным членом (с карточкой!) редакционной библиотеки.

Поскольку жизнь детей двора с мая по сентябрь проходила во дворе, Яков Михайлович заметил, что растрепанная книга с картинками уже не удовлетворяет интеллектуальные потребности отдыхающих от «казаков-разбойников», «дома», «гостей», скакалки, «мяч об стенку и об землю» и прочих популярных занятий, и однажды взял Раю и меня (как ее лучшую подругу) в свою библиотеку.

Сегодня подавляющее большинство людей разного возраста, если они вообще читают, предпочтение отдают электронным носителям: «скачал» двадцать романов в очередной, как мы говорим, «гаджет» – и читай себе на здоровье.

А я до сих пор – бумажный читатель. Я до сих пор (почти 80 лет спустя) вижу солнечный луч, в котором видна книжная пыль, и носом ощущаю, как она пахнет – книга и ее пыль, и их собрание на полках в библиотеке, и возможность с замиранием сердца идти по узкому проходу между полками и читать корешки, и тихо-осторожно дотрагиваться до них пальцами (я же не официальный член с карточкой). А потом с разрешения библиотекаря сесть на скамеечку – на нее становились, чтобы достать нужное с верхних полок, – и читать… Все довоенные летние месяцы я провела в книжной эйфории на скамеечке в библиотеке. Кроме двух, самых ранних.

…Н.А. Шретер построил свой внушительный дом буквой П. Перекладина буквы была фасадом и выходила на Пушкинскую. К концам ножек буквы несколько позже прилепили еще одно П кургузенькое, в два невысоких этажа, с непомерно разросшейся перекладиной и короткими ножками. В перекладине были (и остались в советское время) конторские помещения. В одной ножке была скрипучая, с облезлой краской, деревянная лестница. Эта ножка была жилая. В противоположном флигеле был пионерский форпост, рядом с которым помешалась дворовая уборная. Форпост был обычно закрыт на замок, его открывали «для общественных мероприятий», то есть для собраний жильцов дома, которые дружно голосовали за предложенные резолюции.

Из-за несоответствия высоты двух зданий и диспропорции между перемычками и ногами каждого у нас получалось вроде бы два двора, перетекающих друг в друга. Их условной границей служила пожарная лестница – многофункциональный объект, мерило героизма, независимости и атлетизма всех мелких обитателей двора. От Пушкинской до лестницы был «наш двор», от лестницы до конторы «тот двор». Обозначения не отмечали своих/чужих (все были свои), но служили адресом: фраза «Я буду на том дворе» означала, что мама должна меня звать домой особенно громко и настойчиво.

«На том дворе» проходили основные массовые игры – благодаря малоэтажности стен и длине «перемычки» он был светлее и шире «нашего двора». Кроме того, перемычка и одно крыло не были заселены, значит, окна были закрыты, и наши вопли привлекали меньше внимания, чем на «нашем дворе», где сосредоточились основные мамы, бдительно следившие за своими отпрысками.

Днем двор принадлежал детям. Вечером «подышать» выходили взрослые, со своими табуретками и скамеечками. В основном это были женщины, натоптавшиеся за день и счастливые самой возможностью присесть. А тут еще и поговорить можно. Неизменных тем было три: Привоз и фантастические способности *каждой* ораторши найти самый дешевый и при этом самый качественный продукт. Его наименование зависело от месяца купли-беседы, ибо все, что произрастало в округе и было представлено на Привозе, имело сезонный характер. Слова «оранжерея» и «теплица» мы знали из надписей под картинками; «холодильник» был так же неизвестен, как космический объект; «супермаркет» еще не засиял даже над просвещенным Западом. Летом на Привоз ходили каждый день, зимой – два-три раза в неделю, так как осенью все «закупались». Существовала нигде не зафиксированная, но обязательная к исполнению «закупочная инструкция хозяйки на зиму»: мешок картошки, полпуда лука, полпуда сливочного масла (перетопить, слить в банки, «фузы» использовать для выпечки к ближайшим именинам). Если была холодная кладовка, как у нас, закупалась и морковка, которую пересыпали песком и хранили в ящике. Все без исключения солили капусту, многие (не мы) – огурцы и помидоры. Все без исключения варили варенья (из отборной ягоды), джемы (из ягоды второго сорта) и повидло

(из всего, что попадало под руку). И все это по своим рецептам, с результатами, превосходящими полет самой необузданной фантазии. Именно с этими достижениями выходила каждая героиня на форум. Доказательством успеха служило публичное опробование продукта. Если это было нечто не твердой консистенции (варенье, маринад, соте), и нужен был инструмент (ложка, вилка) для снятия пробы, хозяйка жертвовала полотенцем и после каждой пробовальщицы вытирала ложечку, несмотря на протестующий хор: «Ну что вы, не надо пачкать полотенце, мы же все как свои родные, мы же не заразные».

Если после пробы каждая хозяйка выясняла, что у нее самой не хуже, а может, и лучше, панегирики в адрес угощавшей возрастали с новой силой. Их вершиной обычно была просьба «дать подробный-подробный рецепт». Если мы кружились где-нибудь поблизости, нас призывали к участию в действе: «Запоминай. Тебе тоже пригодится».

Обсудив в деталях качество, количество и цены закупаемых продуктов (тема № 1), затем их обработку/переработку и финальный результат (тема № 2), если еще не все задремывали, самые стойкие переходили к теме № 3 – разное. Здесь обсуждали хозяйственные дела, обслуживающие не желудочно-кишечный тракт, а другие составляющие человеческих организмов, материализованных в муже, ребенке (в нашем доме жили всего две семьи, где было по двое детей, и их мамы редко принимали участие в летних посиделках), родственниках (родители, сестры-братья-племянники), тесно прижатых друг к другу на своем незначительном жизненном пространстве. Всем этим женщинам было по 30-35 лет. Расцвет, скажем мы сегодня. Закат, считали они, поставленные на круглосуточный конвейер домашней работы, которая и работой-то не считалась: мы с мамой назывались «иждивенцы».

Иногда, обычно в воскресенье, выходили «постучать»* (костяшками домино) мужчины. Пива «Оболонь» тогда еще, слава Богу, не было, но футбол – какой-никакой – был, так что тема № 1 рождалась естественно и всеохватно – футбол, ну, на худой конец, домино и шашки. Поскольку гастрономические проблемы мужчины не обсуждали, они сразу переходили к теме № 3, разное. Вот где действительно было разное! Если дамскую группу объединяла общая форма занятости – все

* Не путать с «настучать» (донести на кого-то)! «Постучать» – слово уважительное и компанейское. «Настучать», наоборот, слово ненавистное и страшное.

сидели (!!!) дома («она у меня не работает, дома сидит», – невзначай бросал коллегам гордый Добытчик), то среди мужчин были и «слесаря», и «токаря», и портовики, и даже фрезеровщики. У каждого из них была масса историй («баек»), связанных с особой опасностью (риском, умением, смышленостью и пр.) именно *его* занятия, и он охотно рассказывал, что приключилось с ним (его товарищем, дядей, племянником) в определенном известном всем месте в определенный час, обязательно называемый для достоверности повествования – («8-го – помните, еще дождь шел»). Своими захватывающими приключениями выделялся один член компании – гульливый портовый грузчик (сейчас эта должность, обремененная современной технологией, называется «докер»), который многократно оказывался свидетелем леденящих душу происшествий («ну, знаете, под мостом, сразу за ступеньками», или «ну, прямо рядом с Дюком»). Потрясенные, мы на следующий день бегали на место жуткого преступления и стращали друг друга возможностью повторений. Прошел почти десяток лет, прежде чем я прочитала об этих и многих других детективных подвигах у Конан Дойля, которого наш рассказчик – к чести своей – не только прочитал и запомнил, но и «передал товарищам».

Помимо частных историй в мужские разговоры попадали и глобальные проблемы. Нет, нет, никак не политика! Какая политика! Конечно, в Одессе выходили газеты (Раин папа – главный пример), было радио – огромный конус громкоговорителя, укрепленный на столбе на углу тихой Пушкинской и совсем патриархальной Троицкой. Так что с политикой был полный порядок – что ее обсуждать? Вот напор воды летом – совсем другое дело. Это касается всех! Вообще, что творится с водой? Хорошо водопроводчикам – устроились себе в подвалах (намек повисает в воздухе, потому что моего папы на форуме нет, а мама далеко, она не слышит, ибо увлечена обсуждением наилучшего, вообще-то, если честно, то, как она абсолютно убеждена, единственного способа *настоящего* приготовления «этой странной, с моей точки зрения, рыбы с огромным количеством несъедобных плавников, да к тому же еще и покрытой шипами». Конечно, папа ее «уважает» в мамином исполнении, а ему не так легко угодить – уж мама-то знает! Вот она и нахваливает свою «камбалу в шпинате») – это специально: они, водопроводчики, знали, что в подвал вода и самотеком дойдет, без всякого напора. А на четвертый этаж? Да что там четвертый! Они

всю жизнь ведрами воду таскают! Ты возьми второй – второй! На втором только ночью цявочка (одесское презрительное обозначение водяной ниточки) с крана идет! Еще хорошо, что у некоторых ванны поостава́лись – наберут за ночь, а днем вся квартира (имеется в виду коммуна в три-пять семей) спасается.

Водопроводная тема была неисчерпаемой, в нее естественно вплетались импровизации и вариации – менялись этажи, на которых вода только капала, а не шла, менялось время суток, когда ее можно было подкараулить, количество и объем сосудов, впрок заполняемых экономно расходуемой влагой: на питье и еду – сколько надо. На помывку – по скромной пролетарской потребности. В мои детские времена «ванна» и «ванная» были абсолютными синонимами и обозначали большую белую емкость для хранения воды. То, что в барские времена служило ванной (комнатой), использовалось разными конгломератами коммунальных соседей как кладовки, кухни, а иногда (если в ванной изначально было окошко), то и как жилая комната для нового жильца. Так что купаться захотел – на море или в баню, нечего воду портить и сырость разводить*.

Неисчерпаемой темой было и обсуждение «этого фраера», то есть начальника или официальное лицо любого ранга. Между мужской и женской группами была большая разница: среди женщин все были

* Ревнивое и прижимистое отношение одесситов к драгоценной влаге, которой, как назло, требовалось больше именно летом, когда напор спадал, и даже «цявочка» была в радость, имело массу последствий: тотальную слежку друг за другом в коммунах и установление нормы «ведер из ванны на душу», движение за экономный способ использования посуды (в глубокую тарелку сначала наливалось первое, его съедали до последней капли, тарелку вытирали хлебом, после чего в нее клали второе) и ее мытья (мокрой тряпкой «проходили» по той поверхности, которая была в «едовом» употреблении. Та сторона тарелки, которая соприкасалась со столом, а не с борщом/кашей/котлетой/рыбой, считалась чистой, то есть apriori не требовала излишней водной процедуры). Телесных омовений, которые имели сложную и разветвленную классификацию: базовое – мытье в бане/дома; далее: дома – «с головой» (для женщин) / «без головы»; дальнейшая детализация: «без головы» – под маленькое декольте (лицо) / под большое декольте (включая шею). Рубрика с декольте настолько вошла в речевой обиход моей мамы, которая в этих терминах жестко критиковала грязнух (или проще, «засранок, которые губы мажут, а подмышками воняют») и много десятилетий спустя, что «под маленькое/большое декольте» дошло и до моих детей, по-моему, до того, как они узнали значение слова «декольте». Просто первое означало «грязно», второе – «чисто».

ораторы, все нетерпеливо ждали возможности наконец вставить и свое слово. У мужчин, наоборот, были постоянные ораторы и постоянные слушатели. Дети лепились, в основном, поближе к мамам, но нередко мигрировали, сравнивая «по интересу» обе группы. Первыми расходились мужчины. Знаком окончания был зевок одного из ораторов. Не во время своей байки, Боже упаси, она же самая интересная, а вот Петя, Вася, Коля… можно и зевнуть, показывая, что завтра – рабочий день, и вставать надо рано.

При заселении нашего двора я, естественно, не присутствовала. Многие жильцы моего поколения родились уже в этом доме, но родители их въехали сюда после отъезда шретеровских жильцов, когда «подвалы переселялись в барское жилье».

Известный одесский краевед М.С. Пойзнер, с моей точки зрения, очень точно определил потомственного одессита: «Природные одесситы – это все-таки штучный товар. Товар без государственных границ и без сроков годности». Он сказал это об одесситах, в 1970-1980-х годах разъехавшихся по миру и организовавших «Всемирный клуб одесситов». Однако потомственные, «природные» одесситы, конечно, заявили о себе в устной и письменной речи с начала XX-го века.

Мой папа был «природным», потомственным одесситом. Его прапрадед сбежал в Хаджибей на вольную жизнь. Его прапрадеда сын построился на Слободке-Романовке, на Манежной улице. Здесь родились все последующие Кухаренки. Таким образом, в нашем дворе жили трое настоящих одесситов – папа и его две сестры. Остальные были пришлые – из еврейских штеттлов, из молдавских и украинских деревень и двое из Центра (!), присланные «наладить жизнь» в этом странном городе. Оба присланные и Яков Михайлович ходили с портфелями, с той разницей, что у Якова Михайловича портфель был толстый и старый, а у центристов – тощие и новенькие. К ним относились снисходительно – ну, прислали, они тоже люди подневольные – вон, даже говорить по-человечески не умеют. «Говорить по-человечески» это говорить на чудовищной смеси всего того, что привезли с собой «новые одесситы», с их шипящими и свистящими, с их вопросительной интонацией в конце утвердительного предложения, с их неизбывной языковой креативностью. Об «одесском языке» (с примерами) написана не одна книга, и я не скажу ничего нового, процитировав жильцов моего первого (Пушкинская, 33) и второго (Троицкая, 19) дворов. Я цитирую их не

потому, что мне хочется увеличить «Словарь одесского языка», а потому, что за этими словами и выражениями стоят живые для меня люди, уникальность речи которых оказалась характеристикой, по которой они навсегда остались в моей памяти. Увы, то, что было в первом дворе (даже папа, самый природный одессит из всех когда-либо известных мне), почти не отложилось в памяти, потому что тогда, в 1930-х, примерно так говорили все. *Все*, выражая заботу о ком-то, говорили «Я все время думала за тебя. Я так переживала за тебя!». Мы все «скучали (скучили) за кем-то», мы «не боялись за себя, мы боялись за него», мы доброжелательно предлагали: «Вам помогти?», мы говорили: «Я блукала-блукала, так и не нашла», «Он – совисный (=совестливый) человек» и «обицянки-цяцянки, а дурному радость», смешивая украинский и русский в то, что еще не называлось презрительным «суржиком»; у нас никогда ничего не мерзло, потому что мы «замерзаем во что-то: в руки, в ноги»; мы говорили о чем-нибудь экстраординарном: «Ой, можно было двинуться (тронуться) мозгами», а о походе на Привоз – «сделать базар». Фраза «Я вас умоляю» совсем не означала высшей степени униженной просьбы, но выражала скептическое недоверие к словам собеседника. Так, например, в коротком диалоге: «Он обязательно придет (скажет, принесет…)» – «Ой, я тебя умоляю!» – ответная реплика означала «Никогда он этого не сделает».

Моя мама пришла в квартиру и двор на Пушкинской, 33, в январе 1927-го, когда Шретеров давно уже не было, когда все квартиры были коммунальными, когда «парадный» и «черный» ход барских квартир обрели абсолютное равноправие, так как часть жильцов в комнатах, близких к одной из лестниц – то ли мраморной, то ли железной, ею и пользовалась, радуясь крыше над головой в самой Одессе!

Поспешные отъезды начала двадцатых годов и столь же поспешное поселение людей новых изменили и социальный облик, и «дух» Одессы, и, конечно, ее язык. Исчезли французский и итальянский, очень скромное место занял греческий, увеличился идиш, но главное – язык начал зависеть от возраста говорящего. Дети новых одесситов пошли в школу, которая успешно нивелировала язык города. Носителями «старого, коренного, неповторимого одесского» остались пожилые и старые люди, которых школа не коснулась. Вот их, послевоенных, я помню хорошо. Но это был уже мой второй двор, отстоявший от первого всего на один квартал.

Ольга Тангян

1941-1943: эвакуация из Одессы в Ташкент

Из дневников Амшея Нюренберга и Нины Нелиной*

Нина Нелина. 1950

Предлагаются вниманию материалы из архива художника Амшея Нюренберга (Елисаветград, ныне Кировоград, 1887 – Москва, 1979), чей творческий путь начался в Одессе. Здесь он учился в Одесском художественном училище у Кириака Костанди. Отсюда в 1911-12 годах он отправился в Париж для продолжения образования и изучения французского искусства. Свою профессиональную карьеру Нюренберг также начал в Одессе в 1910-е гг., став одним из основоположников Общества независимых, объединившего «одесских парижан» – художников нового авангардистского направления. Позже в художественной деятельности «одесских парижан» стала принимать участие его жена Полина Мамичева**, которая обучалась живописи у своего мужа. Публикация дополнена дневниками дочери художника Нинели Нюренберг (Москва, 1923 – Друскининкай, Литва, 1966),

* Из архивов Третьяковской галереи и архива Государственного академического Большого театра.

** Полина Мамичева-Нюренберг (Москва, 1894 – Москва, 1978) – жена Амшея Нюренберга и мать Нины Нелиной. В молодости занималась балетом и живописью.

А. Нюренберг. Автопортрет. 1945

впоследствии солистки Большого театра, выступавшей под именем Нины Нелиной, жены писателя Юрия Трифонова и матери автора публикации.*

Амшей Нюренберг обладал не только живописным, но и незаурядным литературным даром. Он проявился как в его многочисленных репортажах и искусствоведческих монографиях «Самарканд и Ташкент» (М. – Ташкент, «Рисоля», 1922) и «Поль Сезанн» (М., ВХУТЕМАС, 1924), так и в мемуарно-исторических книгах «Воспоминания, встречи, мысли об искусстве» (М., «Советский художник», 1969) и «Одесса – Париж – Москва» (М., «Мосты культуры», 2010).** Кроме этого, Нюренберг всю жизнь вел дневниковые записи. Они часто напоминали небольшие новеллы с выразительными сценками, диалогами и неожиданным концом. К ведению дневников Нюренберг приобщил и свою дочь, которая в годы военной эвакуации 1941-1943 гг. находилась вместе с отцом и матерью, что и запечатлела в своих записках. Если мать Полина Мамичева инициировала занятия дочери по фортепиано и вокалу, то отец научил ее заносить мысли и увиденное на бумагу, подмечать детали и давать им свои оценки. Иногда записи дочери и отца совпадали, но часто они делали разные акценты. В частности, у Нели был свой круг общения, так как она училась в эвакуированной в Ташкент Ленинградской консерватории в классе профессора Марии Бриан***.

* Ольга Тангян – внучка А. Нюренберга, дочь Н. Нелиной и Ю. Трифонова, к. фил. н., проживает в Дюссельдорфе.

** См. http://www.amshey-nurenberg.com/biography.php?sprache=russisch; http://www.amshey-nurenberg.com/literature.php

*** Мария Бриан (1886-1965) – русская певица (лирическое сопрано), вокальный педагог. В 1913-14 годах принимала участие в «Русских сезонах» С. Дягилева в Париже и Лондоне. Выступала в Большом театре. В 1920-50-х годах – профессор Ленинградской консерватории.

20 июня 1941 года Нюренберг приехал из Москвы в Одессу вместе с Полиной и 18-летней Нелей. Дочь только что окончила общеобразовательную школу и музыкальную школу Гнесиных. Нюренберги остановилась на квартире у своих старых друзей – инженера Оскара Мишкиблита и его жены, живших недалеко от Художественного музея (Щепкина, 8, кв. 2). Они поселились близко от моря. Художник мечтал написать новые морские пейзажи, виды одесского порта с большими кораблями. Довольно скоро Нюренберги и Мишкиблиты снова оказались вместе, но теперь уже в эвакуации в Ташкенте.

Через два дня после приезда семьи в Одессу началась война с Германией, что подробно описано в дневнике Нюренберга. Для него, пережившего первую мировую и гражданскую войны, многое казалось знакомым. Он верил, что нападение Германии будет остановлено, поэтому поначалу был настроен достаточно уверенно. Однако ситуация усугублялась, и дневниковые записи становились все более драматичными. Но и в трудных ситуациях Нюренберга не покидало присущее ему «одесское» чувство юмора – он умел подметить смешное как вокруг, так и в себе самом. Он также обладал особенностью отвлекаться от особенно тяжелых размышлений, либо переносясь в прошлое, в годы юности, проведенные в Париже, либо переключаясь на нечто позитивное, в первую очередь на мысли об искусстве. К примеру, когда в начале 1950-х в стране развернулась борьба с космополитизмом, Нюренберг писал в своем дневнике:

«Вспоминаю, в Париже в 1911-12 годах в годы голода и надежд я часто посещал Лувр, ту лестницу, с верхушки которой на меня глядела крылатая Ника. Сколько раз она меня согревала, окрыляла! Уйдешь от нее другим, радостным, легким. Тоже она меня подкармливала витаминами оптимизма».

Из дневника А. Нюренберга 1952 года

Вскоре после начала войны Нюренберг с семьей вернулся в Москву, а в октябре отправился в эвакуацию в Ташкент. Вместе с другими эвакуированными Нюренберги перемещались по стране на случайных поездах кружными маршрутами с непредвиденными остановками, из-за чего путешествие заняло около месяца. Жизнь в Ташкенте оказалась немногим легче. Стоило больших усилий добыть самое необходимое – хлеб, сахар, крупу, мыло, не говоря уж о таких важных для художника принадлежностях,

Жена художника Полина Мамичева (сидит с веером), Амшей Нюренберг (стоит слева), теща художника Неонила Мамичева (сидит), рядом ее вторая дочь Зинаида с мужем и сыном. Одесса. 1918

как кисти, краски, холсты. Но и в эти годы Нюренберг оставался верен себе и, несмотря на трудности и возраст, систематически делал наброски и зарисовки, создавая свою «Антифашистскую серию». Туда вошли образы беженцев, несчастных скитальцев, городских жителей, выброшенных из привычной жизни. Большую часть из них составляли женщины, дети, старики. Художник писал и большие тематические полотна. Суровые, непроницаемые лица, страшные сцены и сами за себя говорящие названия: «Здесь их расстреляли», «Горе», «Последний путь», «Вы должны сами рыть себе могилы», «Фашисты в музее», «Прощание», «В ожидании поезда», «Очередь за тарелкой супа» и т. д. Другая часть работ Нюренберга того времени была посвящена Ташкенту с его азиатским колоритом. Здесь он продолжил начатую им еще в 1920-е годы «Восточную серию» и, переключаясь с военной тематики, писал городские пейзажи, праздничные сценки, восточные базары, портреты узбекских музыкантов.

В 1943 г. Нюренберги вернулись в Москву, а уже в 1945 г. «Антифашистская серия» была представлена на персональной выставке художника в Центральном доме литераторов.*

В эвакуации Нюренберг постоянно вел свою дневниковую хронику, наблюдал за людьми, записывал их разговоры, подмечал обороты речи, особенности внешнего облика. Он часто использовал прямую речь, что было нетипично для дневниковых записей. Словесные портреты Нюренберга были не менее живыми и яркими, чем персонажи, изображенные им на холсте или бумаге. Его стилю ведения дневников во многом следовала дочь, также запечатлевшая в своих записках реальные сцены с диалогами.

* См. программу выставки 1945 г.: http://www.amshey-nurenberg.com/exhibitions.php

Дневниковые записи Амшея Нюренберга и Нели Нюренберг продолжали и дополняли друг друга. Разница заключалась в том, что Нюренберг записывал впечатления спонтанно, по следам событий, а Нелина писала дневник не столь регулярно, в связи с чем могла обдумать пережитое и дать взвешенные оценки. У нее «большое видится на расстояньи». Уникальный документ отца и дочери, предлагаемый в настоящее время читателю, публикуется впервые.

Дневники Амшея Нюренберга

20 июня 1941 года. Одесса. Вокзал

4 часа дня. Наш московский поезд весь в пару. Несколько часов тому назад был жестокий, громовой дождь. Носильщик нам помог вынести вещи (9 штук!).

Ноги попадали в лужи. Дул сырой ветер. Сели мы в обитый брезентом грузовик. Таксомотор для скромных, не ищущих люкса пассажиров. Взяли с нас по 3 рубля и дали нам билеты.

Улица Щепкина, 8, квартира 2. Ося нас тепло встретил. Крепкие объятья, поцелуи. Вечером, сидя в его уютной большой комнате, мы щедро планировали июнь и июль на берегу Черного моря.

Нелюся раскрыла уже чемоданы, что омрачило Полину. Спали мы крепко, скульптурно устроившись на низком диване. Полина и Нелюся – головами к открытой балконной двери. Я – у их усталых ног.

(21 июня)

Большое событие в тихой одесской жизни – хождение на базар. Большая площадь, пестрые деревянные рынки с наивными вывесками, бесчисленные палатки, сундуки, столы (в виде голландских натюрмортов). И всюду яркая зелень, овощи, цветы – коричневые лица темпераментных одесситок. Гудение густых и смачных голосов. Остро пахнет луком, яблоками и рыбой.

Я и Полина с корзинами «тыкаемся» в самых бойких районах, расспрашивая колхозниц о ценах на фрукты и овощи. По двадцать рублей мы покупаем столько добра, что оно не умещается в наших корзинах. Спешим домой. Нелюся нас

поджидает с горячим чайником и старательно нарезанным одесским белым хлебом.

После обильной фламандской закуски мы приступаем к организации текущих дел. Полина дошивает Нелюсе голубое платье, которое она будет носить у моря. Нелюся штопает себе продранные белые носки. Я раскладываю свою художественную галантерею и натягиваю холст на подрамники. В голове блистательные пейзажи, солнечные, многообещающие.

22 июня

Ося предупредил нас, что в 12 часов выступит т. Молотов с какой-то большой тревожной речью. Меня это очень обеспокоило. Не случилось ли что-нибудь? В 12 ч. мы всей семьей стояли у приемника. Предчувствие меня не обмануло:

«На нас напала фашистская Германия! Убито уже много народу… Невыполненная статья Договора… Фашистская орда уже атакует нашу границу…»

Мы все ждали этого, но теперь нам сказали: война! Мы все побледнели. Первая мысль – срочно вернуться в Москву. Ближе к ней, к близким и дорогим людям.

Я бросился на вокзал. Одесса неузнаваема. Улицы заполнены народом. Кучки людей, спешащих в магазины. У булочной огромные очереди. Темпераментные одесситки спешат запастись хлебом. В трамвае мобилизованные. Одетые в новую военную форму – крепкие тяжелые сапоги и пилотки. Лица спокойные, уверенные. Самые сейчас спокойные в городе лица.

На вокзале очереди. У московской кассы человек сто. Рядом со мной полная сильно вспотевшая еврейка. Она тщательно и мудро выбирает свои слова:

– Как вы смотрите на все это? – обратилась она ко мне. – Не думаете ли вы, что это немцы с англичанами устроили? А? По-моему, так. А?

– Не думаю, – ответил я.

– А я думаю, – сказала она. – Буржуазия всегда между собой договорится. А?

– Оце заваруха будэ, – подмигнув мне, сказал один украинец с поседевшими усами.

В очереди первые сенсационные обывательские слушки и слухи. Высадился десант, его поймали и всех вырезали.

Ровно в 4 часа я оказался первым у окошечка, но кассир, закрыв окошечко, бросил нам: «Перерыв на час».

Ко мне подходит молодая женщина в легком кремовом платке, убитое лицо, заплаканные глаза, сухие черные губы.

– Гражданин, – слышу я тихий голос, – вы должны меня спасти. Возьмите мне один билет на Москву. Я здесь с двумя малолетними детьми, без денег. Выпросила на билет. Неужели вы мне не поможете? Если вы мне откажете, я упаду здесь.

Ее глаза влажны.

– Хорошо, – говорю я, – постараюсь. Но будьте осторожнее с передачей денег. Увидят – вас изобьют.

Через несколько минут у моего лица – лицо пожилой женщины.

– Спасите меня. Возьмите мне билет в Харьков. Я больная, приехала в Одессу лечиться, и вот.

Оратор на буфетной стойке:

– Товарищи, на наш мирный советский народ напали фашисты. Они думали захватить нашу границу врасплох и ринуться на нашу советскую Родину, но мы им дадим достойный отпор. Все как один встанем на защиту нашей Родины!

После первого выступил другой оратор, призывавший к дисциплине и организованности:

– Боритесь с провокаторами и диверсантами!

Картины знакомые. Точно передо мною воскресли сцены из гражданской войны. Много общего. Есть и разница. Народ теперь более дисциплинированный, более организованный, а главное, наша славная, простая и храбрая Красная Армия, охраняющая наш покой и жизнь. Она всему придает силу и уверенность.

В 5 ч. в вокзал вбежали трое служащих и громко заявили:

– Все на площадь. Ни один не должен остаться. Воздушная тревога.

Первая воздушная тревога! Народ бросился в садики, в кусты, в окружающие вокзальные помещения. В воздухе виднелись наши ястребки. Они плавно неслись. Колхозники, сидя на своих чемоданах и ящиках и покуривая махорку, обменивались впечатлениями.

А. Нюренберг. «На одесском бульваре». 1941

– Це наши шукают фашистов, – говорили колхозницы, сгрудившись в кучки и выглядывая из кустов. На фоне зелени их яркие платочки казались цветами.

Милиция охраняла нас, следя за тем, чтобы мы «не носились по открытым местам и не показывались немецким аэропланам».

Домой ушел без билетов. Хотелось описать сценки прощания красноармейцев.

Вечером была первая ночная тревога. Был настоящий ночной бой, как его изображают. Мы его наблюдали, стоя в дверях первого этажа нашего дома.

Все жильцы спустились в подвальную квартиру сапожника, казавшегося в одну ночь героем. Он уступил женщинам с детьми и старикам все свои стулья, сундуки: «Садитесь, товарищи».

Курьезно было наблюдать, как «бывшие» люди величественно спускались к сапожнику.

– Не сыровато здесь? – спросил один старый шамкающий тип.

– Идите, идите, товарищи, – гостеприимно приглашала жена сапожника.

– Не курите, ради Бога! Не зажигайте спичек. Товарищи, не выглядывайте! Говорите тихо.

Бой разгорался в голубом небе. Две яркие серебряные полосы прожекторов цепко держали малюсенькую точку. Зенитные пулеметы обрызгивали ее фосфорическими струйками. Точно фейерверк!

За мои руки крепко держались Полина и Нелюся. Полина все время повторяла:

– Боже, на нас может упасть снаряд. Ради Бога, не высовывайтесь.

После отбоя мы поднялись наверх к себе и, не раздеваясь, легли спать. Я спал по-боевому, постлав пальто свое на полу, укрывшись пиджаком.

23 июня

Солнечный теплый день. Сейчас бы сидеть на берегу моря и писать пейзаж в голубых и золотистых тонах. Увы! Пропали все мои пейзажи и натюрморты…

Рассказывали, что на берегу охрана, пушки, пулеметы, зенитки и проволочные заграждения. Купальщикам каюк.

В 11 ч., когда я возвращался (с рынка) с клубникой и редиской, раздались завывания сирены. Я успел добежать до нашего дома. Все уже были в тревожной форме и ждали меня с превеликими волнениями.

Днем в подвале веселей. Народ не так мрачен. Едят, пьют и тихо беседуют. Кто-то даже пытается шутить:

– Дай Бог, чтобы Гитлеру так весело было на сердце.

– Я готова, – заявила одна женщина, – десять раз в день спускаться в погреб, лишь бы один раз увидеть эту собаку в могиле.

– Детям все это кажется забавным. Они смеются над нашими волнениями.

– Курьезно. Во дворе, в сарае, корова. В минуты тревоги она мычит.

Активный член ПАХО* сказал:

* Предположительно Производственный административно-хозяйственный отдел.

– Дворничихе нашего двора надо дать противогаз.

Ходили на вокзал. Уехать нелегко. Липсман* обещал помочь (через НКВД). Заходил в Художественный музей (ул. Короленко, д. 5). Там собираются упаковать наиболее ценные картины. Мельком через окно взглянул на море. Оно такое ярко-синее и такое равнодушное.

Сегодня распространилась весть о том, что в Германии – Революция. Люди обнимали друг друга, целовались и плакали от радости. Но предполагаю, что кто-то пустил в ход провокацию.

24 июня

Бомбоубежище устроили в подвальных сараях. В Одессе сейчас много таких бомбоубежищ. Народ привык к ним. Жизнь вошла в свою колею. В булочных много хлеба и никаких очередей, на базаре много всего. В трамваях опять знакомые перебранки между кондукторами и не любящими платить за проезд одесситами. В парикмахерских важно бреющиеся сонные мужчины.

Липсман мне помогает достать билеты**. Мы сели в трамвай и поехали на вокзал, где у него есть знакомый чиновник. На углу Ришельевской и Греческой трамвай остановился. Тревога! В один миг вагон наш опустел. И куда девались только что живо болтавшие одесситы? Точно их вихрем унесло. Мы с подчеркнутым спокойствием слезли с трамвая и пошли по улице. Не успели мы сделать десяти шагов, как нас окружили и увлекли в подворотню.

– Нельзя ходить по улицам во время тревоги, – твердо заявила нам девушка лет 18 с развевающимися черными кудрявыми волосами.

Мы вынуждены были простоять под охраной минут двадцать. Пока не кончилась тревога. После отбоя мы решили вернуться в наш трамвай. Каково было наше изумление, когда мы увидели трамвай опять переполненным и в обычной бытовой одесской форме. Опять впереди вырисовывалась фигура рыжего вагоновожатого в безрукавке с голой бритой головой и белыми руками, которыми он лениво работал. Опять старая

* Липсман – знакомый Нюренберга, работавший бухгалтером в НКВД.

** Имелись в виду билеты в Москву.

в лиловой майке кондукторша, до упаду ругавшаяся с беспечными безбилетными пассажирами. Трамвай тронулся, и я увидел на Ришельевской обычную публику. Она лениво плыла, задерживаясь, чтобы поделиться впечатлениями дня. Точно в театре. Декорации и статисты.

Вечером тревога нас опять загнала в газоубежище. Запасены лампы, под ногами настил, по которому ходим спокойно. У меня уже есть свои собеседники. Они знают самые последние известия, «ловят по радио заграницу» и считают себя профессиональными политиками.

Собеседник Бейгельман. Он сидит на дубовой скамье, сложенной дворником, прислонившись к сырой стене. В руках незажженная папироса. Говорит он глухим голосом, не спеша:

– Это будет самая ужасная война. Прошлая империалистическая война будет казаться ребенком. Гитлер хочет нас сделать рабами. Но есть большевистский Бог – так этого не будет. Россия будет для него могилой.

Бейгельман улыбается. Этой улыбкой он хочет сказать, что он еще верит в большевистского Бога. Он посмотрел на меня, как бы спрашивая: «А вы разве не верите?».

– Верю, – улыбаясь, отвечал я. – И очень верю.

Получив мое согласие, он начинает развивать свою мысль:

– Они хотят напугать историю, на пушку ее взять. И потом делать с нею, что им вздумается. 200 миллионов людей – это тоже не фунт дыма. Да еще 200 миллионов советских людей! История уже знает бандитов, – сказал, усмехнувшись, Бейгельман, – и она их не боится. Ее криком не возьмешь.

Послышался звук отбоя. Двое мальчиков трех лет громко закричали:

– Мама, мама! Отбой, отбой!

Очень привычно прозвучало это новое слово у маленьких детей.

Бейгельман погасил лампу, закурил папиросу и, обнимая меня дружеской рукою, ласково сказал:

– Пойдемте. Надо набрать больше сил. Они сейчас очень пригодятся. Поэтому побольше ешьте и отдыхайте.

Да, большие силы нужны сейчас.

25 июня

С утра блуждаю по одесским улицам. Хочу накопить как можно больше впечатлений. Тайная мечта – посидеть часок у берега или вдали от него, но так, чтобы хорошо видна была синева моря.

На углу Екатерининской и Дерибасовской у репродуктора народ. Ждут вестей. Особенно ждут сводок. Вокруг них вся жизнь. Лица сосредоточенные, углубленные в себя. Старики, женщины, молодежь. Встречались военные.

Видел знакомые по прошлым войнам сцены ухода на фронт и прощания. На бульваре Новотрубном я видел группу людей, по композиции и настроению напомнившую мне мои еврейские картины.

Мобилизованный, высоко подняв сынишку, говорит ему что-то нежное и смешное. Против бойца небольшого роста заплаканная жена. Рядом старик и старуха, всеми складками своей одежды говорящие о глубоком горе.

И все же над всей группой реет невидимое знамя недалекой радостной победы.

На обратном пути другая сцена. Мобилизованный со скатанной шинелью и противогазом за плечом, с винтовкой в правой руке стоит рядом с женщиной (узкие плечи и бледный затылок). На руках ее грудной ребенок, у юбки, прячась в ее складках, другой ребенок лет пяти.

Боец ей что-то говорил. Она его слушала рассеянно. Ее мысли были далеко. И вдруг трамвай с мобилизованными. Очевидно, знакомые, друзья. Они ему что-то крикнули. Быстро обняв жену, он бегом бросился к переполненному вагону. Женщина осталась с детьми в той же позе. Я ее наблюдал несколько минут. Она не могла двигаться. Наконец, собрав свои силы, она тихо поплелась в ту сторону, куда ушел вагон с ее близким, дорогим человеком.

В руках наших красноармейцев вижу новенькие автоматические ружья. Это все изобретения Дегтярева. Сердце радуется. Золотистое дерево и травленая синяя сталь. Кружевное дуло. Красноармейская рука любовно, крепко обнимает ствол. Проносятся грузовики с вооруженными матросами. Можно было подумать, что это 1919, если бы не зеленоватые широкие каски, точно не-

лепо посаженные на головы шляпы. Пролетели по Пушкинской мотоциклы с пулеметами, за мотоциклами грузовики с провизией. Гудки протяжные и развевающиеся вокруг высоких грузовиков брезенты, создающие тревожность.

А. Нюренберг. «Прощание». 1942

Грузовики – с мобилизованными и близкими людьми. Встретилась какая-то часть уже бывших в огне красноармейцев. Одежда их покрыта черными пятнами. Это пот с черной кровью. Они напоминают замаскированные военные объекты.

В 1 дня я должен быть у места службы Липсмана. Сейчас 12. Успею походить по Александровскому парку и взглянуть хоть на минуту на море. В парке – ни души. Тихо. Буйно цветут две опоздавшие акации, пестрят цветники.

Я направляюсь к обрыву. В двадцати шагах от обрыва слышу: «Стой! Сюда нельзя!». Поворачиваюсь и иду обратно. Радуюсь, что успел увидеть кусочек моря.

Жара меня утомляет. Ложусь на садовую скамью, подложив под голову пиджак. Дремлю. Кто-то меня будит. Открываю глаза: мальчик лет 15 в красной майке. Противогаз за плечом:

– Ваш документ?

– А ты кто?

– Позже узнаете.

– Ты еще слишком мал, чтобы проверять документы, – говорю я ему.

– Здесь спать нельзя, – строго говорит он.

Встаю и ухожу. Иду в сторону забора. Через минут 15 меня окружают трое. Опять: «Ваши документы!». Среди спрашивающих один в форме НКВД. Показываю.

– А что вы тут делаете?

– Жду товарища.

Посоветовались и предложили мне уйти. Я ушел. Через минут двадцать меня остановили трое.

– Ваш документ.

Я разглядел их. Показал документы. Посоветовались и отпустили.

* * *

Шпиономания выросла до страшных размеров. Особенно она охватила молодежь. Сегодня на Ришельевской, когда я шел с Липсманом, к нам подошли две девушки. Одна из них, подавляя в себе улыбку, спросила:

– Дяденьки, скажите, вы не шпионы?

* * *

Сегодня опять сбили один фашистский стервятник. На него налетели наши ястребки и не выпускали его из объятий до тех пор, пока он не свалился. Наши летчики – герои – в высшем смысле этого слова.

Сегодня Липсман достал билеты. По этому случаю зашли в пивную «смочить горло» и на минутку отвлечься от всего и вспомнить буйную юность. Заведующий пивной, знающий Липсмана, подошел к нему и шепнул ему что-то на ухо.

– Амшей, – раздраженно сказал Липсман, – опять шпиономания. Надоело! Ну, я их сейчас проберу!

Когда кончили и вышли, нас обступила толпа пьяных морд:

– Шпионы!

Липсман обвел их гневным взором и вылил на их головы ушат ругательств, самых злых и циничных:

– Ну что, свой я или шпионский?

Двое улыбнулись:

– Свой!

– То-то же. Пойдем, Амшей.

И мы пошли, провожаемые звериным взглядом притихших пьяниц!

26 июня. Выезд из Одессы

Посадка ночью. Давка. Выстроилась длиннейшая очередь. Вокзал погружен в мрак. Идем ощупью. Плач детей и ругань милиции. Группа узбеков с мешками и чайниками. Беженцы из Кишинева. Молодежь в легких ситцевых платьях и соломенных шляпах.

Сели в вагон. Пьем нарзан и мечтаем о Москве. Отъезд без огней.

Ночью нас подняли. Пришлось уступить место.

– Товарищи, уступите место беженкам, едущим с детьми.

Уступили. Спали на чемоданах.

В Киеве нас перевели в коридор. Киевский вокзал. Черные массы. Поезд тихо подошел. Боимся бомбежки. Слышу, как кто-то ругается:

– Сволочь, туши сигарету, застрелю! Да ведь это все равно что сигнализация!

В вагоне дыхание войны. Сидят на чемоданах, полу. В коридоре, в тамбуре. Уборные завалены тюками. Пахнет потом, мочой, луком.

…

В Москве, 1941

В бомбоубежище сыро, темно. Мы спускаемся туда со сделанным спокойствием. Вдоль каменной стены дощатые скамьи, мешки под ногами, чтобы они не вязли, не зябли, и две керосиновые лампочки.

Председатель домкома меня уже ждет. Он любит поговорить о политике и считает себя опытным политиком. О Рузвельте и Черчилле он говорит, как о своих старых жильцах, с которыми он запанибрата.

– Что вы скажете о нашем Черчилле? Чистая работа! – улыбаясь, говорит он. – Да, не подвел, старина.

Или:

– Рузвельт этого никогда не допустит, верьте мне.

– Ну, – встречает он меня восторженно, – читали? Два в одну ночь. Их сбили одним ударом наши летчики. Наши летчики – чудотворцы. Ай да народ! Я сам видал бой. Двое взяли под ручку,

а третий сел сверху. Всё. Красота. Вам бы как художнику нужно было написать эту картину. Какая картина!

Пауза. Он закуривает. Потом быстро гасит: «Что я делаю?».

– Вчера мобилизовали младшего Васю, – продолжает он. – Со слезами радости провожали. Отдали третьего – лишь бы эту гадину уничтожить. Россию хотят съесть – стошнит. А сыновья у меня! Вы бы как художник их нарисовали. Эх, дети, как у Тараса Бульбы, только с большевистской душой.

18 июля. Москва, Верхняя Масловка

Весь день провел в мастерской, прощаясь с начатыми и неоконченными работами. Я их долго разглядывал, точно их кто-то отнимал у меня. Закончу ли я их когда-нибудь? А как сейчас хочется придать им относительно оконченный характер! Дописать недописанные фигуры, замазать фон, наметить нужные детали. Легче стало бы!

Я поставил на мольберт большой холст «В день смерти Ленина» и глядел на него часа два. Сейчас мне картина показалась не такой уж неудачной. Мне даже самому понравились отдельные головы. Особенно головы плачущей женщины и скорбящего старика. Может быть, эта работа была одной из лучших в моем творчестве! Может быть!

Потом я поставил перед собой эскизы к картине «Уход на фронт». И эскизы, особенно один из них, показались мне сегодня недурными. В них мне удалось передать какую-то теплоту. Что мне с ними делать? Кому они сейчас, когда страна переживает такое горе, такие тяжелые дни, – нужны? До станковой живописи сейчас ли? Что дадут мои холсты армии?..

Нужны только агитационные плакаты, героические лубки, сатира… А что если и они сейчас не очень нужны? Мне почему-то кажется, что и они потеряли свой прежний смысл. В 1919-1920-м годах я их делал с глубокой верой в то, что они нужны, что они действуют, бунтуют, зовут, толкают… Теперь я их буду рисовать (не могу не рисовать) без прежней веры!..

Сейчас нужны мешки с песком, противогазы, инструкции, как всем этим пользоваться. Вот здесь еще сможет художник быть актуален и полезен! Нужны здоровые силы, и не тут, в Москве,

а там, где решается участь всех наших 25 лет усилий, где решается участь советской власти.

Я все сижу, прикованный к стулу. Сил нет оторваться от него и взяться за упаковку холстов. Что с ними делать?

…

16 октября 1941 года. Отъезд из Москвы в Ташкент

(В вагоне. Он лежал на скамье и курил. Курил и напряженно, нервно о чем-то думал…)

19 октября

Слезли в Арзамасе. Снег, грязь. Антисемитский разговор у хлебной будки: «Ах, евреи! Чтобы их! Весь хлеб пожрали!».

20 октября

В теплушке, как в Ноевом ковчеге, – животные, люди. Животных везут хозяева теплушки. Две козы, две пары кур, петух. От них грязь, вонь. Рано утром, обычно часа в 4, начинает запевать петух. Его голос, звонкий и бодрый, тянет за собой нить ассоциаций: колхозные картины, сараи, амбары, степь.

После петуха начинают шевелиться козы. Они блеют, стучат копытами и лягают нас, напоминая нам о том, что пора их кормить завтраками. После коз утомительный плач ребенка – обжоры Юрки. Он ревет о том же, чтобы напомнить, что пора ему дать молока.

После Юрки сиплый голос его сухопарой матери. Женщины жесткой, мрачной. Закурив огромную самокрутку, она осыпает дикими ругательствами Юрку и будит свою несчастную подругу Верку.

– Вставай, стерва. Не я же буду кормить ребенка.

После Веры просыпается весь вагон.

22 октября

Пенза. Утро. Дождит. Поезд вошел в переулок красивых эшелонов. Слезли. Вокруг кучи дерьма, пепел, окурки. Оставили вагон-теплушку, в котором провели четверо суток. Воспоминания о хозяйке теплушки Анне Павловне. Жесткий, тяжелый характер. Издевательства над падчерицей Верой. И Феодосий Федорович,

А. Нюренберг. «На вокзале». 1942

колхозник с женой Егоровной и тремя детками. На каждой станции Феодосий Федорович находил колхозников и говорил с ними. По возвращению в вагон, обычно улыбаясь, передавал: «Зовут в колхоз, дают по 600 грамм хлеба, картошки сколько угодно, дают помещение хорошее. Только оставайся!».

Его, как и нас, тянуло на юг. Он не любил холода, хотя родился и вырос на Севере.

* * *

Пенза, как и другие наши северные города, тонет в грязи. Привокзальные переулки, озера, стиснутые унылыми заборами и избами. Пейзаж мрачный. Особенно в дождливый осенний день.

Телеги, едущие по грязным дорогам, застревают в них. На вокзале типичные картины. Сотни бледных, измятых, голодных беженцев с грязными тюками, спасенным под обстрелом скарбом.

Беспомощные старики и старухи, которые спасены во время бегства, придают группкам беженцев особый семейный трога-

тельный характер. Они глубоко дышат. В глазах их блеск непередаваемых страданий и горя.

Я видел, как несли на руках такую старуху. Она виновато глядела на своих носильщиков, и мне казалось, что она просила их не бросать ее в первую лужу.

(23 октября)

Эвакопункт выдает талоны на хлеб и обеды. Обеды – плохие, хлеб – хорош.

Сели в вагон. Грязный, неубранный. В углах – дерьмо. Пришлось самим позаботиться о чистоте. Вагон достали за 300 рублей у агента эвакопункта. Он торгует всем. По 10 р. с человека. Это ужасно. Но люди не хотят лежать в грязи, под дождем и делают все, что можно.

24-25 октября

Против нас у самой двери лежала еврейская семья. Муж с женой, двумя детьми (девочка лет 10 лежала, у нее была ангина) и дряхлым беззубым стариком. Старика везли к внуку. Старик громко стонал, охал. Просыпаясь, он развязно у всех нас просил покурить, жадно хватал протянутую к нему цигарку и, сделав несколько вдыханий, бросал окурок куда попало. Молодого мужчину звали Исаак. Быстро выскочив из вагона, он бросался искать хлеб. Он догонял отходивший поезд и так же виртуозно, ловко вскакивал в вагон. В дверях стояла плачущая жена: «Не хочу твоего хлеба. К черту! Ты мне сердце испортил, сволочь!». Но стоило им и детям съесть запасы хлеба, как они опять начинали ворчать: «Исаак, нет хлеба. Что делать?».

На остановках колхозники выносили морковь в мешках. Все жители поезда высыпали на перрон. Морковь брали с боем. Колхозницы неистово ругали нас обжорами и, продав свой товар, устраивались в стороне, чтобы подсчитать свою необычно большую выручку. Редко разносят вареное мясо (10 рублей кусок) и вареную картошку. Хлеб не продают, его только меняют. На мануфактуру и особенно на мыло. Два раза менял на мыло. Но где же достать столько мыла?

А. Нюренберг. «Под дождем». 1941

Запомнилось, как одна колхозница, распродав бедным беженцам свою холодную картошку, пересчитывала выручку и, оглядев поезд, с чувством сказала:

– Вот страда, какая страда!

Станция Рузаевка

Без конца идут эшелоны с войсками, пушками и вооружением. В противоположную сторону. В сторону Москвы, Тулы. Кадровые красноармейцы хорошо одетые, крепкие. Приятно видеть их.

Пушки в брезентах. Ночью лунный свет делает их и машины сказочными. Машины кажутся скульптурой левых скульпторов. Они плавно движутся, навевая романтические мысли.

* * *

Дорожный вагонный быт властно и незаметно меняет наши привычки. Негде и некогда бриться. Пятый день не бреюсь. Кое-как умываюсь. Мыло в угольной пыли. В ушах, на шее серые полосы. Руки покрыты сухой жесткой кожей. Ухаживание за печью,

пилка дров, водоносные дела, подметание пола деформировали мои руки. Носовые платки мои грязнее половых тряпок. Начал курить самокрутку: кусок газетной бумаги и немного махры. «Самосадик» – большое утешение в этой дороге. Дым самокруток кажется порой ароматным.

Мои женщины охают и стонут. Грязь их одолевает. Они вынуждены сдаться. Я вижу на них замызганные халаты, грязную обувь. Ужасны и жестоки выскакивания из вагона ночью на неведомых сырых станциях по делам туалета. Все простые вещи стали очень сложными. Каждый шаг требует больших усилий, напряжений.

Наблюдается усталость воли. В голове одни мысли: где бы накрасть для печки антрацита, где бы дешевле достать картошки, моркови и злосчастного, неуловимого, окруженного легендами хлеба.

Мне кажется, что никогда ни о чем другом я не думал.

Станция «Красный узел»

Вся станция, перрон, вокзал, пути в непролазной липкой грязи. Вдоль путей засохшие кучи дерьма. Оно заполняет все уголки, задворки. К нему привыкли, точно к мрачной необходимости!

На базарчике за вокзалом – морковь, подсолнух и махорка. Все продается в грязных мешках. Мордовцы, чуваши. В лаптях и меховых шапках. Лица широкие, красные, неулыбчивые. Грязь на базаре – точно столярный клей. Галоши прилипают.

Наблюдаются отдельные случаи дезертирства. На станции много дезертиров, слоняющихся без дела. Они предлагают куски хлеба, красноармейские консервы. Двое мне предложили спирт.

Одну группу я остановил.

– Товарищи, что вы тут делаете? – обратился я к ним.

– А мы отстали от поезда и теперь его догоняем.

Это обычный ответ дезертиров. Они заполняют длинные комендатуры, курят «козьи ножки» и тут же у длинных и сонных поездов оставляют некоторые свои следы.

* * *

Я подошел к группе беженцев.

– Далеко едете?

– Ташкент.

– В теплый край?

Говоривший старик страдал одышкой. Он глубоко дышал.

– Мне все равно, куда, – его борода тряслась. – На Север – гибель, на Юг – гибель. Еду на гибель и бежал от гибели. Мне теперь все равно, где умирать.

– Вещи ваши?

– Они мне не нужны. Но бросить их я не могу. Они меня не оставляют. Привязались ко мне. Ох, эти вещи! Там ничего нет особого – тряпье, но тяжело оно, точно камни.

* * *

Плывут поезда. Порой они кажутся бесконечными. Иногда в голове – два мощных паровоза. Все эвакуированное заводское добро. Фашистам не хотели оставлять ничего ценного.

Масса машин, дорогих и сложных станков, электрооборудования, ряд платформ с моторами. Есть нежные, кружевные машины. Обидно видеть, как дожди их омывают. Ржавчина покрывает их и ест. Их везут на Урал, в Сибирь.

Но сколько сил нужно, чтобы восстановить это добро! Сколько!

Этот наши пятилетки, ради которых мы себе во многом отказывали. Это наш актив, наши завоевания, гордость.

Сегодня прошел поезд с машинами Краматорско-харьковского электрозавода. Редко-редко их сопровождает охрана.

* * *

Через несколько стенок – тюремный вагон. Арестованные немцы. Их сопровождает пять красноармейцев. Один из них, чтобы рассеяться, приходит к нам покурить цигарку и поболтать.

– Все арестованные лежат и молчат. Редко говорят, а еще реже поют.

– А как вы с ними разговариваете?

– Поляк один среди них есть. Он им и нам все передает. Одеты плохо. Зимы им не выдержать. Френчишки, гетры и всё. Один в колхозной шубе. Содрал, наверное. Деньги дадут – мы им чего-нибудь купим.

Я его упросил показать. Духота и на койках бледные, исхудалые лица. Вот они – эти бандиты, холодно убивающие наших жен и детей.

А. Нюренберг. «Конвой обреченных». 1942

Мне не хотелось долго их рассматривать. Они были очень жалки и искали в моих глазах сочувствие к себе. Один высокий с гордым в прошлом лицом полулежал и тупо разглядывал все – и меня, и красноармейцев.

Красноармеец их добродушно угощал подсолнухом.

* * *

Есть беженцы, находящиеся уже свыше месяца в пути. Лица их подобны глине. Они знают все эвакопункты, изучили все карты, узловые станции. Знают вкус кипятка всех станций, больших и малых. Есть такие, которые похоронили своих детей.

Я видел группу учителей. Они из Горловки, Донбасса. Они в дороге уже 32 дня. Живут на открытой площадке. Из снегозадерживающих щитов и соломы они соорудили себе хижину и жили в ней, выскакивая в самых острых случаях.

Я разговаривал с ними. Они думают таким образом добраться до Челябинска.

– Живем, как Робинзоны Крузо.

А. Нюренберг. «У очага. Эвакуация». 1941

Станция Батраки

Сижу в оперпункте ст. Батраки*. Дежурный держит у уха трубку и ведет оперативный разговор:

– Это кто? Начальник станции? Говорит дежурный по милиции. На 2 парке, третьей путя лежит труп женский, снятый с поезда. Человек уснул и замерз. При ней найдено много барахла. Барахло зашили в мешок и по описи сдали в архив. Надо труп убрать и похоронить, а то собаки съедят, будут неприятности.

– Чо! Не. Мы не будем убирать. На кой черт труп нам! При замерзшей женщине найдены документы – инженер с Донбасса.

– Повторяю, поняли? Надо убрать. Всё.

* * *

Сегодня я в отчаянии бросился к начальнику ст. Батраки. Секретарь меня принял в теплой прибранной комнате. Цветы, ковры, теплый дружеский разговор со мною так подействовали на меня, что я готов был обнять секретаря и наговорить ему тысячу нежных слов.

Я попросил его помочь мне сесть в ташкентский поезд, пообещав за помощь любую художественную работу. Он охотно принял мое предложение.

– Сделайте нам художественный плакат, а мы вас хорошо накормим и художественно посадим в вагон.

Сегодня я акварелью написал им антифашистский плакат (начальник часто приходил глядеть, как я работал) и получил целый каравай пшеничного хлеба. Я держал каравай в руках как самое драгоценное сокровище. Чтобы не вызывать зависть в беженцах, я его завернул в газету. Давно я уже не испытывал такой нежности к хлебу. Я шел по железнодорожным путям, по мокро-

* Батраки – город на Волге.

му снегу, шел, пощипывая корку каравая, и ел. Каким вкусным казался мне этот хлеб.

Мое художественное ремесло часто в жизни меня спасало.

Отъезд из Батраков

Раннее утро. Неба не видно. Мгла. Мы на разъезде. Падает сухой снег. В щелях вагона свист ветра. Выскакиваю из вагона и вижу – за станционными кирпичными домами щиты. Они сложены, как дрова. Оглядываюсь – ни души. Бросаюсь к ним, хватаю один из них, взваливаю себе на плечи и несусь к вагону. Стучу, открывают. Все идет хорошо. Ночь будет теплая. Мы отдохнем и согреемся.

Но тут происходит следующее. Неизвестно откуда приходит высокая фигура железнодорожника. Меховая шапка и неприветливое, как снежное небо, лицо. Несколько минут фигура молчит, жестко разглядывая меня и щит. Я жду нерадостных событий.

– Где брал щит? – слышу я мрачный голос.

– Там за зданием, – спокойно отвечаю я.

– Положь обратно.

– Да ведь это старый, негодный щит, – пробую я его уговорить. – У нас больные женщины, дети.

– Положь обратно, – повторяет железнодорожник.

И пока я раздумываю над тем, что делать, железнодорожник степенно вынимает книжку и на ней что-то начинает записывать.

– Вот протокол составлю. Будете знать, как красть казенное имущество. Каждый вагон по щиту – все разберут. Щепки не останется. Из-за вас крушения пойдут. Ну, что мы будем делать, если бураны разыграются? Ведь сейчас зима. Подумайте. Не стыдно вам?

Чувствую стыд. Отношу щит на то место, где я его брал. Ребята смеются надо мною. Слышу: слабодушный интеллигент!

К вечеру температура в вагоне резко падает. Даже в теплом пальто холодно. Полина съежилась, укрылась коврами. Неля греется у остывающей печки. Лицо ее полно безнадежности.

Боязнь замерзнуть толкает нас на новую кражу. На ближайшей станции мы нашли две шпалы и молниеносно втащили

их в вагон. Ну и славно провели мы ночь. Приготовили горячий ужин – сало с луком, чай с сахаром. Постелили постель и уснули. Блаженно спали.

На каком-то неизвестном разъезде мы наворовали столько дров, что железнодорожному начальству пришлось вызвать милицию. Наш вагон идет, овеянный славой «самый воровской». Но слава не мешает нам спать со спокойной совестью.

* * *

…Утром мы узнали, что вагон наш отцепили, и он пойдет на Алма-Ату. Пришлось заняться утомительными железнодорожными делами. Никогда я не думал, что у нас столько холодных и равнодушных людей! Все разговаривают через плечо, сверху вниз. Грубы, неряшливы в обращении.

Пришлось пустить в ход испытанное средство – хлестаковщину. «Командирован газетой «Правдой». Произвело впечатление, конечно, больше, чем художник. Меня стали внимательно слушать и со мной стали считаться. Сколько хлестаковщины сейчас в беженской жизни!

* * *

Под влиянием усталости и плохого питания атрофируется воля. Все меньше желания убрать вагон, подмести пол, сбегать за водой. Этим заболели все мы.

13 декабря 1941. Ташкент

Сегодня ночью была облава. В 3 часа ночи постучали в окно. Милиция и два узбека. Они уже знали все обо мне. И мне ничего не оставалось, как согласиться со всем, что соседи им передали. Держались грубо. Забрали документы и предложили сходить во 2-е отделение. Там в отвратной форме начальник 2-го отделения учинил мне допрос. Я ему в мягкой, почти заискивающей форме рассказал о себе, о больной Полине. Начальник выслушал. Глаза были подобны двум кусочкам льда.

– Так. Ваша национальность?

– Еврей. Зачем это вам?

– Распоряжение Союза, что вам следует выехать из Ташкента в 24 часа.

Получив документы и расписавшись, что в 24 часа должен покинуть этот лучезарный и гостеприимный город, возвращаюсь, думая о том, насколько все это напоминает мне дореволюционное время. Я в Москве, блуждаю по знакомым и прячусь на блатных квартирах. Еврей. Точь-в-точь.

Но я решил не сдаваться. И завтра начну хлопотать с утроенной силой.

…

14 февраля 1942 года

Сегодня первое письмо из Москвы от Тихомировых*. Боже мой, как потянуло туда. Они пишут о морозах 30-градусных, о холодных квартирах, о колючем, скрипящем под ногами снеге, а нам письмо кажется живым, точно от него исходит легкий пар.

Что бы я ни дал, чтобы очутиться сейчас в своей квартире, в своей мастерской. У окна, за которым такое небо, такие закаты!

22 февраля

Нечего есть. Полина и Неля чудовищно раздражены. Главный обвиняемый во всех неприятностях, разумеется, я. Схватил простыню и помчался на рынок, где мне удалось выручить за нее 150 рублей и купить крупу.

17 апреля. Мой день рождения

Собираемся по вечерам и мечтаем о Москве. Каждый из нас мечтает о своей близкой, им обласканной Москве. О городе, им выдуманном и нарисованном. Полина думает о Москве девичьей, о санках, о матери. Неля о театре, концертах, подружках.

Я.

Никогда этот чуждый, мне казалось, город не станет таким близким, дорогим. Тяга непреодолимая к встрече с ним. Особенно мастерская вспоминается.

* Александр Тихомиров (1889-1969) – искусствовед, художник. Тихомиров с женой были соседями Нюренбергов в Доме художников № 9 на Верхней Масловке в Москве.

А. Нюренберг. «Расстрел». 1943

1942, Октябрь. Ташкент. В глубоком тылу
О моей работе над картиной «Расстрел»

Пишу большое полотно «Расстрел». Мой творческий день проходит в следующем порядке. Встаю в 6 часов, растапливаю печку-мангалку. Я научился раздувать большое пламя. Огонь я делаю в обеих печках, которые в этот ранний час уже горят. К 8 часам завтрак готов – кукурузные лепешки с луком на хлопковом масле и чай фруктовый.

С 8 часов живопись. Мне позирует жена. Иногда дочь. Пишу с увлечением до 1-2 часов. Опять мангалка – каша и опять чай. После 2 часов – беганье по рынкам с простынями, рубахами и галошами. Удачная продажа, и я возвращаюсь домой с помидорами

и тыквой. Порой с яблоками. Потом опять живопись на 2-3 часа. К 6 часам я уже в столовой на Фрунзенской, 24. Обед приношу в сумерки – и он у нас идет как ужин.

* * *

Полина позирует мне за всех персонажей. Очень трудно достать модели. Нужны деньги и большие усилия. Весь двор при моем появлении шарахается в сторону. Боятся попасться художнику на глаза. Я хватаю всех, даже тех, которые спешат в уборную. Рисовал двух оборванцев.

Полина постепенно втянулась в мою работу над картиной. Она волнуется не меньше, чем я. Все детали мы обсуждаем совместно. Дело дошло до того, что сегодня она, когда я отправился за обедом, переписала по-своему руку у центральной женской фигуры.

Работаю с трудом. Нет красок нужных (киновари, кобальта), нет кистей. Полина их делает из платяной щетки. Нет лака, нет растворителей. Продаю опять вещи (старый холст) и пишу к юбилейной выставке московской и республиканской узбекской.

Достал одного дядьку, с которого пишу этюд для расстреливаемых. Лицо его цвета глины, руки висят, одежда – рвань. Он отказался брать деньги за позировку:

– Мне хочется сделать художнику одолжение. Художники такие же оборванцы, как я. Так же плохо живут и плохо одеты, – с чувством сказал он.

Это меня поразило.

16 октября

Сегодня ровно год как мы из Москвы. Вспоминается морозная ночь на Казанском вокзале. Чудовищная посадка в чужой вагон среди враждебных людей и предутренняя бомбардировка нашего поезда. Мы стояли, точно окаменев. Ни движения, ни одного слова.

А. Нюренберг. «Горе». 1942

А. Нюренберг. «Беспризорный». 1941

Один фашистский аэроплан был сбит. Он упал, объятый ярким пламенем. Поезд покинул вокзальную территорию, по которой все плутал, только в 9 часов. Тихо-тихо отходил горемычный поезд наш.

* * *

Все пишу расстрел. Позировал столяр-пьяница. Он стоял твердо на своих крепких ногах и развивал мысль о:

– Если не пить, не есть, с женщинами не спать, то на кой же черт жить на свете? Есть дураки, которые хвастаются, что никогда рюмки вообще не выпили. По-моему, таких людей без жалости травить нужно. Вот спирт сейчас стоит 320 рублей литр, а у него я пить не буду. Без алкоголя человек вянет и засыхает. По-моему, художник должен выпивать по 4 литра в день. Тогда ему легче работать.

Бегаю на рынок. Сегодня продал галоши. Купил красок и масла у одного нуждающегося художника. Достал юбку с цветами для женской фигуры.

* * *

Другой натурщик – украинец. Ноги и руки… Он долго и домовито все раскладывал. Руки и ноги большие, крепкие, насыщенные красками и мускулами.

Воспоминания об Украине:

– Сало? Арбузы, сливы и вишня? Сало я только зимой ел. В замороженном виде с чесночком и соленым огурчиком. Арбузы?

Только пока подносили – они трескались. Не то что здесь. Невкусные здесь. Ну, а сливы и груши, их столько, что не знаешь, что с ними делать. Варишь, сушишь, раздаешь людям. Продаешь. И все – целые возы остаются.

Позирует и ест. Ранен был под Москвой. Лежал во многих госпиталях:

– Вот управимся с немцами, тогда и об Украине подумаем. А пока что надо кормиться, чтобы не подохнуть.

А. Нюренберг. «Ташкентский переулок». 1942

18 октября

Продал Нелины галоши и купил два кило кукурузной муки. У нас с ней большой роман. Лепешки из кукурузной муки – наше любимое блюдо. Надо много и хитро есть, чтобы иметь силы для живописи. Пишу 10-12 часов в день.

Природа сейчас потрясает. Весь Ташкент утопает в золотых одеждах. Природа всегда лучше людей. Это особенно остро ощущаешь здесь, в Ташкенте.

* * *

Вошел во вкус живописи. Взялся за другое полотно (название «Партизанка»). Полотно небольшое, построенное на романтизме и лирике.

* * *

Позирует боевой парень. С живым умом и жестами. Человек знавал толк в большой жизни.

– Вы мне 5 рублей дадите. Что я могу сделать с ними? Но я хочу помочь искусству. Я сам художник. Я ел в Национале. Выступал на баяне с поющим тенором. Он уехал, меня бросил. Я жизнью

доволен. Мне мало нужно. Трудно платить 5 рублей – платите 3. Трудно 3 – ничего не платите. Мне ваши деньги не нужны. Я на них плюю. Мне интересно иметь дело с художником, помочь искусству.

* * *

Еврей натурщик.

– Сейчас никому не нужно искусство. Хлеб, снаряды, танки и аэропланы… Моя цель. Опять торговать старыми вещами на барахолке, продавать гитлеровские шинели, каски и ружья. Я после империалистической войны уже торговал военным имуществом. И медалями, и саблями. Все это я продавал как нужное только артистам барахло.

Ташкент. 1942 год. В глубоком тылу

Вечером во время прогулки испытал страх. Увлекся и зашел на чужой огород. Вдруг передо мной мужчина с широкой черной бородой, в шляпе. Он стоял передо мной, неожиданно выросши из земли. Стоял на моем пути, готовый к нападению. Мне даже показалось, что в руках у него была дубина. Я остановился, чувствовал, как сердце упало. И как подвели руки и ноги. Бежать было бесполезно. Я также стал готовиться к драке. Напряг все мои силы, чем отразить удар? Кругом кусты и камыш. Наконец я собрал все силы и крикнул: «Кто там?». Молчание. Второй раз. Решил медленно, не теряя боеспособности, отойти в сторону.

И каково же было мое удивление, когда силуэт мужчины расслоился, и передо мной предстали три подсолнуха.

1 января 1943 года

Эпидемия тифа. Новый год провел в очереди за хлебом.

Продолжение следует

Алена Яворская

«Школа моя называлась...»

Одесское коммерческое училище

Одесса почти с первых лет своего существования воспринималась как город коммерческий, все интересы которого связаны с торговлей. И почти все жители города этого, по свидетельству очевидца, еще в начале 1820-х годов:

Бегут за делом и без дела,
А все же больше по делам.

Однако со временем в Одессе все ставится на научную основу. И конечно, будущие коммерсанты должны получать соответственное образование. То есть должно появиться в городе собственное коммерческое училище. Училище это носило имя императора. Но для нас оно навсегда связано с именем писателя.

«Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась Одесское коммерческое имени императора Николая I училище»*, – писал в автобиографии Исаак Бабель.

Закономерно: Одесса – третий город империи, Ришельевский лицей – третий в стране (после рижского и петербургского), коммерческое училище – третье в России, после петербургского и московского коммерческого училищ**.

* Бабель И.Э. Рассказы / Сост., подгот. текстов, послесловие, коммент. Е.И. Погорельской. СПб., 2014, с. 9.

** См.: Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Социокультурные практики российских предпринимателей: основа развития коммерческого образования / Документ. Архив. История. Современность [Текст]: сб. науч. тр. / Федер. агентство по образованию, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Вып. 12. Екатеринбург, 2001, с. 112-143.

В 1851 г. одесское купечество составило акт об учреждении в Одессе на средства купечества высшего в крае специального коммерческого училища, но появилось оно только в 1861 г. 14 ноября 1861 в Царском Селе император «собственной рукою» написал «Утверждаю в виде опыта на пять лет»***.

Устав 1861 г.: «ОКК, учреждаемое на иждивение одесского купечества в память в Бозе почившего императора Николая 1-го, имеет целью доставить специальное образование молодым людям по части коммерции».**** «Принимаются молодые люди всякого звания и вероисповедания не моложе 14-ти лет и не старше 18-ти лет, которые представят свидетельства об окончании с успехом курса первых 4-х классов гимназии или выдержат определенный для поступления в училище экзамен»*****. Всего должно было быть 200 учеников. Училище находилось в ведении Одесского учебного округа и размещалось в здании Ришельевского лицея на Дерибасовской улице (до 1877), затем переехало в собственное трехэтажное здание на Преображенской, построенное по проекту Ф. Гонсиоровского.

Общее заведывание делами училища принадлежало попечительному совету, состоящему из председателя и трех членов по уставу 1861 и 1869 гг. и пяти членов по уставу 1898 г., которые избирались сроком на 4 года. В состав входили директор и инспектор училища и член, назначающийся министерством финансов. Одновременно избирались кандидаты, замещающие членов в случае болезни или отсутствия. В разные годы в состав совета входили известные одесские купцы И. Рандич, А. Пашков, Я. Новиков, С. Гурович, Л. Рафалович, А. Ралли, М. Севастопуло, Л. Коммерель, И. Вучина, В. Санценбахер, Е. Петрококино, Н. Ксида, Ф. Штерн, А. Пуриц (кстати, выпускник Коммерческого училища 1888–9 года).

*** Исторический очерк пятидесятилетия Одесского коммерческого училища. Одесса, 1912. Приложение, с. 9. Книга состоит из четырех разделов. Разделы «Первое XXV-летие (1862-1887)» и «Второе XXV-летие (1887-1912)» имеют общую пагинацию, разделы «Академические списки» и «Приложение» имеют отдельную пагинацию. Далее ссылка на раздел с указанием страницы.

**** См.: там же, с. 3

***** См.: там же, с. 5.

Содержание училища формально складывалось из трех источников:

1) взносы одесского купечества: 25 руб. платили купцы 1-й гильдии, 15 руб. – 2-й, и 5 руб.– 3-й гильдии;

2) такой же взнос купцов других городов Новороссийского края (правда, позднее было сказано, что «последним источником училище никогда не пользовалось, так как иногороднее купечество со дня открытия училища не принимало никакого участия в его содержании»*;

3) плата за обучение.

С уничтожением 3-й гильдии в 1863 г. остались взносы купцов 1 и 2 гильдий. В 1877 г. сбор был удвоен «по приговору собрания выборных купеческого разряда», в 1894 г. собрание выборных постановило оставить норму налога без повышения.

Плата за обучение составляла первоначально 60 руб. в год, при этом 100 учеников из числа «обедневших купцов, мещан недостаточного состояния»** обучались бесплатно, планировалось открытие пансиона. Постепенно число бесплатно обучающихся сокращается до трети, а с 1879 до 20%, правда, еще 20 переводятся на уменьшенную плату 40 руб., с 1878 плата составляет 70 руб., с 1888 – 100 руб., с 1894 – 125 руб. (в приготовительном – 70), 10% воспитанников освобождались от платы.

В 1869 г. училище было преобразовано: разделилось на 2 заведения: специально-коммерческое и приготовительное к нему общеобразовательное училище.

Это требовало дополнительных материальных затрат, и, «не имея возможности нести эти жертвы, купечество решило отказаться от задач широкого коммерческого образования и низвело училище с его высоты (по уставу 1861 года) на степень скромной бухгалтерской школы устава 1869 года»***. Но при этом окончившим с отличием предоставлялось право на звание личного почетного гражданина.

В специально-коммерческом кроме русского, французского, немецкого, итальянского, алгебры, геометрии, географии, исто-

* Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 182.

** Исторический очерк…

*** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 120.

рии и чистописания изучали статистику, политическую экономию, торговое право, бухгалтерию и коммерцию, причем курс коммерции читали на французском и немецком. В 1885 г. итальянский язык как утративший «прежнее значение в местных коммерческих сношениях»**** планировалось убрать из программы и усилить английский, но в результате приняли соломоново решение, предоставив право выбора ученикам.

«Строгость в оценке знаний учеников как в течение года, так и на экзаменах была всегда отличительной чертой. Этим объясняется сравнительно низкий уровень отметок… и тот успех учеников, окончивших коммерческое училище, в высших специальных учебных заведениях»*****.

В училище начиная с 1872 г. было одиннадцать стипендий для неимущих учеников. «Имея в виду, что недостаточность средств родителей в некоторых случаях не должна стать препятствием на пути к образованию детей, способных и расположенных трудиться, кроме того, отличающихся благонравием. Училище является к ним на помощь <…> главным образом здесь имеются в виду дети обедневших одесских купцов. Для таких учеников благодаря благотворительности частных лиц и жертвам купечества».******

Стипендии по 300 руб. (имени графа Д.А. Толстого, бывшего новороссийского губернатора П.Е. Коцебу, бывшего попечителя Одесского учебного округа С.П. Голубцова, бывшего председателя попечительного совета А.Н. Пашкова) выплачивались из капитала купеческого сословия. Известный торговый дом Ефруси выплачивал две стипендии в таком же размере – для христианина и для еврея. Городской голова Г.Г. Маразли учредил стипендию в 198 руб. имени нежинского грека Д.Ф. Феодориди для «ученика греческой национальности; если же такового не окажется, то стипендия может быть, с согласия учредителя, присуждена и не греку»*******. Была стипендия для ученика христианского вероисповедания, учрежденная купцом 1-й гильдии Е.И. Шульцем,

**** Исторический очерк… Первое XXV-летие (1862-1887), с. 73.
***** См.: там же, с. 77.
****** См.: там же, с. 83.
******* См.: там же, с. 83-84.

и допускающие более широкую трактовку две стипендии для учеников русского подданства (по завещанию купца 1-й гильдии А.Я. Новикова). Учреждались стипендии, связанные с императорским домом, – так, после спасения Александра II от покушения 2 августа 1879, была установлена стипендия для еврея из сумм коробочного сбора. После 1887 г. добавлены еще 20 стипендий, учрежденных Одесским купеческим обществом: десять – в память коронования, и десять «в ознаменование радостного и долгожданного дня посещения его императорским величеством государем императором гор. Одессы 17 сентября 1904 года»* на общую сумму 2500 руб.

Купеческое общество учредило также именные стипендии: потомственного почетного гражданина С. Гуровича (семь раз избиравшегося членом попечительного совета). По завещанию его сына четыре стипендии предназначались для евреев, две для христиан. «За недостатком последних» стипендии можно было назначать ученикам евреям; градоначальника П. Зеленого; старшины купеческого сословия А. Анатра; члена попечительного совета Ф. Штерна.

17 стипендий выплачивались обществами, частными фирмами и отдельными лицами, в их число входили стипендия Общества приказчиков-евреев, правления РОПиТ и имени Р. Орбинского** (первого директора училища).

Бесплатно (сверх числа бесплатных учеников) обучались дети и внуки ветеранов севастопольской обороны, позднее были установлены льготы для детей-сирот участников русско-японской войны.

После убийства Александра II 29 марта 1884 года при Одесском коммерческом училище им. императора Николая I была освящена домовая церковь им. Александра Невского по проекту А. Бернардацци, который разместил храм в двух залах второго этажа.

В начале 1880-х количество учеников превышало 300 человек, преобладающее количество – евреи: «…почти непрерывно, с основания училища до настоящего времени, около $^2/_3$ всего

* Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 194.
** Об учреждении стипендии им. Орбинского см. ниже.

числа составляли евреи и караимы и значительную также долю иностранцы. Факт этот, с таким постоянством повторяющийся и не чуждый, в несколько меньшей степени, одесским гимназиям, ярче всего свидетельствует о преобладании этого элемента в торговом сословии как Одессы, так и других новороссийских городов, с другой стороны, он дает повод к заключению не в пользу русских мелких торговцев и ремесленников: евреи гораздо настойчивее их стремятся к образованию своих детей, особенно практическому и реальному»***.

Бурная политическая жизнь 1870-80-х не оставила особого следа в жизни училища, напротив: «С особым удовольствием отмечаем <…> что за все 25-летнее существование училища ни один воспитанник его ни во время пребывания в школе, ни по выходе из нее не попадал в пагубную среду людей, зараженных социализмом, и не фигурировал ни в одном политическом процессе»****.

В 1887 году собрание выборных купеческого сословия выступает с прошением о преобразовании училища в Коммерческий институт. Но ответ из столицы суров: это «откроет евреям доступ к той сфере деятельности, куда правительство не признает возможным их допустить»*****, предлагается внести «в устав правила относительно процентного ограничения числа учащихся евреев в средних и высших классах проектируемого института, как это установлено для средних и высших учебных заведений министерства народного просвещения»******.

К тому же ученый комитет министерства народного просвещения отметил, что «Одесса не представляет собою единственного торгового пункта России» и что Санкт-Петербург и Москва могли бы с большим правом открыть высший коммерческий институт». Отказ особо обиден, потому что в этом году училищу исполняется 25 лет. Выпускники создают комиссию*******, прини-

*** Исторический очерк… Первое XXV-летие (1862-1887), с. 102-103.
**** См.: там же, с 103.
***** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 129.
****** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с.129-132.
******* В комиссию вошли М. Баржанский, Г. Вольфензон, С. Исакович, М. Копельман, Б. Мангуби, И. Моргулис, Р. Рафалович, С. Розенберг, граф А. Сцибор-Мархоцкий и Д. Тарнополь – см.: Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 373.

мающую два решения: учредить стипендию имени первого директора училища Роберта Васильевича Орбинского, собрав деньги по подписным листам среди выпускников, и учредить «Общество бывших воспитанников Одесского коммерческого училища».

18 апреля 1887 отмечали 25-летие училища, директор П.А. Искра сочинил по этому случаю кантату. Она была исполнена хором учеников (бывших и настоящих) и хором учителей и заканчивалась словами:

Служить мы ей будем, служить мы ей рады:
Мы/вы в школе, а вы/мы, куда бросит судьба;
Но лучшей для нас пусть не будет награды,
Как благо родимой страны!

В 1894 (как раз в год рождения И. Бабеля) коммерческие училища России были переданы в ведение министерства финансов*.

В этот период современники отмечали печальное падения уровня образования в коммерческом училище: безграмотность во владении родным языком, недостаточное знание иностранных: «воспитанники сплошь и рядом манкируют посещением уроков <…> часто отказываются отвечать преподавателям, приготовляют свои уроки только в тех случаях, когда необходимо получить четвертную оценку»**.

К тому времени учащихся было 500, класс мог состоять из 60 и даже более человек***. При большом количестве предметов курса на класс приходилось мало уроков, не было систематического контроля.

В 1898 училище было преобразовано в семиклассное среднее коммерческое учебное заведение****, утвержден новый

* Так, в путеводителе по Одессе указано: Коммерческие училища: Министерства финансов – Преображенская, 6. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1904. Од., с. 31.

** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 152.

*** Здание училища изначально было рассчитано на 300 учащихся. – См.: там же, с. 278.

**** «…несмотря на строгость предъявляемых к ученикам требований, на сравнительно добросовестную подготовку учащихся, ученики <…> до окончательного преобразования его в семиклассный состав пользовались сравнительно с учениками, оканчивающими курс других коммерческих училищ, значительно

устав, расширена программа преподавания в сторону общеобразовательных наук.

В училище организуют кабинеты и лаборатории, чуть позже появится товарный музей, из-за границы привозят коллекции по естественной истории. Количество поступающих так велико, что директор просит у попечительного совета разрешения на устройство при первом классе параллельного (необходимость в нем отпала после открытия частного коммерческого училища Файга).

Тогда же при училище были открыты классы торгового мореплавания, просуществовавшие до мая 1901 (до преобразования в Одесское училище (другой вариант названия – школа*****) торгового мореплавания – кстати, единственное в России).

С 1899 г., после преобразования в семиклассное, в училище вводится новая форма:

«Фуражка черного сукна с козырьком, по образцу, установленному для гражданских чинов военного ведомства. Околышек темно-зеленого сукна, с такою же выпушкой по верху тульи. На околышке помещается золоченый металлический знак, изображающий эмблему торговли – кадуцею с шапкой Гермеса над нею.

2. Классная тужурка черного сукна, австрийского образца, воротник и обшлага коей оторочены темно-зеленой выпушкою.

3. Брюки черного сукна.

4. Мундир однобортный, черного сукна, со стоячим воротником того же сукна, застегивающимся на девять гладких пуговиц. Обшлага, воротник и борт оторочены темно-зеленою суконною выпушкою. На воротнике петлицы длиною ½ вершка темно-зеленого сукна с золотой пуговицей; вдоль петлиц положен металлический золоченый знак, состоящий из кадуцеи с шапкою Гермеса надней. С задидва карманных клапана, оторо ченных темно-

меньшими правами: только окончившие курс с отличием награждались правом на звание личного почетного гражданина; право на поступление в высшие специальные учебные заведения, принадлежащее воспитанникам других среднеучебных заведений, им тоже не было присвоено». – См.: там же, с. 313. Но и после преобразования в семиклассное звание личного почетного гражданина (до 1903 г.) присваивалось лишь тем выпускникам, чей средний балл был не менее 4, а открытие доступа в университет, предоставленное некоторым коммерческим училищам, Одесскому коммерческому так и не было предоставлено.

***** Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1904. Од., с. 79.

зеленою суконною выпушкою, с двумя золочеными пуговицами на каждом.

5. Пальто черного сукна офицерского покроя, застегивающееся на шесть золоченых пуговиц. На воротнике такие же петлицы, как и на мундире. В зимнее время вместо суконного воротника на пальто допускается черный барашковый воротник.

6. В летнее время дозволяется носить тужурку из белого полотна или парусины и белый чехол на фуражке, оставляя открытым околыш и козырек».*

Именно в такой форме сфотографируется с отцом и сестрой в начале 1910-х ученик Одесского коммерческого им. Николая I училища Исаак Бабель.

По всем трем уставам (1861, 1869 и 1898 гг.) училище принимало «детей всех сословий и вероисповеданий». Состав учеников сословный: дети дворян, чиновников, купцов, почетных граждан, мещан, крестьян и иностранно-подданных; вероисповедание: православные, католики, протестанты, иудеи.

Лишь в последнем уставе предусматривалось «право преимущественного замещения свободных вакансий в училище детям лиц, принадлежащих или принадлежавших к Одесскому купеческому сословию»**.

Но в 1893 г. министерство народного просвещения предложило уменьшить количество учеников, мотивируя тем, что большое количество учащихся связано с нераспространением нормы ограничения евреев в училище. Министерство сделало вывод, что поступают они не для получения коммерческого образования, а для получения в дальнейшем права поступить в высшее учебное заведение.

Попечитель Одесского учебного округа передал отношение на заседание педагогического совета. Совет не отрицал переполненности (более 500 учащихся), но объяснял тем, что училище, «являясь единственным коммерческим заведением на всем юге России, широко открывает двери для детей иногородних: их более 40% в общем числе учащихся. Ряд ходатайств крупных городов юга России (Харькова, Киева, Ростова) об открытии ком-

* Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 315-316.

** См.: там же, с. 217.

мерческих училищ в этих городах указывает на недостаточность одного коммерческого училища»***.

Далее говорилось, что большинство в составе одесского купечества – евреи и, «пока закон не устраняет евреев от промышленной и торговой деятельности, то государственные и торговые интересы требуют употребить все средства к тому, чтобы эта деятельность отправлялась научно подготовленными и нравственно воспитанными людьми, какова бы ни была их национальность или вероисповедание»****.

Попечительный совет «заслушал и согласился с мнением педагогического комитета «о неприменимости % ограничения евреев в Одесском коммерческом училище»*****. Но это было решение, принятое в Одессе, а не в столице. В 1895 г. ситуация заметно ухудшилась: «Государь император <…> соизволил ограничить процент учеников иудейского вероисповедания в Одесском коммерческом училище и установить в нем процентное отношение между учениками евреями и учениками христианских вероисповеданий в зависимости от размера денежного участия евреев в ежегодном содержании училища, с предоставлением министру финансов права <…> определять число допускаемых ежегодно к приему в училище евреев»******.

Как следствие – пустуют вакансии учеников-христиан (22 в 1895 г. и 24 в 1896 г.). Лишь после этого министр финансов разрешил занимать евреям часть вакансий с условием зачисления учеников-христиан, если они появятся позже. Число христиан должно было составлять 52%, иудеев – 48%.

На практике, особенно в первые годы, строго эта норма не соблюдалась. Например, в 1897 году было принято 19 христиан и 67 евреев (полагалось принять 46 христиан и 40 евреев). Но при этом существовавший запрет принимать евреев в разные классы на освободившиеся места снижал количество учащихся. Были закрыты параллельные классы, увеличились затраты на содержание училища. Собрание выборных в мае 1905 постановило

*** См.: там же, с. 218-219.

**** См.: там же, с. 219.

***** См.: там же, с. 173.

****** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 220.

поручить купеческой управе ходатайствовать перед министерством финансов разрешить прием без различия вероисповеданий, но результатов это обращение не имело.

В 1909 г. министерство потребовало введения 15% нормы в училище. В январе 1910 г. попечительный совет представил докладную записку министру торговли С. Тимашеву, опираясь на «высочайшее повеление 1895 года». Из текста «Записки»:

«1) за 48-летнее существование училища Одесское купеческое общество затратило на оборудование и содержание свыше 2 миллионов рублей.

2) ценность училищного здания, библиотеки, кабинетов, музеев и прочих учебных пособий превышает стоимость полумиллиона рублей.

3) стипендиальные капиталы <…> составляют капитал свыше 100 000 рублей. Было бы крайне прискорбно, если бы все 50-летние жертвы одесского купечества на дело создания коммерческого училища в одном из крупнейших городов России были бы уничтожены, и училище было бы принуждено прекратить свое существование»*.

Ответ министра финансов предлагал «озаботиться, чтобы с 1910-11 учебного года число учащихся евреев не превышало 47% общего числа учеников»**.

В 1900 году, по данным энциклопедии Брокгауза и Ефрона (т. 30), в одесском училище было 469 человек (для сравнения: в СПб. коммерческом училище 502, Московском – 582, Петровском – 488, Александровском – 595).

В 1902 г. классные наставники заменяются классными наблюдателями (отличие в том, что наблюдатели меньше загружены преподаванием, а больше – контролем).

Среди наблюдателей и наставников были Александр Александрович Вадон (1902-1906, 1908-1912 в IV, V, VII классах), Георгий Нарциссович Вандрачек (1902-1912, в I-VII классах), Сергей Георгиевич Попруженко (1905-1912, в V-VII классах), члены Южнорусского товарищества художников Тит Яковлевич Дворников

* См.: там же, с. 228.

** См.: там же, с. 229.

Педагогическая коллегия училища в 1912 г. Е.Г. Троцкий, М.В. Заборовский, свящ. Н.А. Чудновцев, А.В. Вырлан, Н.Д. Цветинович, свящ. Ф.Я. Беккер, И.Ф. Сперандео, А.А. Кожин, С.П. Горбов, Е.М. Зусман, С.Г. Попруженко, Е.Ю. Зевальд, Э.Я. Немировский, Э.И. Озецкий, А.А. Вадон, В.Х. Заузе, Г.Н. Вандрачек, Д.Я. Чепурин, И.Д. Щербак, А.А. Быстржицкий, С.Я. Холачев, П.М. Крыжановский, А.Н. Цеханович, А.В. Флоровский, А.И. Мамихин, И.И. Мартын, Л.А. Зильберберг

(1901-1902, в I классе) и Владимир Христофорович Заузе (1887-1912, в I-IV классах).

В декабре 1902 выходит первый номер журнала учеников Одесского императора Николая I коммерческого училища «Маяк». Второй номер датирован январем 1903, третий – мартом.***

Некоторое время ученики сами ведут классные журналы, результаты предсказуемые: «в одних журналах попадались сделанные учениками неуместные, а подчас и совершенно неприличные замечания относительно преподавателей, а в других ложные сведения о посещении учениками уроков»****. Как следствие – родители не имели представления о реальной успеваемости детей. В 1903 г. объявление итогов года вызвало даже беспорядки

*** Бельский М.Р. Ижик Л.В. Журналы старой Одессы: справочник. – Одесса, 2008, с. 47.

**** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 294.

во дворе и прилегающих кварталах, в которых участвовали не только ученики, но и их родители.

В 1906 году директор предложил обязательно записывать в журнал заданные уроки, отмечать отсутствующих и выставлять отдельные отметки ученикам первых 5 классов.

Ушла в прошлое аполитичность учеников, дело доходило чуть ли не до настоящей войны: «Появившееся в начале 1905 года брожение среди части учеников 2-х старших классов под влиянием забастовок учащихся в других городах разделило воспитанников <…> на две группы: одни из них в принципе одобряли забастовки, другие относились к забастовкам отрицательно и настаивали на правильном течении учебных занятий. Обострение отношений <…> повлекло настолько резкие выходки со стороны первой группы как во время учебных занятий, так и в рекреационное время, что явилась необходимость разделить выпускной класс на два отделения, благодаря чему удалось избегнуть как прекращения в этих классах занятий, так и ослабить враждебные выступления одной части воспитанников против другой»*.

С октября 1905 по январь 1906 училище не работало, и даже после начала занятий ситуация была тяжелой:

«Учебные курсы поневоле пришлось значительно сократить, заниматься при угнетенном состоянии учащихся, семьи которых постигли ужасы кровавых событий конца 1905 года, тем более что восстановившийся наружно порядок в жизни города ежедневно отмечался насилием одной части населения над другой. В это тревожное время многие семьи воспитанников оставили город; другие, опасаясь за участь своих детей, не посылали их вовсе в школы. Нередки были случаи, когда в классе, в котором числилось 40 человек, собиралось на уроки менее десятка»**.

В 1906-7 учебном году, когда И. Бабель уже был учеником училища (он поступил в январе 1906), обстановка оставалась напряженной, особенно в старших классах: «Воспитанники и теперь были окружены удушливой атмосферой насилий, убийств, гра-

* См.: там же, с. 177-179.

** См.: там же, с. 179.

Ученики во дворе

бежей, невольными очевидцами которых им приходилось быть чуть ли не ежедневно. <…> Грубые выходки, ослушание, дерзкое и вызывающее поведение воспитанников старших классов имели место с начала занятий»***.

В ноябре 1906 пришлось временно закрыть оба отделения 6-го класса, не желавших соблюдать дисциплину, – занятия возобновились только в марте. Несколько учеников были арестованы и высланы из города «по поводу возникшего подозрения в попытке произвести в здании училища взрыв»****.

Совет и педагогический комитет успокаивали учащихся, взбудораженных происходящим в училище и в городе. Они приняли решение о прекращении занятий в начале второго полугодия до 1 февраля (так как родители, опасаясь за безопасность детей, не посылали их в училище), но временный генерал-губернатор отдал приказ продолжать занятия при любом, даже крайне ограниченном количестве учеников.

*** См.: там же, с. 180.

**** См.: там же, с. 181.

Нормальный учебный процесс возобновился лишь к марту 1907. В программу обучения входили: закон Божий, русский, французский, немецкий, английский языки, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, коммерческая арифметика, ботаника, зоология, минералогия с геологией, физика, химия, органическая химия, география, коммерческая география и статистика, история всеобщая и России, рисование, чистописание, политическая экономия, законоведение, товароведение, коммерция, бухгалтерия, коммерческая корреспонденция. С 1909 ученики двух старших классов начинают обучаться письму на пишущей машинке (дактилографии).

Именно по этой программе обучались Исаак Бабель и Лев Никулин (тогда еще Олькеницкий).

В это время действовали наиболее мягкие правила – получившие оценку 4 или 5 за год освобождались от переходных экзаменов, при переходе в 6 и 7 класс можно было повторно сдать экзамен для исправления оценки. Более жесткие правила ввели в 1910 году.

С 1903 года все, окончившие семь классов, удостаивались звания личного почетного гражданина*, а окончившие с отличием, сверх того, звания кандидата коммерции (как друг Бабеля М. Берков**), особо отличившиеся награждались золотыми и серебряными медалями.

В училище озабочены здоровьем учащихся, особенно зрением:

«С годами постепенно развивается у учеников близорукость, которая в 1-м классе в среднем встречается у 6% учеников, в 7-м же классе приблизительно у 30% учеников. Следует отметить, что такой же процент близоруких, да и самая степень близорукости, по-видимому, достигают максимума и на этом уровне уже держатся до конца школьного возраста.

* Белоусова Л.Г. Интеграция евреев в российское сословное общество: почетные граждане города Одессы еврейского происхождения. // Альманах «Мория». Одесса, 2006, с. 6-23. «Причисление в личное почетное гражданство, не распространявшееся на членов семьи, было в социальном плане более представительным – на него могли претендовать уже 44 категории граждан (ст. 509, пп. 1-44)… Отдельным пунктом в законе выделены воспитанники Одесского коммерческого училища (ст. 506, п. 14)».

** Исторический очерк… Академические списки, с. 102.

Урок сокольской гимнастики

Несомненно, благотворно повлияло на ослабление степени близорукости то обстоятельство, что близорукие ученики во всех классах посажены на первых партах.

Следует отметить, что среди учеников евреев встречается больший процент близоруких, чем среди христиан, а так же и то, что в большей степени предрасположены к близорукости ученики, имеющие близоруких родителей».***

Заболевших учеников, не посещавших училище, училищный врач посещал на дому, так что долго казенить, или, как тогда говорили в Одессе, «править казну», ученики не могли.

В марте 1910 года во время эпидемии оспы в городе почти всем ученикам сделаны были предохранительные против оспы прививки. «Ежегодно за разными медицинскими советами к училищному врачу обращаются на ежедневных приемах (во время большой перемены) около половины всех учеников училища, главным образом по поводу малокровия. <…> простейшие лекарственные средства выдаются ученикам из училищной аптеки.

*** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 316-317.

Последняя, равно как и врачебный кабинет, в 1906/7 учебном году были оборудованы и надлежаще обставлены на специально отпущенные средства»*.

Возможно, именно поэтому, «когда в других учебных заведениях заболевания скарлатиной и корью принимали настолько массовый и угрожающий характер, что приходилось закрывать эти учебные заведения на продолжительное время»**, в училище такие случаи были немногочисленными. В начале 1907/8 года в Одессе и окрестностях были случаи холеры и чумы, с учениками немедленно провели «доступные их пониманию беседы, в которых главным образом были изложены сведения о мерах личного предохранения от этих заболеваний»***.

С 1902 г. в училище открыли ученический буфет, в котором работали повар с двумя помощниками, цены фиксировались по рыночной стоимости продуктов. Как отмечалось: «чрезвычайно благотворно влияют на учеников игра и прогулки на свежем воздухе во дворе училища во время перемен и свободных уроков, а также возможность получения горячих и свежих завтраков в буфете училища»****.

В училище две библиотеки. Основная, для преподавателей, на 1912 насчитывала 4 117 названий в 10 213 томах стоимостью в 20 469 руб. (любопытна справка, что книги занимали 456 погонных аршин полок). Ученическая была выделена в 1887 году, с делением на три возраста. В ней – 2 326 названий в 3 996 томах на сумму 4 212 руб. 10 к. Ученическая библиотека работала и во время каникул, так как нагрузка на старшие классы во время учебного года оставляла не много времени на чтение.

Тем не менее в училище устраивали праздники и торжественные мероприятия: отмечали 900-летие крещения Руси (1888), акт в дни коронования императора (1895), памяти Сергея Радонежского (1892); училище участвовало в открытии памятника Екатерине Второй – к подножию был возложен серебряный венок (1900), ученики встречали команды «Варяга» и «Корейца» (1904).

* См.: там же, с. 318-319.
** См.: там же, с. 318.
*** См.: там же, с. 318.
**** См.: там же, с. 318.

Но все же больше было литературных актов и чтений: чествование памяти А.С. Пушкина 2 февраля 1887 г., И.А. Крылова (1894), А.С. Грибоедова (1895), торжества к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1899), Я.П. Полонского (1898), В.Г. Белинского (1898), Н.В. Гоголя (1902).

Что же мог вспомнить выпускник об alma mater?

«Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили, бывало, в порт на эстакаду, или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребках дешевое бессарабское вино. Школа эта незабываема для меня еще и потому, что учителем французского языка был там m-r Вадон*****. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке».******

Подробнее учебный процесс описан в воспоминаниях соученика Бабеля Мирона Беркова:

«Я поступил в 3-й класс Одесского коммерческого училища имени Николая I в 1906 году. Меня посадили на парту рядом с Бабелем. В последующих классах мы также сидели за одной партой. Это сблизило и сдружило нас.

Коммерческое училище, в котором мы учились, содержалось в основном на средства одесского купечества. На подготовку в этом училище квалифицированных работников для банков и коммерческих предприятий купцы не жалели средств.

Училище занимало большое трехэтажное здание с просторными классами, залами, кабинетами, лабораториями. При училище были: большой двор, сад и даже своя церковь.

***** Вадон Александр Александрович, коллежский советник, преподаватель французского языка. В училище с августа 1902. Окончил лицей Мишле, бакалавр словесный наук Сорбоннского университета. См.: Академические списки // Исторический очерк пятидесятилетия Одесского коммерческого училища. Одесса, 1912, с. 8.

****** Бабель И.Э. Рассказы / Сост., подгот. текстов, послесловие, коммент. Е.И. Погорельской. СПб., 2014, с. 9.

Программа училища равнялась курсу гимназии без латинского языка, но зато к этому курсу прибавлялся ряд специальных предметов: химия, товароведение, бухгалтерия, коммерческие исчисления, законоведение, политическая экономия. Много часов уделялось языкам – французскому, немецкому и английскому.

Для поступления евреев в Коммерческое училище и в Коммерческий институт была более высокая процентная норма, поэтому Бабель, не имея никакого влечения к коммерческим наукам, обучался в двух коммерческих учебных заведениях – сначала в училище, а затем в институте. <…>

Историю нам преподавал директор училища А.В. Вырлан*. Ответы Бабеля по истории были глубже и шире, чем то, что нам преподносил Вырлан. Бабеля на уроках истории мы слушали с большим интересом, чем Вырлана, который вел урок в пределах учебника. В последнем классе Вырлана сменил по истории Вандрачек**, великолепно знавший и преподававший историю. С ним Бабель подружился.

Преподаватель французского языка Вадон многих из нас сумел заинтересовать французской литературой. Бабель с увлечением стал изучать французский язык. Его не удовлетворяли краткие изложения Вадоном биографий классиков французской литературы и содержания их произведений. Бабеля можно было нередко видеть с книгами Расина, Корнеля, Мольера, а на уроках, когда это было возможно, он писал что-то по-французски, выполняя задания своего домашнего учителя. Наиболее удобны для этого были уроки немецкого языка. Herr Озецкий*** был близорук и обыкновенно вел свой урок, сидя на кафедре и не замечая, что делается на партах. Бабель на его уроках работал до самозабвения над французским языком. Заканчивая

* Вырлан Александр Васильевич, действительный статский советник, преподаватель истории, в училище с октября 1883 г., директор – с сентября 1907 г. См.: Академические списки, с. 8.

** Вандрачек Григорий Нарциссович, коллежский советник, преподаватель русского языка, словесности и истории, в училище с августа 1902 г. См.: там же, с. 8.

*** Озецкий Эмилий Иванович, статский советник, преподаватель немецкого языка, в училище с сентября 1882 г. См.: Академические списки, с. 8. Э. Озецкий – автор учебника «Синтаксис», по которому обучались в 3-6 классах.

свою работу, он вдруг издавал громко какой-то звук – знак не то удовлетворения, не то удовольствия. Озецкий всегда в этих случаях, обращаясь к Бабелю (он называл его Бабыл), произносил одну из двух фраз: «Бабыл, machen Sie keine faule Witzen!» или «Aber, Бабыл, sind Sie verruckt?» («Оставьте свои плоские шутки», «Вы что, с ума сошли?»)».****

Мирон Берков вспоминал о вечере памяти Чехова: «В 1909 году группа учеников нашего класса задумала отметить пятилетие со дня смерти А.П. Чехова. Родители нашего соученика Ватмана предоставили нам большой зал в их квартире на Ришельевской улице, угол Новорыбной. Я сейчас не могу восстановить в памяти детали этого вечера. Я не помню, кто сидел рядом со мной, какие мои соученики были на этом вечере, но я четко сохранил в памяти небольшую фигуру Бабеля, стоящего на коленях перед стулом, на котором лежал лист бумаги и стояла баночка с чернилами, а он Ванька, медленно выводя буквы, читал и писал письмо «на деревню дедушке». Я думаю, что так хорошо запомнил Бабеля таким только потому, что он своим необыкновенным чтением вызвал у меня глубокое волнение: к горлу подкатывался ком, а на глаза навертывались слезы»*****.

Вечер был частным, устроенным по инициативе учеников, и в анналы училища не попал.

Во время учебы И. Бабель мог присутствовать (и, возможно, участвовать) на следующих официальных мероприятиях: акт, утро и вечер, посвященные памяти Н.В. Гоголя (по случаю 100-летия со дня рождения), 20 марта, 1 и 2 апреля 1909 г.; чтение с туманными картинами, посвященное 100-летию со дня рождения А.В. Кольцова, 4 октября 1909; музыкально-литературный вечер 3 января 1910; чтение с туманными картинами, посвященное памяти Н.И. Пирогова, 15 октября 1910 г.; акт и чтение, посвященное 50-летию со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости, 19 февраля 1911 г.******

**** Берков М.Н. Мы были знакомы с детства // Воспоминания о Бабеле. М. 1989, с. 203-204.

***** Берков М.Н. Мы были знакомы с детства // Воспоминания о Бабеле. М. 1989, с. 205.

****** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 365.

В выпуске 1911 (год, когда окончил училище Исаак Бабель) было двадцать шесть человек. (Для сравнения: выпуск 1910 – 39 человек, включая двух экстернов, выпуск 1912 – 32).

Состав попечительного совета и преподавателей на то время:

Попечит. сов.: предс. Крапивин, Мих. Гавр.; чл.: Ансельм, Эд. Як.; Зусман, Мих. Григ.; Ксида, Ник. Конст.; Попов, Ил. Ив.; Пуриц, Алдр. Як.; Яловиков, Евг. Ник. Канд.: Олаленко, Алндр. Влас.; Рейберман, Наум Григ.; Энгель, Юл. Ос.; директор и препод. ист. дсс. Вырлан, Алекс. Вас.; инспект. и препод. общ. и коммерч. геогр.: сс. Заборовский, Меч. Влад.; законоуч. свящ. Чудновцев, Никл. Алдр.; рим.-кат. исп. свящ. Беккер, Фил. Як.; иуд. веры Троцкий, Ел.-М. Айз.; препод. рус. яз. и ист.: кс. Вандрачек, Григ. Нарц.; рус. яз. и арифм.: сс. Мальцев, Алекс. Феод.; рус. яз.: Флоровский, Анат. Вас.; физ. и мат.: сс. Попруженко, Серг. Георг.; мат.: сс. Цветинович, Никл. Дм.; коммерч. арифм.: орд. проф. Циммерман, Влад. Аким.; товаровед.: кс. Зевальд, Евг. Юл., хим. и ест. ист. Щербак, Ив. Дм.; бухг. и коммерц.: Зусман, Евг. Мих.; полит. эконом. и законовед.: ттс. Немировский Эмман. Як.; графич. искус.: сс. Заузе Влад. Хр.; француз. яз.: кс. Вадон. Алекс. Алекс.; Сперандео, Ив. Фридр.; нем. яз. ка. Бендер, Фран. Франц.; сс. Озецкий, Эмил. Ив.; англ. яз.: Прокудин, Алекс. Влад.; лабор-т: Мамихин, Андр. Ив.; вр.: Зильберберг, Лаз. Абр.; письмовод. и смотрит.: Кожин, Афанас. Андр.; пом. класс. наставн.: ка. Горбов, Сем. Петр.; ис. Цеханович, Алдр. Никл.; ка. Чепурин, Дим. Як. *

Испытания второй год проходят по новым, более жестким правилам, утвержденным министерством торговли и промышленности 23 января 1910 года.

Окончательные испытания для выпускников начинаются не ранее 15 апреля, принимает их особая комиссия под председательством директора (обязательно для выпускных классов), преподавателя предмета и ассистента. Сдают экзамены по всем предметам, которые преподавались в выпускном классе, с включением вопросов из предыдущих классов, если ранее по ним не проводились испытания. По русскому и иностранным языкам,

* Вся Одесса 1912. Одесса. 1912. Коммерческие училища и торговые школы, с. 58, там же адрес и телефон училища: Коммерческое училище имп. Николая I. Преображенская, 8. Тлфн 7-92.

а также по бухгалтерии, коммерческой арифметике и математике кроме устных испытаний производятся и письменные. По коммерческой арифметике производится только письменное испытание.**

Оценки выставляют по пятибалльной системе, в аттестат идет общий балл, выводимый из экзаменационных и годовых отметок. При этом аттестат получают лишь те из учеников, у кого все баллы не ниже трех, в противном случае выдают свидетельство, не предоставляющее равных прав с окончившими курс обучения.

Все выпускники 1911 года, как отмечалось выше, получили звание личного почетного гражданина. Два человека закончили училище с золотыми медалями, один – с серебряной. В отличие от своего приятеля Беркова, Бабель особых успехов не выказал. Его аттестат (обнаруженный в Киевском государственном архиве Е. Погорельской) вряд ли обрадовал отца. Пятерки по всем четырем языкам (русскому, французскому, немецкому, английскому), законоведению и коммерческой географии. А вот с обычной – плохо, тройка. Не смогли обучить Бабеля ни геометрии с тригонометрией талантливый математик Сергей Попруженко, ни рисованию – член Товарищества южнорусских художников Владимир Заузе. И в коммерческих дисциплинах добился некоторого успеха лишь в коммерческой корреспонденции. В общем, ясно было, что коммерсант из него получится сомнительный.

Дальнейшая судьба одноклассников Бабеля: семеро стали студентами Санкт-Петербургского политехнического института, трое (включая Бабеля) – Киевского коммерческого института, по одному – в политехнических институтах Льежа (друг и тезка Бабеля И. Лившиц) и Бостона, Цюриха и Нанси, двое – в деле отца (в Измаиле и Одессе), один – в торговой конторе в Гамбурге, двое – в главной конторе РОПиТ в Одессе, приятель Бабеля М. Берков – в конторе Русского колониального общества в Одессе, два человека в отделениях Азовско-Донского коммерческого банка (в Одессе и Бердянске), по одному в Купеческом обществе взаимного кредита, торговом доме «М. Кац» и конторе Ароновича.

** Исторический очерк… Приложение, с.150.

В «Историческом очерке», выпущенном к 50-летию училища, «Списки лиц, окончивших курс училища» занимают 80 страниц. С 1866 по 1911 гг. училище выпустило 1618 человек*.

Кроме элиты одесской торговли, представителей семейств Мангуби, Баржанских, Бродских, Рафаловичей, Ашкенази, Пурицов**, Крахмальниковых среди выпускников:

– елисаветградский городской голова Александр Пашутин (1846-1906, выпуск 1869),

– банкир, редактор-издатель газеты «Южная мысль» Иван Ксидас (1878 – ?, выпуск 1894-5),

– поэт Саул Черниховский (1873-1943, выпуск 1895-6)***, одним из первых в России начавший писать стихи на иврите,

– художник Михаил (Маркус) Гершенфельд (1880-1939, выпуск 1896-7****), теоретик левого искусства,

– поэт и переводчик Александр Биск (1883-1973, выпуск 1899-900*****), один из первых переводчиков Р.-М. Рильке в России,

– писатель, драматург и поэт Лев Никулин (Лев Олькеницкий, 1891-1967, выпуск 1910******), автор слов к двум песням А. Вертинского, шпионско-детективных романов, лауреат Сталинской премии 1952 (за роман «России верные сыны»).

Учился (но не доучился и бросил, уйдя в море) музыкант и театральный критик Зигфрид Ашкенази (1880 – ?).

Окончили коммерческое училище член Одесской городской управы и директор Общества взаимного страхования Иосиф Буковецкий – отец художника Евгения Буковецкого (выпуск 1871 г.),

---

* Исторический очерк… Академические списки, с. 24-104.

** Фамилия Пуриц в Одессе стала нарицательной. «Тоже мне, большой пуриц / вариант – пуриц нашелся» – о человеке с завышенным самомнением или считающем себя большим начальником.

*** 723. Черниховский Шаул, д-р философии Берлинского университета.

См.: Исторический очерк… Академические списки, с. 62. Отмечен как окончивший с отличием и получивший звание личного почетного гражданина. В других источниках указано, что он окончил частное еврейское коммерческое училище Гохмана, см.: http://vcisch1.narod.ru/TCHERNI/Tcherni.htm.

**** 747. Гершенфельд Маркус. Художник и художественный критик; сотрудник журнала «Аполлон», член S-te des Artistes Independents и Union Internationale des Beaux Arts et des Lettres. См.: там же, с. 63.

***** 942. Биск Александр, инженер, поэт. См.: там же, с. 73. Отмечен как окончивший с отличием и получивший звание личного почетного гражданина.

****** 1537. Олькеницкий Лейба, драматический артист. См.: там же, с. 101.

землевладелец Таврической губернии Константин Панкеев – отец знаменитого пациента З. Фрейда, «человека-волка» Сергея Панкеева (выпуск 1874 г.), одесский купец Иосиф Кесельман – отец поэта Семена Кесельмана (Эскесса) (выпуск 1877 г.).

В списке приводился не только перечень выпускников, но и сведения об их дальнейшей судьбе, не обязательно связанной с коммерцией. Диапазон велик: от генерал-майора генерального штаба А. Месснера, доктора философии Берлинского университета С. Черниховского и доктора химии в Парижском университете П. Грагерова, сотрудника парижской газеты «Фигаро» М. Каннера до артиста комической оперы Ф. Бродянского и зубных врачей А. Радбиля (в Одессе), Г. Аренберга (за границей) и Б. Розенберга (в Средней Азии).

Выпускник Ж. Вольфензон стал драматическим артистом под псевдонимом Волков и служил в труппе Соловцова, драматическим актером был С. Корнштейн (Корнеев), а окончивший с отличием Г. Тарнополь – студент Мюнхенской академии художеств. Окончил Санкт-Петербургскую консерваторию композитор Л. Соминский.

Но в основном все же выпускники – служащие банков, члены правления, инженеры, студенты университетов или политехнических институтов Санкт-Петербурга, Киева, Томска, Варшавы, Антверпена, Берлина, Бостона, Брауншвейга, Буэнос-Айреса, Дармштадта, Льежа, Неаполя, Парижа. И, естественно, Новороссийского университета.

В списке этом есть и ошибки. Так, указан член Южнорусского товарищества художников Константин Стилиануди (выпуск 1890-91), в действительности художником был его брат Александр (1868-1948), учившийся в Одесской рисовальной школе (с 1885 по 1890), а затем в Академии художеств (1890-1895)*******.

Не подтверждается по спискам обучение в Коммерческом училище журналиста и публициста А. Кауфмана (1855-1921) ********. Единственный выпускник с похожей фамилией, «Абрам Кофман, литератор в Одессе», значится в списке выпускников 1886 г., в это

******* Товарищество южнорусских художников: Биобиблиографический справочник / Сост. В.А. Афанасьев и О.М. Барковская. Одесса, 2000, с. 193.

******** См.: https://ru.wikipedia.org/wiki

время А.Е. Кауфману исполнился 31 год. То же и с книгоиздателем Меером Козманом (1877-1963)* – в числе выпускников 1901 г. его фамилии нет.

Благодаря этому списку известна фамилия одного из служащих Э. Бабеля – однокурсник Льва Никулина Айзик Фукшанский «служит в технической конторе Бабеля в Одессе»**.

В 1902 году директор Н.А. Иванцов сказал, что училище берет на себя «подготовку молодых людей к коммерческой деятельности в самом широком смысле этого слова – к общественной жизни, бьющей наиболее ускоренным пульсом. Задача нашей школы в том, чтобы выпустить отданных нам детей готовыми к торгово-промышленной деятельности, в которой имеют особое значение такие качества, как трудоспособность, умение владеть собой и твердо идти к намеченной цели, самостоятельность, прямота, честность, общественность <…> Выучить мальчика вести бухгалтерские книги или распознавать добротность товаров еще далеко не значит подготовить из него будущего коммерсанта»***.

Возможно, именно поэтому И. Бабель, достаточно сдержанно излагавший свою биографию, так вдохновенно описал годы учебы в Одесском коммерческом императора Николая I училище, «веселом, распущенном, шумливом, разноязычном».

---

* См.: Бельский М.Р. Меер Козман – крупнейший издатель юга России / Лехаим. 1999, № 9 (89).

** Исторический очерк… Академические списки, с. 102.

*** Исторический очерк… Второе XXV-летие (1887-1912), с. 289.

Александра Свиридова

Birkenstock

Печатается на правах рекламы

У меня с математикой плохо, но это сосчитать я могу: к 51 прибавить 8, чтобы узнать, сколько тебе было, когда мы встретились. Я родилась в пятьдесят первом, а ты – за восемь лет до начала века. Тебе исполнилось 59, когда я появилась на свет. Я не знаю, как ты выглядишь в это время, я узнаю тебя на ощупь, по запаху. Твое лицо, глаза я разгляжу впервые только на фотографии, где мне пять, и мы сидим рядом – снимаемся на память у фотографа на Суворовской. Он накрывается черной тряпкой, прячет голову за деревянной треногой так, что фотоаппарат не виден, и кричит из-под тряпки про птичку…

Это наверняка дорогое удовольствие, но ты должна всем послать карточку – показать, какая я вымахала. Сестре Наташе в Москву, другу Пете в ссылку. Отец наверняка тоже просит прислать ему фото. Я лопаюсь от гордости, что мы сидим на одном диванчике, и я достаю тебе головой до плеча. И еще потому, что тебя обожает город, а я могу тебя отобрать у всех, стоит мне крикнуть: «Баба!».

Когда я увижу твои башмаки – не помню. Наверное, в ту зиму, когда мы с тобой врали друг другу так, словно состязались, кто кого переврет. Ангелы-летописцы, что хранят нашу переписку, должны были отметить, что я достойна тебя. Ты – в кои веки! – выбралась зимой в Москву повидать Наташу. Почему вы потащились из Останкино гулять в Сокольники, ума не приложу. У Наташи прямо перед домом ворота Ботанического сада, а уж до пруда и усадьбы Шереметевых совсем два шага. Можно было и там подышать воздухом. Но там делал круг трамвай, что шел в Сокольники. Вы сели и поехали. Ты сослепу не разглядела белую лыжню

на белом снегу, ступила на нее, поскользнулась, упала, сломала ключицу и загремела в институт Склифосовского. Тебя остригли там, потому что одной рукой ты уже не могла заплетать свою тощую косичку – «мышиный хвост». Со стрижкой было удобнее, но ты не любила ее.

…Я потом поняла, почему, – когда нашла твое лагерное фото с номером зэка на кармашке рабочей тужурки: ты стриженая на нем.

…Ты лежала в Склифе, или, скорее, сидела, – ты не любила «залеживаться» и наверняка даже с одной рукой ухитрялась помогать соседям по палате, сестрам и нянечкам. Но когда выдавалась минута, ты писала мне длиннющие письма о том, как вы гуляли по Третьяковке. С подробным описанием картин, художников и маленьких никому не известных тайн из жизни тех и других. Я так и не узнала, была ты на самом деле в Третьяковке, или письма были фантазией, но запомнила навсегда, что картина Пименова со счастливой женщиной в открытой машине называется «Москва, май 1937-го». И потом уж, стоя перед этим полотном, недоумевала: как же он мог, если жив остался, не переименовать? Или специально оставил – чтоб знали, что у некоторых тридцать седьмой был счастливым, умытым майским дождем, с сиренью…

Я читала твои каракули у Матвеевых на Забалке, и слезы закипали от досады: ты там, как барыня, разгуливаешь, а мы тут!.. Но правду писать было запрещено, да я бы и сама не написала, если бы разрешили, потому что в свои двенадцать понимала, что ты тут же примчишься, а девать тебя было некуда: наш дом сгорел.

…Данилевские так растопили печь, что наша общая с ними стена прогорела насквозь. Пламя вздыбилось, вышибло потолок, а четыре стены нашей комнаты уцелели. В дырку в крыше было видно небо. Мы спали несколько ночей с мамой под этим небом. Вместе – от холода. Потом в дырку пошел дождь, и мама подставила медный таз, в котором ты летом варила вишневое варенье с розовой пенкой, а дальше повалил снег. Пожарники боялись, что балки посыплются, и нас выселили. Маме выделили коечку в общежитии в порту, где жили моряки в ожидании навигации. Я приходила к ней и видела, как она хотела, чтобы наш ремонт никогда не кончался.

А меня забрали Матвеевы. Как ее зимой сорок первого. Даже буфет показали: сверху – чашки-блюдца, как у людей, а внизу, если крупы раздвинуть, – лаз в другую комнату. Оттуда – в сарай, а уж из него – через доски в стене – прямиком в балку, в овраг. Маму там прятали в войну, а меня – в пожар. Ты отдала ее Пете и Шурочке, гимназическим своим друзьям. Уступила: они сами за ней пришли, когда молодежь стали угонять в Германию. Матвеевы замотали ее в тряпье, под старую бабу, и увели. Она рассказала мне это потом – перед смертью.

Я помню, как печатными буквами дописывала своей рукой в каждой поздравительной открытке деду Пете «целую». И возмущалась, что ты не даешь мне листок, а заставляешь мучиться на открытке, умещая большие буквы на маленьком лоскутке.

– Письма перлюстрируются, – говорила ты чудное длинное слово. – А открытка – потому и открытка, что открытой идет. Пусть смотрят…

И первую строку отдавала мне тоже: «Дорогой дедушка Петя»…

Они показали мне эти открытки. Петя сказал, что ты единственная, кто не боялся писать ему в ссылку. Ну, и я – с тобой. Когда детской рукой цветными карандашами начало и конец – в середину можно было вместить новости про Шурочку и детей…

Я сидела у них на Забалке у маленького окна на уровне тротуара, смотрела на ноги-ноги-ноги за занавеской и писала тебе. Спросила у Пети, зачем построили такой низкий дом, и дед Петя сказал, что дом ставили лет сто тому, и он был высокий, а тротуар поднимался потом – из-за щебня, который сыпали, сыпали…

Я слушала шарканье ног по тротуару и сочиняла, как мы гуляем с Иркой – Петиной и Шуриной внучкой. Как ходили в театр, на елку, в парк на каток. Я выходила читать афишу на тумбе, что стояла напротив их дома, пузатая, круглая. Старательно списывала с нее, где, кто, когда на гастролях – в филармонии, в Доме офицеров, в ДК судостроителей. Я никогда столько не гуляла в своей жизни, сколько наврала тебе в письмах.

Потом тротуары расчистили от снега и крышу заделали к твоему приезду. Штукатурка еще не просохла на потолке с лепниной,

когда ты сошла с поезда. Стриженая, с рукой на перевязи, которая никогда уже не двигалась так, как раньше.

– Неправильно срослось, а ломать заново было жалко, – сказала ты, словно оправдываясь, что уже не можешь ею легко взмахнуть.

А я прижалась к твоему боку – со стороны здоровой руки, чтоб тебе было чем меня погладить, и стыдно стало, что я злилась на твою Третьяковку.

– Лучше бы ты по правде в нее ходила, Баба моя…

Потом тротуар подсох – наступила весна. Мы собрались к Матвеевым в гости. Тогда ты и попросила меня впервые помочь тебе застегнуть башмаки…

Если мне за 10 перевалило, значит, год был 62-63-й. Башмакам лет 20 исполнилось. Они выглядели как новые. Черные, тупорылые, с белым рантом, на толстой подметке, широком невысоком каблуке, с металлической пряжкой сбоку. Ты их очень любила, потому что удобные, по лужам идешь сухой, и каблук устойчивый – не проваливается в щели между плитками тротуара. Но что-то неприятное в них тоже было: у тебя как-то немного кривилось лицо, когда я застегивала эту пряжку. Ты любила их, но как хлористый кальций: и пить противно, и надо, потому что на пользу…

Только после перелома ты и попросила:

– Драгоценная моя, застегни мне туфли. Там такой ремешок с пряжечкой.

Я присела подле тебя на корточки и застегнула. Мы проверили: туго – не туго. Они были совершенно ужасные – эти полуботинки, как ты их называла. С живыми бульдожьими тупыми мордами.

Когда я доросла до этих туфель, не знаю. Не помню, когда нога стала те самые 37-38, и ты тихонечко предложила:

– Померяй, они хорошие. Натуральная кожа, непромокаемые. А то ходишь в этом барахле, еще ревматизм себе наживешь. Нельзя с мокрыми ногами…

Безногий сапожник, что ездил мимо нашего крыльца на дощечке на четырех подшипниках, сделал тебе новые набойки.

Он тебя очень любил. Все солдаты-инвалиды тебя любили – помнили по военному госпиталю, где ты работала медсестрой.

– Да никогда, – с ужасом оттолкнула я башмаки. Мне казалось, что стоит их примерить, как я стану старой. Что-то стыдное было в их надежности.

– Они тебе еще послужат верой и правдой. Им сносу нет…

Наверное, тогда ты и сказала, что они из Германии. Хотя нет. Тетя Галя, что удочерила Анечку, которую прятала, когда ее родителей угнали в гетто, первая сказала мне, что ты была в Германии, в лагере, только после твоей смерти.

– Никогда, – повторила я.

– Никогда не говори «никогда», – глухо сказала ты и спрятала башмаки назад в коробку, погладив их, как живые, – чтоб они не обижались, что я их отталкиваю.

Ты была права. Очень вскоре после того, как тебя не стало, настала такая осень, когда мне совсем нечего было обуть. Я нашла их, влезла в них и подивилась, какими удобными оказались они. Крепкими, устойчивыми – после всех «лодочек» на каблуках.

Безногого сапожника уже не было на углу, и у кого-то другого я набила косячки на его набойки. Я очень уверенно стояла в них на земле. И мордатые носки, если смотреть сверху, были не такими бульдожьими, как казались. В них была тупая бычья надежность, упорство какое-то, что-то похожее на «как дам!», если кто подойдет. Я никого никогда не била ногами. Хотеть – хотела, но ударить – не ударила. Но, глядя на этот широкий тупой носок, мысль эта пришла, и подарила бесстрашие на долгие годы бродяжничанья по незнакомым городам в неурочное время. Как долго я в них ходила – не знаю. Знаю, что сменила несколько городов. А потом кто-то скривился: «Что это на тебе?» – и я их сняла. Этот кто-то, наверное, был важен в тот момент. Имени теперь не вспомню. И куда они делись – твои башмаки – не знаю. Кому-то оставила, наверняка.

Сегодня сорок лет моему сиротству, Ба.

Я в Нью-Йорке включила компьютер и по Интернету вышла на сайт немецкого производителя твоих башмаков. Я узнала их – ремешочек и пряжечку. И купила себе первые настоящие Бир-

кен, так их зовут. Мне их пришлют из Германии. Я не знаю, Ба, как я могла не видеть, как они прекрасны. Это вопрос оптики: я не видела гору на другом берегу реки, пока мне не надели очки.

Я не понимала, как ты можешь есть эту гадость – вареный лук и фаршированную рыбу. С сыром я, правда, врала. Но так убедительно, что ты, слава Богу, верила.

– Я его терпеть не могу, – плевалась я, только бы он весь тебе достался – этот крошечный ломтик голландского сыра. Грамм двести на месяц. Больше ты не могла себе позволить на нашу с тобой пенсию.

– Это за свет, за квартиру, за воду, на проезд…

И дальше – «разврат»: две пачки «Севера» по четырнадцать копеек и ломтик сыра. Я видела, как ты размачивала в чае пересохшие корочки сыра. Не было у тебя любимее лакомства, и денег на него не было.

Лет 20 после твоей смерти я дотронуться до него не могла. Потом не то чтобы выросла, но как-то поняла, что я должна с этим что-то делать, должна приучить себя к тому, что тебя нет. Я купила сыру. Твердого, желтого, со «слезой», ровно твои двести грамм. Села и принялась им давиться: я заталкивала его в себя и не могла проглотить – душили слезы. Потому что если есть сыр, и ем его я, – значит, тебя нет.

Они самые красивые, эти туфли. И доктор советует – в них такая стелька, которая снимет мне боль в ступне. Я доходилась до артрита в том «барахле», ты была права. Я стала старая, Ба. Мне сегодня столько, сколько было тебе, когда я родилась. Какие же они красивые, твои башмаки. Я знаю, что ты пришла в них из Германии. Тебе их выдали в лагере, или ты сама их купила, выменяла, уже не узнать. Главное – все так, как ты хотела: я в твоих тупорылых, мордатых, самых надежных полуботинках.

И что с того, что мой сын с ужасом спрашивает:

– Что это на тебе?

Я их уже не сниму. Осталось дождаться внучки, которой скажу:

– Драгоценная моя, застегни бабе пряжечку…

Нью-Йорк

Роман Карцев

Короткие рассказы

Детские игры

- Так… Бабушка! Спокойно! Руки за голову, лицом к стене, ты заложница! Где наш скотч? Закрой рот. Молодец! Сиди тихо! Где дед?

– В туалете.

– Дед, выходи, ты мне нужен! Живым! Ты заложник! Одевайся, едем!

– Куда?

– Потом узнаешь! Скорей, нас трое из одного класса. Они в машине, мы вас берем в заложники!

– Ладно, Ленчик, перестань шутить, займись уроками!

– Молчать! Со скотчем замолчишь, вперед! К бабушке на кухню! Сядь рядом! Алло! Милиция? Я взял заложников! Требую немедленно уволить физичку, математичку, убрать охрану, выпустить на свободу кролика, приказать Ирке, чтоб она со мной дружила, вернуть деньги, взятые на развитие школы! Требую пятьдесят жвачек, десять бутылок кока-колы, сорок пять биг-маков!

– Стоп! Стоп! Мальчик! С тобой говорит полковник Зудов! Что это за шутки? Освободи всех и иди в школу, мальчик!

– Это не шутки, мент поганый! Я не один, и если мои требования не будут выполнены, мы взорвем аэропорт! Захватим власть! И школу!

– Мальчик! Не валяй дурака, мы уже засекли твой телефон! Мы сейчас приедем, будет хуже! Понял?

– Полковник, это будете делать в вашем вонючем сериале, от которого меня уже тошнит! Учтите, я вооружен! И меняю место пребывания каждые десять минут!.. Алло! Рокки? Это Рэмбо,

скажи Тарзану и Кинг-Конгу, пусть заводят машину, мы переезжаем на ранчо, у меня там фазенда!

– Ленчик, перестань! Поиграл – и хватит! Насмотрелся!..

– Бабушка! Shut up! Я в ночном дозоре! Вперед на ранчо! Поехали!

– Леня, у тебя завтра контрольная по физике!

– Ха! У меня завтра развлекаловка – «Дом-2» и «Наша Раша».

– Алло! Рэмбо? Полковник Зудов. Мы вас ведем. Посмотри вверх, видишь вертолет? Пошутил – и хватит!

– Это не шутки, командир, это жизнь!

– Мы уволили физичку, а Ира хочет с тобой встретиться!

– Алло! Бригада? Белый? Рэмбо говорит. Ирку ко мне на ранчо! Подготовить смертников из четвертого бэ! Взрываться по команде!.. Бабушка, зарежь барашка – и на кухню! Дед, руби дрова для бани! Эх, попаримся!.. Алло! Это мэр города? Это Рэмбо! Слышали? Мы уже в городе! Завезти в тайник в дупле еду, жвачку, чупа-чупс, патроны к «калашникову»! Два часа на выполнение, а не то обижусь!

– Алло! Можно Рэмбо к телефону?

– Да! Кто это? А, мама…

– Ленчик, я уже здесь, меня привезли добровольно! Леня!.. Хорошо, Рэмбо!.. Уже математичку уволили, вернули деньги на развитие школы и даже на экскурсию в мавзолей!

– Так там же бесплатно!

– В том-то и дело, а деньги вернули, и мы идем бесплатно! Без очереди!.. Ирочка здесь, она тебя любит!.. Тебе привет от дяди Бори из Чикаго, он тобой гордится!.. Я тебе привезла пирог с яблоками, компьютер, письмо от ФСБ – они туда тебя примут без экзаменов… Все тебя любят, отпусти хотя бы бабушку!

– Не могу, она делает шашлык, а дед смазывает автомат Калашникова и разливает «коктейль Молотова». Будут драться до конца!

– А они чего хотят? Бабушка и дедушка?

– Повышения пенсии, дешевых лекарств, возвращения в СССР…

– Мама! Опомнись! Здесь твоя подруга Серафима. Даю трубку…

– Алло! Вера! Держись! Я за тебя! Мы, коммунисты, не сдаемся! Врешь! Не возьмешь! Но пасаран! Долой ЖКХ!..

– Алло! Рэмбо? Полковник Зудов. ОМОН готов, не доводи до штурма! Кстати, здесь друзья твоего дедушки. Дай ему трубку!

– Алло, Витек? Жора-афганец. Ну, дед!.. Не забыл Кандагар! Духи не в духе! Качай права! Требуй положенное! Мы с тобой! Только свистни!..

– Алло! Рэмбо? Полковник Зудов. Все твои требования выполнены! Выкинь белый флаг!

– А кролика выпустили?

– Да, его охраняют смертники из четвертого бэ! Выходите! По одному! Сначала бабушка!.. Поздравляю вас с повышением пенсии и началом возврата в СССР!.. Дедушка! Виктор Петрович, вас встречают афганцы. Получите боевые! И квартиру от Путина!.. Леня! Тебя встречает директор школы и второй кролик! Здесь телевидение, скажи, а то хуже будет!

– Обещаю больше этого не делать! Любить Родину! Бороться с коррупцией, не быть наркоманом, олигархом, вернуть математичку, физичку, иметь пятерых детей, не любить Запад, помогать пенсионерам выжить… а сейчас спать, спать…

– Леня! Леня! Вставай! Пора в школу!

– А? Какую школу? Я уже был! А где кролик?

– Какой кролик, Леня?

– Серый, бабушка, серый!..

Секретный доклад

Товарищи, нам достоверно известно… но я пока не хочу называть фамилии, не в этом дело. А в том, что их было пятеро. Фамилии известны, но пока не известен заказчик. Он известный человек, пока не будем говорить, кто. Зачем? Скоро его все узнают, сколько бы веревочке ни виться!

Конечно, врач был виновен, он перепутал, какой делать укол, и человек умер. Пока не будем говорить, в какой клинике, дело не в этом. Люди все знают!

Как сказал большой начальник: «Я знаю этих людей, это не секрет, а дело в том, кто за их спинами». Хотя и это известно, и деньги давали миллионами, вы знаете кто. И я знаю, и милиция

знает, и налоговики. Знаем, от кого он получил и сколько, и кому должен передать. Где и в какое время, у какой гостиницы. Под каким камнем. Но пока брать не будем. Рано. Потому что должна состояться сходка воров в законе, их будет шестнадцать, известны их фамилии, клички, адреса, явки, знаем, о чем они будут говорить. Они будут рваться во власть. Но пока брать их не будем. Улики есть! Но нет доказательств! Хотя мы знаем все. Сколько бы ни виться веревочке… И если кто-то захочет пуститься в бега, спрятаться в офшорах… Достанем!

Пока рано рассказывать, кто подмешал в водку этиловый спирт… Кто отравил сотни людей… Чья рука искусно направляет нас по ложному пути… Кому это на руку… Мы знаем эту руку! Правда, некоторые уже умерли. А другие далече… Кто-то очень хочет, чтобы мы назвали их имена? Назовем! Время придет! Но еще не пришло.

Известны все участники теракта! Но они ушли. Мы знаем их родственников… даже если этого кому-то не хотелось. А вот кто дал команду?! У кого поднялась рука? Где взяли оружие? Кто прозевал проход боевых групп?.. Знаем – и скоро назовем их поименно. Хотя не в этом дело. Потому что их имена известны. Известны те, кто стоял за их спинами, кто из-за океана финансировал, известны кукловоды… Чья-то рука их прикрывает. И эту руку мы знаем! У нас есть неопровержимые доказательства, фамилии, адреса, явки… Но рано! Надо проследить всю цепочку. Известны и оборотни в погонах, кто с ними спелся, сколько брали, куда спрятали, в каких офшорах…

Нам известны все, и скоро мы их будем брать, даже несмотря на презумпцию невиновности. Плевать! Финальный аккорд будет за нами! Он будет мажорным!

Мы уже знаем, кто стоит за нефтью, за газом, за лесом. Они на виду. Но не все сидят в тюрьме… Сядут! Поможем!

Мы знаем, кто застрелил бизнесмена, негра, корреспондента, сколько их было, кто родители и где живут… Назвать? Сказать? Зачем, что это даст?! Ну, посадят условно… Пока они ходят, а их жертвы лежат. Но время работает на нас! Сколько бы веревочке ни виться…

Где золото партии? Знаем! Да и нужно нам не столько оно, сколько знать: кто его закопал? Где? Главное – сколько? Это

варварство! Но время придет. Мы их похороним!.. Но вот идолы где?! Так сказать, идеологи. Знаем всех! И даже больше. Найдены штаб-квартира, литература, оружие, взрывчатые вещества, камуфляж, фураж… Скоро назовем всех! Поименно! Побатальонно!

Так что теневая экономика засветилась, выходит из тени. Известно, кто их покрывал, кто сколько украл. Сколько стоит место в парламенте, кто заказывает музыку… Всех знаем!.. Ну, я назову – вам станет легче? Они свое получат не в январе, так в апреле. И это только начало! Мы встанем с колен! Пока мы на четвереньках. Но мы встанем! Вся надежда на общественность. Вместе мы одолеем всех! Возьмем всех! Но рано. Нельзя спугнуть! Сейчас главное – не спугнуть!

Наш человек – капитан ФСБ, фамилию пока не назову, – уже внедрился. В хорошо известные этнические группировки. Единственное, что могу сказать, что капитан – женщина. Ладно, скажу! Она уже в Англии. Занимается полонием, таллием, гелием. Кто кого отравил, мы знаем!..

Западным акулам пора знать, что мы уже все знаем! Мы напали на след. След длинный, но куда он ведет? Откуда и чей полоний?.. Сказать? Рано! Не время! Капитан-женщина идет по следу. Осужденные будут осуждены! Дела будут возбуждены!

Мы арестовали семь человек, подозреваемых в убийстве. Они разоблачены, сознались во всем, пока отпустили одного, потом остальных. Туда им и дорога!

Благодарю за понимание сложности положения! По местам!..

Э-э-э-х!

– Поел?
– Да! Спасибо, давай арбуз!
– Какой?
– Я вчера купил!
– Съели!
– Что, весь?
– Ты же говорил, что он плохой, мы и съели!
– Могла бы кусочек оставить!

– Ты же не захотел!

– Так что, нужно было все съесть?

– А что, лучше было все выбросить?

– Да нет, ну съела так съела! На здоровье! Но кусочек, для приличия, можно было оставить!

– Да он в самом деле невкусный! Ты не хотел!

– Хотел, не хотел, съела – и все, я рад за тебя!

– Ты что меня попрекаешь куском арбуза?

– Да ты что? Кстати, это не первый раз! На днях я кинулся за отбивной, а там одна кость! Ты что, ночью съела?

– Какая разница, тебе свинину нельзя!

– С каких это пор?

– Ты сам сказал, от свинины у тебя расстройство.

– Ты что придумала? Мне можно все, даже арбуз! Ну съела!

– А ты меня и свининой попрекаешь! Куском мяса?!

– Не куском, там было два куска!

– Я не считала!

– Да мне не жалко, ешь не здоровье, но одну отбивную можно было оставить, для приличия, или спросить: «Ты отбивную будешь?». Я бы сказал: «Буду!». Кстати, а где баночка с красной икрой? В четверг я ее еще видел.

– Ты что, забыл? Ребенок с другом пришел, что же мне, ребенку отказать?

– Да мне не жалко, но это как-то неожиданно!

– Ты был в Питере, мне что же, звонить в Питер и спрашивать: «Можно мне твое пиво выпить?».

– Конечно, конечно, но было пять бутылок! Я думал, приеду, откроем икру с пивом!

– Ну да! Разогреем отбивные, разрежем арбуз…Что с тобой? Ты раньше таким не был! Я пойду куплю арбуз, сожрешь его сам!

– Ну что ты завелась? Ну так я персики съем.

– Уже нет.

– А где?

– Дочка съела, ты забыл, что у тебя дочь!

– Что, все съела?

– Ну я ела, она, соседка…

– Ну для приличия могли бы оставить парочку!

– Так, завтра пойду, наберу, пожарю, наварю, для приличия!

– Завтра я уезжаю!

– Ну вот, приедешь – опять ничего не будет!

– Почему?

– У Светы день рождения, забыл? Будет человек тридцать. Ты же знаешь, как я готовлю, – сожрут все, не говоря о выпивке, один Семен пьет, как Вова… Что успею спрятать – оставлю тебе! Они гулять будут до утра, а ты приедешь вечером! В морозилке будут сосиски, твои любимые!

– В Питере минус двадцать, где моя дубленка новая?

– Ты что, с лестницы упал? Коля носит, ребенок на Аляске в школу ходит, одиннадцатый класс, с него все смеялись, ты же ее не носил!

– Ну спросить меня было можно?

– Тебе что, ребенку жалко?

– Да не жалко, ладно, в старой поеду!

– На чем, куда?

– На машине в министерство.

– Какой машине? Коля на ней уехал в школу, приедет, поедешь в свою синагогу! Я шучу! Кстати, евреи воевали?

– Да, двести сорок генералов.

– Ты их видел?

– Нет!

– А говоришь!

– Ладно! Борщ есть?

– Вчера съели!

– Кто?

– Твои друзья приехали из твоего Израиля, все подмели, еще спят, я их положила на твою кровать, а ты на раскладушке будешь нежиться.

– Я никого не приглашал!

– Это я пригласила! Мы с ними были в круизе, они хотят пойти в мавзолей, они коммунисты старой закваски! Подожди… Алло! Лера, хочешь к нам? Сейчас, подожди, я возьму другую трубку, а то мой не в духе. Ну давай, жду! Я как раз варю варенье, возьмешь внукам, а ты привези сало, мой сосед любит. Да, знаешь, у нас в гостях капитан с теплохода с собакой, бультерьер, мы ходим в туалет

по очереди! Закрутим с тобой соленья, компоты возьмешь детям, внукам, своему Зяме! Разошлись? Чего? Ну да, кто их нацию знает! И мой весь день что-то пишет, а я пашу, так он еще недоволен! И так все ему! Взбесился, почему я подарила его парфюм моему папе!

– Как он узнал?

– По запаху! Они ехали вдвоем в лифте, он остановил лифт, пришел и стал собирать чемодан! У него нюх, как у собаки. Эти духи только у него, это ему дедушка подарил, трофейные, привез после войны из Германии. Да, Лера! Захвати караоке, будем петь, танцевать, найдем тебе католика! Тоже русский, но другой!

– Зачем он мне?

– Для разнообразия, шучу, ну пока!

– О! Ты чего собрал чемоданы? Куда? Когда вернешься?

– Поеду на дачу, отдохну!

– Какую дачу?

– На нашу.

– Опять упал с гамака, я ее давно сдала!

– Кому?

– Каким-то шведам, надо же платить за квартиру, за учебу твоих детей, ты же кушаешь каждый день, ты что, меня попрекаешь?

– Что ты! Я и не знал!

– Я что, должна все тебе докладывать? Раздевайся, гостем будешь! Шучу!

Москва

Татьяна Мартынова

Дни нашей жизни

Опять мы на дорогах войны

Пыль и зной. Смесь бульдога с носорогом, по кличке Рыжая, приняв от бабы Фроси надкушенный сочень, держит хвост пушистым колечком. Она идет поделиться сочнем с кобелиной Серым, вечно валяющимся на территории рынка. Свободных мест в тени не так-то много, а там, у пустых коробок, рядом с павильончиком канцтоваров на третьей линии обитает не только кобель, но и тетя Маша, веселая молодая красавица, ежедневно выкладывающая перед Серым вкусняшки из целлофанового кулечка. Серый научился жрать оливье и кусочки куриной колбаски, не вставая с места. Его лоснящаяся шерсть очень приятно пахнет. У него хитрый прищур желтых глаз, расплывшаяся в неизменной улыбке морда, грязные подушки лап и… «…и все остальное…» – думает, путаясь в своих желаниях, Рыжая. Сочень может стать ее ключом к счастью. А в благосклонности Серого она почти уверена. Ни разу не зарычать! Это дорогого стоит. Да и тетя Маша не отгоняла еще Рыжую ни разу, хотя решиться подойти к еде очень трудно.

Рыжая – собака не местная. На Конной месяц назад ее забыла хозяйка. Пошла в аптеку, привязала Рыжую к решетке, но из аптеки так и не вышла. Только еле уловимый старушечий запах пронесся мимо ноздрей Рыжей вместе с запахом медикаментов, но тут же был выключен газовым выхлопом белоснежной «скорой». Хозяйка Василиса Прокофьевна так и не вернулась отвязать свою любимицу. Это сделали за нее добрые люди.

– Пошла! Пошла! Ишь, развылась! – сказал ей тогда приличного вида дворник и тронул метлой.

Ну, ничего. На улицах жить тоже очень хорошо. Лето. И много брошенных кусков. Вот и сейчас ей достался сладкий творожный сочень. Жаль только, что мучное ей вредно. Поджелудочная шалит, проклятая. Но, может быть, Серому понравится сладенькое. Десерта у него не бывает… Она долго ждет, когда проедет транспорт по перекрестку Торговой и Коблевской, и уже почти по-хозяйски оглядывает Новый рынок: опять непорядок. Грузчики со своими тележками прутся под автомобили, а автобус номер сто шестьдесят восемь застрял у поликлиники – ни туда, ни сюда. «Проезжай уже! – с сердцем восклицает про себя Рыжая. – Не поймешь, бежать или нет!» Она оглядывается на Тасю, продающую карточки пополнения счета для мобильников, ожидая команды. Но девушка, полюбившая уже командовать Рыжей, занята. Она говорит по телефону. «Ну да, третья мобилизация, ёшкин кот!» – слышит Рыжая, как Тася объясняет кому-то в трубку, в чем дело. Очевидно, речь о котах. Если эти коты чем-то навредили Тасе, она их порвет! Рыжая бросится мгновенно. Еще бы… За нашу Тасю?! Собака замирает, повернув голову к Тасе, прислушивается чутко:

– И Вовчика забрали! Сечешь? В Новой Дофиновке его нашли. Хотя он там и не прописан. Он же на Героев Сталинграда прописан. Ну, Вовчик Почуев! Что с Галкой Ищенко, помнишь Галку? Они уже лет десять вместе. Он думал, что туда не доберутся… Да! А ты знаешь, что Ваську уже убили? Под Краматорском. Гаубичным, в куски! Как – какой Васька? С нашей школы. С двенадцатой! Росстрий! На Заболотного жил, только не в нашем номере. На углу Днепропетровской дороги… Ага! Он же тоже в девяносто девятом заканчивал. «А» класс. А в прошлом году военное училище закончил. Такой парень! Только женился… Вот ужас, да? Мать с приступом в больнице. Ну что делать?! Что? Эти же с-суки не успокоятся!..

Рыжая поежилась: уж не о ней ли речь… В таком тоне… Да еще и этот автобус! Всё! Он застрял. Надо успеть на ту сторону.

Черный блестящий автомобиль выскочил из-за автобуса внезапно. Рыжая отлетела на обочину, переброшенная через его капот со шлепнувшимся во что-то пустое звуком, ахнула, задергалась на тротуарной плитке и погасла. Сочень ударился рядом.

Машина промчалась, вильнув и выравнивая путь, дальше. Тася вскочила и выбежала из-под своего зонтика:

– Рыжая! Да куда же ты смотришь, козел! Собаку убил!

Трехлетний мальчик, увидев раздавленное животное, вырвал руку из цепкой бабушкиной, потянулся к Рыжей и громко заплакал.

Старик

– А еще, деточка, я воевал в Венгрии. Венгры – это цыгане. Я там контужен был. Голова… Сейчас зрение ноль целых, пять десятых. Вот, фотографию тебе хочу подарить. Я здесь уже офицер. А это мой командир. Коля, украинец. Мы на Третьем Украинском воевали. Мы дружили. Сам Жуков его награждал. И руку ему пожимал. Я Жукова вот как тебя видел. Близко. Ай, деточка! Как мне тебя благодарить? Ну не думал я, что буду здесь, в Одессе, сидеть на вокзале три ночи… Ты в банке работаешь? Мне нужна моя карточка, на которую я пенсию получал. Мне три семьсот должны дать в месяц. У меня хорошая пенсия сейчас. Не могу найти карточку. В Киеве ее потеряли.

– Нет, я в банке никогда не работала. Поищите в своей кошелке. Найдется, – отвечаю.

– А ты работаешь, деточка?

– На пенсии.

– А молодая такая… Я всю жизнь до работы был просто дурной. Я рвался работать. У Лиды Гусаковой план был полторы тысячи килограммов меда в год сдать государству, а она передовик, сдавала четыре тонны с колхозной пасеки. Триста процентов плана! И я был главный зоотехник района по пчеловодству. Амвросиевский район в передовых был по пчеловодству и по другим отраслям, двадцать шесть колхозов. Спроси любого: Самойленко Леонид Владимирович! Я мотался. Это же Донецкая область! Все по жаре. Степь… А сначала я работал на колхозной пасеке. Помню, начальник главка, грек один, Балтарджи его фамилия, ко мне приехал: позарез нужно восстановить… Любовница у него. Ну, ты понимаешь, детонька… Мужскую силу. Я тогда Лиде гово-

рю: «Достань пару маточников». Маточкино молочко – первое дело! И прополис! Да. А пыльца тоже… Я помогал. И начальник областного ГАИ приезжал. Я ему язву прополисом вылечил, 50 грамм прополиса на пол-литра самого лучшего самогону. Настаивать… И ему лечил вот это самое… Тоже он был мне очень благодарен. У меня столько друзей, деточка. И все – самые главные в области! Один говорит: «Что тебе будет нужно, не стесняйся, прямо ко мне!». Ну что мне нужно? Квартиру мне дали. В Амвросиевке. Хорошая. Однокомнатная. Да… Я их лечил. Но! Надо знать меру… Один, максимум полтора маточника. И хватит. Иначе мужчина сбесится. А они думают, что надо побольше всего… Нет, надо в меру брать. Два моточника – это уже с головой… и хватит. А иначе мужчина ни о чем, кроме бабы, думать не сможет. И злой становится, страсть какой злой, бесится. Даже полтора.

Колхоз «Украина» наш был самый лучший в районе. Мы ж тогда дурными были. Мы план перевыполняем, а нам спускают новый, уже завышенный. И чтобы опять в передовиках району ходить, с нас последние соки жмут – перевыполняй! Деточка, я старик. Как сейчас все заросло! Поля же не возделываются. После этой незалежности все же крахом пошло. Больно глядеть. Мне восемьдесят девятый год. Я с семнадцати лет на фронте. В Херсоне жил до войны. У меня мама была учительница украинского языка и литературы. Как она любила украинские песни: «Чорнії брови, карії очі, Темні, як нічка, ясні, як день! Ой мої очі, очі дівочі, Де ж ви навчились зводить людей?» – запел густым красивым баритоном Леонид Владимирович, ничуть не фальшивя. – А всех мальчишек тогда в армию позабирали. Не смотрели уже на возраст. Я ж не рвался в армию. А как мы мерзли в окопах, солдатики! Зима. Мы друг к дружке все собьемся, только так и выжили. А те, кто с краю оказывался, менялись потом с теми, кто в центре. Нельзя же… Людьми надо быть. Потому и победили мы фашиста!.. Когда фронт подошел, когда погнали их, моего друга одного, шестнадцатилетнего, отправили на краткосрочные курсы минеров, и он через неделю уже разминировал поля. Немцы после себя оставили много мин. Все заминировали. Его разорвало. Погиб.

– Леонид Владимирович, идите мойтесь. После ванны поужинаете.

– А! Это правильно! Я в какой-то рай попал. Деточка, а почему вы меня взяли? Я вам понравился?

– О-о! Леонид Владимирович! Разговорчики у вас. Очень понравились. Не сидеть же вам на вокзале.

– Танечка! Мне надо спину…

– Сейчас! – беру с газовой плиты очередную кастрюлю с горячей водой, иду в ванную, тру его костлявое тельце инопланетянина, поливаю. Леонид Владимирович кряхтит от удовольствия. Заворачиваю в простыню, вытаскиваю. Разогревшегося тащу в отведенную комнату.

– Вот я… Я не еврей. Так? У меня ж только дед бы евреем. Дед Яша, – бормочет старик. – Все умел делать, все. Но меня евреи принимали за своего. Один был у нас в институте, во Львове, где я на агронома учился, его поставили после войны секретарем парторганизации всего института, тогда евреям на какое-то время, ну, ты понимаешь, после войны была «зеленая улица», и он меня выделял из студентов, домой приглашал. «Не высовывайся и в партию никогда не вступай!» – такой совет мне дал. На всю жизнь. И я не вступил. А все думали, я в партии. Потому что я работал, как коммунист. Как настоящий коммунист. Света белого не видел. Сейчас не знаю, что там у нас в Амвросиевке делается. Соседка сказала: «Езжайте в Киев, Леонид Владимирович, здесь вам не выжить, пенсию же не платят!». Снаряды рвутся то здесь, то там. Соседскую девочку, восемнадцать лет не было, украли, убитую потом нашли. Насиловали девочек… Ай, деточка. Сколько горя! Я думал, что победим Гитлера, и это уже будет последняя война. Должны же люди понять… Зачем сейчас воюют? Договориться нельзя было? Пенсию не платят. А в Киеве вам, говорит, будут платить. Найдете свою дочку. А как же я Леночку найду, если она в Мурманске? Она учительница музыки. В Макеевке заканчивала педагогический музыкальный институт. А с женой, покойницей, мы давно развелись. Бросила меня. Потому что меня все время дома нет, я на работе! Она маму мою из дома выжила. Маму… Мама последний кусок в войну недоедала, все мне… Когда в оккупацию голодали… В шестьдесят лет умерла бедняжка, царствие ей небесное, – старик крестится.

– Это мама мне посоветовала во Львов ехать учиться на агронома. Когда я с контузией демобилизовался. После войны нужны будут агрономы, говорила. Учителя впроголодь живут. Папа мой математику преподавал. Рано умер. Меня так хорошо натаскала по-украински, что я на вступительном экзамене только две ошибки сделал. Красивый язык. Хороший. Как русский. Да я тебе так скажу, деточка, плохих языков вообще нету. Люди все портят. Я в Венгрии был… Сейчас… Что я хотел сказать… А! Квартира у меня… На втором этаже. Интернациональная, девять. Квартира четырнадцать. Может, и нет ее уже. Может, уже разбомбили… Неделю назад я поехал в Киев. А в минобороны меня направили в Одессу. Купили билет и отправили. И что? Что я должен делать в Одессе? Ко-ро-ди-ционный центр по делам переселенцев. Беженцев, значит… Они дали мне вот эту одежду. Я мог там спать. Меня все любили. Потому что я работал всю жизнь до седьмого пота, всегда. А никогда меня в советское время к наградам не представляли в области. Никогда. Потому что я не коммунист. И все удивлялись. А я отшучивался.

А тогда Моисей Борисович, золотой человек, пусть земля ему будет пухом, меня пристроил после института под Киев, не помню уже, как это место называлось… садовником, там был интернат для инвалидов войны, и меня там кормили. Я молодой был. Он меня еще во Львове домой приглашал и все своей жене говорил: «Зачем у студента спрашивать, хочет он есть или нет? Ты накрыла на стол – и зови! Студенты всегда голодные!». Как они пели, инвалиды! Пили тоже… Но пели… «Розпрягайте, хлопці, коні Та лягайте спочивать. А я піду в сад зелений, В сад криниченьку копать. Копав, копав криниченьку У вишневому саду… Чи не вийде дивчинонька Рано-вранці по воду?»

Я нахлобучиваю ему шерстяную шапку на бритую седую головенку.

– О! Это ты правильно. У меня голова все время мерзнет, Танечка. И один молодой, русак – красавец, Коля тоже, Николай, без ног он был, так хорошо на балалайке играл! Ах, молодой! «По Дону гуляет, по Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой. А дева там плачет над быстрой рекой. О чем, дева, плачешь, о чем, дева, плачешь, о чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь? Цыганка

гадала, за ручку брала, Брала за другую, смотрела в глаза: Не быть тебе дома замужней женою, Не быть тебе дома замужней женою, Не быть тебе дома замужней женой! Потонешь, девица, в день свадьбы своей». И – на пожизненно в этом интернате… Но он повесился. Не захотел без ног жить. Охо-хо-о…

Ужинает Леонид Владимирович уже в постели.

– А зелененького у тебя нет чая, деточка?

– Зеленого нет. Могу кофе сделать, если черный чай не подходит.

– Не-ет! – счастливо смеется. – Если б ты предложила коньячку! Я денег дам, может, сходишь?

– Нет, не положено! А деньги вам еще на жизнь пригодятся, – объясняю, боясь, что старик разбушуется от глотка спиртного или умрет.

– Слушаюсь, – спешит он. – Черный чай тоже сойдет! Сахару туда… Во-от! Печеньице? Только два?

– Да у меня нет больше, – говорю. – Могу хлеб с вареньем.

– О! Варенье! – восклицает он с радостью.

Приношу варенье. Старик никак не может наесться. Наконец засыпает, распорядившись включить на полную громкость телевизор. Его интересуют новости с фронтов, которые нигде и никогда не заканчиваются в его долгой жизни.

Утром я иду на базар, нужно готовить еду для этого гостя из привокзального приюта. Беженцы с Востока все лето идут мощным потрясенным потоком: война, а теперь еще и осенняя погода прибавляют им всем тоски, отчаяния и чувства безнадежности. Одесситы помогают кто чем. Поживет, согреется и этот одинокий дедушка. Возвращаюсь с базара и застаю его в своей комнате. Он – в трех свитерах, в конце сентября и в Одессе резко похолодало, сидит за фортепиано. Твердыми крючочками-пальцами по памяти извлекает из него мелодию сороковых годов прошлого века. Я сажусь рядом и слушаю песни его молодости. Леонид Владимирович горделиво улыбается: публика в сборе. Его голос полон детской радости: «Мы с тобой далеко друг от друга. Только в письмах мы близки с тобой. Если песня – любовь и подруга, значит, песня – товарищ родной. О тебе мне шептало и лето, Осень – ветром, и вьюгой – зима. Но милей

и теплей всех приветов – этот запах родного письма. Все вокруг как-то станет светлее, пощекочет ресницы слезой, И на сердце теплей и милее оттого, что ты рядом со мной…».

Все изъявили согласие

Пришлось вставать, так как сон закончился. Перебрав его мысленно, как пачку старых фотографий, увидев себя в нем молодой и красивой, Ирина Петровна поняла, что не все еще потеряно, приободрилась и зашаркала в ванную, на кухню, включила газ, «Гармонию мира», электрочайник, микроволновку, телевизор, массажер, ноутбук, блендер. В миг, когда она включала телевизор, ее холодильник робко выразил свое недовольство, но уж настроением этого-то старикашки можно было пренебречь. Ирина Петровна только изменила его режим с общего на строгий, проверила, какое бельецо накопилось в стиралке, и машину включила по щадящей программе, пусть себе воображает, что работает с шелком. В конце концов, Ирина Петровна шелковое белье за свою-то нелегкую трудовую жизнь заработала.

Пока возилась, блендер выдал ей банановое суфле со сливками, хотя Ирину Петровну от него воротило. К тому же с утра у нее онемел и заплетался язык, она почти не различала вкуса. Но надо было есть что дают, не капризничать, и она ела, просматривая вчерашние и утренние новости, успевая прислушиваться к массажеру, щиплющему ее поясницу, и закрывая глаза на особенно высоких регистрах хора, исполняющего «Всенощную» Рахманинова. «Гармония мира» никогда не обманывала ее ожиданий, вчера Ирина Петровна слушала немецких романтиков, сегодня звучал русский Рахманинов, назавтра она мысленно загадала «Поэму экстаза» Скрябина. Послезавтра, и это она тоже предчувствовала, будет Стравинский. «Золотого петушка» довелось услышать лишь в зрелые годы, когда приехала в Ленинград на курсы повышения квалификации. Тысяча девятьсот восемьдесят второй год – Господи, как давно! И теперь Ирина Петровна шепотом заказала Стравинского на послезавтра.

Ей в жизни не везло. Когда-то она была маленькой. Но в детстве не чувствовала себя ребенком, не могла беззаботно веселиться с остальными. И когда сверстники и дети помладше играли в свою обычную игру «цветы» («Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме… розы!» Или – «фиалки!»), она вдруг отходила в сторону, чувствуя резкий запах сорванного и измятого цветка, стояла, отвернувшись от компании, и еле справлялась с рыданиями, а в такие игры, как прятки, догонялки, кошки-мышки, ее даже и не звали.

Уже в школе ее одолевали страхи, не отдадут ли ее кому-нибудь. Придет мама с работы и скажет весело и бодро: «Собирайся, Ирочка, за тобой уже пришли!». Кто мог прийти, зачем ее нужно было отдавать кому-то? Она даже не задавала себе такого вопроса, настолько абсурдным был ее страх. Она и сама это знала. Но долго, много лет, с приближением вечера эта фантазия надвигалась, как темный мешок. Никогда Ирочка не признавалась любимой маме в своих тревогах. В студенческие годы, когда девочки в общежитии, развеселясь, били друг друга общими тетрадями или подушками, она замирала: ей казалось, она не перенесет любого удара, даже самого легкого, вроде шутливого похлопывания по плечу. Что уж говорить об ударе по голове… А уж чтобы самой кого-то ударить… Нет. И она выходила из комнаты.

Замужем она была недолго, каких-нибудь лет двадцать пять. Только подросли дети, как муж сказал ей, что жить с нею больше невозможно, он устал от ее испуганных глаз, настороженного ожидания неизвестно чего.

– Ты живешь, как растение живет! Ну скажи, где? Где смысловой каркас твоей жизни? Его нет. До сих пор ты не вывела для себя ни фундаментальных, ни общих понятий об этой жизни. А ведь ты считаешь, что занимаешься наукой… Преподаешь в университете! И вообще…

Томления и страхи надоедают, исполнять чьи-то желания и выслушивать жалобы на здоровье он больше не намерен. У него есть и свои желания. При этом он быстро перекладывал на столе, как будто еще раз пересматривая, набор открыток «Японская цветная гравюра». А ей надо проснуться и учиться жить реальной жизнью!

Потом Ирина Петровна собрала рассыпавшиеся веером на полу репродукции с гравюр Хокусаи, Утамаро, Харунбоу, Кийбонага.

Под реальной жизнью муж подразумевал уже стареющую в нетерпеливом напряжении любовницу, к тому времени оценившую все и вся в их доме, подумала Ирина Петровна. Была приятельницей их семьи. Недавно подарила Ирине шелковый халат с драконами на спине. Скучные формальности по отчуждению имущества впоследствии та дама так же по-приятельски взяла на себя. Муж и за это был ей благодарен. Деловая хватка!

Ирина Петровна сделала музыку погромче. Что же такого «растительного» происходило в ее жизни? Все как у всех… На работе она числилась среди отстающих. Во всяком случае, ее никогда не выдвигали в президиум собраний, не вызывали на трибуну для доклада на конференциях, хотя в списках ее доклад всегда значился – правда, не в первом десятке. А выступающие, увлекаясь, так затягивали время, что очередь до нее никогда не доходила. Председательствующий, поглядывая на часы, вставал и предлагал подвести черту: «Надеюсь, что все уважаемые присутствующие изъявят свое согласие на этом последнем выступлении и остановиться! Всем спасибо за внимание. Тезисы докладов будут отправлены вам позднее. Столовая еще работает!». И когда становилось понятно, что выступить не удастся, Ирина Петровна чувствовала огромное облегчение.

Но на лекциях ее слушали. Хотя… Студенты – вообще странный народ… И как хорошо, что наступила старость. Теперь Ирина Петровна могла отдышаться. Дети перестали приходить к ней выяснять отношения, перестали швырять на пол ее книги, разложенные по стульям и столикам, чашки с недопитым чаем, оставленные ею то тут, то там среди бумаг. Перестали кричать, что она должна проснуться и начать жить реальной жизнью. Ирина Петровна, которая в одну минуту проживала сразу несколько временных пластов, никак не могла понять, взрослые они уже или еще маленькие. Она видела Витеньку коротеньким сердитым крепышом в штанишках на лямочках. Удержать его невозможно. Вот он бросается к магазину игрушек на Екатерининской и настаивает на покупке машинки так громко, что на его крик сбегаются все – и покупатели, и продавцы: «Да купите вы, мамочка,

ему эту игрушку! Нельзя же доводить ребенка до такого крика. Что за жестокость у современных мамаш: завела в магазин – и ничего не покупает!». Но у Витеньки дома уже целый парк машинок… А им еще предстоит стоять в очередях за молоком и яйцами. В «продтоварах» не протолкнуться, но может быть, повезет, и там же к вечеру «выбросят» на прилавок государственных кур. Слабенькая Ирина Петровна сгребает Витеньку в охапку с зажатой в его ручках машинкой и еле-еле уносит на своих руках. Ходить ножками ребенок еще не любит.

Одновременно Ирина Петровна видит Витюшу большим. Ну да, ему же под сорок. Господи, и он стоит в комнате, широко расставив ноги, и отрывисто объясняет ей свое намерение идти в добровольческий батальон АТО. «Надо дать понять этим сепам, что у них нет ни единого шанса!» – «Ты готов убивать?!» – застывает она с ужасом в глазах и сердце.

А рядом плывет река напластовывающихся картин пробуждения в кроватке улыбающейся пятилетней дочки: «Я хочу жить с вами, мамочка, вместе всю жизнь! Папа, ты, Витя и я». И одновременно это берег моря. И аллеи парка. И заполненный зрительный зал оперного театра. И афиша выступления ее мужа: «Арфа Орфея, импровизации». Дочь живет отдельно, ей тридцать пять. Тиночка вполне приспособлена к жизни. Не звонит, ну, что же делать… И к ее маленькой дочке приставлена няня. «Все хорошо», – думает Ирина Петровна. Молодые годы прошли, но как же это получилось, что Рахманинова она слышит по-настоящему только сейчас? И тут же замечает, что отчаянно боится. Чего ей бояться? «Если идет война. Если там гибнут люди… Можно ли надеяться на жизнь? – лихорадочно роятся мысли Ирины Петровны. – Можно ли бояться за свою жизнь? Рядом погибают люди. Что за страшная бессмыслица? Это – тоже реальная жизнь, да-да, теперь я понимаю, что имеется в виду… Реальная жизнь – это распад, разрушение, это гибель. Это свиноподобные рыла на экране. Это вооруженные головорезы. Это бегущие по улице за своей очередной жертвой стаи великовозрастных балбесов или подростков-революционеров. Но Всенощное бдение говорит о другом! – встрепенулось ее сердце. – Да! О другом! О другой жизни…»

Какая же это радость, что Бог существует!

С экрана телевизора тем временем неслись безгласные, очевидно, резкие вопли политиков, но при выключенном звуке телевизора одинокая духовная музыка из радиоприемника поднималась победно и революционно, взывая к Господу, к милости Его, разуму и добру, давая радостную надежду, проходя камень и бетон, утешая таких же одиноких и страдающих, как она. «Все сокровища мира, которые были недоступны мне всю жизнь, теперь здесь, у меня! Кто бы со мной не согласился сейчас? – подумала Ирина Петровна, глядя восторженно в динамик приемника. – Какое освобождение!» – она улыбнулась. Помнит ли она псалмы, которые когда-то слышала в храме? Когда-то читала? Пришло на ум только несколько слов: «Благослови, душе моя, Господи… Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время. Давшу Тебе им, соберут, отверзшу Тебе руку, всяческая исполнятся благости, отвращу же Тебе лице, возмятутся, отъимеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли». Хор вел свою величавую хвалу медленно. Чистые звуки лились, как солнечный свет в прорези окон. Рождение мира происходило сейчас, свет и тьма сменяли друг друга. Сотворение живого на земле во всей красоте и разнообразии, сложности и простоте совершалось и порождало тихое изумление. Ирина Петровна шла по всем ступеням, не замечая высоты. «Блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело. Сильно на земле будет семя его, род правых благословится. …Возсия во тме свет правым, милостив и щедр, и праведен». Мелодия Рахманинова несла и несла, как пушинку, Ирину Петровну, переставшую чувствовать себя Ириной Петровной, все выше. На какой-то миг ворвались в ее слух мотивчик и слова веселой советской песни «Все выше, и выше, и выше Стремим мы полет наших птиц! И в каждом пропеллере дышит…» «Ну, из песни слов не выкинешь», – усмехнулась она и, закрыв глаза, снова окунулась в шумящие, волнующие своей беспредельной красотой звуки «Всенощной».

Евгений Голубовский

Верность

Ему было двадцать лет. Вокруг были сонмы девиц, но он полюбил сорокалетнюю женщину. Она была умнее, ироничнее, изящнее. Друзья посмеивались над ним. Они были молоды и ничего не понимали.

Ему было сорок лет. Карьера была на подъеме. Вокруг друзья. У многих жены и молодые любовницы. А он полюбил свою сверстницу – сорокалетнюю женщину. Она загадочно улыбалась, все понимала, умела каждого поставить на место. К чему ему были студентки, модельки, тусовщицы? Он познал счастье взаимопонимания.

Ему было шестьдесят лет. Он дошел до края горы, дальше был спуск. Грустно, но наступало время отъезда с ярмарки. Круг его друзей поредел. Кто-то держался за руку жены, большинство, читая или не читая, ощутили вкус лолит. А он вновь нашел в мире женщин, бившихся о край его горы, сорокалетнюю спутницу. До чего же она была мудра, насколько она все умела! В какое сравнение с ней могли идти все эти лолитки?

Ему было восемьдесят лет. Последний вздох, последний выдох. Друзей уже не было. Два-три его сверстника изредка давали о себе знать. Они иногда вспоминали про секс и тогда вызванивали элитных путан. Удовольствие на два часа. Даже скорее на тридцать минут. А он вновь привязался сердцем, душой, всем еще, что у него было, к сорокалетней женщине. С ней ему было тепло, уютно, главное – не стыдно.

Этой ночью он размышлял о своей жизни. Да, не женился. Прожил жизнь холостяком. Но насколько он был верен своей сорокалетней подруге… Удивительный парадокс. Это всегда были новые женщины. Ни одна из них не оставалась сорокалетней навсегда. Они уходили, уходили, уходили. А он был верен, верен, верен своему принципу.

Валентина Силантьева

Денис

Из цикла «Наши мужчины»

Он умел бегать на коньках по обледенелым буграм-надолбам в узком ерике. И не падал. А если падал, то вставал. Шапка отлетала в сторону. Глаза и рот забивало ледовой струганиной, с рук слетали вязёнки-рукавицы, куртка, которую тут называли куртейкой, превращалась в грязную хламину. Но он вставал. И выползал из ерика на Белгородский – этот канал был широк и просторен. Хотя тоже в надолбах.

Это было его детство. Где-то на юге. В небольшом городе-посаде. На берегу привольного Дуная, который в своем дельтовом распадке поражал грозной мощью непокоренного зверя. Эта сила привлекала и заставляла поступать по-мужски. Об этом он помнил всегда, потому что Дунай шагнул из детства Дениса в его взрослую жизнь.

* * *

В пять утра зажужжал будильник-телефон, и тут же стукнул в дверь сменный вахтенный. «Подъем!» – сказал себе Денис. Как всегда, качало. Длинной набегающей волной. Интервал «вниз-вверх» мог растянуться на две и даже три минуты. Огромный фрахт-перевозчик, груженный тяжелыми контейнерами, похожими на разноцветные коробки, нырял в пучину, потом, отфыркиваясь, медленно выбирался наверх. В летящих брызгах и в кипящей пене, которая скатывалась с боков. Отмытые бока и надстройки всегда блестели. Но сердцем и центром этой махины все-таки оставалось его родное машинное отделение. Второй помощник механика – рука всегда на пульте и на пульсе. Чуть не так – и берегов не видать. Ни своих, ни чужих. А берег в его жизни уже давно стал фата-морганой.

Надеждой и горизонтом, к которому прокладывали свой траверс чайки. Увидишь ее – белокрылую, мелькающую черным проблеском наряда, орлиным оком и грозным клювом, и радуешься – берег все-таки есть. И он близко. Всё. Пора в машинное брюхо контейнеровоза. С вечным грохотом и шумом, с непременными наушниками-глушилками как дополнение к партикулярному платью механика, а попросту комбинезону. Пора. Туда – в город-обиталище со множеством лестниц-переходов-перепрыгов, турбинами, цилиндрами, редукторами и сепараторами очистки. Пора.

* * *

Денис учился в Институте холодильной промышленности, его называли «холодильником». Вуз славился инженерными умами и преподавательскими кадрами. Специалисты – нарасхват, причем по всей необъятной стране. А если рекомендовали поучиться в аспирантуре, это воспринималось как особое отличие и божественное предначертание. Ему предложили, и он бросился за советом к родным. Тянулись девяностые, если просветы в бесхлебье-беззарплатье и бывали, то горизонты оставались все равно серыми. Мать и отец, боясь ранить лишним словом, прятали глаза. Но тетушка, когда-то окончившая университет с красным дипломом, сказала строго и наотмашь: «Твой научный руководитель, которого я встретила с тобой три года назад и вчера, ходит все в тех же брюках. Уверена – они у него одни. Ты молод. Время – сам видишь. А будет семья?». Тетушка была старшей, мама как младшая согласно кивнула головой. Отец продолжал смотреть в окно. Уже приличный срок он был безработным инженером. Пособиями страна не баловала. Кулаки оттягивали карманы брюк. Этим брюкам больше подходило имя штаны.

Семья вскоре переехала к бабушке все в тот же город-посад, в котором кормильцем был Дунай, а земли, сдобренные наносным илом, давали сказочный урожай клубники, винограда и разных овощей-фруктов. Только долгие годы потом помнилось Денису сказанное совсем уже старенькой «Ба-Катей»: «Если б ты знал, как страшно совсем без денег: проснешься, а где взять на буханку хлеба и отцу на самые бросовые цигарки?».

Вопрос об аспирантуре отпал. Денис работал и снова учился. Пошел в среднюю мореходку – была надежда попасть на торговые суда или перевозчики; в Одессе всегда знали: там можно заработать. Учась, старался заработать себе на прокорм и все те же «цигарки» для отца. В основном на погрузке-выгрузке. В порту, на Привозе, на барахолке, именуемой «Седьмой километр». Здесь была своя конкурентная борьба и свои правила: синяки, ссадины и хорошо «отрихтованные» ребра становились привычным сопровождением жизни. А еще – прерывистый сон на задней парте в холодной и плохо освещенной аудитории. Тупая усталость гасила голод – тогда Денис был строен, поджар и отчаянно голубоглаз.

* * *

– А вы не могли бы набрать мне воду в бювете?

Денис очнулся и открыл глаза. Он сидел на скамейке в неприбранном сквере, а перед ним стояла невысокая блондинка с пластиковой бутылью почти до колен. Считалось, что из скважины идет вода почище, и сюда с разногабаритными емкостями стекались «пионеры и пенсионеры» – взрослое население носилось по городу в поисках бросовой работы либо понуро «из ничего» готовило обед. Девчонка была студенческого возраста и с голубоватым личиком. Денис встал, подхватил бутыль и пошел к бювету.

– А вы читали Брэдбери?

Он тут же, как из мешков с одуванчиками, высыпал к ее ногам аллюзии двенадцатилетнего Дугласа, рожденного Рэем Брэдбери. Потому что «Вино из одуванчиков», казалось Денису, всегда кружило ему голову – в нем бродило-пузырилось и его детство.

– Значит, мне стоит все-таки взять эту книжку и заставить брата прочесть?

– Где брать будете?

– У соседа, у него стеллаж забит, и он предложил. Чтоб Мишка не болтался.

– С кем болтается?

– С бомжеватыми и кудлатыми. Кучкуются. Чего-то покуривают. Потому и страшно.

Они шли вниз к домам Ближней Молдаванки. Денис – тяжеловозом, с полной бутылью, провисающей на хлипкой пластмассовой «держалке». Она – то поотстав, то забегая вперед – налегке. Она щебетала, и в этих возгласах и стрекотанье переливались-переплетались звуки «юности мятежной» и тревоги сегодняшнего дня. Полуголодного, нереально пустынного даже под теплым весенним солнцем. Потому что растерянность и неухоженность стали сопровождением жизни. Потому что «в цветущих акациях город» перестал расцвечивать душу. Остатками сил хотелось помочь и ей, и непутевому брату Мишке.

* * *

В первый раз услышав ее имя – Анжела, Денис вздрогнул: Анжелику – заморскую маркизу «ангелов», вскружившую голову теткам мещанкам в варианте роскошной экранизации, он давно воспринимал как яркую «пошлость пошлого времени». Дескать, если нет настоящих ценностей, предлагают раскидистую клюкву. Тогда он пенял советскому времени, теперь, в квазиперестроечном, должен был отреагировать на Анжелу родом из одесской Молдаванки. Отреагировал – они начали встречаться.

Весна брала свое, и они сначала освоили замысловатую вязь переулков Молдаванки, потом загогулины Слободки. Здесь царили свои разгуляй-законы, и на Дениса оглядывались с подозрением – чужак. Целовались в запущенном парке городской, бывшей областной, постройки XIX века больницы. В зарастающие травой-муравой узкие дворы старались не входить – собаки дворняги отрабатывали свой хлеб сурово. Потом переместились в центр, и начитанный Денис взахлеб рассказывал о личности и подвигах графа Воронцова, давно возведенного на высокий пьедестал. Кивал на его канцелярию, в которой когда-то мучился и как бы служил Пушкин. Упомянул и о том, как пытались переименовать Дерибасовскую в улицу Лассаля и что из этого вышло.

– А кто этот Лассаль? – спросила она.

Ничему не удивляясь (Анжела все-таки заканчивала нархоз), Денис жарко повествовал о политическом немецком гении, о его преданности марксизму, и в этом рассказе радикальные настрое-

ния давно отошедшего Фердинанда восхищали, а не отпугивали. В гастрономе на углу Гаванной они покупали бублики, густо посыпанные маком, и кока-колу в небольших емкостях – бумажными стаканчиками тогда не баловали даже в центре.

В сентябре они женились и венчались в бабушкином городе-посаде. Целовали икону старинного письма и руки родителям. Полгорода местного люда, замученного великими перестроечными новшествами, внимали действу с восхищением и с радостью. Платье было белым, фата длинной, Денис счастливым.

В Одессе родители выделили им комнатку, похожую на пенал. Заставленную какими-то вещами и чуть сыроватую. За поздними обедами разговор неизменно переходил на «рейсы и фрахты», и Денис, понимая, чего от него ждут, всеми силами и средствами старался «сесть на корабль». Сел. Отплыл. А потом уходил в далекие моря – чужие океаны еще несколько раз.

Приход из рейса обязательно сопровождался ритуалом «торжественной встречи». Теперь суда не подходили к их родному пирсу, и никто не бросал канат-чалку поближе к кнехту: в мутном потоке постперестроечных времен город утратил свой флот. А по найму – о, это был совсем другой компот. Швартовались в каком-то чужом и далеком порту, а домой добирались самолетом-поездом-автобусом. Конечно, в финальном пункте их дожидались жены, и Денис очень скоро отметил аляповатый раскрас жадно глазеющей женской толпы. Тетки были какими-то одинаковыми, в тяжелом макияже и с фальшиво оживленными лицами. Чего они так жаждали? Впрочем, не заморских же рассказов, конечно. Даже в варианте его Анжелы. Да и что видел Денис – в основном океанскую волну из иллюминаторов. А о работе в машинном отделении не расскажешь, она интересна только профессионалу.

* * *

Они сидели на диване все в той же узкопенальной комнатке, и, размягченный близостью жены, Денис показывал загнанные в ноутбук фотографии своего машинного зала, и, с жаром повествуя о том, как они «своей командой» растят на лестничных переходах в машинном их царстве «цветочный рай», повторял:

– И представляешь, почти все растения выжили… И это в постоянном шуме и трясучке…

Она перебила:

– А когда мы купим машину?

Он, еще поглощенный машинным залом контейнеровоза:

– Какую?

Посыпались марки известных автобрендов:

– Honda, Hummer, Bentley, Mercedes-Benz…

Он попытался отшутиться:

– А может, Lincoln или Lexus? А еще лучше – «Ладу», «Москвич», уже антикварный «Запорожец»?

Она обиделась:

– У всех «морячек» есть, причем «иноземцы» и индивидуального пользования…

Он, все еще стараясь сделать разговор насмешливо-шутливым:

– Представляешь, Mercedes-Benz – на наших горбатых дорогах и особенно в нашем цыганском дворе, разукрашенном «визитными карточками» собак и пьяниц?

Она:

– Ну и будешь еще лет десять таскать воду из бювета – вся от тебя и польза.

– Анжела, но я ведь никогда не сижу сложа руки, посмотри, сколько сделано по дому…

Она:

– Тоже мне, хоромы…

Денис не выдержал:

– А сказку о рыбаке и рыбке ты не забыла?

Потом она как бы сердилась, а он сидел над шахматной доской – в дальних своих вояжах научился играть сам с собой. Ей, думал, Денис, наверное, скучно без работы (сказала, что устала считать чужие доходы в их бухгалтерском эквиваленте). Дети пока не получались и не родились…

А еще он мучился всяческими формулами и физико-математическими выкладками, которые рвались в голову во сне и не отпускали въяве. Как будто шел коридорами родного института, кем-то давно названного «холодильником». Сидел-ковырялся в «лабе» – в обшарпанном пространстве, заполненном делом и жаркими спо-

рами. И все об экономэнергетике, которой принадлежит будущее. И все о криогенике и низкотемпературных режимах, способных так изменить свойства веществ, что и сам диву даешься. А еще он много читал и этим раздражал тестя: «Что ж ты задержался в детстве-юности, книжки хороши в молодые годы, а тебе уже тридцатник…».

С Анжелой они разошлись как-то неожиданно и споро. Придя из очередного рейса, он вдруг обнаружил на банковском счету малую толику заработанного. Очень малую. Удивился, спросил жену, которой исправно переводил на карточку одну треть. И вдруг услышал:

– А сколько же мне ждать тебя, флегму? Да, договорилась где надо. Перевели с твоей карты на мою. У нас, как понимаешь, многое можно. Хоть машину куплю.

– А что дальше? – успел спросить он.

– Машина будет, муж найдется. И в новый дом возьмет, не все же в отцовском жилье прозябать, тебя дожидаясь. Миша вырос, пусть теперь он здесь живет.

Личико у нее заострилось и стало крысиным. Вдруг показалось, что длинный голый хвост, свернув его кренделем и украсив бантиком, она прячет под юбчонкой. Ей исполнилось двадцать восемь, и она спешила жить «красиво». Побросав в сумку трусы-майки, Денис отправился на автовокзал. Приехав к «Ба-Кате», услышал: «Ой, Господи, неужто мы ее чем-то обидели, ты спроси, Дениска…».

* * *

На этот раз они шли в Японию. Через три моря и два океана. Шли долго, и сердце наконец предпочло успокоиться. А мозг – приноровиться. В общем, Денис втягивался в размеренный быт обслуги контейнеровоза, постепенно становясь его болванкой-шестерней. Автоматически после каждой смены засовывал свой комбинезон в стиральную машину и доставал из шкафа его собрата – такой же синий, но выстиранный-просушенный. Ел. Был всегда наготове, потому что вызвать в здешнее «чрево Парижа» могли в любое время. Оказавшись в своей каюте, «игрался» ноутбуком и раздумчиво смотрел на две стопки книг: техническую по специальности и художественную, прихваченную для отвлечения. На этот раз преимуществом пользовались книги о Японии. Справочные и очерково-художественные.

Йокогама. Осака. Кобе как один из самых крупных портов, в котором располагаются большие контейнерные терминалы. Хотелось в Осаку. Во-первых, потому что этим именем украшено множество кафешек в его родном городе; а во-вторых, в Осаке швартуются «пассажиры», и на одном из многоярусных красавцев он рассчитывал встретиться с товарищем.

Швартовку в грузовом терминале Кобе им разрешили утром. В акваторию порта входили с рассветом, и Денису пришлось это увидеть и замереть. Циклопический (или космо-модерный?), какой-то сверхсовременный пейзаж-конструкция, бесконечно сочетающий башни, плоскости и вертикали с горизонталями, при восходящем солнце и в Стране восходящего солнца поражал и восхищал. Денискин ум, так и не отбросив премудрости точных наук, из общего хора неземной технически совершенной гармонии выхватил ажурную красную башню Шухова и какую-то горизонтально-сетчатую конструкцию, похожую на сдвоенный вентерь – так в его придунайских краях называли ячеистую сеть-ловушку на обручах. Отмыв от ила, вентеря вертикально подвешивали на специальный трос или канат, и они очень напоминали ажурные башни. Как Шаболовская телевышка, которую он с восхищением разглядывал на многочисленных фотовыставках, а потом въяве увидел в Москве. Вот этот гиперболоид-конструкция Владимира Шухова, наделав когда-то в мире много шума, теперь поселился и в порту Кобе. Щелкнув пальцем, направленным в небо, вышка разгладила душу: восхитившись японцами, можно было гордиться и русскими.

Повторив про себя где-то вычитанное «темнота обнажает одиночество», как только стало возможным, Денис ушел «просвещаться». Солнечным днем и культурой неизвестной страны. И были в его первом японском путешествии и замок Белой Цапли, и рукотворный остров Порт-Айленд, и мост Акаси-Кайкё. Обиженная душа оживала, в ней теплились и подавали голос обрывки слов о вечном. О том, например, что большой труд во имя большой цели возвращает ей покой и красоту мирозданья. Показались понятными трудолюбие японцев и тяга их к созерцанию. Сад камней напомнил о себе, а ветка сакуры потянулась к нему из неведомой дали. Всплыли и начали толпиться «оборвыши» уже узнанного:

– Там бог Идзанаги вонзил копье в морскую пучину. Затем он выдернул обратно свое богатырское оружие. А с копья упала вереница капель, образовав изогнутую цепь островов. Так родилась Япония.

– Эти капли еще не остыли, и японцам приходится жить в стране вулканов, как на вздрагивающей спине Дракона, которого они не ругают, а почитают.

– Это отец, он только что «проглотил» «Ветку сакуры» – книгу журналиста-востоковеда, специалиста по Японии и Китаю Всеволода Овчинникова. В последние годы ушедшего века его страна была «очень читающей».

– Они обожествляют свою Фудзияму и сравнивают вид и контур этой горы с благородством, которым Бог наделяет только совершенное природное явление и в особых случаях может наградить человека.

Об этом Денис прочел сам в интернет-статье. Хоть и споткнулся о контрастный абзац:

– Кто ни разу в жизни не поднимался на вершину Фудзи, тот дурак. Но кто вздумал сделать это дважды, тот дважды дурак…

Ему хотелось спросить и узнать – но почему, почему же так?

* * *

В тот раз душа, размягченная японским чудом в конкретном порту Кобе, заставила его понять: совершенство (благородство) предлагается один раз. Это своего рода «проба», и если кто-то попросит чуда дважды (а то и трижды), значит, он глух к нему, а попросту – дурак. И останется в этом состоянии уже навсегда.

Тогда, в Кобе, вернувшись к себе на борт, он побоялся поделиться с ребятами своим настроением. Да и чем было делиться, сказкой о посветлевшей душе? А кто признается, что у него она черным-черна? В общем, он предпочел слушать разговоры в общей столовой.

– Слышь, хотел посмотреть на них – то-се, кимоно, гейша, майоко…

– Ну, и?

– А увидел их косплей.

– Это как?

– А ходят девчонки в каких-то мультяшных костюмах, придурковатые и нереальные. Поглядишь на них – и в гейшу перестанешь верить…

– А я японок-блондинок повидал. Как наши модницы-цыганки на Слободке. Окрас – беги-не-спотыкайся.

– Да ладно, ребята, это их JSF – Japanese Street Fashion. В общем, street-гламур и Хараюку. Наши одесские полуподвальные дивы этим пробавляются тоже.

– Так не подвалов же хотелось…

– А до гейши не дорос. О чем беседовать с ней будешь, о тряпках-школе, которую везешь в Одессу?

– Не, теперь ходовой товар игрушки – робот Zeno да японки-пупсы в кружевном белье. А еще ниндзя.

– А я, ребята, купил их керамические куклы «колокольчик-перезвон». Над лобовым стеклом вешают. В дорогих машинах. Экзотика.

– И много взял?

– Прилично.

Дениса от этого что называется «штормило и тошнило». Хотелось выкрикнуть: «В глаз бы дать кому, что ли?» – но делать этого не стоило. Так можно и перекусаться. А до первой черноморской чайки – ого-го… Он поднял уже отяжелевшее чрево и пошел к себе. Размышляя попутно о том, что нужно всерьез заняться зарядкой.

* * *

В бабушкином доме тоже любили вишню, и вишневые деревья с побеленными известью ножками-стволиками густо толпились в ее дворе на берегу весной полноводного Белгородского канала. Запах быстротекущей воды и цветущее облако вишневого наряда – его лучшее воспоминание о детстве. Того – на берегах большой реки, больших и малых ериков и проток. С пчелами и стрекозами, с ласточками на обвисающих проводах, с усталыми «рыбалками», пригонявшими лодки на общий городской причал. Путь к причалу лежал как раз мимо их дома, и стеклянные шары-поплавки, свисающие с бортов смоленой лодки, многие годы будоражили память.

Теперь загнанный в угол, живущий в не-своем деле и времени, Денис стремился поймать хоть какую-то точку опоры. Потому что иначе – никак. Об этом когда-то говорил дед, по этому принципу отмеряли свой путь мать и отец. Пока опору не выбили

из-под ног. Да так, что и всей стране хватило. Отец «застаканился». Мать худела-чернела. Бабушка смотрела в мир потерянно: «Что ж такое, Дениска, не война же». Он, Денис, честно сопротивлялся. Сначала учился там, где хотел. Потом, стиснув зубы, дрался с портовым людом, упорно таскал мешки в пол собственного веса и снова учился. Чтоб отцу на цигарки. Чтоб «Ба-Катя» не боялась проснуться и подумать о хлебе. Вернее, о его фатальном отсутствии. Даже семью постарался создать-укрепить. Ну, и где Фудзияма? Ах, японцы… О красоте-гармонии печетесь? От нечего делать косплеем пробавляетесь?

Трудяга грузовоз-перевозчик утюжил море. Нырял, с шумом-грохотом отфыркивался и снова шел. Малое пространство каюты будило зверей и рассаживало их по углам. Самый большой грыз изнутри. Денис бросался на койку и снова вставал. Потом, обессиленный, лежал плашмя. Вязко-ползучее «как?» и «почему?» не отпускало.

Добровольное затворничество и контур волны «вверх-вниз» должны были стать его жизнью. Простой и постоянной, предполагающей труд как долг, необходимость, радость. И память подсовывала примеры. Все по тому же принципу «вспоминай/выбирай».

На дальнем берегу его детства люд, хорошо знавший, как тонут обветренные-просмоленные рыбаки в «перебойной» волне дельты, никогда не жаловались и не бросали промысел. После очередного несчастья искали утопленников, закидывая крупноячеистые сети-оханы и крюки-самоловы, которыми промышляли осетровых. Находили – синюшных и оплывших, не похожих на тех, с кем, надрываясь, тянули сеть на воде и балагурили на берегу. Они стояли у открытых могил молча, а после тризны снова отправлялись на лов. И умели радоваться. И любили детей. Если не спивались – такой труд делал обязательным каждодневный стакан крепкого вина. И не один.

В совсем недавнем марте у японцев «рвануло» Фукусиму. И пошло-понеслось, как и в Чернобыле. Многократное превышение радиоактивного фона; сотни тысяч спешно эвакуированных; «тяжела вода»; навсегда испорченные земли; попытки скрыть высокий уровень радиации. И констатация факта: в будущем количество онкобольных возрастет, а в группе риска окажутся те, кому будет двадцать и чуть больше/меньше лет. И уже вылупились из яиц

голубянки с глазами, похожими на странные вмятины. И уже приплыли к берегам Орегона радионуклидные рыбные особи. Но что запомнилось? Техногенная катастрофа? Нет, к ней привыкли, как когда-то свыкались с чумой и холерой. Мир услышал другое: японские мужчины, которым исполнилось «за пятьдесят», предложили отправить их, а не молодых, на расчистку загрязненной радиацией территории.

Может, и вправду от всех бед спасает принятое поклонение труду и красоте? Например, совершенному контуру и снежному убранству, по большому счету, невысокой горы Фудзи? Цветущему деревцу вишни? А ведь и в их японской практике было свое убасуте – это когда от «лишнего рта» избавляются, унося стариков в горы и обрекая их на смерть. В общем, говорил себе Денис, нужно жить и, как утверждал родной классик, «выполнять свои обязанности».

Варя увидела его нечаянно. Когда, приехав в родные края, в сумерках брела вдоль Дуная. Денис – уже большой и плотный – сидел за столиком кафе у речной пристани. Медлительно и серо ползло постперестроечное время. К прежде шумному берегу только изредка пришвартовывалась корабельная мелочь, отвозившая рабочих на дальние острова. Но плакучими ивами обсаженный берег, но цветник, взлелеянный хозяйкой кафе, и белые стулья-столики все-таки привлекали тех, кто каким-то способом еще зарабатывал.

Он сидел не один и, нагнувшись, «целовал даме руки». Варя успела перехватить только торжествующий взгляд повернутого к ней женского лица. Она знала Дениса давно, и ей хотелось заговорить с ним. Не посмела. Прошла мимо. И знала ведь, знала, что когда-то услышит дежурную реплику счастливой «морячки»: «Следующий рейс – на машину». Услышит и подумает: «Ох, лучше бы штаны, залоснившиеся от долгих бдений в разоренной «лабе».

Яков Шехтер

Второе сердце

Похоронив мать, полковник израильского спецназа Арье Куперман возвращался на свою базу. Было ему сорок шесть лет, коротко подстриженные волосы уже начали редеть и налились сединой. Лицо, покрытое плотным загаром много находящегося под открытым небом человека, прорезала тонкая сеточка морщин. Когда полковник улыбался или сердился, кожа натягивалась, и складки, распрямляясь, открывали не загоревшие участки, отчего выражение лица полковника резко менялось.

Он гладко брился и всегда, даже в отпуске, носил военную форму. Ему казалось, будто гражданские свободно свисающие маечки или обширные пиджаки будут казаться нелепыми на его поджарой, высушенной бесчисленными марш-бросками фигуре.

Арье Куперман двадцать лет возглавлял школу спецназа, и сам того не подозревая, превратился в легенду, персонаж фольклорных историй и анекдотов. Особенно изощрялись ученики над его привычкой возглавлять финальный марш-бросок, заменяющий выпускной экзамен. Небольшая группа, добравшаяся до окончания курса, должна была пройти за три дня непрерывного движения больше трехсот километров, постоянно натыкаясь на всевозможные препятствия и засады. Их заранее готовил лично полковник Куперман и он же, все три дня идя впереди цепочки, задавал темп. Двигался он легко, словно танцуя, и поэтому к нему крепко прилепилась кличка Танцор.

Жил полковник в помещении школы, во временном вагончике, давно ставшим для него постоянным домом. Школа располагалась в центре Самарии, и ночные тревоги часто оказывались совсем не учебными. Он родился и вырос в Реховоте, тенистом

городке неподалеку от Тель-Авива, там была квартира его родителей, в которой до недавнего времени еще жила мать. Куда бы судьба руками начальства ни забрасывала полковника, ему казалось, будто корень его души по-прежнему пребывает в небольшом салоне, уставленном старой мебелью, возле шкафа со школьными табелями Арика Купермана, альбомами детских фотографий и коробочкой, наполненной молочными зубками. Мать словно отгораживала Арье от леденящей бездны вечности, пока она жила, в цепочке перед ним круглилось еще одно звено. И вот все кончилось.

Он ехал по шоссе, рассекающем Самарию на две половинки, подобно тому, как нож разваливает апельсин, и вспоминал события последней недели. Звонок из больницы не застал его врасплох. Все годы своей самостоятельной жизни он каждый день звонил матери. Исключение составляли только особые задания, на которые запрещалось брать сотовый телефон. Даже во время марш-бросков он не отступал от своего правила; ему нравилось, идя впереди группы изнемогающих от напряжения курсантов, разговаривать с матерью, не задыхаясь, спокойным тоном, так, будто бы он сидел в своем кабинете.

На кладбище его поразила четкость работы похоронной команды. Объявленное заранее начало церемонии не задержалось ни на минуту, и весь процесс оказался до предела лаконичен и четок. Когда он отходил от свежей могилы, один из похоронщиков прикоснулся к его рукаву и спросил:

– Кто будет говорить кадиш? Одиннадцать месяцев, каждый день. Утром, днем и вечером.

Скорбное сочувствие струилось из него, точно вода из переполненного кувшина.

– Не знаю, – ответил полковник. Подробности выполнения ритуала его мало интересовали.

– Есть еще родственники? – продолжил похоронщик.

Полковник остановился, достал кошелек, вытащил, не глядя, несколько крупных купюр и протянул похоронщику.

– Хватит?

Тот быстро, словно само их появление было оскорбительным, схватил протянутые деньги и спрятал в карман.

– Хватит. Я все устрою наилучшим образом. Не беспокойтесь.

За семь дней траура, которые Куперман провел в родительской квартире, сидя на низеньком пуфе, приставленном к стене, перед ним промелькнули, казалось бы, давно ушедшие из его жизни лица. Школьные друзья, с которыми он не виделся десятки лет, бывшие сослуживцы, ученики, родственники. В его распорядке дня не было места для поддержания отношений и связей, служба заполняла его до самого верха, под пробочку.

Согласно религиозной традиции, все семь дней полагалось сидеть, не выходя из квартиры. Но он не мог столько оставаться без движения и несколько раз во второй половине дня ускользал на прогулку и долго ходил по Реховоту, разглядывая улицы своего детства. Садик, школу, парк с самолетом. Реховот сильно изменился, утратив обаяние маленького городка, а размаха и шика большого города приобрести еще не успел. Почему-то полковнику казалось, что он видит все это в последний раз. Вернее, он догадывался, почему, но отгонял эту мысль, упрятывая ее в дальний уголок сознания.

Началось это несколько месяцев назад, на марше. Не финальном, а одном из промежуточных. Через четыре часа ходьбы полковник с удивлением почувствовал, что не может идти. Во рту пересохло, и его наполнил гнилостный привкус, а в правом боку явственно бился пульс, словно в нем поселилось еще одно маленькое сердце. Пришлось придумать вводную, разворачивать группу в атаку на воображаемого противника, потом разбирать ошибки. В общем – часовой привал. Курсанты были довольны – такой поблажки от неутомимого Танцора никто не ожидал.

Вернувшись с марш-броска, он долго думал, сидя в своем домике и разглядывая плоские разорванные ветром облака, несущиеся над каменистыми холмами Самарии. Из его жизни ушли несколько знакомых, ушли по причине, похожей на ту, которой могла обернуться боль в боку. Он помнил, как они отправлялись в больницы с испуганными, но полными надежды лицами. Отправлялись еще вполне здоровыми на вид людьми, а возвращались на колясках: высохшие, измученные процедурами скелеты. Возвращались лишь для того, чтобы спустя несколько недель снова оказаться на больничной койке. Уже в последний раз.

«К чему эти мучения? – думал полковник. – Беспощадная химия, от которой выворачивает внутренности, уколы, процедуры, обманутые надежды, уклончивые взгляды врачей, сочувствующие лица родственников. Моя жизнь сложилась так, что я никому ничего не должен. Не случилось женщины, согласившейся разделить мои неприятности и порадоваться моим удачам, нет детей, ожидающих поддержки и заботы. Если со мной случится нечто подобное, то я доживу до момента, с которого прекращается нормальное существование, и своими руками поставлю точку».

Гуляя по Реховоту, он несколько раз ощущал знакомое биение в правом боку, а запах гнили то и дело всплывал из желудка, примешиваясь ко вкусу пищи. Смерть не страшила, он сжился с ее близким дыханием, и столько раз наблюдал за ее приходом. Пугали страдания, беспомощность в руках врачей, их холодное профессиональное отношение к живым мучениям тела. Он принял решение и намерен выполнить его. Без колебаний, спокойно, словно выполняя приказ. Оставалось только определить, когда.

Утром, перед тем как выйти из дома, он достал свой сотовый телефон и по памяти набрал секретный номер.

– Кого-нибудь из наших, – попросил он. – Из тех, кто сейчас в квартирном бизнесе. Реховот, Нес-Циона, Ришон.

Получив адрес, он вошел в директорию «Набранные» и вытер номер. Затем поехал к маклеру.

– Доброе утро! – по лицу маклера и тому, с какой скоростью тот выскочил из своего кресла, полковник понял, что узнан. Он оформил документы на сдачу родительской квартиры, не глядя подписал доверенность на имя маклера, отдал ключи и уехал. Полковник знал, что его не обманут.

До базы оставалось минут двадцать езды, когда ожил сотовый телефон, надежно упрятанный в ложе разговорного устройства. Полковник нажал кнопку, и голос командира базы наполнил кабину.

– Танцор, ты где?

– На подъезде.

– Извини, что не даю спокойно войти в курс. Незаконное поселение на горе Гризим помнишь?

– Конечно.

Вопрос был праздным. За двадцать лет полковник промерил собственными ногами каждую тропинку Самарийских гор и мог служить живым справочником.

Поселение представляло собой несколько жилых вагончиков на вершине горы с наспех протянутым электрическим кабелем и шлангом водопровода. Жили в нем шесть или семь семей, и ежу было понятно, что рано или поздно их оттуда выселят. Для создания нормального поселения требовалось решение правительства и огромное количество подписей в разных министерствах. Заниматься бумажной волокитой никто не хотел, поэтому время от времени группки энтузиастов захватывали то там, то здесь вершину горы, затаскивали на нее вагончики, привозили детей и скарб и жили в полевых условиях, иногда довольно долго. В конце концов их все же выгоняли, хотя на памяти Купермана несколько поселений, заложенных таким образом, в итоге получили статус постоянных и уже превратились в довольно большие поселки.

Обе стороны знали правила игры и, стараясь не выходить за когда-то установленные рамки, предавались ей с увлеченной последовательностью идеологически ангажированных людей.

Полковник старался не вникать, кто больше прав, а кто более благороден в этой игре, он вообще держался подчеркнуто аполитично и за всю свою армейскую жизнь ни разу не принимал участия в выборах. Такая позиция позволяла ему спокойно выполнять приказы, не задумываясь о том, какая партия сегодня у власти. Когда же ему приходилось высказываться на эту тему, он всегда припоминал один случай.

Они брали главу подпольной ячейки ХАМАСа в Шхеме. Хасан, мужчина тридцати шести лет, уже успел организовать несколько террористических актов и отправить в Тель-Авив двух смертников с поясами, набитыми взрывчаткой. Жил он в роскошном новом доме вместе с двумя женами и дюжиной детей от этих жен и пока не собирался лично насладиться обещанными утехами семидесяти райских девственниц.

В два часа ночи дом окружили двумя кольцами оцепления. Во внешнем стояли резервисты с приказом стрелять не раздумывая, а во внутреннем разместились курсанты школы Купермана. Прорваться сквозь первое кольцо у Хасана не было ни малейшего

шанса, и второе поставили только потому, что так требовала инструкция. Ведь иногда случается и небывалое.

Полковник вежливо постучал в двери дома. Ответил недовольный мужской голос, Хасан, по всей видимости, не предполагал, что его обнаружат, и вел себя как ни в чем не бывало. Конспирировался он тщательно, заметая следы, точно настоящий лис, но в ШАБАКе сидели опытные лисоловы.

– Отопри дверь и выходи, – приказал полковник. – Руки заложи за голову. Стреляю без предупреждения. Понял?

Тишина.

– Дом окружен, если ты не выйдешь сам, я прикажу взорвать дверь.

Прошло минут десять. Куперман подозвал курсанта и велел приготовить гранату. В это мгновение дверь распахнулась, и Хасан в белой галабие, размахивая топором, бросился на полковника. Подбежав почти вплотную, он со всего маху запустил топор в его голову.

Полковник легко присел, пустив топор поверху, и, вскочив, встретил прикладом автомата опускающийся нож. Затем перехватил руку и, используя инерцию Хасана, перекинул его через себя. Когда тело бандита переваливалось по спине полковника, он ощутил динамитные шашки, обвязанные вокруг его пояса. Медлить было нельзя, полковник внезапно подломился, упал на землю, в падении выхватил пистолет и выстрелил прямо в голову Хасана. Пуля развалила ее на куски, кровь и белые ошметки мозга полетели во все стороны и набились в раскрытый рот Купермана.

– Я знаю, что такое вкус войны, – всегда говорил полковник, завершая свой рассказ, – и знаю, как пахнет труп врага. Тот, кто утверждает, будто это хороший запах, – самый отъявленный лжец.

– Так вот, – продолжил командир базы. – Пришел приказ высоту освободить, вагончики убрать, площадку полностью очистить. Я послал туда бульдозер и роту резервистов, а они застряли. Там какая-то бешеная баба свирепствует, орет и плюется. Можешь разобраться, в чем там дело?

– Хорошо, разберусь.

Командир базы в свое время учился у Купермана, и звания был такого же, хоть занимал более высокую должность. Разговаривая

с полковником, он никогда не позволял себе приказного тона, все его указания носили характер просьбы.

Спустя полчаса Куперман добрался до места, выключил двигатель и слегка потянулся, пробуя, на месте ли второе сердце. Оно тут же отозвалось, тихонько тюкнув два раза. Полковник выскочил из машины и подошел к командиру резервистов. Увидев Купермана, тот вздохнул с явным облегчением и принялся рассказывать. Рассказывать, впрочем, было нечего. Вагончики на вершине окружал высокий забор из колючей проволоки, а ворота были заперты на несколько замков. Поселенцы прятались внутри вагончиков. Рядом с забором стоял огромный бульдозер с поднятым ковшом.

– Она мне все лицо заплевала, – пожаловался командир резервистов. – Орет, как сумасшедшая. Я ей говорю, что сам из Маале-Адумим, тоже поселенец, но приказ есть приказ. А она…. – он махнул рукой и еще раз провел пальцами по лицу, словно проверяя, не остались ли на нем капельки слюны.

– У меня, говорит, приготовлена канистра с бензином, если начнете ломать забор – подожгу себя и детей. Просто сумасшедшая и больше ничего.

– Пусть бульдозерист заглушит мотор и вылезет из кабины, – приказал полковник, направляясь к забору.

Стало тихо. Хлопал по ветру огромный израильский флаг, вывешенный на мачте посреди вагончиков, нестерпимо слепило глаза солнце, пересвистывались в низком кустарнике невидимые птицы. Между неплотно сдвинутых жалюзи на окне ближайшего вагончика блестели чьи-то глаза. Полковник приветственно помахал рукой и сделал приглашающий жест. Тишина. Он подождал еще немного и вдруг с необыкновенной ясностью, которая иногда опускается на человека, понял, что смертельно болен и что жить ему остается совсем немного, и что эта тривиальная операция по выселению, возможно, его последнее задание в армии. Он стоял, оглушенный этой мыслью, когда дверь вагончика распахнулась, из него вышла женщина и решительным шагом направилась к полковнику.

Ей было давно за сорок. Волосы скрывала плотно сидящая на голове шапочка, брови почти отсутствовали, щеки слегка подрагивали от ходьбы. Крупный рот увял, хотя четко очерченные

губы еще сохраняли форму, но морщинки уже разбегались вдоль углов и лучились под носом. Фигура женщины напоминала конус, начинающийся от горла. Просторный балахон синего цвета, казалось, только подчеркивал этот конус.

– Как же она, бедняга, выглядит без одежды, – вразлад с предыдущими мыслями подумал полковник. – Родила, наверно, дюжину детей, да и что такое спорт, давно забыла. Если знала когда-нибудь.

Женщина подошла к забору и остановилась напротив полковника. Ее лицо было ему знакомо, он чуть было не сказал: «Привет, как дела?» – но имя, вертевшееся на языке, так и не всплыло из памяти.

– У меня приказ на ваше выселение, – сказал полковник, стараясь нарочито мягким тоном скомпенсировать жесткость слов. – Я прошу вас собрать вещи и покинуть вагончики.

Женщина только улыбнулась.

– А у меня приказ на заселение, – она ткнула пальцем вверх, указывая, откуда получен приказ. – Эту землю Всевышний отдал мне и моим детям. По своей воле мы отсюда не уйдем.

– У вас не найдется стакана воды? – спросил полковник. Этим нехитрым психологическим приемам он обучал своих курсантов. Сбить, увести разговор в сторону, облечь его в одежды бытовой беседы. Разговаривая с противником на привычные темы, невольно перестаешь видеть в нем врага.

– Вы же сами перекрыли воду, – женщина ткнула рукой в черную змею шланга, струящуюся по склону холма.

– Это не мы, – сказал полковник. – Хотя не могу ручаться, я только что приехал из Реховота, еще не успел войти в курс дел. Траур по матери закончился сегодня утром.

Лицо женщины переменилось.

– Хаим! – крикнула она, обернувшись к вагончику. Из него выскочил парень лет двенадцати, похожий на мать, но с более резкими чертами лица.

– Помоги полковнику перебраться.

Хаим вытащил из-за вагончика две лестницы, одну приставил к забору, быстро взобрался на вершину и, перекинув вторую, спустился вниз.

– Прошу вас, – приглашающе кивнула женщина.

Куперман перелез через забор, стараясь не задеть за шипы колючей проволоки.

– Робинзон Крузо, – вдруг вспомнил он прочитанную в детстве книгу. – Просто Робинзон Крузо.

Между вагончиками оказалась уютная площадка с белыми пластиковыми стульями вокруг такого же стола. От солнечных лучей площадку прикрывал тент, сделанный из старого парашюта. Ветерок приятно тянул по стульям.

Женщина уселась на один из них, полковник на другой. Хаим принес из вагончика бутылку запотевшей минеральной воды и одноразовый стаканчик. Полковник налил его до краев и с удовольствием выпил.

– Мне знакомо ваше лицо, – сказала женщина, пристально разглядывая Купермана. – Так вы из Реховота?

– Да.

– А зовут как?

– Арье Куперман.

Женщина всплеснула руками.

– Арик! Б-же мой, это Арик!

Полковник внимательно взглянул на лицо женщины.

– Не узнаешь? Вот дурной! Я Лея. Лея Шахар!

Он еле сдержал вскрик изумления. Да, конечно, это она. Но как изменилась… Кошмар, что с ней стало. Что стало со всеми нами!

– Лея! – он постарался не выдать удивления. – Сколько мы не виделись? Двадцать лет? Двадцать пять?

– Да, что-то около этого. Странно, как до сих пор не встретились!

Лея была королевой его класса. Да что там класса, всей школы, всего Реховота. Не было мальчишки, который не мечтал бы с ней дружить, но с Ариком она компанию не водила. Вокруг нее вились самые красивые и богатые ребята, ему оставалось только вздыхать, разглядывая ее волнующую фигурку во время ответов у доски.

Рыжие, играющие электрическим блеском волосы она укладывала высокой башенкой, под Бабетту, кофточки носила обтягивающие, так, что грудь выдавалась далеко вперед, а разлетающаяся от быстрых движений юбка заканчивалась высоко над коленями. Ее круглые, покрытые светлым пушком икры сводили Арье с ума.

В девятом классе они поехали всей школой в двухдневный поход по Негеву. Арик уже тогда выделялся среди сверстников своей неутомимостью, и к концу первого дня, когда все еле тащились, высунув языки от жары и усталости, он вызвался вскарабкаться на вершину горки, посмотреть, сколько осталось до лагеря. Вид с горки открывался совершенно фантастический: рыжие с фиолетовыми прогалинами холмы, желтые горы на горизонте, черные промоины, оставшиеся от весенних потоков, полностью пересыхающих к началу лета. От восторга он запрыгал, замахал руками, приглашая одноклассников присоединиться. От группы отделилась одна фигурка и поползла по склону. Передвигалась она довольно быстро, и через десять минут рядом с Арье запрыгала от восторга Лея, девушка его снов.

Лагерь с горки не был виден, они поохали еще немного, крутя головами во все стороны, а потом начали спускаться. Их группа тоже двинулась с места, огибая горку.

– Слушай, – предложил Арье, – зачем догонять группу понизу? Давай спустимся с другой стороны.

Они быстро обежали вершину и начали спуск. Через сто метров путь преградила широкая расселина, и пришлось довольно долго идти вдоль нее, потом возвращаться, огибая слишком крутой спуск, потом Лея поскользнулась и минут десять сидела, поглаживая ногу и надув от боли губки. В итоге группы внизу не оказалась. Позднее выяснилось, что инструктор решил, будто эти два резвых козлика поскакали прямо в лагерь, и даже послал вперед парней из одиннадцатого класса изловить беглецов и вернуть обратно. Когда же добрались до лагеря, и выяснилось, что Арье и Лея отсутствуют, инструктор вместе с десятком старшеклассников помчался назад. Поиски продолжались до темноты, но без всякого результата.

Арье и Лея, покричав минут с десять, решили догонять группу. Тропинка раздваивалась, но Арье, внимательно осмотрев местность, обнаружил на правом ответвлении пустую жестянку из-под кока-колы. Банка выглядела совсем свежей, поэтому решили идти направо. На беду ребят, утром по этому же маршруту проходила другая группа, которую в конце ждали джипы, и брошенная ими банка сбила их с правильного направления – в лагерь вела левая тропинка. Через час, когда они вышли на ровное, как стол,

плато, безжизненное на расстоянии взгляда, подозреваемое стало очевидным: заблудились.

Начало темнеть. Ночь в пустыне опускается стремительно; не успело солнце скрыться за вершинами гор, как наступила темнота.

Хорошо еще, что до окончательной мглы они успели отыскать ложбинку, выложить вокруг нее двойной ряд камней для защиты от змей и забиться в расщелину, тесно прижавшись спинами друг к другу. Допили остатки воды из фляги и стали смотреть на глубокое черное небо, осыпанное холодно мерцающими звездами. В городе небо было совсем другим.

Конечно, утром их найдут. Максимум пригонят из Беер-Шевы полицейский вертолет и быстро отыщут. Главное – продержаться до утра. Все-таки пустыня: змеи, шакалы, да мало ли что…

Лея держалась довольно бодро, но когда из глубины ночи донесся отдаленный вой, она, взвизгнув, обернулась к Арье и прижалась к нему всем телом. Не веря своему счастью, он нашел ее губы и прильнул. Лея ответила на поцелуй. Она оказалась куда опытнее Арье и быстро взяла инициативу в свои руки. Он и не подозревал, сколь многое можно сделать с двумя телами.

Когда начало светать, и черные контуры гор проступили на серой замше горизонта, ему показалось, будто он спит и видит чудесный невозможный сон. Лея лежала рядом, ее волшебные рыжие волосы, рассыпавшиеся от возни, касались его плеча. Арик приподнялся и опустил голову на ее грудь.

– Уйди, дурной! – засмеялась Лея. – Давай поспим хоть немного.

Он не соглашался, продолжая целовать ткань кофточки, пьянея от запаха ее тела.

– Вот же долгоиграющий! – Лея легонько стукнула его по затылку, а затем взъерошила волосы. – Неутомимый, безудержный, дурной, дурной, дурной…

Вертолет не потребовался, бедуинские следопыты, вызванные из батальона пограничников, охраняющих границу с Египтом, обнаружили их через два часа. Много было шума, волнений, разбирательств, потупленных взглядов и торжественных обещаний. Но и это прошло, как проходит все на свете.

На первой же перемене после возвращения в школу Арье подошел к Лее, прикоснулся к ее руке выше локтя, в том месте, где

особенно нежно просвечивал золотистый пушок, и небрежно произнес:

– Привет! Как дела?

Она вздрогнула, словно укушенная змеей.

– Лея, это я, Арик!

– Привет, – словно очнувшись, сказала она.

– Что ты делаешь сегодня после школы?

– Еще не знаю.

– Можно тебя проводить?

– Попробуй.

До конца уроков Арик задыхался от счастья. Оно наплывало волнами, ударяя теплом под ложечку и разбегаясь оттуда электрическими искрами в кончики пальцев, щеки, уши. Иногда он бросал косой взгляд на Лею, и мурашки нежности осыпали его спину.

Она быстро сбежала по ступенькам крыльца, прошла рядом с Ариком, словно не заметив, ловко вскочила на мопед, обхватив за талию сидящего на нем десятиклассника. Тот рванул с места, порыв ветра взметнул на мгновение Леину юбку, обнажив загорелые ноги и белую полоску трусиков.

Арик шел домой, скрипя зубами от злости, честя Лею последними словами. Все, в его жизни она больше не существует, он вычеркивает ее из сердца, вытирает толстым упругим ластиком до самой маленькой черточки и смахивает крошки в мусорное ведро. Все, да – все, да – все!

Он действительно больше не подошел к Лее, однако она, похоже, не очень расстроилась. Арик пытался влюбиться в других девочек, но как-то не получалось. После окончания школы они больше не виделись.

С тех пор через его жизнь прошло немало женщин: некоторыми он увлекался не на шутку, с другими просто проводил время. Но ни такой нежности, ни такой ненависти в нем никто не смог пробудить.

– Первая любовь, – говорил сам себе полковник, когда возвращался мыслями в далекую пору школьного тумана. – Что же ты хочешь, на то она и первая…

И вот Лея сидит рядом с ним. Впрочем, какая это Лея! Трепетная мучительница его сердца и нежная царица его ночей осталась

далеко за поворотом, там, где сгущается сумрак времени. К этой женщине она не имеет ни малейшего отношения.

– Слушай, – вдруг спросил полковник, – ты помнишь поход в Негев? Как мы потерялись и провели вместе ночь. Помнишь?

– Вот дурной, – улыбнулась женщина, и знакомая интонация, словно машина времени, отбросила Арика за поворот. – Нашел что вспоминать! У меня уже трое внуков и две внучки. А у тебя?

– Нет, ты послушай, послушай, – не отступал Арик. Ему вдруг стало очень важно узнать, что же тогда произошло, открыть дверь, которую он когда-то запер собственными руками, а ключ выбросил.

– Почему ты тогда не захотела со мной разговаривать? Тогда, после похода.

– Так ты же пристал прямо посреди класса! Надо мной и так девчонки смеялись, что от ночи в пустыне губы пухнут. Подошел бы в сторонке, как человек. А ты ходил надутый, точно бука, и только глазами сверкал. Дурной, и больше ничего!

Полковник замолчал. Второй раз за сегодня крылья прозрения зашуршали над его головой. Он понял, что во всех женщинах искал ту самую Лею, которую замуровал в своем сердце. Она пряталась в нем, недоступная для глаз, и, посмеиваясь, морочила его, отбрасывая, выбраковывая всех кандидаток на принадлежащее только ей одной место.

– Жена, дети? – не успокаивалась женщина. – А живешь где, по-прежнему в Реховоте?

– Нет, нет, – очнулся полковник. – Ни жены, ни детей. Не сложилось. А живу на базе, в вагончике. Так проще.

Женщина протянула руку и провела по ершику седых волос полковника.

– Бездомный песик! Бедный бездомный песик!

Пошло несколько минут, тягучих и благостных. Из вагончика раздался плач, и несколько детских голосов заспорили, что лучше: сменить подгузник или дать соску.

– Внучка проснулась, – сказала женщина.

– А где же ваши мужчины? – спросил полковник. – Бросили вас?

– Бросили! – возмущенно махнула рукой женщина. – Молодых два дня назад срочной повесткой в армию вызвали. А остальных

оцепление задержало, когда с работы возвращались. Остались только женщины и дети. Да что я тебе говорю, будто сам не знаешь!

– Не знаю, – полковник покачал головой. – Я действительно прямо сейчас из Реховота.

Он помолчал несколько секунд и добавил:

– Что делать будем, Лея?

Она быстро взглянула на него. Было понятно, что этап воспоминаний кончился, и теперь полковник спрашивает ее совсем о другом.

– Будем делать каждый свое дело, – сказала она спокойным голосом. – Я к этой вершине сердцем приросла. Вернее, теперь у меня два сердца, одно в груди, – женщина положила руку на бесформенный холм, выпирающий из балахона, – а второе – вот в этой земле. Я отсюда не уйду.

– Хорошо, – полковник поднялся и пошел к забору. Возле лестницы он обернулся и посмотрел на женщину. Она стояла, прислонясь к стенке вагончика, и глядела на Арика глазами, полными печали и сожаления.

– Я сделаю, что смогу, – произнес он в ее сторону, отвернулся и быстро перелез через забор.

В боку заколoло, но не больно, почти не больно.

Полковник подошел к командиру резервистов.

– Бульдозер убери отсюда к чертовой матери, а оцепление перенеси к подножию горы. Вагончики не трогай, пусть бабы сидят себе, пока по мужьям не соскучатся. И воду, воду открой – там целые ясли младенцев.

Он сел в машину, захлопнул дверь и посмотрел на командира резервистов. Вид у того был растерянный.

– Мы не воюем с женщинами и детьми, – сказал полковник. – А с этой «бешеной бабой» я в одном классе учился. Такое может учинить – себе дороже.

Он перевел взгляд на вершину. За колючей проволокой виднелся темный конус женского платья, и полковнику вдруг показалось, будто Лея взмахнула рукой в прощальном приветствии. Куперман поднял стекло, развернул машину и поехал на базу.

Тель-Авив

Беглые заметки

Валентина Голубовская

Графины

Как-то Саша Розенбойм меня спрашивает: «Валя, а почему теперь на праздничный стол ставят бутылки, а не графины? Ведь это когда-то считалось неприличным!».

Я согласилась со своим старинным другом. И в нашем детстве помню графины, и потом, уже в собственной квартире, я ставила на стол графины.

Теперь смотрю на них и вздыхаю. Предаюсь воспоминаниям. Вот этот у меня всегда был с водкой, настоянной на лимонной корочке. Для тех, кто считал, что не стоит «портить продукт», был этот – с серебряной окантовкой горлышка. А в этот я наливала коньяк. Этот тоже не стоял пустым.

Переливаясь своими хрустальными гранями, графины усиливали праздничность и торжественность стола.

Когда я изменила этой привычке пользоваться графинами? Наверное, в начавшиеся времена опрощения жизни. Может, когда стало модным выставлять на стол бутылки и гордиться их этикетками? По-моему, именно тогда и появились всякие «дорогие» напитки, часто сделанные «в Одессе, на Малой Арнаутской». Не помню. Но точно знаю, что ценители и знатоки и в бокале, наполненном из графина, и в бокале с содержимым из бутылки, всегда отличат подлинное от подделки.

Вспоминаю эпизод начала 80-х годов. Приятель привел к нам Ольгу Игоревну Грабарь – дочь известного художника и искусствоведа Игоря Эммануиловича Грабаря. Очень симпатичная, умная дама, с юмором. Чуть ли ни первое, что она сказала, улыбаясь и объясняя свой отнюдь не преклонный возраст: «Я поздний ребенок!». Мне это понравилось, потому что я тоже поздний ребенок.

Накануне кто-то из знакомых, вернувшись из рейса, подарил нам коробку Lipton'a. Этот подарок был кстати, потому что от приятеля мы слышали, что Ольга Игоревна – чаевница. Когда очередь дошла до чая, Ольга Игоревна, отпив глоток, воскликнула: «О, Lipton!» – и добавила, уж сейчас не вспомню, какого именно сорта, с каким вкусовым оттенком был этот Lipton. Но нам это очень понравилось, как всегда нравится такого рода «знаточество».

Теперь я чаще любуюсь своими графинами, уже нет тех застолий и почти не осталось их постоянных участников… Но графинам, может, придется послужить нашим следующим поколениям?!

Татьяна Партина

Брат Васька

Трамвайный блюз

Мурлычет дождь трамвайный блюз,
Не умолкая.
Открылся нот осенних шлюз
В звонке трамвая.
И день мурлычет, словно кот,
Довольный очень,
О том, что с блюзом к нам идет
Бродяжка осень
На острых тонких каблуках,
В пальтишке драном,
С кукушкой, сломанной в часах
В угаре пьяном,
С открыткой порванной «Привет,
Вот я и море»,
С машиной, ткнувшейся в кювет
На косогоре.
И льется блюз со всех ветвей
На рельсы-спицы,
И в черный старенький Стейнвей,
Чтоб с ним сродниться;
А вслед за тем вернуться в мир,
Что так брутален,
Переработанным в клавир,
Из окон спален…

Черная кошь

Сверкнут огоньки в темноте полуночной,
И вздрогнешь от ужаса ты.
А вдруг это знаки из бездны порочной,
И рухнули в бездну мосты?
А вдруг это черт из все той же Диканьки,
Скучая на старой ветле,
Грызя с наслаждением хвостик тараньки,
Тебя поджидает во мгле?
А вдруг искривленное зеркало мира
Впотьмах отразило твой взгляд –
Агностика с полной бутылкой кефира
И кипой закрытых декад?
И через плечо ты плюешь на дорожку,
Все темные силы почтив…
Под ноги бросается черная кошка,
И ты уже счастлив почти.

Брат Васька

У меня звонит телефон.
– Это ты, – вопрошаю, – слон?
– Это я, – отвечает, – кот,
Что в квартире с тобой живет.
Ты, однако, совсем крутой,
Раз уехал на встречу с той,
Что не кормит меня совсем…
Я котлету, конечно, съем?
Тут колбаска лежит. Ничья?
Мы ж с тобою одна семья!
До колбаски один прыжок.
Все равно пропадет, дружок.
А в тарелке моей, мой свет,
Даже крошки паршивой нет!

Я от голода маумррру!..
…Просыпаюсь, кляну жару.
Васька спит, и моя рука
Затекает под ним слегка.

Потоп в Гадюкино

Родилась я в деревне Гадюкино
Возле маленькой гадкой реки,
Где топились бродяги от скуки, но
Выживали, судьбе вопреки.
Воробью по колено та реченька.
Пара жаб да семейство ершей
Развлекали мальцов, и далеченько
Мы за рыбой гоняли мужей.
Иногда приходили влюбленные
На пологий речной бережок;
Здесь, под старыми ветхими кленами,
Соблазнил меня мой пастушок.
И казалось порой, что незыблемы:
Наш почти первобытный уклад,
Греховодство, что дружно любили мы,
И призывные трели цикад.
Но однажды во всем всемогуществе
Мне приснился Господь и сказал:
– Собирай-ка, Маруся, имущество
И скорее беги на вокзал.
Взяв с собою кота и бодливую
Крутобедрую Маньку-козу,
Вместе с ними залезла на сливу я,
Чтоб увидеть, где в нашем лесу
Тот вокзал пресловутый находится;
И пока я на том джи-пи-эс
Восседала, случился, как водится,
Неожиданный ливень с небес.
Забурлила река наша скромная,

Разливалась весь день и всю ночь.
Бог пенял мне впотьмах: «Неуемная,
Ведь тебе я пытался помочь.
И какого теперь ты качаешься
На пути у стихии моей,
Да еще над козой издеваешься?..
Над котом хоть глумиться не смей!»
Утром глянули: нету Гадюкино,
Мимо нас проплывает сарай…
Мы с козой дрейфовали до Щукино,
А кота подобрал Дед Мазай.

Людмила Шарга

Мимолетные стихи

Мимолетные стихи

Что бы кто ни говорил там,
но Господь меня простил,
этих улиц лабиринты
на ладонях расчертив.
Я хожу по ним, вздыхая, –
просто кругом голова –
и становятся стихами
эта палая листва,
это дышащее море,
эти стылые пески,
и поющие зимою
песни юга маяки:
«За морями-берегами
есть такие острова…»
Но становятся стихами
мимолетные слова,
что летят легко и мимо
откровеньем новых книг.
Я от них неотделима.
Я давно одно из них,
что летит себе, вздыхая,
средь словесной чепухи…
Я не прячусь за стихами,
я – и есть мои стихи.

* * *

Мимо привокзальной площади
в сновиденьях не ходи,
там летят гнедые лошади,
там гуляет только дождь один,
днем и ночью –
дождь один.

Мимо всех путей несбывшихся,
что манили далеко,
где и дышится, и пишется,
и не пишется легко.

Скажешь, что вокзал тот вымышлен,
что пути манят – в мечтах,
для одних вокзалы – финиши,
для других вокзалы – старт.

Но когда мечты оставишь ты,
снисхожденья не проси
и кати,
кати свой камешек,
обреченно – как Сизиф.

Мимо снов, в которых лошади
мчат, сминая сон-траву,
мимо привокзальной площади,
мимо жизни…
наяву.

Журавлиное

Что в нас журавлиного, друг мой…
Почему зовет нас берег дальний?
Тесен ли уклад патриархальный,
холодно ль в провинциях зимой?

Стынут журавлиные сердца,
жаждут перелетов-переездов,
и весною в городок уездный,
где вскипает зелень у крыльца,
души журавлиные спешат,
подлечить открывшиеся раны,
в домик, где цветущею геранью
горницу любили украшать.
Оттого и тянет по весне
к этим перелетам-переездам…
Расцветает в городке уездном
старый журавельник на окне.

Абрикосовые косточки

Скорый поезд далеко стучит,
море дышит глубоко…
Абрикосовые косточки
мы кололи вечерком.

На песке валялись рядышком
в *черепаховых* очках,
абрикосовые ядрышки
зажимая в кулачках.

Были сплошь исповедальными
наши взгляды и слова,
и от запаха миндального
чуть кружилась голова.

Невзначай сползала кофточка
с обгоревшего плеча…
Абрикосовые косточки,
как положено – горчат.

И летели, плыли, ехали –
абрикосовые дни,
но поспевшими орехами
нас сентябрь соблазнил.

И глядят глаза раскосые
из окон чужой судьбы.
Было лето абрикосово,
были дали голубы.

Скорый поезд далеко стучит,
кролик спит в своей норе,
абрикосовые косточки
дети колют во дворе.

Утренняя повесть

Читаю пригородный поезд,
как будто – утреннюю повесть,
листаю личики и лица
и чай, и булочки с корицей.
В ней все – от корки и до корки,
едва ли доберусь до сути,
но осознанье будет горьким –
как подобает книге судеб.

В ней ветхим кружевом застелен
изгиб старинного комода,
и тонкий запах иммортелей,
что все сильнее год от года,
и летний полдень тих и ласков,
и я…
Да полно,
я ли это?

Стрекоз неистовая пляска.
Июль.
Жара.
Макушка лета.
И дальний пруд, заросший тиной,
и близкий взгляд, быльем поросший,
и капли солнца в паутине,
и тополиная пороша…
Но обрывается внезапно
любой сюжет на этом свете,
и остается тонкий запах
неувядающих соцветий.

Все дальше поезд змейкой узкой,
все ближе туча грозовая…
А иммортели я по-русски
бессмертниками называю.

Олександр Косенко

Світотривання

Із циклу «Світотривання»

1

Без нас у пеклі вичахає спека
І пнеться неба пхнути нефілім
В цей грішний світ
Приносить нас лелека
І полишає
Наодинці з ним
Течуть степи насуплені снігами
Течуть віки
І вік людський тече
Та журавлі
Господнє орігамі
Знов підставляють небові плече
Тож не впаде воно на землю грішну
Лише дощами
Виплаче своє
Допоки журавлів глядить Всевишній
Допоки жменька
Для синички є

2

І гибне шал
Закутий у слова
Коли клятьба ні шеляга не варта

Лиш п’яні сльози гірко пінить кварта
Триває Всесвіт
І життя трива
Там сонях спить
Як дядько в картузі
Толочать світ нахабні потерчата
Про Слово слів не треба уявляти
Стоїть лелека на одній нозі
Чекає звістки
Ирій знає час
Народжених обрать із нерожденних
Душа і кров
ЖИВЕ розбудять в венах
Допоки йде за плугом Волопас
Допоки світ межі не добіжить
Обжитої Лукавим Вічним Гадом
Де спали ми під Гестсиманським садом
Де Шлях Чумацький мажами дрижить
Не вихолоне серце
У пітьми
Є інший бік
Там світло
Віра
Правда
На тридцять срібних празникує Зрада
Вона невічна
Там
Де вічні ми

Друга печать

Кому та кров
За ким сльоза
Та мить
Що добіжить за поглядом останнім

За віщо душі в подиху розтануть
ВОГНЕНИЙ ВЕРШНИК
Сурмі защемить
……..
Сльоза
Щоки торує битий шлях
Гірчать сивини
Білого біліше

Не цар земний
Глевка ВСЕЛЕНСЬКА ТИША
Вже мітки потай ставить на полях
Про дні
Невороженної судьби
У книзі недочитаної долі
Повтор потвор
Мов клон
Не Божа Доллі
Гріх
Генетичні карби
Не скарби
Ми тут і СКРІЗЬ
І водночас
НІДЕ
Життя тече
Зникоме не зникає
Та ТИШИНА
На Білий Світ чигає
На біло – біл…
Біліший сивини
……
Лиш тулумбас КОЗАЦЬКОЇ веде
Як хіромант в долоні тишини

* * *

Тебе немає
Все скінчилось
Ирій
Ні журавля не верне
Ні синиць
Останнє листя снігом ляже ниць
Карби мовчань
Жахкі
Безбожно сірі
Візьмуться пестить днів палкі чекання
Та навіть тінь моя не упаде
На твій поріг
На тіло молоде
А час біжить по колу
На аркані

* * *

Безпам'ятство
Наздожене цей звук
На вістрі уповільненої дії
На павутинні тнутиме павук
Сто літургій мушиної надії
І вже без ліку
Безіменний раз
Мине весна
Зістарить вітер пісню
Крізь порохно агоній і образ
Це фото посміхатиметься пісно
Мов здичавіла згадка про любов
Але НЕ ЇЙ тупитимуться пера
Вже не павук
Веде куделю Бог
І хрипне крик роздертого паперу

Алюзії

Брехливі очі Дездемони
І мавр
І відчаю жабо
І дивна скрипка із Кремони
Ячить
Волає про любов
І доль мінливе стоголосся
В сакраментальній грі лекал
Так срібно Вічність ллє на коси
Венеціанська хіть дзеркал

Кармен

Їсть очі
Хижа курява арен
Запрагла доля знову пити крові
Летять в минуле клапті паперові
Безжурних тижнів
Грінівських марен
Лайдака пам'ять цмулить десь перно
Чужим – чужа
То й ти гужуєш з нею
Палкі сади
І ночі яблуневі
Палахкотять у мозку мов кіно
І миготять разки твоїх імен
Світи реінкарнацій
Та у долі
Мені нема
З тобою поруч
Ролі
Я хибну в самоті
Чужа Кармен

Готика

Немов сангіною на склі
Пейзажів сни
Таємні числа
Азарту п'яні королі
Програли мед
Гірке та кисле
Хитає маятників дні
Де кожна мить цифрує вічність
І душам прагнеться рідні
В цю заморожену готичність
Свавілля готики
Зима
Скляні мороз мурує вежі
Поземки жалібна сурма
Співає
Віхола кортежі
Бездушно – білі запряга
Регочуть зграби кучеряво
І сонце кола добіга
У день Дванадцятої Страви

Апостроф

Пам'яте
Я твій апостроф
І губи твої
Ніжно торкають мого невагомого тіла
Крапля роси на долоні
Мене натремтіла
Щоб розділити минуле з майбутнім
……
В зіниці змії
Я розчинився
Як чорні слова ворожби

Губляться в темряві ночі
Щоб горя надбати
Я не для того в тобі
Щоб навідліг рубати
Я лиш пір'їна кохань
Туркотять голуби
Ніжно співають відлиги
Ридають дощі
Синь весняна обживає небес верхокрилля
Пам'яте
Я твій апостроф
Як хвиля на штилі
Виснуть вітри на вітрилі
Холонуть борщі
Проза
Романтика вмерла
Снопи хризантем
Холод віщують на злім токовищі базару
Я лиш апостроф
Забутого шалу примара
Капища пам'яті
Ваш
Безофірний тотем

Вера Зубарева

Из книги «Гаданье на чернильной гуще»

* * *

Стеариновый оттиск луны.
Всплеск пера по чернильной волне,
Недописанных букв валуны
С затонувшей строкой в глубине,
И попутные мысли-ветра
Чуть ерошат тетрадную гладь.
Сотни лет стиховых до утра,
Коль удастся его написать.

* * *

Там в чернильнице дух мой витает
в кромешных потемках.
С этой жизнью двойной
я вчера не покончила разве?
– Спи-усни, – говорю,
а луна с завитками ребенка
сквозь чернильную скважину
смотрит в чужие фантазии.
– Уходи, – говорю. –
Мгла чернил не для глаз твоих детских.
Кто спустился туда,
тот уж вынырнет чем-то другим.
Возвращайся к себе
и примеривай звезд подвески –
ни к чему тебе мрачный чернильный нимб.

А она не уходит,
и брезжит ее любопытство.
Я смирилась,
и стол к нему тоже привык.
Только нет в том просвета,
и темень в чернильнице длится,
и не пишется набело сонный мой черновик.

* * *

Ночь примчалась на помеле ветра,
Поднимая столбы видений в воздухе.
Они толкались у тетради в костюмерной,
Вскакивали в стих, сваливались в прозу,
Барахтались в жиже клякс и кофейных пятен,
Смотрели на часы, шептали молитву
(Страшились их боя – им был неприятен
Шанс превратиться в крысу или тыкву).
Качалась свеча с лицом опухшим.
Лист корежился. Пахло гарью.
Перо накалывало слова, как мушки,
Пополняя страниц исчерканный гербарий.
– Яду мне, яду! – стонала чернильница,
И ночь-Бастинда мешала в ней варево.
Мешался ум. – Это все тебе снится, –
Кто-то напрасно его уговаривал.
Стрелки складывались в молитве о помощи,
Маятник раскачивал свою люльку,
И время бежало прочь от полночи,
Теряя безвозвратно волшебную туфельку.

* * *

Ночь крутит свой вселенский детектив.
Перо опять скребется по бумаге.
Его б упрятать в ящик – замок Иф,
Но не поймаю – нет такой приманки.

Бурчание растрепанной свечи
С повязкою из воска от мигрени.
И хочется ей крикнуть: «Замолчи!» –
Но начеку сторожевые тени.
А рукопись исчеркана до дыр,
И дух свечи над ней свивает кольца.
Страница в правках – настоящий тир,
Где в яблочко попасть не удается.
И кресло недовольно, и окно –
В нем вид на двор полночный и обратно,
Где со столом раздор у нас давно –
Идем войной, как брат идет на брата.
Ворочается жесткая кровать
С проклятиями всяческого рода,
И сон, что с ней приятно рифмовать,
Уходит прочь, потребовав развода.

* * *

Тучей лунный свет распилен.
Ухнул в тьму трамвай, как филин,
В нижний мир уплыл,
И часы пробили полночь,
Позвала строка на помощь
Из тетрадной мглы.
Заплясало пламя свечки,
И перо дало осечку.
Буква сорвалась
С ветки слова
В бездну кляксы.
Блик вернуть ее поклялся…
И прервалась связь.

* * *

Полночь вошла, опираясь на ручки клюку.
Совы в глазах и очки на носу в паутине.
Ходики с боем фальшиво пропели: «ку-ку»,
И шестеренку заело в их адской машине.
Значит, опять не удастся забыться в раю
Снов, дозревающих в темном провале подушки.
– Ладно, садись, коль пришла, – я, вздохнув, говорю,
И отступают, чуть мешкая, райские кущи.

* * *

А жизнь поэта – подневольная:
Что Бог пошлет. Бери, не сетуя.
Чернильница – в виске пробоина
С засохшей кровью фиолетовой.
Стол – поле брани. На обочинах –
Вповалку книги баррикадами.
Пустые гильзы перьев сточенных
Да темные бинты тетрадные.
Смеркается в окопах ящиков.
Притихло дезертир-наитие,
Как будто без вести пропащее.
И нет конца чернопролитию.

Филадельфия

Наталья Королева

«Свет рассвета, свет заката...»

* * *

Детство припорошено зимою,
из капелей сотканы мечты,
беды расставляют запятые,
ветры нежат грез моих черты.
То кривою тропкой, то прямою
убегает жизнь от пустоты.
Серебром пушистым налитые
нам кивают вербные кусты.
Каждому отмерено немало
для сомнений, плача, для любви,
ломтиком, клочком или листочком –
все возьми, ничто не пропусти.
Нам всегда чего-то не хватало,
чтоб уйти с неверного пути,
ты не знаешь, как поставить, точку, –
мне же запятую не снести.

* * *

Вы слышите? – не можете не слышать!
призыв вселенского тамтама…
Как неподкупно выстоять и выжить,
в его не вписываясь гамму?
Не промолчим, когда другие смолкнут
пред тем, с кем большинство согласно,
не станем руки жать, что быстро мокнут

от страха в гнусности пристрастной.
Сердито принимает в рукопашной
нещадно битая нетрусость
тех, кто бесстыдно и продажно
лелеют смрадную абсурдность.
Друзей теряя, сами умираем,
и каждый раз предельно ясно,
ради чего живем и выбираем,
что с честью, с верою согласно.

* * *

Дотроньтесь кончиком крыла
до плеч моих, разбив сомненья, –
я каждой клеточкой б смогла
вернуть вам силы и волненье,
что нас неволит иногда,
возносит к звездам или выше –
с ним примет каждая звезда,
ведь звезды тоже чувством дышат.

* * *

Свет рассвета –
чуткий, свежий.
Свет заката –
страстный, нежный.
Первый – тонкий,
серебристый,
гибкий, ломкий
и искристый:
в песне ветра
расцветает,
нас надеждой
вдохновляет.
А вечерний –
мягкокрылый,

медянистый –
смеси розы
с аметистом:
словно слезы,
его грезы
робко тают,
услаждают
и покоем
одаряют.
От заката до рассвета
мы живем в заветах света;
ночью ж в снах он спит согретый,
звездной сказкою одетый.
Каждому – кусочек света!
Просто так! За то, за это!
То ноктюрном, то сонетом.
Без анкеты, без билета,
а порою без сюжета,
но с задором многоцветным
к нам летят букеты света.

К третьей симфонии И. Брамса

Мешаются миры и, чувством отвлекаясь,
вдыхаю музыку и вмиг преображаюсь.
Мгновенье вечностью взволнованной сверкает,
вальсирует, и струнами пленясь, играет.
Мерцает, философствуя, смычок –
изящества волнительный исток.
Волшебной палочкой влекутся вихри-звуки.
Восторженно скользя, заламывая руки,
танцует муза в оркестровой партитуре.
Неспешно скрипки, с контрабасами флиртуя,
завороженно разветвляют звук,
над мною вечный замыкая круг.
Но силы духа мне досадно не хватает:

непостижимостью мотив сквозной пытает,
предчувствием бездушие гоня,
он вздохом флейты холодит меня.
Все замирает и, спасение найдя,
трепещет, то ликуя, то скорбя.

Роберт Льюис Стивенсон

«Подлесок»

Название для сборника Стивенсон заимствовал у современника Шекспира Бена Джонсона, пишет в коротком предисловии к недавно вышедшей в Одессе книге переводчик Игорь Лосинский. Так Джонсон называл свои стихи, написанные в различной манере по тому или иному поводу, в отличие от «серьезных» стихотворений сборника «Лес».

Но наш земляк отнесся к «несерьезным» строфам автора «Острова сокровищ» с пиететом и старанием и создал билингву-текст, размещенный на страницах бок о бок.

И знатоки английского, и те почитатели Стивенсона, которые не знают английского языка, получили возможность насладиться творчеством великого романтика.

Добавлю, что сборник поэзии Р.Л. Стивенсона – вторая составляющая книги «Три гения Альбиона». Третья готовится к печати.

Феликс Кохрихт

Посвящение

Книга, желай всем и всегда:
Пусть будут в доме цветы и еда,
Игра ума, подвал с вином,
Газонов зелень под окном,
Живая речка за стеной
И соловей в листве густой.

Путевая песня

Охотно землемер шагал,
Мотив на дудочке играл,
Была несложной песни суть:
За горы дальние наш путь!

Опять с набитым рюкзаком
Иду я весело пешком;
Хоть умер землемер давно,
Мотив я слышу все равно.

Мой землемер, одним путем
С одной мелодией идем,
Ведь знаешь ты, и знаю я –
Для странствий песенка твоя.

Кто будет с каменным лицом
Идти вперед, покинув дом?
И если грусть под небом ждет,
Зачем за ней идти в поход?

Дорог вокруг немало есть,
И смелых путников не счесть;
Но знай, куда б им не идти,
Ничто не ждет в конце пути.

С тобой туда спешить готов,
Где бродят горы облаков;
А может быть, вослед ручьям,
Дорогу ты проложишь сам.

Что вверх, что вниз, все как один
Придем туда, куда хотим.
И днем и ночью все идут:
За горы дальние наш путь!

Лес Монтаржи*, 1878

* Пригород Парижа.

Гость из морей

Вдали от птичьих базаров,
Где она кричит и ныряет,
Здесь, среди пыльных бульваров,
Зачем чайка летает?

Нет рыбы и волн соленых,
Здесь лишь зерно в полях,
Здесь гомон листвы зеленой,
А дом далеко в морях.

Тихое озеро в парке,
Свежесть, камыш и кроны;
Но нет дома для чайки,
Здесь – грачи и вороны.

Моряк, повидавший страны,
Без моря сидеть не рад.
Она пусть летит к океану
И не вернется назад!

В скалах, где шторм и торосы,
Кричат белоснежные стаи;
Здесь, где вороны и розы,
Зачем чайка летает?

Перевод Игоря Лосинского

Анастасия Свеженцова,
ученица 10 класса 3-й школы

Заветная чаша

Тобайф искал счастье… и чаще всего он звал его, когда бродил вокруг своей усадьбы. Она находилась на окраине леса, выступая его каменным продолжением, по духу совершенно неотличимым от живого плетения ветвей. Здесь всегда было свежо и привольно.

К дверям вела мощеная дорожка, сулившая путникам освобождение от маятника будничной дороги. Друзья Тобайфа шли по ней прямиком к дому, сам же он смотрел, как бежит она в объятия леса, теряя по пути кирпичики, и незаметно переходит в тропинку, ведущую к маленьким радостям и большим чудесам.

Дом был открыт для гостей, но они, входя, запирали его. Тобайф тонул в разговорах и голосах, чувствовал, как ветви машут ему из окна, как их шум стучит в закрытую дверь. Поглощенный этими образами, он хотел бы ускользнуть в мягких бесшумных башмаках, таких удобных для прогулок среди душистых трав.

Однажды Тобайф забрел в уединенный лесной уголок, как нельзя более подходящий для размышлений о счастье. Он прислонился к дереву и погрузился в раздумье, тихое, как безветренный день.

Вдруг он услышал голос… Тобайф не испугался, он знал, что счастье может принимать разные формы, возможно, совсем не похожие на общепринятые представления о нем. Он доверчиво сел на траву и стал слушать:

– Гляди, Тобайф, драгоценные камни – это души людей, вода – их жизнь, а чаши – то, как они украшают ее. Ты найдешь счастье, когда поймешь, что именно оно значит для двоих…

Легко распахнулись ветви, и Тобайф увидел чашу из прозрачного минерала, в которой был камень, почти незаметный в воде.

Обернувшись, в дышащем солнечном свете он заметил еще несколько чаш, наполненных водой…

Женщины сажали в сердце Тобайфа сады правильными рядами. Когда же сад разрастался, и деревья, единожды подстриженные, теряли искусственную форму, Тобайф запускал в него певчих птиц. Их щебет отвлекал трудолюбивых садовниц. Утомленные, они покидали Тобайфа. Широкий сад оставался в одиночестве и запустении, пока следующая садовница не вырывала последние ростки, снова засаживая сад тщательно отобранными растениями. И все же он, Тобайф, искал и искал счастье…

В первой, мраморной чаше из мутно-белой воды поднимался лунный камень. Тобайф вспомнил первую любовь…

В роскошных нарядах она высекала в саду статуи, не жалея ни резцов, ни деревьев. Но не смогла искусница вдохнуть жизнь в скульптуры, не украсили они собою сад.

Следующая чаша была составлена из жемчужин, скрепленных кусочками кораллов. В ней лежал розовый топаз. Сколы во многих местах показывали, что чашу часто трясли, и камень ударялся о кораллы.

Хрупкая прелестная девушка, желая переустроить сад Тобайфа, принялась прятать прошлое своего спутника. Статуи были разбиты, между их обломками она посадила экзотические цветы, но не прижившаяся красота, опрокидывающая своей силой воспоминания, превратилась в яд…

Ограненный в виде чаши малахит и едва заметный аквамарин на дне…

Она была в его обожженном саду и ушла, оставив несколько нераспустившихся бутонов. Недоверие не дало ей возможности любоваться пышными цветками, нужные слова не прозвучали, не откликнулся на них сад.

Напоминающая женский силуэт агатовая чаша помимо воли Тобайфа привлекла его внимание. Рубин в виде слезы…

Она хотела быть близкой и родной, но единственной. Она не принесла с собой черенки и семена, а стала солнцем, милостиво даруя саду возможность расти самому. Невыносимо яркое, ее солнце яростно противилось снежному ветру и ночной прохладе, всему, что отвергало ее саму. Она ждала,

но доверие расплавилось, а золу унес ветер. Сад был усыпан только угольками…

Печаль склонила голову Тобайфа. Его взор искал знакомые деревья. Тобайф решил забрать свою чашу и выйти на тропинку. Оглядываясь, он заметил киаф с тонкой ручкой, накрытый древесным листом. Подойдя ближе, Тобайф увидел, что прожилки листа образуют буквы, складывающиеся в имя: Эрми-Дорами. Вязь письмен светилась синим светом, идущим из чаши.

Сапфир, камень высокого неба… Звезда на нем напоминала стаю птиц, находящих путь сквозь тусклую пелену, накинутую на опаловый сосуд. Тобайф наклонился к чаше и внезапно почувствовал, что волны света были сухими. Воды в чаше не было…

Эрми-Дорами влетела в его сад легко и незаметно. С ней был всего один черенок, но взятый из сердца ее самой. Осторожно ступала она по опустошенной земле, держа в руке чашу, из которой нескончаемым ручейком лилась ее жизнь – переплетение нежности, верности и любви. Побег приживался, не боясь кивать ветвями в такт ветерку, скромно заглядывающему в сад. Но цветы, ответные цветы, появились на нем только сейчас…

Тобайф схватил свою чашу и, сдерживаясь, чтобы не выплеснуть всю воду разом, наполнил киаф до краев. Затем он погладил его изогнутую ручку, которую почти не выпускала из рук Эрми-Дорами.

Все ярче синий свет. Тобайф различил в нем женскую фигуру и протянул ей свою пустую чашу. Сквозь дрожащие ресницы он узнал нежную улыбку Эрми-Дорами. Выронив чашу, он упал на траву.

Тобайфа пробудили к жизни маленькие дождинки. Эрми-Дорами шла, держа его хрустальную чашу, в которой плескалась вода. Тобайф принял ее как дар.

– Твой алмаз превратился в бриллиант, а вода вернулась внезапной каплей с зеленого листа, – произнесла Эрми-Дорами.

– Пусть эта крона всегда будет защитницей нашего счастья, – сказал Тобайф, и ему показалось, что в лесном шелесте он слышит голос их друга…

* * *

Уже не помнит снега талая вода,
На дне ее осадок от молвы.
Теперь, похитивши у осени ветра,
Она срывает блестки у зимы.

Скажи, зачем ты оттепель избрала?
Вот-вот проснется вешняя волна.
Порой часами мы неслышно мчались,
Секунды нам оставила она.

Подаренную шапочку сняла ты скоро,
Водоворот увидеть, все забыть…
Вуаль скрывала от колючего надзора
И позволяла шепотом любить.

* * *

Белый вальс стихает, ночь уже бледнеет,
Призрачные ноты покидают зал.
Окна распахнутся, ветерок повеет,
На платье дорогое я наброшу шаль.

Свечи встрепенутся и погаснут разом,
Снова в анфиладах полумрак вздохнет.
Качнется в паутине, ловя начало фразы,
Он о недосказанном разговор начнет.

Огоньки признаний робко к нему жмутся.
В замке одиноко, уходим мы с тобой,
Стразы фейерверка мимо люстры льются
И кругом вальсируют позднею листвой.

* * *

Толкуй, безумный мой гадатель…
Когда немые снятся сны,

Простой встречается мечтатель
И говорит: «Целитель – ты».

Наденешь шляпу звездочета,
Что я достану из ларца.
На ней видениям нет счета…
И ты похож на мудреца.

И станешь мне проводником,
Твой голос я услышу…
Ты пробуди мой смутный сон
И оживи цветные вишни.

Оттенки, блики в перезвоне,
Мой чудеса зовет аккорд,
Сверкнув на ягоде-флаконе, –
Любовью вспыхнул алый сок.

* * *

Случайный порыв в неслучайной судьбе,
Изменится адрес, не внявши мольбе.
Не раз замирал на пороге пустом,
Меня никогда не впускает твой дом.

С каждой эпохой ступеньки все выше,
Мой голос доносится тише и тише…
На нашем с тобой говорю языке,
Хотя и не знаю, родной ль он тебе.

Я не меняю с обличьями душу,
Я клятвою связан, ее не нарушу.
Нас снова разлучат ширмы и шелк,
С тобой моя честь, а со мною мой долг.

Людмила Сауленко

«Мореллианец» в Одессе

Доменико Морелли, Италия, XIX век.
Портрет Е.Г. Толстой. Холст, масло, 110×85 см

«Бывают странные сближения», – заметил Пушкин, имея в виду события, в которых усматривается некое взаимотяготение. Иногда кажется, что судьба произведений искусства подчиняется именно такому закону. Вот пример. С 20-х годов XX века в коллекции Одесского музея западного и восточного искусства находится женский портрет кисти Доменико Морелли (1826-1901 гг., Неаполь). В глубоком кожаном кресле сидит красивая женщина со строгим лицом. Прекрасные черные волосы, изысканный наряд, затаенная печаль во всем облике. Подпись на портрете не оставляла сомнений: «1875, Domenico Morelli». Морелли – выдающийся итальянский художник XIX века, реформатор новой итальянской живописи, профессор Неаполитанской академии художеств. Писал картины на исторические и бытовые темы, портреты. Творчество этого мастера хорошо изучено, установлена периодизация: до 1855 года выделяется так называемый исторический период, до 1870 историко-романтический, после 1870 – реалистический. К последнему, несомненно, относится и одесский портрет.

Многие годы имя героини портрета не было известно. Можно сказать, что к его открытию исследователи шли с двух сторон. Искусствоведы музея искали личность портретируемой, а исследователь истории одесского Дома ученых Галина Терещенко изучала историю известной в нашем городе семьи графов Толстых. И – о чудо! – на одной из старинных фотографий сохранилось лицо той же женщины, что и на портрете кисти Морелли. История жизни красавицы с портрета оказалась поразительной. Итальянский художник писал портрет русской графини Елены Толстой, супруги графа Михаила Михайловича Толстого-младшего, и, разумеется, не мог догадываться о ее происхождении. Между тем графиня Елена Григорьевна Толстая, урожденная Смирнова, украинка, происходила из семьи бывшего крепостного, получившего вольную в 1861 году. Его старшая дочь Елена появилась, когда отец и мать еще были крепостными, – а значит, будущая графиня родилась крепостной (!).

В юную девушку влюбился молодой граф Михаил Толстой. Много лет длилась эта связь, от которой родилось два сына, Михаил и Константин. Но самое поразительное в этой истории барина и крестьянки состоит в том, что в итоге сам граф Толстой-старший обратился с письмом к императору. В письме он просил узаконить гражданский брак сына с Еленой Смирновой. Это означало, что после обряда венчания оба сына получат фамилию отца и дворянство. Венчание прошло скромно в церкви на Молдаванке, где жила тогда семья Смирновых. После венчания молодые уехали за границу, где пробыли длительное время. Во время пребывания в Италии и был написан наш портрет. Он висел в кабинете графа-отца, а затем и сына над письменным столом.

Прошло время, время жестокое и безжалостное. После революции портрет оказался в Народном художественном музее (он располагался в особняке Толстых на Сабанеевом мосту), в 20-е годы попал в Музей западного и восточного искусства – уже, разумеется, как портрет безымянной женщины. Так в качестве «Портрета неизвестной» он жил в музейной экспозиции многие десятилетия, перенес эвакуацию, снова оказался в теперь уже родных музейных стенах как произведение видного итальянского мастера XIX века.

Франческо Манчини-Ардиццоне. Италия, XIX в. – 1948 г.
«Ожидание рыбаков». Холст, масло, 82×204 см

...А тем временем в музее появился «новосел». В 1984 году музей приобрел у частного лица картину, условно названную нами «Ожидание рыбаков». На берегу моря группа женщин и детей ожидает рыбаков. Они сидят у шеста, на котором укреплена украшенная цветами икона с лампадкой – так жены сицилийских моряков просили Мадонну о защите своих мужей в море. Крупноформатное полотно (размер 82×204 см) хороших живописных качеств было, увы, прорвано в нескольких местах, имелись осыпи красочного слоя. Предстояла реставрация. Ее осуществила реставратор, заведующая реставрационной мастерской музея Ольга Куцан. Предстояла и исследовательская работа: изучение подписи в левом нижнем углу картины. Это, несомненно, подпись автора: «F. MANCINI». Казалось бы, все ясно. Стилистически картина относится примерно к последней четверти девятнадцатого века, изображены на ней явно жены сицилийских рыбаков, автор – художник Ф. Манчини. Но художников с такой фамилией в истории итальянской живописи было немало, в том числе и в девятнадцатом веке, притом целых три из них имели инициал «F».

Рассмотрим пейзаж внимательнее. Береговая линия не могла не измениться, но очертания острова вряд ли. И представьте себе, после поисков в Интернете остров нашелся. Находится он возле селения Ачиа-Трецца в Сицилии и зовется Козьим островом, а скалы возле него местные жители называют Циклопами. Якобы Одиссей в своих странствиях пристал к этому острову

и встретился с циклопом Полифемом, разводившим на острове коз. Когда греки ослепили одноглазого великана и сбежали на своем корабле, разъяренный циклоп в ярости бросал им вслед огромные камни, так и оставшиеся в море.

Кадр из фильма Лукино Висконти «Земля дрожит»

Пейзажи этих мест писал сицилийский художник Франческо Манчини-Ардиццоне – а именно его фамилия стоит на полотне. Родился он в рыбацкой семье в селении Ачиа-Реале в 1863 году, с детства увлеченно рисовал. Одаренному мальчишке улыбнулась судьба: его заприметил поселившийся в этой деревушке художник Буонакорси. Буонакорси – выпускник Неаполитанской академии, ученик великого Доменико Морелли. По совету художника мальчик на средства коммуны был отправлен на учебу в Неаполитанскую академию, где стал учеником Морелли. В 1884 году выставил в Турине картину «Рыбаки на Сицилии» (местонахождение неизвестно). В ранний период творчества писал картины из жизни рыбаков, затем работал в основном в церковной живописи, параллельно создавая «для души» портреты близких и морские пейзажи родных мест. Таким его и знает Италия. Впрочем, творчество Манчини-Ардиццоне в полном объеме не изучено, нет полного каталога его работ, а значит, существование лакун вполне вероятно. После 1906 года художник работал в Ачиа-Реале, расписывал купол местного собора, создавал фрески в церквах. Работал буквально до последних дней жизни; умер в 1948 в Катанье.

Так в XIX веке пересеклись реальные судьбы выдающегося итальянского живописца и бедного мальчика из рыбачьей деревушки. Пересеклись и судьбы их произведений, но уже в веке XX: в Одесском музее западного и восточного искусства находятся «Портрет графини Елены Толстой» кисти Доменико Морелли и картина «Ожидание рыбаков» его ученика Франческо Манчини-Ардиццоне.

Козий остров вблизи сицилийского побережья

Но «странные сближения» этим не исчерпываются. В 1948 году, в год смерти художника, тихий городок Ачиа-Реале вошел в историю итальянского кинематографа. Знаменитый в будущем, а тогда начинающий кинорежиссер Лукино Висконти снял здесь свой первый фильм «Земля дрожит». Фильм о жизни сицилийских рыбаков был снят в рыбачьем селении, все роли в нем исполняют местные рыбаки, которые и говорят на сицилийском диалекте. В одном из эпизодов фильма на экране появляется Козий остров и скалы-циклопы, знакомые нам по картине «Ожидание рыбаков». Так завершаются сближения, о которых шла речь в начале статьи. Сближения исчерпываются, вопросы остаются. Точнее, вопрос, вопрос единственный и главный: как попала в Одессу картина Фр. Манчини? Но он остается без ответа. Надеемся, пока.

Роман Бродавко

Семейство Крик на экране и на сцене

Режиссер Владимир Вильнер, о котором пойдет речь, оставил глубокий след в театральном искусстве и кинематографе и, наш взгляд, достоин благодарной памяти потомков. Значительный этап в его творчестве связан с Одессой. Именно Вильнеру принадлежит честь первопрочтения произведений Исаака Бабеля в кино и в театре.

Владимир Бертольдович родился 21 марта 1885 в Гродно в обеспеченной семье. В 1906 году учился в Женевском университете. В 1910 году окончил Драматические курсы в Петербурге, а в 1912 году юридический факультет Петербургского университета. В 1911-1912 годах был актером Нового драматического театра в Петербурге. В 1913-1917 служил в армии. В 1918-1926 годах работал режиссером в театрах Харькова, Краснодара, Новороссийска, Москвы и Одессы. В 1926-1928 работал на Одесской кинофабрике. В 1928-1930 руководил Киевским русским драматическим театром, а в 1938-1941 – Киевским театром имени И. Франко. В 1940 году Вильнеру было присвоено почетное звание народного артиста УССР.

В 1942-1944 Вильнер – художественный руководитель Куйбышевского театра, в 1944-1947 – худрук дирекции фронтовых, а затем гастрольных театров в Москве. В 1947-1950 – главный режиссер Киевского театра музкомедии. С 1927 года профессор В.Б. Вильнер занимался педагогической деятельностью, воспитав несколько поколений актеров и режиссеров-постановщиков Таковы скупые биографические сведения об одаренном актере и режиссере, который ушел из жизни в 1952 году.

О масштабах личности этого художника мы можем судить, в первую очередь, по фильму «Беня Крик», снятому в Одессе

в 1926 году по мотивам произведений Исаака Бабеля. Сам Бабель был автором сценария этой картины.

Постановщиком фильма Вильнер стал волею судьбы. В середине 20-х годов экранизировать «Одесские рассказы» одновременно со съемками «Броненосца «Потемкина» планировал Сергей Эйзенштейн. Однако напряженная работа над «Броненосцем» не оставила Эйзенштейну времени на съемки «Бени Крика», и за нее взялся никогда до этого не снимавший кино театральный режиссер Владимир Вильнер. В постановочную группу вошли оператор Алексей Калюжный и художник Георгий Байзенгерц.

В фильме представлен блестящий актерский ансамбль: Юрий Шумский (Беня), Матвей Ляров (Мендель Крик), Евгений Лепковский (Тартаковский), Иван Замычковский (Глечик)… Режиссеру и исполнителям удалось передать основные мотивы «Одесских рассказов», дух Молдаванки, психологию ее обитателей. Развернутая сцена еврейской свадьбы со всеми подробностями обычаев «аристократов» уголовного мира, поджог тюрьмы, убийство Мугинштейна, смерть Левки Быка и их похороны… Все это было «выписано» режиссером точно и сочно – «смачно», говоря языком Бабеля.

В неразберихе гражданской войны банда Бени Крика объявляет свою банду «н-ским революционным полком» и продолжает совершать преступления под знаменем революции. Естественно, советская власть этого не терпит, и назначенный Бене в комиссары рабочий Собков стреляет ему в затылок.

В последних кадрах фильма – голые ступни Бени и Фроима Грача, торчащие из-под мешковины в помещении одесской ЧК. Эпоха «королей Молдаванки» закончилась навсегда…

Премьера «Бени Крика» состоялась 18 января 1927 года в Киеве. Несмотря на то, что идеологические акценты в фильме были расставлены четко, в духе времени, лента изначально была уязвима для критики: уголовники не могли хоть в чем-то вызывать симпатию, а в фильме в ряде эпизодов это происходило. И хотя первые отклики на «Беню Крика» были положительными, вторая волна критики была уничижительной. Вильнера и заодно Бабеля упрекали в «апологии хулиганства» и «романтическом смаковании похождений известного налетчика». В.Б. Вильнер вынужден

был публично оправдываться: «Мне как постановщику приходилось отделываться от воздействия насыщающих одесский воздух романтических легенд о «благородном налетчике» Мишке Япончике и ориентироваться на необходимость затушевывания какой бы то ни было бандитской героики… Мы стремились уйти не только от романтики, но также лишить картину выдвинутого на первый план героя».

Неудачным считал фильм и сам Бабель: «Я считаю, что в постановке была допущена ошибка и с моей стороны, и со стороны фабрики. С моей стороны – в том, что я не поставил непременным условием непосредственное свое участие в постановке, а фабрики в том, что к этой постановке она меня не привлекла. Фильма поставлена не так, как я ее написал, написал я ее не так, как она поставлена».

Эти слова писателя вызывают недоумение. В 1926 году отдельной книжечкой был издан сценарий фильма. Его можно прочитать и в современных изданиях произведений Бабеля. Как режиссер-постановщик Вильнер ни в чем не отошел от литературного первоисточника, предельно точно воплотив ситуации и характеры, начертанные писателем.

Впрочем, как оказалось, самобичевание автора и режиссера спасти фильм не могло. По свидетельству А. Каплера, на просмотре фильма в Харькове, тогда столице УССР, присутствовал Л. Каганович и остался недоволен «романтизацией бандитизма». С этой формулировкой «Беню Крика» вскоре сняли с проката.

Были ли другие причины для запрета демонстрации фильма? Интересно мнение известного историка кино Мирона Черненко, который в книге «Иудаика на экране. Кинематографическая история еврейства в СССР. 1919-1935 гг.» отмечает: «Беня Крик», даже в том виде, в каком вышел на экраны, был первым в мировом кино портретом еврейского «благородного разбойника», разумеется, вполне специфического, в отличие от своих собратьев типа Кармелюка, Яносика и других, но вполне сопоставимого с только что погибшим при не выясненных до конца обстоятельствах революционным бандитом Григорием Котовским, романтизированным после убийства в пантеоне прочих подозрительных героев революции рядом с Камо и прочими

борцами за народное счастье с большой дороги… Еврейству такой герой не полагался, и в кинематографе попытки такого рода более не поощрялись».

Во время Великой Отечественной войны картина «Беня Крик» по документам числилась утраченной, а спас ее в своем багаже при эвакуации главный инженер Одесской киностудии Михаил Эммануилович Сигал.

О том, насколько интересен фильм для современного зрителя, свидетельствует реакция публики на клубных и фестивальных показах. Работа В.Б. Вильнера и великолепный актерский ансамбль вызывает у нее искренне восхищение. И мало кто думает в это время о том, что фильм «Беня Крик» был первой работой Вильнера в кинематографе. А точность психологических характеристик героев, эффектные мизансцены, яркие крупные планы свидетельствуют о высоком мастерстве режиссера, дебютировавшего в кино.

Каким мог бы стать фильм о Бене Крике, если бы его снял Сергей Эйзенштейн, трудно предполагать. Творчество Бабеля было близко этому режиссеру. После выхода «Конармии» в одном из писем к матери Эйзенштейн дает высокую оценку этому произведению. После того как ему не удалось снять «Беню Крика», режиссер не оставляет надежды на сотрудничество с писателем. В 1937 году Бабель пишет для Эйзенштейна сценарий фильма «Бежин луг». Эта совместная работа не была осуществлена.

Жесткая критика «Бени Крика» не повлияла на дальнейшую работу Вильнера на Одесской кинофабрике. В 1927 году Владимир Бертольдович снимает фильм «Цемент» по роману Ф. Гладкова. Он же с Давидом Марьяном является автором сценария и исполнителем одной из ролей в этом фильме. Эта «производственная» лента была сдержанно встречена зрителями и критиками. Фильм «Цемент» не сохранился.

В 1928 году Вильнер снял фильм «Глаза, которые видели» по сценарию Соломона Лазурина – о жизни еврейского местечка в годы первой мировой войны. Несмотря на то, что в фильме снималось много хороших актеров (М. Ляров, И. Миндлин, Ю. Солнцева, М. Заславский, Ю. Разумовская и др.), он не стал событием. На сегодняшний день фильм «Глаза, которые видели» также утрачен.

На этом кинематографическая карьера Вильнера заканчивается, и он полностью посвящает себя театральной режиссуре. В 1926 году в только что организованной одесской Держдраме он ставит «Мандат» Н. Эрдмана, «Сэди» по пьесе С. Моэма и Д. Колтона и «Собор парижской Богоматери» по роману В. Гюго. Спектакли имели успех, особенно «Собор», в котором в роли Корда Фролло блистал Юрий Шумский.

Неудачи с прокатом фильма «Беня Крик» не отразились на интересе Вильнера к творчеству И. Бабеля и к его героям. Во второй половине двадцатых годов одесские театры, как все театральные коллективы страны, особое внимание уделяли пьесам на актуальные темы, порой переделывали произведения классиков, насыщая их новым, «революционным» содержанием. Что касается пьес современных драматургов, то большинство из них были однодневками и не задерживались в репертуаре. Поэтому вполне понятен острейший интерес, проявленный к драме И. Бабеля «Закат». В книге воспоминаний выдающегося украинского режиссера, в то время художественного руководителя одесской Держдрамы В.С. Василько «Театру віддане життя» читаем:

«Осенью 1927 года в Одессу приехал И.Э. Бабель и привез пьесу «Закат». В литературном клубе была назначена читка. Литературный клуб переполнен, были все, кто хоть как-то был причастен к литературе и искусству. Читал сам Исаак Эммануилович. Мертвая тишина и хохот были спутниками его прекрасного чтения. Когда он закончил, все единодушно с восхищением приветствовали новое произведение любимца всей Одессы, автора и земляка. На второй день началась «творческая драка» за право постановки пьесы, Было решено разрешить постановку пьесы сразу обоим театрам – русскому и украинскому – с условием, что премьеры состоятся в один и то же день… Мне очень понравилась пьеса в переводе Любови Михайловны (Гаккебуш. – **Р. Б.**) – «Захід», и я имел право ее поставить. Но я недостаточно знал старую Одессу, а главное – по ситуации, которая сложилась, ничем нельзя было рисковать. Ведь мы стремились не проиграть соревнование. Постановщиком должен был стать режиссер, которому была бы органично близка национальная специфика произведения, ибо известно, какое большое значение имеет национальный колорит

на сцене… Хорошо поразмыслив, решил пригласить на постановку Владимира Бертольдовича Вильнера, режиссера высокого мастерства и культуры. Он был близок мне как режиссер, который объединял в своем творчестве реализм с театральностью…

Главные роли исполняли: Мендель Крик – Ю. Шумский, Нехама – А. Мещерская, Беня Крик – И. Маяк, Арье-Лейб – В. Лисовский, Бен-Зхарья – Ю. Красноярский, Маруся – П. Нятко…

Премьера состоялась 1 декабря 1927 года… Обе премьеры двух театров в своем соревновании были творчеством высокого и идейного напряжения. Это было настоящее искусство! Что происходило между театрами Одессы! Каждый хотел «своими глазами» увидеть обе постановки, сравнить, дать оценку и сделать свои выводы. Приобрести билеты было невозможно. Но, к сожалению, после десяти дней оглушительного успеха спектакль был снят одновременно в двух театрах. Для меня это была незабываемая творческая горечь».

В самой пьесе и в спектаклях в Украинском и Русском театре партийные органы усмотрели апологию мещанских взглядов на жизнь, отсутствие революционного пафоса и т. п. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

В 1928 году Вильнер осуществил на сцене одесской Держдрамы постановку двух спектаклей: «Яблочный плен» по пьесе И. Днепровского и «Наследство Рабурдена» Э. Золя. Затем он навсегда уезжает из Одессы и приезжает сюда только на разовые постановки. В 1932 году в Украинском театре он ставит драму Вс. Вишневского «На Западе бой» и комедию К. Гольдони «Слуга двух господ» с Ю. Шумским в роли Труфальдино. В 1936 году Вильнер осуществил в Украинском театре постановку драмы М. Горького «Васса Железнова».

Все спектакли, поставленные Вильнером в Одессе, неизменно вызывали живой интерес и получали высокую оценку у профессионалов. Он с уважением относился к актерам, работникам постановочной части, администраторам и при этом оставался требовательным руководителем творческого процесса, распланированного им на много дней вперед.

Безжалостное время стирает следы многих творческих побед и обретений. Сегодня фильм «Беня Крик» – единственный зри-

мый образец режиссерского мастерства Владимира Вильнера, но и этого достаточно, чтобы с благодарностью вспомнить мастера, вписавшего яркую страницу в историю театра и кино.

Литература

Василько В. Театру віддане життя. – Київ, 1984

Черненко М. Иудаика на экране. Кинематографическая история еврейства в России (1934-1941). – М., 1998

http://mirkino-online.ru/dramy/9071-benja-krik-smotret-onlajn.html

Александр Ройтбурд

Встречи с Юрием Егоровым

Имя Юрия Егорова я впервые услышал в 1978 году, на первом курсе худграфа, когда задался вопросом: «А кто лучший художник в Одессе?». К моему удивлению, большинство респондентов, люди разных поколений и эстетических пристрастий, назвали одну и ту же, не знакомую мне фамилию. Даже один из старейшин цеха, Алексей Попов, певец портовых кранов и задранных корабельных носов, ученик Осмеркина и Фраермана, и тот сказал: «Самый сильный – вот тут у меня за стенкой работает, Юра Егоров, только зря он с этими леваками спутался». А еще, до этого, одна из подруг моей мамы, дружившая с художниками, и особенно близко – с семьей Божиев, говорила мне, что в среде одесских художников самым лучшим считается муж ее подруги Геты, написавший ее потрясающий портрет в розовом пеньюаре. И что у него какая-то очень простая русская фамилия, но она ее забыла. Когда

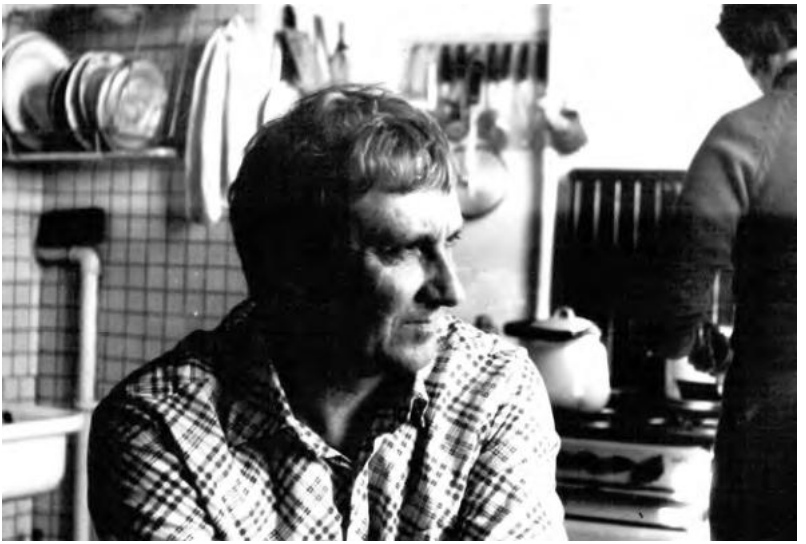
я позже спросил ее, не Егоров ли, она ответила: «Да, точно. Фамилия Геткиного мужа – Егоров». И только потом, в очередной раз зайдя на второй этаж художественного музея на улице Короленко, я обнаружил, что Егоров – тот самый художник, который написал мою любимую, почти обнаженную, как сказали бы сейчас, топлесс, девушку в контражуре, выходящую из вывернутого на зрителя моря, по спине которого разбежались тяжеловесные блики.

Потом вышел самиздатовский каталог фотографа Валентина Серова, в котором наряду с художниками, чьи имена произносились шепотом – Хрущом, Ануфриевым, Стрельниковым, Ястреб, была и страничка Егорова. Он был старше остальных в среднем лет на пятнадцать. На фотографии он сидел на низенькой табуретке в своей мастерской. Босиком. Седоватый босоногий классик.

Наш преподаватель рисунка Валерий Арутюнович Гегамян, пользовавшийся почти непререкаемым авторитетом, Егорова не воспринимал: «Посмотрите на его женщин. Это же надругательство над пластикой». Я счел разумным не спорить, но на мое отношение к Егорову это никак не повлияло. Я был настолько очарован его живописью, что многое воспринимал через ее призму: море, деревья в городском саду, прибрежные склоны, тела и волосы женщин, картины Тициана и Джорджоне. Я с удивлением открыл для себя, что у моря горизонт действительно кажется выгнутым. Это потом уже я прочел о перцептивной перспективе. А тогда я стал писать круглящееся море и полюбил густые замесы.

Впервые я увидел Юрия Николаевича (это только спустя много лет он потребует от меня называть его Юрой) в 1981 году в его

мастерской, куда меня привела Татьяна Басанец, преподававшая у нас историю искусств. Я тогда решил писать курсовую по истории о творчестве Теофила Фраермана. Письменных источников о нем в то время практически не было, но были живы его многочисленные ученики, в том числе и Егоров, бывший во время обучения в художественном училище явным фаворитом затаившегося одесского парижанина. Егоров рассказывал о Фраермане, о том, как он как-то пришел в училище и, сняв шубу, с ужасом обнаружил, что забыл надеть рубашку и пиджак, и подтяжки были надеты прямо на майку, ныне называемую в народе «алкоголичкой». И о его главных афоризмах. Один из них был «В тенях темнее, в светлях светлее». А если рисунок студента был слишком контрастным, Фраерман говорил: «А теперь подсерите».

Я слушал вполуха, а больше разглядывал картины. Меня захватила их рожденная едва ли не в страдании материальность, преодолевавшая эту материальность густая, почти шевелящаяся фактура, и вместе с тем – просветленная простота и легкость. Егоров разговорился, а у меня вот-вот должно было начаться свидание. Наконец я, запинаясь от стыда, выдавил из себя, что мне

очень неудобно, но у меня через пять минут важное дело. Басанец недовольно спросила, какое это еще дело, если она с таким трудом договорилась с уважаемым и занятым человеком о встрече с таким сопляком, как я. От смущения я ляпнул, что девушка ждет. Басанец назвала меня придурком, а Егоров рассмеялся и сказал, что в свои двадцать лет он на моем месте бы поступил так же, и что женщины не менее важны для художника, чем искусство.

Та курсовая так и не была написана, потому что в разгар работы над ней умерла вдова Фраермана, и я так и не успел записать ее воспоминания, а потом весь архив художника оказался недоступным. Вместо этого я написал курсовую о пространстве, времени и символике цвета в русской иконе и в процессе работы над ней впервые увлекся анализом элементов живописного языка.

Через два года, чтобы не защищаться по живописи и не писать соцреалистическую картину, я решил защищать диплом по истории искусств. Это было такое проявление юношеского максимализма. Та же самая Татьяна Басанец предложила взять в качестве темы творчество Егорова. Я согласился и стал писать. Я постарался проанализировать синтаксис языка Егорова, его сферическое пространство, музейную гамму, сезанновскую статуарность персонажей, конструкцию и фактуру, проследить культурологические реминисценции. В процессе работы я несколько раз общался с Егоровым и каждый раз выходил от него в каком-то приподнятом состоянии. А Басанец все время охлаждала меня и отвергала мои слишком юношески-фундаментальные теоретические построения со словами: «Это все – херня. Запомни, Юра – романтик». В итоге родился текст, от которого

Егоров пришел в восторг и сказал, что это лучшее, что когда-либо было о нем написано.

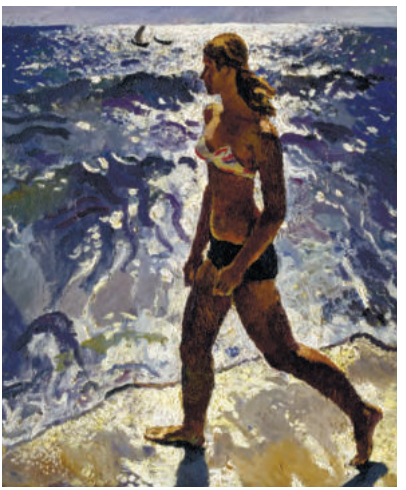
С тех пор он мне благоволил.

Мы общались не очень часто. На протяжении 90-х годов я несколько раз бывал у него, а он – у меня. Один раз в начале девяностых я зашел к нему с Сережей Ануфриевым. Егоров очень подробно расспрашивал его, что происходит в Москве, что делает Кабаков, что такое концептуализм. В конце концов он разозлился: «Так это же та же самая литература, с которой я всю жизнь боролся! Там, где есть живопись, никакой литературы быть не должно!». Спустя несколько лет он пришел ко мне в мастерскую, и я решился показать ему серию почти порнографических композиций с крупными планами монументальных совокупляющихся гениталий. Написанных очень даже в егоровской манере. Егоров потребовал «убрать эту гадость». Я подколол его: «Так это же живопись, вы же сами сказали, что сюжет вас никогда не интересует, он – лишь повод для нее, а сейчас вы концентрируетесь исключительно на сюжете». Егоров тяжело вздохнул и как-то устало сказал: «Был бы это любой другой сюжет… но этот бес… знали бы вы, сколько крови он из меня выпил, как много я из-за

Живопись Юрия Егорова

этого потерял, сколько не сделал… это не тот случай, когда я могу не обращать внимания на сюжет».

Где-то в начале нулевых, вернувшись из Америки, я встретил Егорова на улице. Была осень, и шел противный дождь. Он был в своем вечном сером плаще и берете. Я сказал, что очень рад его видеть. Егоров, которому тогда уже перевалило за 75, ответил: «Не понимаю, если вы так рады, почему вы до сих пор не бежите в магазин?». Мы зашли в гастроном на углу Греческой и Екатерининской, и я купил водку. После чего по предложению мастера мы тут же распили ее в ближайшей приглянувшейся подворотне не доходя до Греческой площади. Егоров спросил меня, знаю ли я, почему он, годящийся мне в отцы, пьет со мной в подворотне «с горлà». Нет, сказал я. «Саша, не притворяйтесь, – лукаво сказал Егоров. – Вы же прекрасно знаете, что сегодня в Одессе есть два музейных художника – вы и я». Я понимал, что это такая фигура речи, что, вероятно, он это говорил и другим коллегам, чьи работы ему нравились, но крышу мне от такого заявления все равно снесло.

Он действительно годился мне в отцы, он был ровесником моей мамы и на год старше моего папы. И у него была такая же биография, как у моего отца, – эвакуация в 1941, в 1944 пошел в армию, служил в обслуге самолетов, «на дембель» отпустили только после смерти Сталина. И умер он с моей мамой в один год.

Последняя наша встреча состоялась, когда ему было уже 82 года, за несколько недель до его смерти. Был невыносимо жаркий день. Я купил бутылку ледяной минералки и пошел к нему.

Егоров сказал: «Саша, я понимаю, вы уважаете мои седины, но давайте я сам буду решать». И достал бутылку коньяка. И мы ее выпили. Егоров заговорил о философии экзистенциализма.

– Маркс был очень наивным человеком, полагая, что основной вопрос философии – вопрос о первичности бытия или материи. Это очень второстепенный вопрос философии. Основной вопрос философии – стоит ли жизнь того, чтобы прожить ее вопреки обстоятельствам, или вершиной духовного пути человека является добровольный уход.

И он начал говорить о проблеме выбора, о Кьеркегоре, Камю, Сартре. Оказывается, он регулярно ходил в библиотеку художест-

венного музея, брал там философские тексты и очень скрупулезно их изучал. Пытался спорить с авторами, опровергал их.

Егоров продолжал: «У Кьеркегора одна из центральных вещей – рассуждение о жертвоприношении Авраама. Как он принимает решение принести в жертву сына, об экзистенциальном переживании, об отмене Богом его выбора… Все замечательно, и с Кьеркегором во всем можно согласиться. Во всем, кроме одного. Он ничего не пишет о Сарре. А давайте разовьем. Вот он возвращается домой с Исааком, которого готов был принести в жертву. А Сарра ведь все это время знала, куда он его ведет. И она прожила эти несколько часов с мыслью о том, что сейчас ее муж режет их единственного сына, как барана. И вот они вернулись. И как ей жить с ним дальше? А ему как?»

Несколько лет назад я прочел у какого-то еврейского религиозного авторитета, что после этого эпизода Сарра ушла от Авраама. Только Егоров об этом, конечно, не знал.

В Бога в традиционном смысле Егоров не верил и терпеть не мог коммунизм.

Когда бутылка была выпита, мне вдруг позвонил наш общий с Юрием друг и коллекционер. Узнав, что мы вместе, он чуть ли не потребовал от нас приехать к нему в ресторан в Аркадию. Через 15 минут мы уже ехали в белом «Мерсе». В Аркадия-Плазе мы пили холодное белое вино. Мы проговорили с ним несколько часов. Мне очень жаль, что я не записал тот разговор просто потому, что я не умею использовать телефон в качестве диктофона. Егоров рассказал много интересного и неожиданного о времени, о коллегах. Об Ацманчуке и Фраермане, о Цымпакове,

о Хруще, Шопине, Морозове, Басанце, о погибшем на войне художнике Вахрамеенко, которого никто не помнит, но которого, наряду с Ацманчуком и с собой, он считал одним из трех самых сильных художников своего поколения. В оценках он иногда был беспощаден, иногда несправедлив. Но в деталях и формулировках потрясающе точен. Так, например, вспоминая свою первую встречу и знакомство с Олегом Соколовым после возвращения из армии, он сказал: «Я захожу в музей на Пушкинской и вдруг вижу, что навстречу мне идет абсолютно несоветский человек. А я так давно не видел несоветского человека, что мне сразу захотелось просто обнять и расцеловать его, хотя мы не были знакомы».

Еще был рассказ о том, что, когда он куда-то уехал, в его мастерскую подселили приехавшую на три дня в Одессу Татьяну Яблонскую. Увиденные там работы произвели на нее такое сильное впечатление, что она задержалась в Одессе еще на две недели, чтоб дождаться его возвращения и познакомиться. Но официальный Киев Егорова так и не признал.

И об истории создания работы Хруща «Комбед». Когда Хруща в 1968 году собрались выселять из Одессы за тунеядство, он пришел к Егорову: «Дядя Юра, сделайте мне справку, что я не тунеядец». Благо через несколько дней открывалась какая-то выставка, Хрущ за два дня накрасил картину с персонажами, сидящими за столом, накрытым кумачом, под портретом похожего на самого Хруща Ленина. Егоров протащил картину на выставку и сделал Хрущу справку о том, что тот состоит в творческом активе Союза художников. Сейчас эта работа в моей коллекции. Кстати, Хрущ был натурщиком для многих егоровских мужских фигур.

Он знал себе цену. Один раз он отказался участвовать в выставке из-за того, что в ней должен был участвовать художник, которого Егоров считал дилетантом. «Олимпийский чемпион

не должен играть в одной команде с человеком, все отношения со спортом которого сводятся к тому, что он делает утреннюю зарядку». А еще в конце 90-х по просьбе приехавшего в Одессу Леонида Бажанова я уговаривал Егорова возглавить довольно странную «Академию художеств имени Леонардо да Винчи». Тот наотрез отказался, но сказал, мол, «руководить ей будут мои клевреты, что я им скажу, то они и будут делать». С какой горечью и обидой он за несколько месяцев до смерти узнал, что один и этих «клевретов» годами прятал под сукно все представления Егорова к званию «народного», просто чтоб самому получить это звание раньше, – к самому званию Егоров был равнодушен, но низость и лицемерие презирал.

Я тоже знал ему цену. Как-то я назвал его богом одесской живописи. И даже успел сказать ему об этом. Он улыбнулся.

Фото из архива дочери художника Ирины Юрьевны Егоровой

Юрий Дикий

Genius loci Святослава Рихтера*

Переменчивость мнений Святослава Теофиловича подтверждается во многих его беседах, за исключением редких воспоминаний об Одессе, в том числе описанных Валентиной Чемберджи.

«Я никогда не сдавал ни одного экзамена. Ни вступительных, никаких. Три раза меня выгоняли из консерватории, и я уезжал. Но Генрих Густавович писал: «Приезжай немедленно, все устроится, у меня нет больше такого ученика». (…) Чуть ли не десять концертов в Большом зале консерватории мне засчитали как диплом».

Куда уезжал С. Т.? Разумеется, домой, в Одессу. И так продолжалось до 1941 года – последний отъезд из дома за два месяца до начала войны. Там был свой магнит, где юность диктует свои приоритеты, где уже наступавшая зрелость были фундаментом его дальнейшего успеха. И если опасно уравновешивать значимость для молодого человека родного гнезда в приморском городе и открывающиеся возможности культурных событий столицы, то рассмотреть саму панораму одесских событий в его жизни сквозь призму биографических подробностей необходимо.

Модусом подхода послужит все более зримое противоречие, испытываемое молодым музыкантом, между атмосферой семьи с ее укладом, идеалами, скромными возможностями и внешней противоречивой социодинамикой жизни Одессы, ее культурной составляющей. В контексте этого отрезка эпохи 20-30-х гг. уместно *сопоставление устремлений* молодого Рихтера и впоследствии выдающихся музыкантов-одесситов той поры Э. Гилельса и Э. Грача.

---

* Продолжение. Начало в кн. 60.

В 2003 году скрипач Эдуард Грач, участвовавший в проходивших в Одессе праздниках «Ойстрах-Ассамблей», посвященных 90-летию Давида Федоровича, рассказывал, какое влияние на него в шестилетнем возрасте, как и на его сверстников, оказали победы одесситов-скрипачей – Давида Ойстраха, Елизаветы Гилельс, Буси Гольдштейна и Михаила Фихтенгольца в Бельгии. Побуждением шестилетнего Эдика к игре на скрипке и ее приобретению родителями стало честолюбивое желание «стать лауреатом!» на фоне культивируемых властью торжеств летчиков, полярников и… разумеется, музыкантов.

Триумфальные победы пианиста Эмиля Гилельса, а затем и Якова Зака «детонировали» у одесситов поэтической ревностью земляков. О Гилельсе пошучивали: «Милька Рыж – теперь он об Одессе и не вспоминает. А знает только Лондон и Париж!».

Несправедливая шутка, хотя бы потому что на вопрос Сталина 16-летнему Миле, где бы он хотел жить, Гилельс гордо ответил: «В Одессе!».

Что греха таить – «воздух Одессы» 30-х напоен был звуками скрипок, фортепиано, спектаклями оперного. Широкая известность консерваторской профессуры преумножалась всесоюзным приоритетом детища П.С. Столярского – его специальной музыкальной школы-десятилетки, готовившей конкурсантов с последующими лауреатскими приливами успеха и наград из столицы. Социокультурная среда довоенной Одессы обрела мировой статус клондайка вундеркиндов, отблески которого были зримы вплоть до начала нынешнего тысячелетия.

Мифы и интерпретации

Идеологическая подоплека культурной политики 20-30-х гг. мощно укрывала скрытые весьма непростые противоречия культурной среды Одессы этого периода, и по сей день спрятанные в тень возвеличенного пантеона молодых талантов новой социалистической эпохи.

Возможно, поэтому условия появления в Одессе семьи Т.Д. Рихтера и сегодня выпадают из контекста проблем музыкального

образования, парадигм открытия музыкальных вузов в России в целом и Одессы в частности.

Учрежденная в 12-13 гг. прошлого века провинциальная высшая музыкальная школа России перед началом первой мировой войны, в отличие от консерваторий Москвы и Петербурга, окрепших и великолепно зарекомендовавших себя в музыкальном мире за полстолетия, еще была далека от требуемого уровня высшего музыкального образования. Музыкальные училища Саратова, Киева и Одессы, укомплектованные в основном выпускниками столичных консерваторий, весьма окрепнув за период своей деятельности, увы, только потенциально претендовали на подлинный уровень высшей школы. Эту потенциальность понимали и содействовали развитию высшего образования музыкантов, в первую очередь, С.В. Рахманинов в соответствии со своей высокой должностью в ИРМО, а также А.Н. Скрябин.

Вместе с тем справедливости ради следует признать, что наиболее одаренные и перспективные столичные выпускники в провинцию не стремились, и педагогическая комплектация новых вузов звездами первой величины, увы, не изобиловала.

Приезд в Одессу в 1908 г. Витольда Малишевского – молодого выпускника класса Н.А. Римского-Корсакова – на должность директора музыкального училища (по рекомендации своего учителя и при поддержке А.К. Глазунова), а также некоторых других столичных выпускников на преподавательские должности, безусловно, качественно повышал профессиональную базу музыкальных кадров. Но следует понимать, что «лучшие из лучших» все же оставались в столицах, и у провинции было не много шансов приравняться к рангу музыкальных заведений центра. Не могла и музыкальная общественность, пусть крупных российских городов, хотя бы приблизительно приобщиться и соответствовать разнообразию музыкальных течений и направлений музыкального искусства мировых столиц этого периода. К примеру, первые ростки модернизма молодого Прокофьева возникали на фоне устоявшихся различий в традициях Беляевского кружка Римского-Корсакова (Санкт-Петербург) и московской школы во главе с П.И. Чайковским.

Но тем ценнее динамика организационных усилий провинциальных музыкальных деятелей к качественному преобразованию и росту музыкальной культуры этих регионов в предреволюционный период.

Календарь социодинамики музыкальной культуры Одессы до 1917 года и в последующие два десятилетия дает сложную картину явлений *бифуркации* в музыкальном образовании.

Одессе, как и Украине в целом, этнографически присуще рождать талантливых самородков, в дальнейшем реализовавшихся в различных уголках планеты. Как-то больше в тени нашей памяти оказываются имена всемирных знаменитостей, родившихся в Одессе, – Бенно Моисеевича, Шуры Черкасского, Павла Коханьского, Марии Гринберг, Натана Мильштейна и мн. др. Тем не менее эквивалент одесских вундеркиндов был, есть и, надеемся, будет всегда высок. Но это явление объективно преумножается только при нужных условиях взращивания вундеркиндов, обеспечивая их метаморфозу в знаменитых деятелей культуры и искусства.

Такой узел условий воспитания музыкантов качественным преподаванием и определял политику Витольда Малишевского – первоначально в качестве директора музыкального училища, до 1913 г., а впоследствии первого ректора Одесской консерватории, до 1920 г. Проблема профессионального обучения, подбор профессионального актива педагогов были главенствующими в деятельности музыкального администратора того периода. История ректорства Антона Рубинштейна – основателя первой российской консерватории, тому неопровержимый пример. «Узко понимаемый профессионализм» профессуры (Б. Яворский) даже здесь сыграл злую шутку с гениальным музыкантом и администратором А. Рубинштейном, вынужденным покинуть стены своего детища спустя четыре года после его рождения.

В одесской, впрочем, как и в киевской консерваториях с первых дней их основания аукнулись процессы кадрового голода в работе этих музыкальных вузов. И сколь ни щедры на позитивные характеристики публикуемые исторические материалы первоначальной деятельности этих вузов, они в какой-то степени нивелируют, если не умаляют, подвижнический труд первых ректоров в кадровом наполнении своих коллективов.

«Весной 1916 года состоялся первый выпуск – Одесскую консерваторию окончили 16 пианистов и 12 вокалистов», – пишет Дмитрий Киценко.* В своем отчете 5 мая 1916 года назначенный депутатом от дирекции Императорского российского музыкального общества И.В. Прибик писал председателю ИРМО: «Прослушав внимательно все выпускные экзамены, считаю своей приятной обязанностью сообщить вашей высокости, что преподавание в Одесской консерватории находится на должной высоте, и вообще дело поставлено серьезно и солидно». Автор статьи резюмирует, что таким образом, первый выпуск вокалистов подтвердил, что Одесская консерватория действительно стала «консерваторией музыки и пения», как об этом мечтали музыкальные деятели города задолго до ее открытия.

Торжественность первых выпусков, как и сам факт появления новых высших музыкальных заведений с благословения музыкантов такого уровня, как С.В. Рахманинов и А.Н. Скрябин, вполне резонна в реляциях ответственных лиц.

Тем не менее местная критика существенно отличается от оценки И.В. Прибика.

Выдержки из рецензий прессы на первый выпуск Одесской консерватории в 1916 году свидетельствуют:

«Местное музыкальное училище, переименованное в консерваторию, фактически осталось тем же средним очагом музыкального образования, каким оно было до переименования. Главной причиной этого явления следует, по-видимому, признать отсутствие тех значительных средств, которые необходимы для кардинального преобразования училища в консерваторию. Нужны основные реформы, которые сделали бы консерваторию достойной своего названия – института высшего музыкального образования, где кончающие получают звание «свободного художника». *Состав профессоров* (*за некоторыми исключениями*) и помещение, где ютится местная консерватория, совершенно не позволяют последней развить ту деятельность, которая является непременной для высшего музыкального учебного заведения. (…) (Подчеркнуто мной. – **Ю. Д.**)

* См. http://dem-2011.livejournal.com/132557.html

Жаль будетъ, если Городской и общедоступный театры допустятъ, чтобы г-жа Атманаки приняла приглашеніе, помимо нихъ, на эту изъ столичныхъ оперныхъ сценъ и тѣмъ одесская большая публика лишится возможности не спѣша переживать минуты истиннаго художественнаго удовлетворенія.

Садко.

По классамъ фортепіано окончили: по кл. проф. Дроневскаго-Мировскаго, по педагогическому отдѣлу, ученицы Гуль, Рашеръ, Брауэръ (ученица бывш. старш. преподават. Петрова) и по виртуозному отдѣлу—Жуковская и Неогурхъ. По кл. проф. Либеръ окончили: по педагогич. отдѣлу, ученицы Тильзъ и Бернштейнъ и по виртуозному отдѣлу ученицы Фуреръ, Лейна, Лейзенборгъ, Чернявская и Плешнеръ. Кромѣ того, г-жи Свѣтовидова и Лемортъ окончили консерваторію по классу фортепіано экстерномъ. Одна изъ нихъ состоитъ учительницей.

Местное отделение Русского Императорского музыкального общества этим вопросом озабочено и в недалеком будущем предоставит юношеству возможность получить все, что дает своим учащимся образцовая консерватория.

В лице г. Малишевского консерватория несомненно имеет очень хорошего администратора и педагога по теоретическим вопросам музыки, и он старается делать все возможное, чтобы поставить консерваторию на должную высоту. В качестве директора Малишевский (поскольку это было возможно), безусловно, влил свежую, бодрую струю в жизнь музыкального училища, а затем консерватории», – писал одесский музыкальный критик Михаил Арнольдов в статье «Одесская консерватория».*

Другой местный критик под псевдонимом «Садко», как и М. Арнольдов, в пространном анализе всех выпускников вокального отделения мягко критикует выпускников профессора Дельфино-Менотти и госпожи Пикалуса, и в основном (за некоторыми исключениями) отмечает только отдельные положительные стороны первых выпускников.**

И сам ректор консерватории В. Малишевский в своем выступлении на торжественном акте 9 мая 1916 г. по случаю первого выпуска не оспаривал: «Пусть первый выпуск незначителен по числу, пусть, может быть, найдутся лица, которые признают этот выпуск незначительным в художественном отношении, но все же нельзя не признать, что одесская консерватория стала на правильный путь, по которому, хочется думать, пойдет русское искусство. Ныне одесская консерватория будет

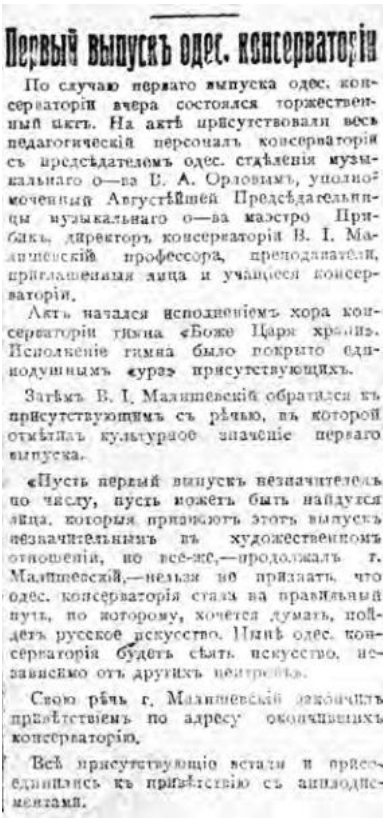
* «Театр и кино» от 23 апреля 1916 года, № 17, с. 9.

** Статья «Первый выпуск Одесской консерватории». Одесский листок № 107, 21 апреля 1916 года.

сеять искусство, независимо от других центров», – читаем в «Одесском листке» № 126 от 10 мая 1916 г. (публикуется впервые).

В данном случае нельзя не согласиться, что первый ректор В. Малишевский прекрасно понимал природу существующих противоречий в деятельности молодого музыкального вуза. Лишь отдельные удачи среди выпускников, как и мастерство их воспитателей, не могли быть противопоставлены пока еще разнородному и не сформировавшемуся преподавательскому коллективу.

В вышеприведенной критической рецензии М. Арнольдова утверждалось: «Нельзя, например, рассчитывать, чтобы воспитанники первого выпуска местной консерватории (по классу пения) были приглашены на ответственные роли на мало-мальски приличную сцену».

Первый выпускъ одес. консерваторіи

По случаю перваго выпуска одес. консерваторіи вчера состоялся торжественный актъ. На актѣ присутствовали весь педагогическій персоналъ консерваторіи съ предсѣдателемъ одес. отдѣленія музыкальнаго о—ва Е. А. Орловымъ, уполномоченный Августѣйшей Предсѣдательницы музыкальнаго о—ва маэстро Прибыкъ, директоръ консерваторіи В. І. Малишевскій профессора, преподаватели, приглашенныя лица и учащіеся консерваторіи.

Актъ начался исполненіемъ хора консерваторіи гимна «Боже Царя храни». Исполненіе гимна было покрыто единодушнымъ «ура» присутствующихъ.

Затѣмъ В. І. Малишевскій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ культурное значеніе перваго выпуска.

«Пусть первый выпускъ незначителенъ по числу, пусть можетъ быть найдутся лица, которыя признаютъ этотъ выпускъ незначительнымъ въ художественномъ отношеніи, но все-же,—продолжалъ г. Малишевскій,—нельзя не признать, что одес. консерваторія стала на правильный путь, по которому, хочется думать, пойдетъ русское искусство. Цѣль одес. консерваторіи будетъ сѣять искусство, независимо отъ другихъ центровъ.

Свою рѣчь г. Малишевскій закончилъ привѣтствіемъ по адресу окончившихъ консерваторію.

Всѣ присутствующіе встали и присоединились къ привѣтствію съ аплодисментами.

Между тем в резюме статьи читаем: «Из целой плеяды учениц и учеников, представленных к последнему испытанию 29 апреля, только немногие достойны быть выпущенными… Из женских голосов достойны быть отмеченными госпожи Атманаки и Михайлова (класс проф. Рейдер)…».

«Одесский листок» также в регулярных публикациях, посвященных первому консерваторскому выпуску, пишет: «Г-жа Михайлова, ученица проф. г-жи Рейдер, прекрасно владеет своим красивым сочным меццо-сопрано; в романсах, как и в ариозо

№ 116 Суббота, 30-го Апрѣля 1916 г. Цѣна 6 (6) шесть коп. Суббота, 30-го Апрѣля 1916 г. № 116

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

Годъ изданія второй третій. ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, НАУЧНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ. Основатель Е. В. Канторъ.

Цѣна отдѣльнаго номера 6 коп.

Къ населенію г. Одессы

Э. К. БОРОДИНОЙ

ФРАНЦУЗСКІЙ ФРОНТЪ

40 ЛѢТЪ

МАКСА ЛИНДЕРА.

Художественному театру

Добровольно себя отдала въ руки правосудія

Франческа БЕРТИНИ

Запорожскій кладъ по рѣкамъ

МЮЛЬТОНЪ

Телеграммы „Одесскаго Листка".

Вѣсти съ Турціи

Къ событіямъ въ Италіи

Въ Россіи.

Официальное сообщеніе о дѣлѣ Сухомлинова.

Банкирскій Домъ И. КСИЛ

СТРАХУЕТЪ

из «Опричника» у нее чувствуется что-то цельное, выдержанное до конца...».*

Далее автор заключает:

«Но кто положительно вне конкурса, так это – г-жа Атманаки: прелестный голос молодой певицы с верхами, отдаленно напоминающими А.В. Неждановy, удивительная законченность и артистичность исполнения, прекрасная дикция – все это оставляет впечатление настоящего и яркого дарования. Одинаково талантливо г-жа Атманаки исполнила и трудную арию из «Африканки», и романсы; такой ученицей может гордиться одесская консерватория, а последнюю можно поздравить с таким профессором пения, как г-жа Рейдер.

Жаль будет, если Городской и общедоступные театры допустят, чтобы г-жа Атманаки приняла приглашение помимо них на одну из столичных оперных сцен, и тем самым одесская боль-

* «Одесский листок» № 107, уже цитировавшийся критик «Садко».

Этот снимок сделан в 1916 году в честь первого выпуска питомцев Одесской консерватории. Слева направо: выпускница Анастасия Атманаки, первый ректор Витольд Малишевский, выпускница Михайлова, первая заведующая кафедрой вокала Юлия Рейдер, попечитель консерватории граф Василий Орлов

шая публика лишится возможности не раз переживать минуты истинного художественного удовлетворения».

Заключительный концерт также оказывается под пристальным вниманием местной критики, и вновь читаем: «У г-жи Атманаки (класс проф. Рейдер) с ее блестящими верхами прекрасно удались ария из «Сафо» Массне и романс Ц. Кюи».**

Может быть, поэтому и сохранилась единственная фотография первого ректора В. Малишевского с классом профессора Ю.А. Рейдер и достойными выпускницами г-жой Атманаки и г-жой Михайловой в Большом зале консерватории.

Аналогичная ситуация сложилась и у пианистов. Выпуск 1916 г. показал единичные удачи на фоне общего весьма слабого уровня. Две выпускницы – С. Плещицер, оставлена для преподавания

** «Одесский листок» № 126 от 10 мая 1916 г.

Теофил Рихтер,
органист кирхи

в консерватории, и Я. Берштейн, концертмейстер молодого Давида Ойстраха, – результат у выпускников-пианистов.

Скорее всего, этим и объясняется приглашение в 1916 году играющего пианиста Теофила Рихтера, выпускника Венской академии, судьба которого была тесно переплетена со знаковыми фигурами музыкантов конца XIX и начала XX столетий. Выпускниками Венской Hochschule были два профессора фортепианной кафедры, Т. Бибер и Б. Дронсейко-Миронович. Возможно, что и они могли рекомендовать Т. Рихтера для приглашения в Одессу. Для ректора В. Малишевского и молодой кафедры фортепиано это было важным и необходимым шагом в кадровом улучшении профессорского состава.

«Вскоре после моего рождения отцу предложили занять должность преподавателя Одесской консерватории, – читаем у С. Рихтера в «Дневниках и диалогах». – …наша семья поселилась в Одессе. В течение двух лет мы жили и в Одессе, и в Житомире, где проводили лето».

Тем самым С. Т. сам ставит точку в разночтениях, и сегодня изобилующих в публикациях, о появлении Светика в Одессе *только* в 1921 году, во-вторых, о проживании семьи Рихтер *только* на территории кирхи, а также о приглашении Т.Д. Рихтера в Одессу *только* в качестве органиста кирхи.

«Отец мой хотя и родился на Украине, был немец не только по крови, но и по воспитанию. …Он уехал из Житомира в Вену учиться игре на фортепиано и композиции. (…) Отец много рас-

сказывал о самом городе, так что… я знал город вплоть до самых его укромных уголков», – вспоминал С. Т.

Выступления Теофила Даниловича в Вене после окончания учебы в Венской Hochschule, работа в качестве учителя музыки, дружба с Францем Шрекером, знакомство с Э. Григом сформировали неординарного музыканта и композитора.

«Отец был действительно замечательный пианист и, когда располагал свободным временем, два-три часа занимался по вечерам, – утверждал С. Т. – (…) Впечатления от его игры, несомненно, оказали сильное влияние на меня».

Тема Вены, особого европейского города для музыкантов, изначально превалировала в рихтеровской семье. Особое место принадлежало любимому альбому Т. Д. «Neuestes Monumental Album von Wien», сохраненный другом семьи Рихтеров Риммой Александровной Новокрещенцевой.

Перед отъездом из Одессы в марте 1944 года Анна Павловна Москалева, как рассказывала в интервью Р.А. Новокрещенцева, привезла на тележке много книг, нот Т. Д., в частности альбом и наброски его сочинений. Часть архива рихтеровской семьи была сохранена и у известного одесского композитора Т.С. Сидоренко-Малюковой, впрочем, как и в других одесских семьях, близких Рихтерам.

Экспонаты выставки в честь 100-летия Святослава Рихтера (Одесский литературный музей)

Впоследствии в дни рождения отца в квартире С.Т. Рихтера и Н.Л. Дорлиак 29, бывало, и на следующий день – 30 апреля, исполнялась С. Т. фортепианная пьеса отца «Alt Wien» («Старая Вена»).

Таким образом, весьма обоснованно было приглашение первым ректором В.О. Малишевским зрелого музыканта – пианиста и композитора Т.Д. Рихтера на преподавательскую должность в консерваторию в год ее первого выпуска. Понятно, что в период ректорства музыканта такого уровня, как Малишевский, какие-либо претензии со стороны коллег пианистов к Т. Д. пока не предъявлялись.

В период ректорства В.О. Малишевского семья Рихтеров проживала на улице Нежинской. Как вспоминал Святослав Теофилович: «Нежинская улица. Когда выходишь из нашего двора, напротив стоит неказистый дом, но наверху карниз и круг, как окно в небо. После пятого дома вид на Собор Петра, и когда появлялась кирха, охватывал восторг».

Практически напротив, по улице Нежинской, проживала первая заведующая кафедрой вокала Ю.А. Рейдер, чьи знаменитые выпускники, несомненно, могли выступать впоследствии с молодым концертмейстером филармонии Светиком Рихтером.

«К концертмейстерской работе относился восторженно. Сначала кружок любителей оперного пения при Доме моряка, а затем профессиональная работа в Одесской филармонии».

Период первых выпусков консерватории с 1916 по 1920 г. проходил в сложнейших условиях первой мировой и гражданской войн в России, но профессиональный уровень молодого вуза уверенно креп, и основную роль в этом играл организаторский и творческий талант первого ректора, которому помогала наиболее подготовленная профессура.

Продолжение следует

Ольга Ладохина

Рыжий город смеется

О современном «одесском тексте»

Объектами изучения характерных особенностей поэтики «одесского текста» могут быть, на наш взгляд, не только произведения литераторов В. Дорошевича, С. Юшкевича, А. Аверченко и других, на рубеже XIX и XX столетий создавших персонажей с колоритным «одесским характером».

Остановимся на характерных особенностях произведений двух современных одесских авторов: М. Жванецкого и Г. Голубенко. Отличительные черты «одесского текста»: карнавализация, присутствие в произведении перевертышей социальных отношений, сходных со средневековыми традициями игры в «майского короля», насыщенность текста фольклорными элементами речи, наполненном чудным одесским юмором; присутствие в тексте мотивов свободы личности, авантюризма и приключений, морского беспредельного пространства как символа открытости миру – у современных авторов дополнены новыми, характеризующими современный этап развития литературы «Южной Пальмиры»: чувство зыбкости, безосновности бытия; появление образов, передающих семантику транзита, порой выводящего человека из реального мира в пространство неведомого и запредельного; все большее распространение в литературе образа расчетливого и респектабельного бизнесмена – Штольца начала XXI века.

Начнем с «карнавализации текста». Именно в этих случаях в литературном произведении отражается основа карнавального мироощущения – пафос увенчания-развенчания, связанная с яркими, поистине театральными представлениями, разыгрываемыми героями произведений, пафос обновления и перемен. У М. Жванецкого в сборнике рассказов «Южное лето (Читать

на Севере)» эстетика одесского карнавала приобретает остро современные черты. Так, в одном случае колоритными участниками невольного театрального действа становятся люди, которые получили рабочий загар не как раньше, на колхозных просторах, а за прилавками рыночной экономики: «На «Плитах» недаром появились первые люди с трудовым загаром. То есть кисти, шея, декольте от майки, одно колено от дыры в штанах. Наконец-то! Спрашиваю: «В поле?». Нет, говорят, на базаре. Хотя турецкий базар сдает, не обеспечивает наш город. Уже и качество падает из низкого в мерзкое, уже и наши путаны им надоели, зато мы все в турецком».* В другом – одесситы, разыгрывающие водную феерию в мрачные дни ГКЧП по руководством М. Жванецкого и А. Пугачевой: «Все пятьсот с фотографами и детьми пошли на соседний пляж. Там присоединились еще пятьсот. – А теперь в воду, закричала певица, – как на крещении. – Сейчас я разденусь! – крикнул один. – Не раздеваться! Кто в чем. Чрезвычайное положение… И все вошли в воду. Пятьсот и еще пятьсот и запели: «Вихри враждебные веют над нами», и запевалой была она, и они были хором. А я на берегу проводил летучий митинг-беседу с теми, кого интересовало. Что такое ЧП, ДП, КГБ, КПУ».**

Не упускает из виду маститый сатирик и такое явление, как приобретение современной карнавализацией черт тотального характера (явно солидаризируясь в этом с У. Эко), когда ее признаки проявляются не только в рамках шоу-бизнеса, но и на рабочем месте (когда в компьютерах представителей «офисного планктона» есть множество картинок из мужских журналов и ролевых игр), и в спорте (который все чаще приобретает черты индустрии, а не зрелища), и в политике (все чаще реализуемой не за депутатскими трибунами и в министерских кабинетах, а в ярко оформленных ток-шоу и телепоединках между медийными лицами). Такого рода всеобъемлющая карнавализация, по мнению известнейшего историка-медиевиста и специалиста по семиотике, никого не насыщает, а лишь разжигает аппетит и в будущем может даже довести общество до анекдотической ситуации типа «Девушка, а сегодня после оргии

* 2, с. 9.

** Там же, с. 15.

вы чего делаете вечером?»[***]. В одном случае пристальный взгляд М. Жванецкого не проходит мимо такого явления, как способы преодоления одесского сплина: «Лето. Аркадия. И, конечно, горит пирожковая, ибо количество пирожков, жаренных в одном и том же масле, перекрыло все рекорды… Зрители заполняли первые ряды. Через каких-то 40 минут под овации подъехали пожарные, каждое их движение сопровождалось аплодисментами. Большое удовольствие вызвало сообщение старшего, что у них нет воды, и они под аплодисменты и крики «браво» потащили куда-то шланг. Зрители советовали туда же тащить пирожковую. Наблюдать такую сцену одному было крайне неловко, и народ побежал за женой с криком «подождите секундочку»… В Одессе очень благодарный зритель. Что делать, если в городе такая скука, а театр Сатиры себя не оправдал».[****] В другом – телеграфным слогом описывает сходную по атмосфере с итальянском действом «прощай, мясо» вечеринку нуворишей с одесскими красотками:

«Вот я провел два дня с богатыми.
И сам не беден.
Но мое не в счет…
Свет столбом.
Столы.
Бассейны.
Динамики лицом.
Звук бьет в грудную клеть.
Красивые в воде.
Похуже – в танце.
Все нервничают.
Звездный штурм.
Три самолета денежных мешков на два автобуса красивых тел.
Расправа близится.
Но спешки нет…»[*****]

*** 6, с. 146-148.
**** 2, с. 36-37.
***** Там же, с. 151-152.

Искусный лицетворитель одесских Труффальдино, Скарамуччи, Коломбины и Тартальи, Г. Голубенко в рассказе «Стоматологический детектив» не только в целях конспирации наделяет пациентов стоматолога на дому Конотопского чертами своеобразных персонажей-масок итальянской комедии дель арте («Значит, вы, юноша, – повторил доктор, – мой сын от первого брака. Этот, – врач указал на человека в военной форме с флюсом во всю щеку, – допустим… э… муж моей жены от второго брака… Она, – ткнул он пальцем в жалобно стонущую старушку с челюстью, перевязанной шерстяным платком, ну, скажем, мамаша. Зашла, так сказать, отпраздновать. Ну и, наконец, этот, – врач показал на громилу явно бандитского вида, физиономию которого украшали сразу два флюса, – допустим, друг семьи… Коллега из Академии наук. Все запомнили?»[*]), но и сближает развитие сюжета зуболечебной комедии дзанни с моделью синтетического театра Мейерхольда и Вахтангова, вынуждая посетителей доктора к хоровому пению, для того чтобы заглушить крики обслуживаемых без наркоза пациентов («Нуте-с, с кого начнем? – поинтересовался доктор, надевая толстенную рукавицу. – Я думаю, с бабушки. Из уважения к ее почтенному возрасту, – и он потянулся за плоскозубцами. – А-а-а-а-а! – сразу же заголосила старушка. – Хороши весной в саду цветочки! – взвыли мы исступленными голосами».[**])

Как и М. Жванецкий, Г. Голубенко пристально всматривается в яркое зрелище пожара, непрестанно вызывающего жгучее любопытство его невольных очевидцев. Вот только проблема его тушения (в рассказе «Пожар на Слободке») оказалась не в отсутствии воды, а в нацеленности отважных огнеборцев на строгое выполнение учебных нормативов: «Посмотреть, как горит дровяной сарай, собралось пол-Слободки. Вокруг царило приподнятое настроение. Хозяева, понимая, что одним сараем дело не ограничится, выносили из рядом стоящего ветхого дома нехитрый скарб, но тут, оглашая округу воем сирены, кваканьем клаксона и звоном медного колокола, к дому подъехал пожарный автомобиль – грузовик яр-

* 1, с.77.

** Там же, с. 79.

ко-красного цвета с лестницей на кабине и тремя пожарными в кузове… Пожарные спрыгнули на землю. – Стоп. Стоп, стоп!.. – закричал главный пожарный. – Это никуда не годится! Ну что, Причитайло, где твои восемнадцать секунд по нормативу? А кто мне на учениях говорил: «Вот будет пожар, тогда и увидите»? Ну вот, пожалуйста, пожар я вижу, и вижу у тебя опять двадцать три! Ну что же, давайте все в кузов, выпрыгиваем еще один раз!..».*** Не в меньшей мере театрализованным действом в глазах писателя предстает и зрелище другого стихийного бедствия, только прямо противоположного свойства: «Я сидел в комнате на подоконнике и смотрел, как начинается наводнение. Вода за окном поднималась все выше и выше… Но тут дождь прекратился, и из окрестных домов стали выплывать местные жители на шифоньерах. В зеркальных дверцах шкафов празднично отражались голубые прорехи на сереньких небесах».**** Где же трагедия стихии, где слезы попавших в беду одесситов? Может, Г. Голубенко что-то разглядел в менталитете жителей этого солнечного города, с регулярным упорством превращающих его в забавного коверного цвета наивных веснушек: «Каждый город имеет свой цвет. Москва – белокаменная. Иерусалим – золотой. Одесса – город рыжий. Построенный из рыжего камня, купающийся в ослепительно рыжем солнце. Он рыжий еще и потому, что вот уже более двухсот лет блестяще исполняет, как говорится, на мировой арене, роль рыжего клоуна, постоянно развлекающего всех, кто приезжает сюда, своими смешными, а иногда чуть печальными шутками».*****

Социальные перевертыши в стиле игровых забав в «майского короля» у М. Жванецкого представлены в одном фрагменте «Южного лета» шоковой встречей молодого советского инженера с прелестями плавучего «капиталистического рая»: «Я застегнул плотнее сорочку имени Воровского, чтоб скрыть майку трикотажного объединения «Большевик» и побрел дальше по всем восьми шикарным этажам лайнера «Максим Горький»,

*** Там же, с. 8-9.
**** Там же, с. 16.
***** Там же, с. 5

зашедшего в Одессу на 12 часов с немцами ФРГ, куда я, невыездной с детства, через закрытую границу с помощью моего тайного друга, бывшего секретаря ВЛКСМ ОИИМФ, а ныне начальника пассажирского флота, проник»* (чем не король?); но через некоторое время: «Ввиду полной невозможности дальнейшего пребывания в капитализме, ввиду униженности, незнания сортов пива и колбас, я попросил вывести меня обратно за борт, где и остался с наслаждением в общественном туалете морвокзала среди посетителей ресторана, многие из которых мочились, уже не расстегиваясь. Я был среди своих… Среди своих я был недолго, Я стал сатириком»** (так быстро – шут). В другом – стремительно совершившимися метаморфозами «руководящей и направляющей» и ее обожествленного вождя: «Помнишь среди помоев и дерьма стояли здания с колоннами. А впереди Владимир Ильич показывал рукой в разные стороны и подмигивал левым глазом в птичьем помете, на указательном пальце сидел какой-то мерзавец из голубей и дискредитировал направление окончательно. Теперь ВКП(б) выезжает из этих колонн, Ильич выезжает из мавзолея, и они вместе переезжают на новое место…»*** (насчет мавзолея уважаемый сатирик несколько погорячился, но посмотрите на дату написания текста – 7 сентября 1991 года, и тогда эта поспешность может быть вполне объяснима).

У автора «Рыжего города» в «королевских играх участвуют пусть не такие бронзоволикие фигуры, но зато пороки человеческие, ставшие объектом насмешек писателя, предстают в эталонных образцах. И если в первом случае (в эпизоде землетрясения) – это научный авантюризм: «Больницу опять тряхнуло. И тут. Уже на втором этаже я увидел единственного человека, которого все происходящее приводило в полный восторг. Это был заведующий отделением хирургии. Дело в том, что он недавно защитил диссертацию, в которой доказывал, что советский больной уже на второй день после самой тяжелой операции может вставать, а на третий – идти на работу. И все бы

* 2, с. 87.
** Там же, с. 89.
*** Там же, с. 18.

хорошо, вот только больные после его операций никак не хотели встать ни на второй день, ни на десятый. А некоторые и вообще. То есть не понимали люди, какой народнохозяйственный эффект может дать такое открытие»[****], то во втором (в рассказе о квартирной афере маклера Левы Рыжака) – элементарная человеческая жадность: «А вы, мадам Грудиновкер, согласны ли вы стать женой этого человека? – вдова, естественно молчала… – И что дальше? – спрашивали обычно в этом месте Левиного рассказа его слушатели. – Что, что… А ничего! – отвечал Лева. – Думаете, померла? Держи карман шире! После такого ухода, таких лекарств и такой аппаратуры?! Пятнадцать лет прошло, а она жива и здорова, как гренадер. Сейчас ей уже за восемьдесят. Развода она мне не дает, живет у меня на квартире и требует исполнения супружеских обязанностей»[*****].

Перевертыши «король-шут» в Средневековье обыгрывались в весьма экзотической манере: главная фигура действа – юноша в короне и мантии, поддерживаемой двумя пажами; впереди бежит шут, ударяя ремнем с узлом на конце по большой бадье-«барабану»… В наше время трудно себе представить аналогичный экстрим: невысокого достатка начинающий кандидат физико-математических наук за рулем «Порше Кайен» в сопровождении двух мальчиков на мотоскутерах Irbis, а впереди – Джигурда, неистово рвущий струны истерзанной гитары. Представили? Прогресс (особенно технологический), конечно, идет вперед, но тяга людей к карнавалу, небывальщине, остается неизменной.

Духовные ориентиры размываются; романтически задуманная мультикультурность понемногу начинает сопрягаться с понятием этической и эстетической энтропии; все чаще возникает ощущение зыбкости и безосновности бытия. В результате для современного человека остается одно: двигаться наугад, не разбирая дороги, такое движение чревато как отчаянием, так и освобождением.

В мироощущении современных героев М. Жванецкого и Г. Голубенко отчаяния, конечно, побольше, чем позитивных

**** 1, с. 60.

***** Там же, с. 144-145.

ожиданий, – да и что другого можно ожидать в турбулентный период перехода от социализма к рыночной экономике: «Тут все просто… От тюрьмы не уйдешь… Это рынок… Дотронулся – плати… Нельзя сожрать и попросить прощения. Часы, запонки, пиджаки складываем вот сюда. В это ведро. Кому могут подвезти – звоните людям. Кому некому звонить, и нет часов, туфель, запонок, колец – тот сидит в ресторане, пока не рассветет, поет караоке. Принимает пальто и звонит тому, кто нас так кинул…»[*]. Это в ресторане; но неспокойно и на море: «Одесса. Спасательная вышка. По радио все время говорят: «Шлюпка номер 99, шлюпка номер 99, немедленно вернитесь». Тут один инструктор другому: «Слушай, у нас же всего 70 шлюпок…». Тот же голос: «Шлюпка номер 66, шлюпка номер 66, что там у вас случилось?»[**]. Но, может, вот он – проблеск надежды: кинофестиваль «Золотой Дюк»? «Тут Голливуд выпустил гангстерский фильм «Маленькая Одесса» о Нью-Йорке, так что авторитет нашего города в воровском и песенном мире большой, осталось подтянуться в физике и математике. Но это с годами. Пока нашей Одессе нечего продать, кроме климата, поэтому мы продаем свой климат и на эти деньги заказываем кино и музыку. Просим! Просим!..»[***]

Примечательно, что у одного из персонажей «Рыжего города» с научным багажом все в порядке, но только, как говорил небезызвестный Попандуполо, «нема золотого запасу»: «А все почему, – продолжал Леня. – Потому что он же у вас дегенерат. То есть придурок жизни, Сколько раз я ему говорил: брось ты уже эту свою кафедру, которой ты там заведываешь! Кому она сейчас нужна? Начни зарабатывать деньги! У тебя же такая профессия есть! Ты же в детстве музыкальную школу закончил по классу арфы. Да с твоими руками!.. Иди в наперсточники! Там сейчас люди такие бабки заколачивают!.. Так нет, он же у вас профессор!»[****]. У другого героя зыбкость бытия напрямую ассоциируется с неустойчивостью земной коры: «Первое

* 2, с. 217.
** Там же, с. 35.
*** Там же, с. 21.
**** 1, с. 191.

землетрясение застало меня в городской больнице. Надо сказать, больницы тогда, в семидесятые годы, были не то, что сейчас. То есть не в том смысле, что лучше лечили, в том, что попасть туда было невозможно. Разве что по знакомству. Это сейчас наш человек ложится в больницу только тогда, когда у него, извините, остается лишь два места, куда он может лечь, – или в больницу, или на кладбище».[*****] Третий персонаж «Рыжего города» – кот Вася, не опустил лапы и нашел оригинальный выход – вообще оторваться от земной твердыни: «В страшную зиму девяносто третьего года, когда по обледенелому и полуживому городу бродили стаи бездомных собак и одинокие фигуры полуголодных, каких-то с виду плохо побритых мужчин и таких же женщин, это кот показал нам всем, как решить проблему, которая тогда волновала многих, а именно – как покинуть эту родную землю, на которой, казалось, жить уже невозможно, в то же время по возможности не покидая ее. Он стал жить на дереве».[******]

Зыбкость бытия пробуждает тягу к перемене мест, порождает семантику транзита. Одни герои М. Жванецкого скольжение в пространстве используют для игры в прятки с криминальными угрозами: «Теперь в успешной борьбе с преступностью можно двигаться перебежками от кафе к кафе, можно скрыться в цветном фонтане, можно прикинуться посетителем и упасть за столик, можно прикинуться собакой хозяина».[*******] Другие – идут по улицам родного города, чтобы показать ГКЧП, что они не боятся: «И мы пошли. А из всех щелей Одессы дикторы Всесоюзного радио шипели: «...запретить, сократить, наказать, посадить». Настроение у нас было прекрасным. Мы были наконец со своей публикой, и мы не знали, и мы не знали, мы, к стыду своему, не знали, что в Москве народ вышел против танков».[********] Третьи, покидая Одессу, навсегда сохраняют ее образ в своем сердце: «А Одесса есть движимая и недвижимая. Одесса недвижимая – где каждое поколение кладет свой

***** Там же, с. 57-58.
****** Там же, с. 163.
******* 2, с. 8.
******** Там же, с. 16.

камень. Талантливый или бездарный – зависит от того, как развивается данный момент… А есть Одесса движимая. Движимая – та, которую увозят в душе. Покидая. Она – память. Она – музыка. Она – воображение. Эта Одесса струится из глаз. Эта Одесса звучит в интонациях».*

У Г. Голубенко свой взгляд на проблему неотвратимого, как ледоход весной, исхода из Одессы излагает колоритный шутник Жора – рубщик рыбы с Привоза: «И вот несколько лет назад все они стали подходить ко мне и спрашивать: ехать им в Израиль или нет? И всем я говорил – да! Обязательно. И они решили: раз такой неглупый еврей, как Жора, говорит нам, что надо ехать, – значит надо ехать. И уехали. А я остался, Ну откуда же им было знать, что я албанец? Теперь я здесь самый умный».** Для себя в одесском транзите Жора видит и определенные конкурентные преимущества: «…Вам бы в молодости учиться, а потом выступать на эстраде. – Так я на Привозе выступаю уже сорок лет, – философски отвечает Жора. – Можно подумать, сильно большая разница. Особенно сейчас, когда все наши великие юмористы разъехались кто куда, и теперь, чтобы попасть на их концерт, нужно платить бешеные деньги, – так люди приходят ко мне и всего за несколько гривен имеют и свежую рыбу, и почти что свежую шутку».***

Одесситы всегда славились своей предприимчивостью и авантюризмом – недаром жители «вольного города». Вы бы никогда не сообразили, как использовать обычный медицинский прибор для романтических свиданий, а он догадался: «Мой друг Аркадий очень умен. Пришла девушка чинить слуховой аппарат для бабушки. Девушка была очаровательной. Мой друг был виртуозом. Он починил аппарат на два дня. В четверг к шести мы ждали ее снова. Он ремонтировал. Я говорил. После третьего свидания мы пошли в ресторан».**** Вы бы не осмелились организовать приравниваемый к измене Родине пошивочный андеграунд, а они рискнули: «Бойцам подпольного

* Там же, с. 10.
** 1, с. 45-46.
*** Там же, с. 47-48.
**** 2, с. 39.

трудового фронта посвящается наш рассказ. Героям, которые, несмотря на суровую статью «О нетрудовых доходах» (а была такая в советском Уголовном кодексе), продолжали все же в тяжелых домашних условиях производить штаны, которые, в отличие от изготовленных на государственных предприятиях, все-таки можно было натянуть на себя, не отпугивая при этом людей и животных».[*****]

Но пришли новые времена, и артистичные Бендеры сменились прагматичными Штольцами: «Все поменялось. Штольц стал новым русским. Обломов превратился в бомжа, опустился на дно жизни. Он уже никому не нужен – с его добротой, голубиной душой. Симпатии общества на стороне людей деятельных, преуспевающих».[******] Но так ли все однозначно? Если колокол общества благоденствия звонит по сибариту Илье Ильичу, не звонит ли он по тебе? Созерцательность и мечтательность не в моде, скажут многие, и будут, наверно, правы. Но без них пропадает что-то неуловимо прекрасное, как едва различимый запах сирени в саду героя И. Гончарова. В литературной антитезе Обломов – Штольц Э. Радзинский видит и более серьезные социальные вызовы для страны: по его словам, идея неправедности любого богатства – очень народная идея. И оттого телевидение, постоянно показывая жизнь новых русских, делает весьма опасную работу. Россия – не колбасная страна, не страна Штольца. И духовность, важность идеологии остается.

М. Жванецкий тоже, видимо, не против новой волны одесских предпринимателей, но вот в деталях, черточках, нюансах… «Мне только жаль ребят однообразных. Работа, виски, перелет, закуски, стол, куплеты, децибелы, террористки, виски, лед, концерт, бассейн и перелет. И децибелы, децибелы. Все видно, но не слышно».[*******] И еще: «Кто-то ловит рыбу, кто-то ловит дичь, кто-то ищет грибы. Этот ищет деньги – и находит дичь, грибы и рыбу».[********] Ну, уж совсем никуда – негоциант на государственной должности: «Милый тихий таможенник свою

***** 1, с. 75.

****** Парламентская газета № 168, 2004.

******* 2, с. 154.

******** Там же, с. 39.

дачу строил и ломал: – Нет, это не скромно. – Облицевал забор гранитом, посмотрел – сломал: Нескромно! – В бассейне лампы по 20 тысяч заменил: – Господи, прости нас, грешных. Нескромен я буду. – Три машины плитки – золотом по малахиту – оторвал и выбросил: – Не то, не то, братцы. Не таким я себя вижу!»* И вот только меценатство – симпатично и как-то почеловечески среди акул большого бизнеса, особенно если это для осеннего кинофестиваля «Золотой Дюк»: «Но в том-то и фокус обратного движения от социализма к капитализму, что все происходит само собой… Заявить, что ограблены трудящиеся, нельзя, ибо никто из их зарплаты ничего не удерживал. Значит, как столики на пляжах, как магазины на улицах, как одесситы в Стамбуле, так и появился фестиваль. Спасибо товарищу Сталину! Кто-то скажет: но пропали пионерлагеря, а кто-то ответит: но исчезли очереди. А кто-то скажет: но пропали санатории в Сочи. А кто-то ответит: но добавился Кипр. Так что организаторы принимают любые претензии от одесситов, вложивших какую-то лепту в золотого Дюка. От посторонних требуется присутствие и хохот в нужных местах».**

Автор «Рыжего города» тоже в целом не против свежего вина в старые меха одесского экономического чуда, но горчинка одна имеется: беззастенчивый обман. Шарлатанство с народными лечебными средствами: «А мы вам предлагаем пояса из экологическим чистых густошерстных высокогорных собак. Породы дикая болонка. И понеслось. Закупили мы у водопроводчиков полтора километра войлока, которым они трубы на зиму оборачивают. Двести надомниц сидят день и ночь. Строчат из него эти самые собачьи пояса. А лохи прыгают вокруг нас, как те же болонки – только уже не дикие, а дрессированные, – и в зубах деньги протягивают».*** Околпачивание любителей антиквариата: «А деньги ж тогда за что заплатил? – всплеснула руками жена. – За идею, Лялечка! За идею. Согласись – идея не слабая. В Одессе, конечно, не прохиляет, но если скупить здесь этих котов штук пятьсот, скажем, по од-

* Там же, с. 209.
** Там же, с. 21.
*** 1, с. 167.

ной гривне за штуку, а потом продать их как львов всем крутым города Николаева по тысяче баксов, это получается…».[****] Объегоривание налоговых органов: «Горела какая-то контора… Хозяин офиса – бизнесмен, сидя в автомобиле, обзванивал по мобильному телефону своих друзей-бизнесменов. Те приезжали и, быстро договорившись о цене, сдавали хозяину под расписку кипы бумаг. Его помощник, как в паровозную топку, забрасывал эти бумаги в окна горящего офиса, и смысл происходящего был понятен даже такому далекому от большого бизнеса человеку, как я. Вот придут к этим бизнесменам налоговые инспекторы: – А ну предъявите ваши финансовые документы! – Сгорели во время пожара…»[*****] Но неужели все – сплошное плутовство и охмуреж? Не так все мрачно, дает понять Г. Голубенко. Вполне может быть симпатичен симбиоз безбашенного риска и трезвого экономического расчета: «Свой путь к вершинам материального благополучия Рома Каплун начал с того, что переселился с женой и детьми в будку для продажи газированной воды, в которой он и работал, а небольшой дом, доставшийся ему от родителей, сдал в аренду какой-то пожилой американке, приехавшей в Одессу по заданию своей заокеанской компании с целью разобраться, действительно ли в этой стране живут законченные придурки, и если да – немедленно открыть в центре города желательно очень дорогой магазин по продаже американского ношеного белья».[******]

Предприимчивость, изобретательность, авантюризм в основе своей обычно предполагают определенный зазор свободы, люфт вольности. Особенно это важно для людей творческих профессий. М. Жванецкий так описал примечательный для обозначения мотива свободы эпизод: «В Одессу был назначен новый секретарь обкома. Имя не помню. Вдруг я был приглашен на беседу. Мне была сказана редчайшая фраза: «Какие проблемы, товарищ Жванецкий?»… и вот я, вместо того чтобы просить проволоку, столбы, телефон, квартиру, что-то конкретное и понятное для секретаря, я попросил свободу. Тихо, робко… не для всех. Для себя. Он при

**** Там же, с. 154.

***** Там же, с. 7.

****** Там же, с. 157.

мне записал в перекидной календарь: «Свободу Ж…». Записал где-то на конец недели с шестнадцати тридцати после встречи с передовиками производства».*

Если делать небольшой экскурс в историю, понятие творческой свободы постепенно вытесняет понятие свободы от препятствий (принуждения, судьбы). В древней философии (у Сократа и Платона) рассматриваются, прежде всего, свобода от судьбы, потом свобода от политического деспотизма (у Аристотеля и Эпикура) и горести человеческого существования (у Эпикура, стоиков, в неоплатонизме). В Средние века под свободой понималась свобода от греха и проклятия церкви; в эпоху Ренессанса и последующий период – беспрепятственное всестороннее развитие человеческой личности. Лучшие образцы литературы и искусства во все времена питались идеями свободы, показывали неодолимую тягу личности к независимости и вольности духа. Но это классика, а что же современное искусство? Тут порой случаются парадоксальные эпизоды. Один из таких приводит известный словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек: «Один испанский историк обнаружил первый случай использования современного искусства как изощренной формы пытки: Кандинский и Клее, а также Бунюэль и Дали, сами того не подозревая, послужили источниками вдохновения при создании ряда тайных камер и пыточных центров, основанных в Барселоне в 1938 году, – творений французского анархиста Альфонса Лавренчича (словенская фамилия!), который изобрел «психотехническую» форму пытки: он разработал свои так называемые цветные камеры для борьбы с силами Франко. К созданию этих камер его побудили идеи геометрической абстракции и сюрреализма, а также авангардистские теории о психологических свойствах цвета. Нары располагались под углом в 20 градусов, что почти полностью исключало возможность спать на них, а пол камеры площадью 6 на 3 фута был усеян кирпичами и другими геометрическими предметами, что не позволяло заключенным прогуливаться взад-вперед. Единственное, что оставалось узникам, – это пялиться на кривые стены, покрытые невероятными

* Жванецкий 2014, с. 137.

изображениями кубов, квадратов, прямых линий и спиралей, в которых были использованы свойства цвета, перспективы и масштаба, для того чтобы вызвать расстройство и изможде-ние ума».[**] Знал бы В. Кандинский (кстати, выпускник одесской гимназии), что его знаменитые «Колеблющиеся треугольники» станут не только образцом творческой свободы художника и классикой абстракционизма, но и послужат реалиям самого противоположного свойства.

Представления общества о свободе порой столь причудливы, что становятся объектом иронии такого тонкого знатока человеческих душ, как М. Пруст. Об этом говорит известный лингвист и психоаналитик Ю. Кристева: «Мы свободны до тех пор, пока свобода нам позволяет не быть запертыми в сущности, которые сильны каждая по себе и которые находятся в состоянии войны с другими сущностями. Пруст, вызывающий мое восхищение, сказал, что Гамлет добрался до идеи, которая дает резюме всей нашей цивилизации, выраженной в вопросе «Быть или не быть?». Этот вопрос фундаментальный. Пруст считал, что французы, и вы оцените его иронию, абсолютно закономерную для такого большого сатирика… Он сказал, что французы переделали знаменитую фразу Гамлета следующим образом: «Дело не в том, быть или не быть, а в том, принадлежать или нет!». Они изменили идею идентичности, превратив ее в идею принадлежности. Становясь частью, вы относитесь к какому-нибудь клану, скажем, клану гомосексуалистов или к клану католиков, к французам евреям, и т. д.».[***]

Персонаж, да что там персонаж, прямой родственник М. Жванецкого тоже, казалось бы, мог принадлежать к многочисленному клану «советский человек». Мог бы, но не захотел (может быть, поэтому и был по-настоящему свободным?): «Что мог вспомнить мой дед? Всю жизнь работал. Никуда не выезжал. Никаких развлечений. Что он видел? Что он слышал? Он не мог поехать даже в Москву, не то что в Болгарию. Он протестовал своей жизнью. Он не замечал советскую власть. Жил в подвале. Торговал старыми газетами на Привозе по десять

** 3, с. 113.
*** 4, с. 220-221.

копеек. Люди брали, заворачивали селедку, мясо, брынзу, творог… Мрачный, молчаливый, одинокий. Не принимал помощи от детей. Ничего не хотел иметь общего с советской властью. Даже детей».* Внуку, видимо, генетически передалась аллергия к «Софье Власьевне»: «…вдруг на экране появляются восемь рож и разными руками, плохим русским языком объявляют ЧП, ДДТ, КГБ, ДНД… До этого врали, после этого врали, но во время этого врали как никогда. А потом пошли знакомые слова: «Не читать, не говорить, не выходить. Америку и Англию обзывать, после 23 в туалете…»** Но и лихая демократия 90-х, пришедшая после победы над ГКЧП, не слишком вдохновила многоопытного сатирика: «И выборы – свободные. Сбылось… Правда, мы сначала выбираем, а потом гадаем, правильно ли мы выбрали. Но выбираем правильно. А вот того или не того? Но правильно. В этой ситуации, когда оба поливают друг друга и показывают друг другу все язвы, все равно надо выбрать, и второй сразу затихает, и уже тише наполовину, на одного. Конечно, до сих пор непонятно, почему так рвутся на места, где одни неприятности и тяжелый бескорыстный труд на благо народа. Но тут важно, как бойцы поведут себя в мирное время, потому что боевые друзья – это еще не водопроводчики».***

Один из персонажей Г. Голубенко – Боря Брант, скромный закройщик одесского ателье «Счастье», тоже имевший принципиальные разногласия с бодрой идеологией строителей коммунизма, избрал иной путь, чем нелюдимый дед М. Жванецкого: он «сел однажды утром и написал сразу два заявления. Первое – в партком, с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза, а второе – в дирекцию, с просьбой уволить его с работы в связи с отъездом на постоянное место жительства в государство Израиль. – Ты что, Боря, с ума сошел? – спросила его жена, имея в виду первое заявление».**** Интересна же реакция на вызывающие оторопь планы закройщика его коллег по работе: «Собрание, на котором Борю клеймили

* 2, с. 99.
** Там же, с. 13.
*** Там же, с. 8-9.
**** 1, с. 186.

в связи с отъездом, было обычным. Сначала его долго обзывали крысой, бегущей с тонущего корабля. Но потом представитель райкома товарищ Коноводченко сказал, что про тонущий корабль – это, пожалуй, слишком, и в протоколе записали, что Боря бежит, как крыса с нашего быстроходного лайнера. Потом выступил ветеран ВОХРа товарищ Шварц (о котором в городе ходили слухи, что в свое время он был единственным участником еврейских погромов не с той стороны) и говорил о том, что в 29-м году его родители уезжали на жительство в Палестину, и на него уже был куплен билет, но он, как комсомольски настроенный пионер, героически спрятался…»***** Впрочем, итоги жарким дискуссиям по поводу отъезда Бори Бранта на землю обетованную подвело само время, а собрание «…было ли оно таким на самом деле, или нет – спросить об этом уже некого. Потому что никого из участников этой истории в Одессе давным-давно уже не осталось».******

Если свое свободолюбие закройщик из ателье «Счастье» выражал способом транзита, то стремление к социальной справедливости жители одной из ветхих построек одесского жилфонда демонстрировали в более радикальной – митинговой форме: «Первая трехэтажка, рухнувшая в центре нашего города в далекие времена моей молодости, привлекла к себе, помнится, такое количество местных жителей и приезжих, что жильцы, в последний момент выскочившие из нее, чувствовали себя чуть ли не именинниками. – Главного секретаря обкома хотим!.. – митинговали они. – Вот пусть он приедет сюда и увидит, до чего довели жилфонд жэковские начальники!..»******* Митинговый пожар разгорался не на шутку, но потушен был (вы не поверите!) вескими доводами секретаря обкома о главенстве идей интернационализма (а тут какие-то мелочи – рухнувший дом): «Вас тут послушать – выходит, мы не заботимся о народе. А мы заботимся. Недавно народу Зимбабве послали партию ватников. А как иначе? Ведь когда-нибудь их зимбабвийским внукам вместе с нашими правнуками предстоит жить одной

***** Там же, с. 186-187.

****** Там же, с. 189.

******* Там же, с. 124.

большой дружной семьей в прекрасных дворцах, построенных из стекла и бетона!..»* Проницательный командир пожарного расчета одесской Слободки не замахивался на тушение пламени народного гнева, но интуитивно чувствовал, какое здание на самом деле когда-то загорится ярче всех – здание с надписью «Слава КПСС!», и готовил для этого самый лучший брандспойт: «Отставить трофейный! Вы что, не знаете, что этот брандспойт мы бережем для особенно ответственных возгораний? Если обком, не дай бог, загорится, или горком. – Да не загорятся они, товарищ командир! Вы это нам уже сколько лет обещаете! И ничего. Так мы не узнаем мы никогда, что ж оно такое, эта хваленая зарубежная техника!..»**

С мотивом свободы тесно связан мотив морского бесконечного пространства как символа вольной стихии, связывающей между собой города и народы. В одном эпизоде М. Жванецкий описывает движение к одесской акватории трех юмористов, сердца которых очарованы открывающимся морским просторам: «Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них – к третьим. И так вдруг вздыбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать».*** В другом – передает ощущение грусти человека, который остается на берегу, когда другие уходят в открытое море, навстречу приключениям и сказочным городам: «Когда я работал в порту, самое печальное было сравнивать себя. Ты бегаешь, а пароходы стоят. А когда остановился ты – уходят они. В Африку, в Индию, в Сингапур. А ты стоишь, где стоял. И только смотришь и не понимаешь или понимаешь».****

Непередаваемую своеобразность произведениям «одесского текста» всегда придавали насыщенность своеобразным фольклором и солнечным одесским юмором. Только одесский автор

* Там же, с. 126.
** Там же, с. 11.
*** 2, с. 112.
**** Там же, с. 56.

мог написать небольшую оду родному городу таким языком: «Тем временем наступает вечер. И солнце, отправляясь на покой куда-то в спальный район Таирова, уже с трудом пробивается сквозь резные виноградные листья, нависающие над фонтанным столом, но нет конца молодому вину и нет конца таким невероятным историям – вечному «Одесскому Декамерону», а потому *перестаньте сказать*, что настоящей Одессы уже не существует. Да она за свои двести с хвостиком умирала уже неоднократно. Но весь фокус, дорогие мои, именно в том и состоит, что возрождается она как минимум на один раз чаще, чем умирает…»[*****]

Выявляя природу смешного, одесские авторы применяют два классических типа пародии, строящиеся на нарочитом несоответствии стилистического и тематического планов художественной формы. В одном случае это бурлеск (низкий предмет, излагаемый высоким стилем): «Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего? – В честь нашей встречи, мадам».[******] В другом – травестия (высокий предмет, излагаемый низким стилем): «Смотри, Бог создавал человека целый рабочий день. Наверно, это и есть время, необходимое для создания человека. А тебя родители создавали максимум минут десять. Естественно, что ты получился немножко недоделанным».[*******] Для создания комического эффекта пригодится, конечно, и гиперболический сдвиг, особенно когда гипербола соседствует с абсурдом. В первом эпизоде преувеличение связано, видимо, с сохранившимися в памяти одесситов событиями 37-го года: «Город опустел. Люди заинтересовались газетами. – Говорят, зима будет холодной. – Кто говорит? – Его уже арестовали».[********] Во втором практически затрагивается та же тема – сталинских репрессий, но на ней парадоксальным образом строится неплохой бизнес: «Теперь они все живут в Калифорнии, где Рома за довольно большие деньги продает местным жителям русские поношенные ватники, выдавая их за подлинную одежду узников ГУЛАГа».[*********]

***** 1, с. 284.
****** 2, с. 193.
******* 1, с. 46.
******** 2, с. 97.
********* 1, с. 160.

Юмор в контрасте с романтикой (которая соединяется через чувства с миром безграничного) ближе ко всему конечному; его стихия – искрометная смесь субъективности мысли и человеческого участия… Путь к главному рынку Одессы – что может быть обыденней и банальней? Но вслушайтесь в этот диалог: все на полутонах, романтики, конечно, никакой, но сколько теплоты и жизнелюбия: «Как пройти к Привозу? – Идите так, как я сижу. – Вы имеете в виду – лицом? – А как же! Идите. Я вас буду наблюдать. Если вы не туда свернете, я крикну. Идите, идите, пока я молчу. Идите».* А это уже на самом Привозе, в рыбных рядах, монолог: «Предлагаю коропа. Свежайший. Ах, тебя это не интересует!.. Ну тогда – барабулька. Вкуснейшая! Или глоська, без единой косточки. Ах, тебе и это по барабану… Угу… Значит, тебя устраивает костлявая, невкусная и несвежая, главное – чтобы была большая и недорогая? Да? Так что же ты мне сразу не сказал, что тебе на подарок?»** Комическое высекается из предметов, казалось бы, совсем не-юморо-емких (как вам новообразование?). Взять хотя бы аспекты уголовного права при советской власти: «Ну как я могу преподавать в юридическом институте, когда у нас в стране понятия «украдено» и «пропало» имеют противоположный смысл? Потому что то, что не украдено, то как раз пропало, а то, что украдено, наоборот, сохранено и служит людям!..»*** И уж совсем неожиданно – забористый ерш юмора и репрессивной машины сталинской эпохи: «В пятидесятом году они меня взяли. Месяц держат, второй, а потом приходят и спрашивают: «Ну что, придумал, наконец, за что ты у нас сидишь?» – «А что тут придумывать, отвечаю, за то, что у вас батя мой сидит уже восемь лет как албанский шпион». – «Так-то оно так, – говорят, только это нам не подходит. Товарищ Сталин сказал, что сын за отца не отвечает». – «Ну это, – говорю, он, наверное, про своего сына сказал». Тут как они обрадовались! «Так это же, – говорят, – совершенно другое дело». И вкатили мне сколько могли за оскорбление товарища Сталина…»****

* 2, с. 67.
** 1, с. 42.
*** Там же, с. 5.
**** Там же, с. 47.

Кто хоть раз побывал в Одессе, обязательно почувствует особую доверительную ауру уютных двориков этого солнечного города: «Нельзя в Одессе строить высотные дома. Нельзя наши дворы рассматривать сверху. У нас двор – это семья. Там свои перемещения, свои переговоры, своя кухня. Когда привык – втащили утром, вытащили вечером. Кто-то закричал от боли, кто-то – от страсти. Кто-то просушивает, кто-то проветривает. Мы вообще в трусах ходим. Нельзя на это все сверху смотреть. Мы стесняемся…»[*****] То же – с одесскими дачами, там свои обереги, там свои табу: «Надеюсь, вы не собираетесь его здесь арестовывать? – спросил у полковника хозяин дачи. – Да что я, дикарь, что ли, по-вашему? – возмутился в ответ полковник. – Или я обычаев одесских не знаю? Фонтанная дача – это как водопой в джунглях. Сюда приходят разные звери, пьют молодое вино, и никто никого не трогает. Грызть друг друга мы начинаем уже потом. Когда расходимся отсюда по домам, и работаем, и превращаемся обратно в человеков…»[******]

Об этой удивительной атмосфере родного города написал молодой одесский поэт с кудрявым псевдонимом Ес Соя:

ты – крестик
над моим маленьким храмом,
в этом городе, где тепло,
судя по всему,
охраняется фавном…[*******]

Особым покровительством доброго бога древних италийцев Фавна (от латин. favere – быть благосклонным) пользовались стада: он способствовал их размножению и оберегал их от волков. Но Фавн не только охранитель, он и родоначальник песни, отчего и самый размер древнейших римских стихотворений называется Сатурновым или Фавновым. Так пусть же «одесские стада» тучнеют, а песни сочиняются не хуже римских.

***** 2, с. 38.
****** 1, с. 278.
******* 6.

Список литературы

1. Голубенко Г. Рыжий город, или Четыре стороны смеха. – М.: Эксмо, 2011. 286 с.

2. Жванецкий М. Южное лето (Читать на Севере). – М.: Эксмо, 2014. 270 с.

3. Жиже С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Дело, 2014. 528 с.

4. Кристева Ю. Мой интерес к языку – это материализованный доступ к духу // Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.

5. Соя Ес. О главном слишком. http://www.stihi.ru/2012/06/17/7253

6. Эко У. Полный назад! «Горячие волны» и популизм в СМИ. – М.: Эксмо, 2007. 592 с.

Москва

Лилия Ишуткина

Из «Книги о моем имени»

Е.М. Голубовскому

Имена от народа

1. Лила (Полтавщина)

…С детства и до взрослых лет я любила приезжать на каникулы и в отпуск в небольшое село Крюково на Полтавщине: там жила тетушка с дочерьми, двоюродными моими сестрами. Именно там меня впервые назвали Лилой с твердым «л» в последнем слоге… Не знаю, было ли это особенностью местного говора или единичным языковым пристрастием женщины, ранее других так меня окрестившей, а потом продолжавшей так меня именовать, будучи уже моей свекровушкой, и вплоть до самой своей смерти. Лила так Лила! Мне не нравилось, но нравилось ей, а она нравилась мне, значит, так тому и быть…

Исключая твердость произношения моего имени, я никогда и нигде, кроме как здесь, не слыхала более певучей и ласковой украинской речи. Ею в совершенстве владела моя милая Надія Яковна, за сына которой я с удовольствием вышла замуж в положенный судьбой срок. От нее же во мне любовь и к грустным, и к веселым украинским народным песням, которые она прекрасно пела без всякого музыкального сопровождения. Печальные песни были протяжны, как поля у деревни и во все стороны от нее. А от веселых хотелось махнуть рукой на свой городской лоск, топнуть ногой по родной земле, гикнуть, как древние амазонки-пращурки, и закружиться в плясе, пугая нынешнее хрупкое мужское племя!

Чувства юмора моей свекрови было не занимать. Я помню, как она в веселии уронила себя в колючий куст маслины, увидев меня, девицу, верхом на лошади, отданной мне во временное летнее пользование дядюшкой, большим по тем временам местным начальником. Но не засмеяться было бы грешно, ибо брючного костюма девы тогда не знали, а тот, что красовался на мне, состоял из берета брата, рубашки отца и летних брюк дяди, высокого и сильного от Бога человека, а потому ширинка его брючищ заканчивалась у меня прямо под мышками…

По-настоящему смирилась я с народным украинским вариантом своего имени, лишь прочитав стихотворение А.С. Пушкина, после Лицея влюбившегося в мою тезку:

Лила! Лила! Я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой.
Но любовь моя напрасна!
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила! Ты прекрасна
И бесчувственной красой.

Естественно, приезжая до замужества сюда, в Крюково, я жила в дядином доме и – наслаждалась жизнью! Никто и никогда не стеснял моей свободы, и в компании с огромным псом, данным мне в сторожа на всякий случай, я исходила, а потом изъездила верхом всю степную округу с ее хуторами и колхозами.

Был у меня в детстве любимый тополь под окном, в ветвях которого на приличном расстоянии от земли я соорудила шалаш. Мне нравилось, выбравшись на исходе ночи через окно наружу, когда домашние и мир вокруг еще спали, ждать солнца в этом своем птичьем жилище. А солнечный закат я наблюдала с противоположного торца дома, с крыши сарая, прилепившегося к нему. В жаркий летний день земля нагревалась до зыбкого марева над собой, и я видела, как струились в нем вдали стены сказочного Воздвиженского монастыря на высокой горе в Полтаве. Тогда он был разрушен изнутри, но внешне совсем

целым волшебно смотрелся с крыши дядиного сарая… Минет много лет. Уйдет в небытие, оставив по себе добрую память, целое поколение любимых мною людей. И сама я, уже постарев, вдруг найду в одном из журналов прекрасный акварельный рисунок Т.Г. Шевченко: «Воздвиженский монастырь в Полтаве» (1845). Я всмотрюсь в рисунок и прочту под ним, что в далеком 1650 г. этот чудный архитектурный ансамбль в стиле украинского барокко был построен сподвижником Богдана Хмельницкого полтавским полковником Мартыном Пушкарем (ум. 1658). А Тарас Шевченко по заданию Киевской археографической комиссии, будучи художником при ней, зарисует этот монастырь, как многие другие великолепные архитектурные и археологические памятники Украины, чтобы они были описаны, а затем записи и рисунки должны были быть опубликованы для всеобщего ознакомления с ними. Я и ознакомилась: рисунок чудесен, поэт-художник гениален, а мне повезло: и посмотрела, и прочла, и вспомнила!

Жаль, но мне не довелось побывать в храме восстановленного ныне Воздвиженского монастыря в Полтаве. Да и вряд ли это теперь возможно! Но у нас в Одессе на Соборной площади заново отстроен некогда разрушенный Спасо-Преображенский собор. Я написала об этом соборе с чувством, вынесенным из того давно ушедшего времени, когда люди села Крюково, что рядом с монастырской горой в Полтаве, называли меня поместному: Лилой!

Сверкает крест над куполом собора,
Стрелою колокольня вознеслась.
В фонтан из дорогого лабрадора
Вода струями шумными лилась.
В глубинах храма – тишина благая!
Мерцают лики моленых икон.
Христова тела нагота святая –
И вдруг могучий колокольный звон!
Жаль, редко прихожу сюда молиться;
Соборный сумрак в трепете лампад;
Пред Божьей матерью мне надобно виниться:

Я из Ее заблудших, грешных чад…
Не знаю! Может быть, кому-то это странно:
Уйдя из дома, ощутить в пути,
Что только здесь ему судьбой возданно
Покой души в молитве обрести.

2. Пятровна (Черниговщина)

Из-за близких государственных границ Черниговщина, родина моего отца, стала тем географическим пространством, где в говоре людей, там обитающих, смешались три языковые стихии: русская, украинская и белорусская. В итоге образовался сугубо местный язык, к которому, особенно в быстром его варианте, нелегко приспособиться пришлому человеку. Я убедилась в этом, профессионально вслушиваясь в речь родных мне людей из села Машево Семеновского района. Однако при необходимости, например, в беседе со мной, все свободно переходили если не на литературный, то на вполне грамотный русский или украинский языки. Мне нравилось их двуязычие: чем больше языков знает человек, тем лучше. Важно лишь не противопоставлять один язык другому, а сопоставлять их…

Непривычным, даже несколько панибратским показалось мне обращение земляков и землячек друг к другу. Парней и девушек кликали уменьшительно: Ванька – Манька – Сашка – Клашка. Взрослых же величали по отчеству: Алексеевич – Алексеевна. Меня тоже окрестили Пятровной с яканьем под влиянием говора Средней полосы соседней России. Пятровна – знак признания меня своей. Я не возражала.

Кроме говора меня поразил машевский лес. До приезда сюда (так сложилась жизнь) я видела лес только в произведениях живописи и графики: нет, грешу, еще в кинематографе. Вообще же я всегда ощущаю себя человеком моря, степи и воздуха. Мне случалось плавать далеко, много бродить по полям и часто летать, разумеется, с помощью «Аэрофлота». И, честно говоря, мне всегда бывало неуютно в скученности городских

строений, особенно при виде высоток: те крали у меня горизонт и небо… Над настоящей пустыней я только пролетала, а вот в горах мне побывать не удалось. До сих пор меня мучает любопытство: что ощущает тот, кто стоит на самом пике покоренной им громадины?!

Таким образом, лишь свежий морской бриз, степной воздух, пахнущий травами, и «ветр – гонитель облаков», как сказал поэт, украшали мою жизнь в лучшие ее мгновения…

Машевский лес, настоящий и незнакомый, начинался сразу за хатой дяди, лесника по должности. Как только мы прибыли сюда, к дядюшке, как только все пообнимались, приветствуя друг друга, и началась кухонная праздничная суета, я тихонько двинулась в лес, прихватив на веранде туесок для ягод и грибов.

Я вступила в лес, как в неведомую страну. Я все шла и шла, будто бы прямо, касаясь руками мохнатых ветвей. И мягкая хвоя под ногами глушила звук моих шагов. А потом я вдруг остановилась, потому что испугалась:

Могучий лес объял со всех сторон,
Стою средь елей под шатром из хвои.
Не слышу милых городских ворон,
И эта чужеродность беспокоит…

Меня пугают лес и тишина,
Не вижу неба, облаков не вижу.
Привычных книг я тоже лишена:
Одессы нет, нет греков и Парижа.

Не знаю я, куда теперь идти,
Кто в этой глухомани мне поможет.
И мысль о том, что не найду пути,
Терзает мозг и сердце гложет.

Но вдруг раздался голос вдалеке:
«Пятровна-а!» – этот голос чуден.
И туесок отбросив, налегке,
Я мчусь туда, где ходят люди…

Было немыслимым счастьем увидеть просторное небо в багровом закате и под ним родную тетю, так хорошо, так чудесно меня зовущую: «Пятровна-а-а-а!».

3. Писательница (Одесщина)

В середине «лихих 90-х», как принято теперь их называть, у меня, пенсионерки, не было работы, тяжко захворала мать, подопечный внук дорос лишь до шестого школьного класса, и у нас абсолютно не стало денег. Никаких!

Сколько себя помню, я боялась голода, ибо, как все дети войны, знала его. Потому я с тупой одержимостью мыкалась по городу в поисках любой работы – и не находила ее. Однажды у книжного лотка рядом с почтамтом я встретила коллегу и колежанку (прости, русский язык!) из преподавательского прошлого: теперь они держали книжный бизнес и торговали канцтоварами. Я привела их домой. Они все увидели и тут же придумали мне редакторскую должность под своим крылом. Голод отступил, и до сих пор я с благодарностью повторяю: да не оскудеет рука дающего!

Но я понимала, что людская доброта не безгранична, что в стране завертелась опасная политическая карусель, и никто не ведает, каким будет его завтра, да и наступит ли оно вообще… Полагаться следовало только на самое себя!

Всем нутром своим я чуяла: если не раздобыть денег и не распорядиться ими так, чтобы они кормили нас при любом повороте жизни, мы не выживем. Решением этой тройной задачи – добыть, вложить и выжить – я занималась круглые сутки: днем, правя чужие рукописи, и ночью, лежа в бессоннице.

Наконец я жестко сказала себе: да, воровать я не умею, грабить – тем более; да, заработанное сразу же проедается; да, продавать уже нечего; да, старых дам на содержание не берут! Оставалось последнее: торг собственными профессиональными знаниями. Но! Возвращение в преподавание исключалось из-за моей пенсионности. Испробованное репетиторство показалось мне скучным, так как оно почти не требовало библиотечного труда, нужного мозгу, а кабинетная тишь индивидуального

обучения лишь усиливала тоску по утерянному раю: общению с большой студенческой аудиторией. И я стала думать, не податься ли мне в «литературные негры». Но писать не статейки для бездельников, тупиц и карьеристов, а делать диссертации для тех из них, кто хорошо заплатил бы за качественную, корректную в научном смысле мою работу…

Я нашла посредника, получила заказчиков и за два года, не уходя из редакторов и от решения семейных проблем, написала три диссертации по филологии, впоследствии (я проследила за этим) защищенные в Харькове, Кишиневе и Санкт-Петербурге. За них мне заплатили, как дòлжно…

Не скажу, что в какой-то из мигов мне не захотелось грохнуть все на шляпки, сумочки и прочий дамский аксессуарий, делающий женщину женщиной даже при ворохе прожитых лет за плечами. Но самоирония и чувство долга уберегли от искуса, и я купила в пригороде дом с куском земли в придачу. По правде говоря, это была просто старенькая хата с огородом. Но я полагала, что на остаток денег отстрою ее, а собственноручное натуральное хозяйство спасет нас с матушкой и внуком от голода при любом раскладе обстоятельств. Ничего из этого не вышло! Но никогда, никогда не пожалела я об этой своей покупке! Именно здесь, в ставшем родном нам доме, я начала писать книги для себя, и их напечатали другие для всех. Но еще до того, как это случилось, односельчане, как-то сразу все уразумевшие, стали называть меня Писательницей. Только так, и не иначе! Я очень этим прозвищем гордилась…

…Мне навсегда запомнилось, как я впервые очутилась в здешних местах. В случайном разговоре мне предложили взглянуть на некий дом вблизи Одессы, который продавался сравнительно дешево: по старости и из-за склок наследников, которые никак не могли его поделить. Дом, униженный, обветшавший и заколоченный, давно стал в селе притчей во языцех. Людям искренне хотелось, чтобы у дома появились хозяева.

Выйдя из автобуса в центре села, я шла к дому по длинной грунтовой дороге, через дамбу, мимо ставка справа от меня и холмами в деревьях – слева. Теплый октябрьский день был на исходе. Пахло удивительно вкусно – прелой листвой, костром

и навозом. Подойдя к дому, стоявшему на выезде из села, я мгновенно зачаровалась его одиночеством среди огромного двора в густой траве, с грушевой рощицей и проблесками ставка в камышах за огородом… Дачников тогда здесь еще не водилось, и соседи быстренько свели меня с наследниками, с которыми я тут же договорилась. Вскоре я купила этот дом для внука, и мы сразу же начали его чинить…

Много всякого было пережито в нашем милом старом деревенском доме: надежд и разочарований, радостей и печалей. А мне тут очень славно писалось! В год, когда опубликовали первую мою книгу, умерла матушка, и закрылось кормившее нас издательство. Но старший внук, студент, уже работал, а я что-то получала за свое писательство. Дочь родила нам второго сына, и в старом доме появился малыш… Попрощаться с домом я хочу словами, ему посвященными:

Я здесь пишу не торопясь,
Не ощущая жара лета,
И с благодарностью крестясь,
Я небу кланяюсь за это.
Мой старый дом упрятан в сад,
Он в вишнях и в кустах сирени.
По стенам вьется виноград,
Трава щекочет мне колени.
За огородом – блеск воды:
Там ночью плещутся русалки…
И шорохи на все лады,
И скрип покинутой качалки,
И стих Ахматовой! Он вдруг
Ночною птицей обернулся;
Произнесенный мною вслух,
Прочь улетел – и не вернулся!
Но одинока ль я? Ведь тут
И дети, и Одесса рядом,
И бесконечный книжный труд:
Мне счастья большего не надо!

Евгений Голубовский

«В запыленной связке старых писем...»*

Ряд писем писателей связан с тем, что в 1989 году в Одессе я работал над книгой «Венок Ахматовой», а в 1990 году над книгой «Венок Пастернаку». Оба сборника вышли. Сейчас в этом нет ничего необычного, но в те годы хоть давно уже началась горбачевская перестройка, эти книги были первопроходцами в этой теме.

Литераторы, к которым я обращался, присылали свои стихи, адреса коллег, у которых были стихи о моих героях. И все же многие не верили, что проект осуществится. Если в Москве не решились на такое, вряд ли в Одессе… Тем трогательнее звучали письма, когда авторы получили по своему авторскому экземпляру.

Взял десятка два этих писем, подумал, как их расположить. Вроде нужно было бы их начинать с Евгения Борисовича Пастернака, Давида Самойлова… А потом я подумал, как в книгах стихи шли в алфавитном порядке фамилий авторов, так и эти письма от поэтов, от замечательного ленинградского художника Бориса Семенова следует дать не по «рангам», а по алфавиту. Это и демократичнее, и точнее отразит сам характер работы над этими двумя сборниками, уже давно ставшими библиографической редкостью.

Признаюсь, был огорчен, что нехотя обидел родившегося в Одессе ленинградского поэта Всеволода Азарова, мы просто с Л. Сауленко не нашли его стихи. Его письмо – по алфавиту – начинает эту подборку. Но в дальнейшем мы поддерживали с Всеволодом Борисовичем самые дружеские отношения, не раз публиковали его воспоминания и стихи.

---

* Продолжение. Начало в кн. 60.

28.VI.89

Дорогой Евгений Михайлович!

Премного Вам благодарен за ценные подношения.

«Венок» я видел в руках Ирины Николаевны Пуниной. Ей преподнесла Ваш соавтор Сауленко.

Я, в свою очередь, показал Льву Озерову, ему приятно, что участвует, будет, возможно, Вам писать.

Книжка добрая, Голлербах у меня тоже есть.

Жалко, что Вы не включили мои «Между сосен». Есть еще «Дача, где жила Ахматова», но это дорого мне по-особому. Ведь в нем Ахматова, юг, Херсонес. Стихи печатались трижды в книгах, в последний раз в «Избранном» в Худлите. Уж кто-кто, а Вы должны были знать… Не хочу думать о предвзятости, в одесской книге эти стихи были бы особенно уместны.

Читали ли Вы в «Лит. обозрении», кажется, № 2 за 89 год, статью «Не надо списков» о Багрицком и Бабеле, полемика с «Юностью», обвинившей Багрицкого в смертных грехах.

Если не читали, сделайте это обязательно.

Только что позвонил Ирине Николаевне, которая сообщила для Вас адрес Льва Николаевича (Гумилева. – **Е. Г.**) – Ленинград, Большая Московская, дом 4, квартира 9.

Будет хорошо, если Вы пришлете мне пару №№ газеты с моей статьей, один я передам Пуниным, а один, пожалуйста, направьте в Хмельницкую область, г. Дережня, Октябрьская улица, дом 8, квартира №..., Любови Федоровне Теленко для музея А.А. Ахматовой в Слободке-Шелеховской. Если Вы посылали туда корреспондента на открытие, пошлите фото и статью. Это письмо пишу на программе чтений, она будет Вам тоже интересна.

Публикацию стихов Виктора Владиславовича Ковальского ждем и даже очень. А как движется дело с юбилейным одесским сборником? Привет Вашему дому.

С.В. Ботвинник присоединяется к моим словам. Авось еще нагрянем. На конверте памятный штемпель Выры.

Ваш В.С. Азаров.

Милый Евгений Михайлович!

Спасибо за «Венок», куда Вы вплели и две мои веточки.

Книжка получилась очень интересная, достойная, серьезная, и оформлена хорошо.

Удивляет тираж. И сто, и двести тысяч разлетелись бы в один миг.

От души поздравляю с этим Вашим трудом – длительным и внимательным.

В результате он останется не только у читателей (как действительно библиографическая редкость), но и во всех последующих справочниках по этой теме.

Всего Вам доброго!
Ваш К. Ваншенкин.
5.7.89

Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Огромное Вам спасибо за столь для меня неожиданный и столь прекрасный – двойной подарок: саму книгу (1) и публикацию моих стихотворений (2).

В наше время такие неожиданности помогают не впасть в уныние (хотя я и не впадаю). СПАСИБО!

Всех Вам благ! Храни Господь!

Наталия Ивановна Карпова

Дорогой Евгений Михайлович!

Спасибо за книгу, я получил ее уже давно, но затем у меня затерялся конверт с Вашим адресом – и лишь сегодня нашелся в ворохе бумаг.

Пользуясь случаем, поздравляю Вас с приближающимся Новым годом.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Кушнер

16.XII.1990

Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

На днях мы вернулись из Израиля, где пробыли три недели, знакомясь с изумительной страной и выступая с чтением своих стихов, и застали дома «Венок Пастернаку». Книга составлена любовно, со знанием дела. Инна Львовна и я благодарим Вас за включение в книгу наших вещей.

Конечно, я помню, как мы познакомились с Вами где-то на одной из новых улиц. Я думаю о том, что на исходе жизни (мне в будущем году 80) надо бы побывать в Одессе, пройтись по милому, незабываемому городу.

Желаю Вам в приближающемся Новом году бодрости и радости. Инна Львовна Вам кланяется.

Ваш С. Липкин.

2.VII.1989

Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Произошло чудо передачи мысли на расстоянии. Приезжаю из Питера в Москву и застаю на столе Вашу бандероль – книгу (одну из двух), о которой просил Вас в письме из Ленинграда. Большое спасибо!

Книга ценная, и я рад, что она у меня теперь есть. Буду показывать ее ахматоведам и ахматолюбам с осторожностью, т. к., чего доброго, позавидуют!

Остаюсь Вашим должником.

Дудин сказал мне, что очень доволен ахматовским праздником в Одессе, и хвалил его на все лады.

Моя «ахматовка» началась год назад. Уйма времени и сил потрачено на это. За все надо расплачиваться – даже за любовь к поэту. Предметом гордости моей является то, что я Ей говорил в труднейшую пору при жизни слова поддержки и писал о ней в пору, когда это было почти невозможно.

Всего доброго.

Лев Озеров.

В «Кн. обозрении» № 26, от 30 июня, сообщение о выходе «Венка Ахматовой».

Дорогой Евгений Михайлович!

Прочитал в «Книжном обозрении» весть о том, что «Венок Пастернаку» вышел.

Жив курилка! – думаю. Благо.

Послал запрос в Одессу (Центр. кн. маг., отдел «Книга – почтой»).

Через два часа – Ваша бандероль.

Спасибо.

Первое прочтение принесло радость.

Разнообразно и содержательно. И – достаточно полно. Спасибо за Вашу работу + настойчивость.

В октябре (15-го) лечу в США – в Стэнфордском университете будет пастернаковская конференция.

Взмахну Вашей рыжей книжицей.

Локшиной и Широкову передам. Уже звонил по телефону.

Рады.

Будьте счастливы! Ваш Лев Озеров

Уважаемый Евгений Михайлович!

Спасибо за прекрасный сборник. Состав внушительный. Многого я не знал.

Жаль только, что тираж столь мизерный.

Это разошлось бы и в сто тысяч, и больше.

Да и Одессе больше бы досталось.

Сетовать на глупость властей уже надоело. Да и у книжки зато сразу же образуется судьба библиографической редкости.

Наживутся книжные жуки.

Еще раз спасибо.

Всего Вам доброго.

Ваш Д. Самойлов.
9.07.89

Дорогой Евгений Михайлович!

Спасибо за «Венок Ахматовой», получился, на мой взгляд, интереснейший сборник. Хотя… есть там и не ахти какие стихи.

Ну, что ж, Вам-то виднее.

Спасибо, спасибо, привет Вашей дочурке (а также милейшему Вайнерелли – я ведь 10 дней назад прибыл сюда из Венеции).

Но об этом потом. Отдельно.

Обнимаю, желаю здоровья и удачи.

Ваш Бор. Семенов.

(В Италии жил целый месяц у друзей своих.)

Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Большое Вам спасибо за экземпляры хорошего сборника, посвященного памяти Бориса Пастернака.

Простите, что отвечаю с опозданием, меня некоторое время не было в Москве.

С искренним уважением Е. Пастернак.
14.XI.90 г.

25 окт.1990 г.

Уважаемый Евгений Михайлович! (так ли Ваше имя и отчество?)

Благодарю за прекрасно изданную книгу – «Венок Пастернаку». Вы сделали очень важное и доброе дело. Жаль, что мое стихотворение «И я молчал» не вошло в эту книжку. Предложите эту книгу Москве.

С уважением Марк Лисянский.

Уважаемый Е.М. Голубовский!

Благодарю за внимание неожиданное и приятное: мало кто знает, что я родился в Одессе и парадоксально! – никогда в ней не концертировал. Надеюсь, что мой ответ не подводит итога заочному знакомству.

Мой телефон 279-14-17, адрес верный.

Всего хорошего Вашему издательству.

Вл. Рецептер
27 сент. 90 г. Л-д

Москва 24 июня 1989

Дорогой Евгений Михайлович!

Ваш подарок подоспел как раз к празднику! Вчера вечером принесли мне бандероль!

Целый день я «праздновала» день рождения Ахматовой – читала ее стихи. За стекло книжного шкафа поставила ее портрет работы Петрова-Водкина. А тут пришли Ваши книжки. Весь вечер до полуночи перелистывала «Венок Ахматовой» и смотрела передачи о ней – по ленинградской программе – документальный фильм «Реквием», в котором снят Лев Николаевич и всё

по Ленинграду, связанное с нею, а потом – по Образовательной программе – была большая, тоже документальная передача, которую вел Лев Шилов.

Последний месяц был для меня очень тяжелым – утрата за утратой: 24 мая скончалась Елена Благинина, с которой я дружила более полувека – с 1933 года… Она была верным другом – помогала нам, когда мы были в ссылке, когда – в 1939 году – вернулись из ссылки и жить было негде, жили у нее в коммунальной квартире, а когда меня арестовали, она постоянно помогала моей маме и дочке.

2 мая умер Вениамин Александрович Каверин, с которым я дружила с 1946 года. Это был благороднейший и отважный человек, – сколько людей получали от него помощь! Как он решительно порвал с друзьями молодости, когда они стали вести себя недостойно – с Катаевым и Фединым… В прошлом году летом мы целый месяц жили вместе в Прибалтике – читали, гуляли…

27 мая скончался мой дорогой друг Арсений Александрович Тарковский. Смерть сына буквально подкосила его… Я постоянно читаю его стихи – семь книг, подаренных им, и еще пластинка, где он сам читает свои стихи. И мне все кажется, что он говорит со мной.

А 4 июня – умер Камил Икрамов, добрый человек, тяжкой судьбы, но хоть увидел начало своей главной книги в печати в ж. «Знамя» № 6, а писал он эту книгу об отце более 30 лет…

Все они были талантливы, добры, благородны!

Книга «Венок Ахматовой» превосходна!

Очень хорошо составлена, прекрасно оформлена!

Благодарю, благодарю.

Хочу внести свою долю в Вашу работу. Я очень люблю стихи Марии Петровых (1908-1979), я знала ее немного. Это был настоящий поэт! И Анна Андреевна любила ее. Мария Петровых посвятила своему другу два прекрасных стихотворения. Они достойно могли бы украсить Вашу книгу. Но она была чрезвычайно скромна и застенчива, печаталась мало.

Я храню ее книгу, выпущенную друзьями после кончины поэта, в которую вошли и ее стихи, и воспоминания о ней, и ее переводы.

Книга – «Черта горизонта» – вышла в 1986 году в Ереване.
На стр. 90 напечатаны стихи с посвящением – «Анне Ахматовой».

День изо дня и год из года
Твоя жестокая судьба
Была судьбой всего народа.
Твой дивный дар, твоя волшба
Бессильны были бы иначе.
Но ты и слышащей, и зрячей
Прошла сквозь чащу мертвых лир,
И Тютчев говорит впервые:
Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

1962. Комарово

А на стр. 91 напечатаны первые четыре строки из другого ее стихотворения, также с посвящением «Анне Ахматовой», а семь следующих строк на стр. 92.

Анне Ахматовой

Ты сама себе держава,
Ты сама себе закон,
Ты на все имеешь право,
Ни за кем нейдешь вдогон.

Прозорлива и горда
И чужда любых иллюзий…
Лишь твоей могучей музе
По плечу твоя беда,
И – наследственный гербовник –
Царскосельский твой шиповник
Не увянет никогда.

1963

Не помню, кто вчера в какой передаче по телевидению сказал, что, вероятно, одно из изданий четок было выпущено в Одессе…

Еще и еще благодарю Вас за чудесный подарок.

Крепко жму руку. Желаю радости.

Ваша Евгения Таратута.

Многоуважаемый Е.М. Голубовский!

Долго вертел Ваш конверт в руках: с Одессой дел иметь не приходилось. Огромное спасибо за книгу. Хорошее издание. Кстати, там есть два стихотворения Е. Куниной. Она хорошо знала Пастернака, ей сейчас под 90. Думаю, она была бы очень рада тоже получить эту книгу, но у Вас, вероятно, нет ее адреса. Вот он: 107082, Москва, Бакунинская улица, д. 43/55, кв. 71, Евгения Филипповна Кунина. Еще раз спасибо.

Жму руку,

Ваш Герман Плисецкий.
Химки, 3 окт. 90

Уважаемый Евгений… (отчество Ваше, увы, нигде не указано), что, однако, не снижает моего почтительного отношения к Вам и к Вашему прекрасному начинанию.

Спасибо за отлично составленную и любовно изданную книжку «Венок Пастернаку». Листаю мелованные страницы и радуюсь этому собранию посвящений. Многие из стихотворений, помещенных в книге, я знал и раньше, но собранные вместе они особо впечатляют.

Одесса опять опередила всех – недаром этот славный город подарил России родителей поэта! В Москве еще не расстарались собрать поэтические строки, обращенные к Борису Леонидовичу, а Вы уже это сделали. Убежден, что эта книжка будет переиздаваться и пополняться – ведь многое еще будет написано.

Жаль только, что нынешний тираж всего 15.000 экз. – сборник сразу же станет библиографической редкостью

Тем более спасибо Вам, что Вы хоть авторов одарили этим раритетом. Как говорится, дирекция не щадит затрат. И хотя одесситы не привыкли мелочиться, мы все Ваши должники.

Желаю Вам новых добрых свершений и сердечно приветствую.

Я. Хелемский. 14.X.90

Естественно, газеты публиковали много стихов и прозы – и «Комсомольская искра», и «Вечерняя Одесса». Чаще всего авторы присылали не рукописи, машинописи (компьютеров еще не было), машинописи сдавались секретариат и потом уходили в недра редакционных архивов. Но были случаи, когда авторы присылали рукописи, тогда приходилось их перепечатывать, а оригинал можно было сохранить у себя.

Белла Ахмадулина прислала стихи, напечатанные на машинке, но записку, написанную от руки. Овсей Дриз прислал свои стихи в переводе Генриха Сапгира, но сделал правки в машинописи, а после текста добавил от руки приписку для редакции.

Несколько часов провел в редакции «Комсомольской искры» Марк Соболь, поэт, сын замечательного прозаика Андрея Соболя. Мы уговаривали его дать для газеты рассказы отца, покончившего с собой в Москве в 1926 году.

– Не время, – отвечал Марк Соболь. – Собрание сочинений отца выходило в трех томах. Надеюсь, что переопубликуют его «Салон-вагон».

Марк, прошедший войну, оставил нам свое стихотворение 1945 года.

Забавная записка сохранилась от Александра Яшина. Оставив стихи, он забыл написать свой адрес. И прислал его мне (для гонорара) несколько позже.

Иногда присылали стихи, словно дополняя то, что мы публиковали. Так, после выхода книги стихов Анатолия Фиолетова «О лошадях простого звания» прислали не опубликованное стихотворение «Зое», после книги «Облако» Юрия Олеши, а эти сборники стихов готовил я, прислали затерявшееся в газете стихотворение «Зима» и, наконец, после публикации нами стихов Г. Шенгели пришел еще ряд произведений, до сих пор не опубликованных.

Записка от руки Беллы Ахмадулиной предваряла ряд машинописных страниц с ее стихами.

Прошу читателей «Вечерней Одессы» принять мой чистосердечный привет и пожелание радости!

Белла Ахмадулина

Приехав в Одессу из Киева, зашел в редакцию замечательный русский поэт.

Николай Ушаков

Дождь и солнце

Дождь и солнце… Как поймешь их,
Как постигнешь смену их…
Сколько девушек хороших
Ходят в черных макинтошах,
Вдруг от неба голубых.

Этой – глупенькой, неловкой –
Выпал (да какой!) успех,
А вот эта философка
Стала дурочкой при всех.

Что наделал светлый лучик,
Павший между туч с высот!
Как он мучает,
Как учит, как загадки задает!

Константина Ваншенкина привела в редакцию его жена, поэт и прозаик Инна Гофф. Разговаривали несколько часов. Дело в том, что отец Инны Гофф был близким другом Юрия Олеши – Филипп Гопп. Инна обещала прислать записки отца, а Ваншенкин тут же записал одно из новых стихотворений.

Константин Ваншенкин

Фонтан осенью

Уже стояла осень в городке,
Листва с ветвей валилась неустанно,
И вяло колыхалось вдалеке
Холодное растение фонтана.

Он был здесь всем и каждому знаком,
Он летом пел, но осенью суровой
Казался ломким высохшим цветком
С прозрачно-серебристою основой.

Он шелестел, шуршал, а впереди,
Питаемые облачной рваниной,
Предполагались долгие дожди
Над этой нескончаемой равниной.

Еврейского поэта Овсея Дриза мы знали как детского поэта. Но писал он и для взрослых. Как-то Генрих Сапгир прислал свои переводы. На четвертом листе после машинописи стихов был и автограф поэта – разрешение на публикацию.

Овсей Дриз

В дороге

Промелькнула река,
Я спешу зачерпнуть
Горсть холодной воды
Из реки, которой уже нет.

Промелькнула тропа, изба.
Я бегу по тропе,
Которой уже нет,
К избе,
Которой уже нет.

Промелькнула сирень,
Промелькнула девушка,
Я срываю лиловую кисть,
Которой уже нет,
И бросаю девушке,
Которой уже нет.

А поезд все мчится, мчится.
И… в туннель.
И меня уже нет.

Перевел с еврейского Г. Сапгир

Не возражаю против опубликования в газете «Комсомольская искра» гор. Одессы моих стихов

1. Вино
2. Палка
3. Воздушный шарик
4. В дороге

Овсей Дриз 26/VII.66 г. Москва

Это стихотворение Марка Соболя из военных, но он любил его и попросил, чтоб именно эти стихи были опубликованы в Одессе, где его отец Андрей Соболь написал свою лучшую повесть «Салон-вагон»

Марк Соболь

Девушка любила капитана…
Что такое?
Рано, братцы, рано!
Мы стоим средь вражеского стана –
нам не до любовной чепухи!
Виноват…
И все же, как ни странно,
девушка
любила капитана.
Это
начинаются
стихи.
Облачко взорвавшейся шрапнели,
В рощице березовой – бои…
Девушка любила.
И не пели
ей классические соловьи.

У крутого времени во власти,
ненавистью горькою полна,
верила в товарищество,
в счастье –
в добрые понятия она.
Девушка…
Шумят под ветром ветлы…
Вот – невеста.
Вот – жена и мать.
Я не знаю только, доживет ли,
будет ли ребенка пеленать.
Но идя из времени былого
к вам, родные, к завтрашнему дню,
я своим сейчас рожденным словом
девушку от пули заслоню.
И для вас вовеки будут святы
в белизне отметин снеговых
матери годов шестидесятых,
воевавшие в сороковых.
Их война на верность испытала,
в День Победы грянет им салют!..
Девушка
любила
капитана –
соловьи свое еще споют!

1945 г.

Марк Соболь

Непременным гостем одесских «Юморин» был тогда еще не правдоруб, но поэт Игорь Иртеньев.

Игорь Иртеньев

Дружно катятся года
С песнями под горку,
Жизнь проходит, господа,
Как оно ни горько.

Елки-палки, лес густой,
Трюфели-опята,
Был я раньше мен крутой,
Вышел весь куда-то.

Ноу смокинг, ноу фрак,
Даже хау ноу,
У меня один пиджак,
Да и тот хреновый.

Нету денег, нету баб,
Кончилась халява,
То канава, то ухаб,
То опять канава.

Пыльной грудою в углу
Свалена посуда,
Ходит муха по столу,
Топает, паскуда.

На гвозде висит Ватто,
Подлинник, к тому же,
На Ватто висит пальто,
Рукава наружу.

У дороги две ветлы,
Вдоль дороги просо,
Девки спрыгнули с иглы,
Сели на колеса.

Не ходите, девки, в лес
По ночам без мамки,
Наберете лишний вес,
Попадете в дамки.

Не ходите с козырей,
Не ходите в баню,

Ты еврей и я еврей,
Оба мы цыгане.

1992

Чувашский поэт, писавший на русском, продолжавший традиции русских футуристов Геннадий Айги переписывался в Одессе с племянницей Алексея Крученых – Ольгой Крученых. Сегодня Айги воспринимается многими как классик, наравне с И. Бродским, но продолжателем иных путей в литературе.

Геннадий Айги

Во время болезни друга

Будто приснился Бог – и вот
вспоминается
складываясь в забытое в̀иденье
(то распадаясь, то вновь начинаясь)
из снега на давних холмах
и дорогах
из детских одеждоговорений
из лиц зверей из улыбки-и-плача –
рядом – у порога друзей:
вас – дорогих: о, живопись, жизнь,
недавнее-невыразимое
(прекрасное как обед бедняков)

Геннадий Айги: о живописи Леонарда Данильцева, 1996

Это стихотворение Георгия Шенгели о Лермонтове подарила редакции его вдова поэт Нина Манухина.

Георгий Шенгели

Он просиял над родиной унылой,
Резцом алмазным несравненной прозы
Эпохе начертал он приговор.
И в страшный день, когда глупец надутый

Ему пробил пылающее сердце, –
Когда рыдала над далеким телом
Опять осиротевшая страна, –
Другой глупец потер палачьи лапы
И со злорадством пробурчал: «…собаке
Собачья смерть».
Почти сто лет прошло;
Палач лежит в распахнутом сарае
Собора – экскурсантам на погляд
Презренную гробницу подставляя;
Убийца стерт из памяти людской,
Оставя имя кличкой непотребной,
А он, певец, – мильонам друг и брат, –
Живет в нетленных песнях и поныне,
С томленьем и любовью мы глядим,
Как – там – по синим вòлнам океана –
Его, навек загадочной, ладьи
Белеет парус одинокий.

1939 г.

Оригинал найден и прочитан впервые 9 апреля 1967 года.

Принесено читателем книжки стихов Юрия Олеши «Облако» как не учтенное мной, составителем.

Олеша Юрий

Я целый день брожу по городу…
Он белый, инеем покрыт –
Январь серебряную бороду
Развеял по небу и спит…
Под вечер встанет над туманами
Из старой сказки Рубецаль
И даль с чертогами стеклянными
Окрасит в синюю эмаль…
Потом рассыплет гололедица
По тротуарам серебро,
И месяц в холоде засветится

Печально-белый, как Пьеро!
Пускай туман над морем стелется,
Я храм воздвиг среди снегов,
И даже злобная метелица
Не заметет к нему следов!

(Мал. Од. листок. 1917. 6 янв.)

И вновь Георгий Шенгели. Стихи о гражданской войне. Подарок первого директора Литмузея Никиты Брыгина.

Георгий Шенгели

На фронте бред. В бригадах по сту сабель.
Мороз. Патронов мало. Фуража
И хлеба нет. Противник жмет. Дрожа,
О пополнениях взывает кабель.

Здесь тоже бред. О смертных рангах табель:
Сыпняк, брюшняк, возвратный. Смрад и ржа.
Шалеют доктора и сторожа,
И мертвецы – за штабелями штабель.

А фельдшера – лишь выйдет – у ворот
Уже три дня как баба стережет,
И на лице – решимость, тупость, мука:

«Да ты ж пойми! По-доброму прошу!
Ведь мужа моего отбила, сука!
Сыпнячную продай, родимый, вшу!»

1932

А это стихотворение принесла в редакцию старая одесситка. В 1914 году ей в альбом записал его начинающий поэт Анатолий Фиолетов.

Анатолий Фиолетов

Зое

Танцевала, улыбалась
И плыла, блестя глазами,
Исчезала, появлялась,
Вновь глядела, вновь смеялась
Розоватыми губами, а
Затем, устав, бросала
Конфетти рукою нежной,
Шаловливо осыпала, и
Горели щеки ало, как
Закат в равнине снежной.
И тогда… бал покорился
Зое светлой и прекрасной,
Как богине ей молился,
И, клянусь, я сам пленился
Шейкой бледной и прекрасной.

Думаю, что в 62-м альманахе я завершу публикацию старых писем. Впереди письма от литераторов, художников, краеведов, связанных с историей нашего города, с их творческими пересечениями с Одессой.

Анатолий Глущак

«Люди пишут, а время – стирает...»

Люди, конечно, разные. Об одном скажешь homo sapiens. Немало среди нас homo faber (помните одноименный роман Макса Фриша?). В Одессе рождаются homo ludibundus (умеющие играя шутить). Полатыни – и пишущий в древности на глиняных табличках или на папирусе, а также Гомер – скрипторы. То есть homo skribens.

Давний переписчик рукописей счел нужным оставить свою ремарку: «Мнится, писание легкое дело: пишут два перста, а болит все тело…». Да, писцы держали оструганную палочку или очиненное гусиное перо двумя пальцами – так было удобнее. Карандаш и круглая ручка «подключили» третий палец. Сегодня на клавиатуре компьютера бегают пальцы обеих рук. Но… «мнится, писание дело легкое»?

Вчитаемся в небольшое стихотворение Владимира Гоцуленко.

* * *

Вот дерево отпрянуло назад,
как пулей остановленный солдат.
Вот срез ствола, похожий на мишень.
В нем кольца – годы.
А в итоге – пень.

Пень невысок.
На нем сидеть удобно
и можно рассмотреть мишень подробно.
Удобно отдохнуть и помечтать.
Перекурить.
И сызнова начать…

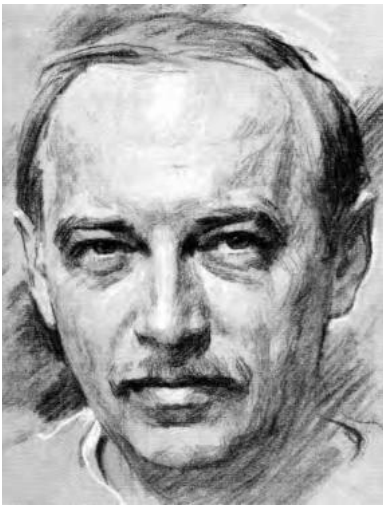
Так ли безмятежна философия вышеприведенных строк? И кто тут действующее лицо? Лесоруб? Наемник? Писатель, вновь переживающий драматический парадокс: чтобы вышла его книга, должно погибнуть дерево. Наконец, кто бы мог предсказать, что это стихотворение напишет выпускник Киевского технологического института пищевой промышленности? Ведь Гоцуленко мог стать, скажем, директором Одесского сокового завода, главным инженером успешного работавшего в 70–80-е годы прошлого века завода «Продмаш». Впрочем, полученные в институте знания Владимир успешно применял в журналистике, когда возглавлял отдел экономики в газете «Вечерняя Одесса», выходившей шесть раз в неделю, а также на посту редактора зональной газеты «Комсомольська іскра».

Володя Гоцуленко не выглядел белой вороной в редакционных коллективах. В 60-е годы через горнила «Комсомольского племени» и «Комсомольської іскри» прошли выпускники нескольких одесских институтов – медицинского, инженеров морского флота, политехнического, а также филологи из госуниверситета им. Мечникова. Ерванд Григорянц, став в пору хрущевской оттепели редактором «Комсомольского племени», обновлял коллектив за счет внештатников, недавних студентов. И в «Комсомольській іскрі», созданной в пору приснопамятных совнархозов на базе четырех молодежных газет Одессы, Николаева, Херсона и Крыма, творческий состав также формировался не из выпускников журналистских факультетов Киева и Львова.

Через какой-то десяток лет эти «непрофильные» газетчики будут на слуху не только в Одессе. Мастерами журналистики стали Евгений Голубовский, Владимир Гоцуленко, Борис Деревянко, Феликс Кохрихт, Юлий Мазур, Юрий Михайлик, Борис Нечерда, Виталий Орленко, Богдан Сушинский, Рудольф Феденев. Большинство из этой когорты заняли редакторские посты, а Деревянко, Голубовский, Кохрихт возглавили вновь созданные периодические издания. С большинством из коллег и мне пришлось трудиться плечом к плечу. Восьмерых из нас приняли в Союз писателей.

Свидетельствую: командная работа в газетах и издательствах наращивала умение «разгрызть тему», написать материал в срок – вовсе не мешали нам стараться и на поприще поэзии или прозы (Феденев стал еще и драматургом). Борис Нечерда играючи сочинял стихотворные репортажи на полную газетную страничку. Он уже в 1963 году выпустил

первый сборник стихов, через год – второй, что и стало пропуском в Союз писателей. Остальные продержались в журналистике значительно дольше.

Владимир Гоцуленко. Графический портрет

Книжный дебют Гоцуленко состоялся, считай, десятилетием позже Нечерды – сказалась загруженность в газете. Но зато поэтического первенца Володи благословлял киевлянин Леонид Вышеславский, чей сборник «Звездных сонетов» на космическом уровне прорекламировал Юрий Гагарин. После третьей книжки «Ромашковая улица» (таковая есть в Одессе по сегодня) Гоцуленко уезжает в Киев. Работает в журналах «Барвінок» и «Ранок», главным редактором издательства «Молодь». Кстати, именно в «Молоді» увидела свет единственная книжка прозы Бориса Нечерды. Издательство тогда «раскошелилось» – приключенческий роман «Смерть кур'єра» увидел свет тиражом 115 тысяч экземпляров. Автор получил солидный гонорар: по словам другого литератора – «у поета гроші завелись». Но большая часть гонорара вскоре «сгорела» на сберкнижке.

Припоминаю, что в одном толстом киевском журнале отказались печатать мою подборку стихов – «замало оптимізму». Я отправил эту подборку в «Ранок» – и Гоцуленко опубликовал ее в журнале полностью, хотя молодежный журнал также должен был требовать «оптимизма».

К сожалению, одесская писательская организация ревниво отнеслась к творческим и карьерным успехам недавнего земляка. В антологическом сборнике «Одеське літературне віче» произведениям Владимира не нашлось места…

С каждой книжкой рос профессионализм Владимира Николаевича, расширялись горизонты его творчества. Особо стоит отметить два пушкинских сборника Гоцуленко, увидевших свет вначале в Киеве, а затем в Москве. Эти книги были отмечены Пушкинской медалью. В сотрудничестве с композитором Владимиром Быстриковым написал ряд романсов,

которые исполнял Николай Караченцов. Эти трое выпустили несколько компакт-дисков, для людей, понимающих созданное духом и талантом.

23 марта жизненный путь Владимира Николаевича Гоцуленко оборвала тяжелая болезнь.

Один поэт написал: «Люди пишут, а время – стирает…». Верится, что не все книги и песни, созданные выходцами из редакций нашей юности – «Комсомольского племени» и «Комсомольської іскри» – подвластны времени.

Владимир Гоцуленко

Прощание с Одессой

Из цикла «Дорога к Пушкину»

…На прогоны к месту назначения по числу 1621,
на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.

Из донесения одесского градоначальника
графа Гурьева графу Воронцову
22 июля 1824 г.

* * *

Теплое море,
волны – как строчки.
Музыка лета –
тихий прибой.
Синие дали.
Синие очи.
Синее небо.
И день голубой.

Полдень в Одессе.
Снова цыганки
страстно и искренне лгут наугад.
И золотые царской чеканки
в смуглых ладонях, как угли, горят.

Славно гадают!
Пушкин хохочет –
он не в накладе, доволен вполне.
Все, что желаешь, вмиг напророчат,
счастье любое –
по сходной цене.

Книги увязаны.
Собраны вещи.
Сборы привычны и коротки.
Грустно прощаться,
тем паче навечно –
ведь расстояния так велики…

Жаркое лето.
Черные ночи.
Жгучие ветры.
Белый прибой.
Черная шаль
и черные очи.
И саранча над тревожной судьбой.

Трудно представить –
как бесконечна
эта дорога в опальные дни…
Черное море…
Черная речка…
Черные кони…
– Ну, с Богом. Гони!..

Зимняя фантазия

Империя в развалинах снегов.
Мороз и тьма. Уже не до стихов –
ничего не светит…
Родиться здесь с талантом и душой

черт догадал – он выдумщик большой
на шутки эти!

Жить, за собой не чувствуя вины,
в кошмарные проваливаться сны
и жаждать воли!
Мучительно обдумывать побег
и проклинать судьбу и этот снег,
снег цвета боли…

А ночь царит. Ну, подойди к окну,
зажги свечу и высмотри луну
над белой речкой.
Пурга метет, метет во все концы.
И вдруг услышишь сердцем бубенцы,
и дрогнет свечка…

С тобою Бог. Пора! Скорее в путь,
чтоб вырваться уже куда-нибудь,
где даль свободна!
Невмоготу – империя, прощай!
Во Францию, в Италию, в Китай –
куда угодно!..

…Держава снегопадов велика
настолько, что испустишь дух, пока
рассвет нагрянет.
И все равно – не преклонять колен!
Упрямо ждать счастливых перемен
и жить – на грани…

Покажется: не стоит ни гроша
все то, что раздираема душа –
стихи, не боле.
Но вновь собьются мысли на побег,
и вновь клянешь судьбу и этот снег,
снег цвета боли…

Загадка Пушкина

Берем у Пушкина уроки.
Учитель строг:
он не красивостью рифмовки –
глаголом жег!

Как он успел сказать такое
через века,
что в нас, не ведая покоя,
болит строка?!

Как он сумел всех нас прославить,
а у реки
не точку –
жизнь свою поставить
в конце строки?!

* * *

Как жизнь коротка!
Но откуда же эта беспечность –
по кругу бежать
или пить непременно до дна,
спиной ощущая,
что вечность, проклятая вечность
кого-то из нас
сторожит у ночного окна…

* * *

Грачи Саврасова в Саврани
у кромки вспаханной земли
проводят громкое собрание
насчет превратностей зимы.

Не разобраться в этом доме,
но сердцу, право, веселей.
Вот потянулись за плугами
опять
гекзаметры полей.

Сосульки бьются, как стаканы,
над головой – голубизна.
Грачи Саврасова в Саврани.
Взорвался лед в реке.
Весна!

* * *

Я верил. Я любил. И правила игры,
предложенные мне, я соблюдал.
И все же
не нужен никому. И толком не пойму:
как вышло так,
что я еще и должен?..

Обсерватория души

Рассвет:
греши иль не греши –
итог один. Вот что обидно.
Обсерватория души:
светло вокруг, а звезд не видно…

Закат.
В таинственной тиши
нас озарит догадкой поздней
обсерватория души:
темно вокруг; но видны звезды…

Одесский сюжет

Ромашковая улица в Одессе.
Мы молоды. У нас еще любовь,
и комната восьми квадратных метров,
и белая черешня под окном…

Представить трудно – как тебя любил я!
Смеялась ты в открытое окно,
а в нем пчела гудела золотая,
и к морю устремлялся поворот.

Какими мы бессовестными были,
что счастье расточали, как могли.
Все это может подтвердить художник –
наш друг, сосед по дому и судьбе.

Казалось – все!
Казалось, что навеки!
Да, Господи, ведь так оно и есть,
Ромашковая улица в Одессе.
Мы молоды. У нас еще любовь…

* * *

Дай Бог нам пережить свои желанья
и горечи безвременных утрат.
И если можно жить без состраданья,
то как без состраданья умирать?

Дай Бог простить, хотя бы в час прозренья,
обиды все, гнетущие давно.
Да, можно жизнь прожить и без прощенья,
но без прощенья умереть грешно.

Хоть знаю я: на стыке тьмы и света,
где места нет ни горю, ни любви,
не отыскать последнего ответа –
зачем случились жизнь и смерть мои…

2003

которые исполнял Николай Караченцов. Эти трое выпустили несколько компакт-дисков, для людей, понимающих созданное духом и талантом.

23 марта жизненный путь Владимира Николаевича Гоцуленко оборвала тяжелая болезнь.

Один поэт написал: «Люди пишут, а время – стирает…». Верится, что не все книги и песни, созданные выходцами из редакций нашей юности – «Комсомольского племени» и «Комсомольської іскри» – подвластны времени.

Владимир Гоцуленко

Прощание с Одессой

Из цикла «Дорога к Пушкину»

…На прогоны к месту назначения по числу 1621,
на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.

Из донесения одесского градоначальника
графа Гурьева графу Воронцову
22 июля 1824 г.

* * *

Теплое море,
волны – как строчки.
Музыка лета –
тихий прибой.
Синие дали.
Синие очи.
Синее небо.
И день голубой.

Полдень в Одессе.
Снова цыганки
страстно и искренне лгут наугад.
И золотые царской чеканки
в смуглых ладонях, как угли, горят.

Славно гадают!
Пушкин хохочет –
он не в накладе, доволен вполне.
Все, что желаешь, вмиг напророчат,
счастье любое –
по сходной цене.

Книги увязаны.
Собраны вещи.
Сборы привычны и коротки.
Грустно прощаться,
тем паче навечно –
ведь расстояния так велики…

Жаркое лето.
Черные ночи.
Жгучие ветры.
Белый прибой.
Черная шаль
и черные очи.
И саранча над тревожной судьбой.

Трудно представить –
как бесконечна
эта дорога в опальные дни…
Черное море…
Черная речка…
Черные кони…
– Ну, с Богом. Гони!..

Зимняя фантазия

Империя в развалинах снегов.
Мороз и тьма. Уже не до стихов –
ничего не светит…
Родиться здесь с талантом и душой

черт догадал – он выдумщик большой
на шутки эти!

Жить, за собой не чувствуя вины,
в кошмарные проваливаться сны
и жаждать воли!
Мучительно обдумывать побег
и проклинать судьбу и этот снег,
снег цвета боли…

А ночь царит. Ну, подойди к окну,
зажги свечу и высмотри луну
над белой речкой.
Пурга метет, метет во все концы.
И вдруг услышишь сердцем бубенцы,
и дрогнет свечка…

С тобою Бог. Пора! Скорее в путь,
чтоб вырваться уже куда-нибудь,
где даль свободна!
Невмоготу – империя, прощай!
Во Францию, в Италию, в Китай –
куда угодно!..

…Держава снегопадов велика
настолько, что испустишь дух, пока
рассвет нагрянет.
И все равно – не преклонять колен!
Упрямо ждать счастливых перемен
и жить – на грани…

Покажется: не стоит ни гроша
все то, что раздираема душа –
стихи, не боле.
Но вновь собьются мысли на побег,
и вновь клянешь судьбу и этот снег,
снег цвета боли…

Загадка Пушкина

Берем у Пушкина уроки.
Учитель строг:
он не красивостью рифмовки –
глаголом жег!

Как он успел сказать такое
через века,
что в нас, не ведая покоя,
болит строка?!

Как он сумел всех нас прославить,
а у реки
не точку –
жизнь свою поставить
в конце строки?!

* * *

Как жизнь коротка!
Но откуда же эта беспечность –
по кругу бежать
или пить непременно до дна,
спиной ощущая,
что вечность, проклятая вечность
кого-то из нас
сторожит у ночного окна…

* * *

Грачи Саврасова в Саврани
у кромки вспаханной земли
проводят громкое собрание
насчет превратностей зимы.

Не разобраться в этом доме,
но сердцу, право, веселей.
Вот потянулись за плугами
опять
гекзаметры полей.

Сосульки бьются, как стаканы,
над головой – голубизна.
Грачи Саврасова в Саврани.
Взорвался лед в реке.
Весна!

* * *

Я верил. Я любил. И правила игры,
предложенные мне, я соблюдал.
И все же
не нужен никому. И толком не пойму:
как вышло так,
что я еще и должен?..

Обсерватория души

Рассвет:
греши иль не греши –
итог один. Вот что обидно.
Обсерватория души:
светло вокруг, а звезд не видно…

Закат.
В таинственной тиши
нас озарит догадкой поздней
обсерватория души:
темно вокруг; но видны звезды…

Одесский сюжет

Ромашковая улица в Одессе.
Мы молоды. У нас еще любовь,
и комната восьми квадратных метров,
и белая черешня под окном…

Представить трудно – как тебя любил я!
Смеялась ты в открытое окно,
а в нем пчела гудела золотая,
и к морю устремлялся поворот.

Какими мы бессовестными были,
что счастье расточали, как могли.
Все это может подтвердить художник –
наш друг, сосед по дому и судьбе.

Казалось – все!
Казалось, что навеки!
Да, Господи, ведь так оно и есть,
Ромашковая улица в Одессе.
Мы молоды. У нас еще любовь…

* * *

Дай Бог нам пережить свои желанья
и горечи безвременных утрат.
И если можно жить без состраданья,
то как без состраданья умирать?

Дай Бог простить, хотя бы в час прозренья,
обиды все, гнетущие давно.
Да, можно жизнь прожить и без прощенья,
но без прощенья умереть грешно.

Хоть знаю я: на стыке тьмы и света,
где места нет ни горю, ни любви,
не отыскать последнего ответа –
зачем случились жизнь и смерть мои…

2003

Вадим Перельмутер

Забытая поэма Шенгели

27 апреля 1919 года Шенгели писал Волошину из Одессы: «Я работаю напряженно, перевел пьесу Клоделя «La ville», написал два учебника по стихосложению и скоро издаю трактат о стихе. Написал трагедию в стихах «Сальери», пишу еще одну»…

Перевод пьесы не найден, возможно, был сделан для постановки в каком-то из многих возникавших-исчезавших тогда театров, с ним и затерялся след. «Трактат о русском стихе» впервые опубликован в Одессе в 1921 году (два года спустя именно за эту книгу Шенгели был принят действительным членом в Государственную академию художественных наук – ГАХН). «Практическое стиховедение» (объединившее те самые «два учебника») вышло в Москве (1923) – и много раз дополнялось и переиздавалось, иногда меняя заглавие. «Еще одна» трагедия – драматическая поэма «Нечаев», изданная вскоре по завершении, опять же, в Одессе (1920).

Упоминание о «Сальери» осталось единственным – ни в одной из дальнейших «автобиблиографий» это сочинение не обозначено. Судя по этому, автор считал поэму потерянной – безвозвратно. Обнаружилась она осенью 2001 года, как водится, случайно – в архиве ИМЛИ, где фонда Шенгели нет, а «материалы» долгое время не были «расписаны по именам», пока не начался выпуск архивного каталога. Годом позже – опубликована (http://sites.utoronto.ca/tsq/01/index01.shtml). Несколько лет спустя Литературный музей купил авторскую рукопись поэмы – каким образом и когда она попала в руки «продавца», осталось неизвестным.

В авторскую машинопись книги драматических поэм кроме «Сальери» включены «Нечаев» и «Доктор Гильотен». Хранилась она, вернее, затерялась, среди бумаг Госиздата, куда, судя по штампу на титульном листе, была сдана 14 апреля 1923 года.

К той поре, когда складывалась эта книга, Шенгели написал пять драматических поэм. Три опубликовал: «Нечаев», «1871» и «Броненосец «Потемкин». Для книги отобрал лишь первую из них. Плюс две неизданных. Вероятно, думается мне, две из трех напечатанных, наиболее «революционные», и потому, казалось бы, «актуальные» в начале двадцатых годов сочинения, не вписывались в замысел книги – цикла из трех поэм. Цикла, связанного общей мыслью, которую поэт как бы испытывает в разных ситуациях и ракурсах. Мысль о высокой благородной цели, которая, по убеждению целеустремленных, способна оправдать любые средства для ее достижения.

Революционер-террорист Нечаев, чье «дело об убийстве студента Иванова» стало для Достоевского прообразом сюжета «Бесов». Из отзывов людей, знавших Нечаева, сочувствовавших цели, как Герцен или Бакунин, возникает образ едва ли не более резкий, нежели воссозданный воображением романиста. Таков он и у Шенгели.

Сальери, которого – в отличие от пушкинского – ведет не зависть, но жажда власти. Всеохватной власти поэтического слова, на овладение которой он, Сальери, истово потратил всю свою жизнь. Но тут… Моцарт, прямой потомок Орфея, само существование которого начисто лишает смысла «жажду власти», да и саму «власть».

Твердый противник смертной казни ученый-анатом Жозеф-Игнас Гильотен, искренний гуманист, предложивший в 1789 году на заседании Учредительного собрания революционной Франции – на срок, пока будет применяться эта временная высшая мера наказания, использовать для усекновения головы механизм, который хотя бы не станет причинять боли казнимому.

И дети доктора, сменившие фамилию, чтобы никому не напоминать собою об отце и гильотине (разумеется, знавший об этом предании Шенгели вычерчивает несколько иной финал – и ничуть не менее убедительный).

Можно предположить, что вместе с вышедшей годом раньше в том же издательстве книгой стихов «Раковина» «Драматические поэмы» должны были с достаточной, на взгляд автора, полнотою представить публике поэта, окончательно перебравшегося в столицу, осевшего в ней. Не получилось. Две трети книги при жизни поэта остались неизданными. Однако, по-моему, и теперь, почти век спустя, возможная после публикации поэмы о докторе Гильотене реконструкция всего шенгелевского цикла имеет смысл отнюдь не только историко-литературный…

Вадим Перельмутер

Забытая поэма Шенгели

27 апреля 1919 года Шенгели писал Волошину из Одессы: «Я работаю напряженно, перевел пьесу Клоделя «La ville», написал два учебника по стихосложению и скоро издаю трактат о стихе. Написал трагедию в стихах «Сальери», пишу еще одну»…

Перевод пьесы не найден, возможно, был сделан для постановки в каком-то из многих возникавших-исчезавших тогда театров, с ним и затерялся след. «Трактат о русском стихе» впервые опубликован в Одессе в 1921 году (два года спустя именно за эту книгу Шенгели был принят действительным членом в Государственную академию художественных наук – ГАХН). «Практическое стиховедение» (объединившее те самые «два учебника») вышло в Москве (1923) – и много раз дополнялось и переиздавалось, иногда меняя заглавие. «Еще одна» трагедия – драматическая поэма «Нечаев», изданная вскоре по завершении, опять же, в Одессе (1920).

Упоминание о «Сальери» осталось единственным – ни в одной из дальнейших «автобиблиографий» это сочинение не обозначено. Судя по этому, автор считал поэму потерянной – безвозвратно. Обнаружилась она осенью 2001 года, как водится, случайно – в архиве ИМЛИ, где фонда Шенгели нет, а «материалы» долгое время не были «расписаны по именам», пока не начался выпуск архивного каталога. Годом позже – опубликована (http://sites.utoronto.ca/tsq/01/index01.shtml). Несколько лет спустя Литературный музей купил авторскую рукопись поэмы – каким образом и когда она попала в руки «продавца», осталось неизвестным.

В авторскую машинопись книги драматических поэм кроме «Сальери» включены «Нечаев» и «Доктор Гильотен». Хранилась она, вернее, затерялась, среди бумаг Госиздата, куда, судя по штампу на титульном листе, была сдана 14 апреля 1923 года.

К той поре, когда складывалась эта книга, Шенгели написал пять драматических поэм. Три опубликовал: «Нечаев», «1871» и «Броненосец «Потемкин». Для книги отобрал лишь первую из них. Плюс две неизданных. Вероятно, думается мне, две из трех напечатанных, наиболее «революционные», и потому, казалось бы, «актуальные» в начале двадцатых годов сочинения, не вписывались в замысел книги – цикла из трех поэм. Цикла, связанного общей мыслью, которую поэт как бы испытывает в разных ситуациях и ракурсах. Мысль о высокой благородной цели, которая, по убеждению целеустремленных, способна оправдать любые средства для ее достижения.

Революционер-террорист Нечаев, чье «дело об убийстве студента Иванова» стало для Достоевского прообразом сюжета «Бесов». Из отзывов людей, знавших Нечаева, сочувствовавших цели, как Герцен или Бакунин, возникает образ едва ли не более резкий, нежели воссозданный воображением романиста. Таков он и у Шенгели.

Сальери, которого – в отличие от пушкинского – ведет не зависть, но жажда власти. Всеохватной власти поэтического слова, на овладение которой он, Сальери, истово потратил всю свою жизнь. Но тут… Моцарт, прямой потомок Орфея, само существование которого начисто лишает смысла «жажду власти», да и саму «власть».

Твердый противник смертной казни ученый-анатом Жозеф-Игнас Гильотен, искренний гуманист, предложивший в 1789 году на заседании Учредительного собрания революционной Франции – на срок, пока будет применяться эта временная высшая мера наказания, использовать для усекновения головы механизм, который хотя бы не станет причинять боли казнимому.

И дети доктора, сменившие фамилию, чтобы никому не напоминать собою об отце и гильотине (разумеется, знавший об этом предании Шенгели вычерчивает несколько иной финал – и ничуть не менее убедительный).

Можно предположить, что вместе с вышедшей годом раньше в том же издательстве книгой стихов «Раковина» «Драматические поэмы» должны были с достаточной, на взгляд автора, полнотою представить публике поэта, окончательно перебравшегося в столицу, осевшего в ней. Не получилось. Две трети книги при жизни поэта остались неизданными. Однако, по-моему, и теперь, почти век спустя, возможная после публикации поэмы о докторе Гильотене реконструкция всего шенгелевского цикла имеет смысл отнюдь не только историко-литературный…

Георгий Шенгели

Доктор Гильотен

Драматическая поэма

Сцена I

Слуга Жером и Посетитель.

Посетитель

Сказали вы, что с вечера ушел он,
А вот уж день. Пора ему вернуться.
Позволите – я подожду его?

Жером

Что ж, если вам не жаль полдня потратить.
Когда мой барин свой футляр рабочий,
С ланцетами, берет с собой, тогда,
Случается, и сутки пропадает.

Посетитель

Точь-в-точь как я.

Жером

Вы тоже врач?

Посетитель

Пожалуй.
И у меня в шагреневом футляре
Есть парочка ланцетов.

Жером

Значит, вы
Хирург?

Посетитель

Хирург. Когда больному худо,
Когда ему железные пилюли,
Диета и массаж, и моцион,
С веслом в руках, киркой или лопатой,
Не помогают, – то являюсь я.
Ланцетом – раз.

Жером

Прекрасная система.

Известно, что причина всех болезней
Есть опухоль, под сердцем или в почках.
Не правда ли?

Посетитель

Конечно. Особливо
Та опухоль, что на плечах бывает,
Quae caput appelatur. Срежь – капут.

Жером

Кому капут?

Посетитель

Да никому – болезни.

Жером

Вы, сударь, говорите как-то странно,
Я не пойму вас.

Посетитель

Ничего, мой друг,
Не стоит опухоль ломать… Ну, так
Я ожидать не стану. Вы же, милый,
Вручите доктору мой личный адрес,
Вот, и прибавьте заодно, что я
Теперь прошу его ко мне. Прощайте.

(Уходит.)

Жером

Прощайте… Очень странный господин.
Кто б это был?

(*Через боковую дверь входит с охапкой срезанных цветов доктор Гильотен.*)

Вы, сударь, здесь?

Гильотен

Я садом
Прошел. Какая свежесть. И в цветах
Роса прохладной радугой трепещет…
Поставь их в воду.

Жером

Можно вас поздравить
С успешной операцией?

Гильотен

Еще бы.
Такой здоровый мальчик. Фунтов десять
Или двенадцать.

Жером

Боже мой! Да разве
Маркиз рожал?

Гильотен

Какой маркиз?

Жером

Который
За вами присылал вчера.

Гильотен

А, тот…
Я был у гончара. Его жене
Никак не удавалось разрешиться.

Жером

А гонорар вам уплатили?

Гильотен

Нет,
Я сам ему два ливра дал, бедняге

Жером

Что? Вот так практика! Ах, сударь, сударь!
А жалованье мне? Ведь я уже
Три месяца его не получал.

Гильотен

Ну, не ворчи, Жером. Что делать… Слушай,
А что ж цветы? Поставь скорее в воду.
Как можно быть таким жестоким? Разве
Они не так же жаждут пить, как ты?

Жером

Сейчас… Вы, сударь, отдохнуть легли бы.

Гильотен

Нет, нет: меня работа ждет.

Жером

Работа…
В гроб хочет лечь: не ест, не пьет, не спит;
(*Уходит.*)

Гильотен

Какое утро. Как сильна природа.
Как сладко в ней всевластный чуять разум.
Во всем. От листьев и до человека.
(*Снимает чехол со скелета.*)
Хотя б скелет: вот позвонки – чем ниже,
Тем толще, ибо возрастает груз
Несомых ими мышц. А передав
Вес туловища тазу и бедру,
Вдруг истончаются. Какой природа
Ваятель, зодчий! И какой хозяин:
Ни лишней доли вещества и силы
Не израсходует… А эта шея!
Семь позвонков, и каждый тверже меди –
Не прорубить, и паяны так плотно.
Не рассчитать удара, что проник бы
Меж позвонков. И, значит, взмах меча,
Рассекши кожу, мышцы, увлекает
Перед собой случайный позвонок,
Пока не разорвется сухожилье,
И лишь тогда сталь проникает вглубь
И отделяет голову… Как сложно!
Какую муку должен испытать
Казнимый, и палач какою силой
Быть наделен. Нет, несогласно это
С разумной мыслью… Эй, Жером!

Жером

Я здесь.

Гильотен

Никто меня не спрашивал?

Жером

Был кто-то,
Какой-то странный господин, – не знаю.
Для вас он адрес свой оставил.

Гильотен

Что же
Ты не сказал? Как можно так зевать?

Тебя не спросишь, ты… Давай скорее.
(*Читает.*)
Как жаль, что опоздал я. Знаешь ты,
Кто это был?

Жером

Он говорил: хирург.

Гильотен

Он пошутил. То был Сансон, палач.

Жером

Палач! Святая Дева! Что же надо
Ему от вас? Велел он вам сказать,
Что будет ждать вас. Не ходите, сударь!

Гильотен

Не бойся, милый мой. Мне надо с ним
Поговорить… Когда-нибудь ты видел
Казнь?

Жером

Видел раз. Черт потянул смотреть.

Гильотен

А что ты чувствовал?

Жером

В грудях тошнило.

Гильотен

А было жаль преступника?

Жером

А как же?
Известно, жаль. Он бьется, верещит.
Палач раз шесть его рубил – не мог
Перерубить. За волосы потом
Схватил и вроде как пилить стал шею.
А кровь-то хлещет, как из кабана.

Гильотен

Ведь он преступник.

Жером

Что ж, немудрено:
Законов всех и не сочтешь. К тому же

Никто в злодеи даром не пойдет –
От голода всё больше.

Гильотен

Значит, лучше,
Чтоб казней вовсе не было таких?

Жером

Известно, лучше.

Гильотен

Да, я так и думал:
Народный, здравый дух… Постой, Жером,
Мы скоро это всё исправим!

Сцена II

Гостиная в доме Сансона. Сансон и его сын Поль.

Сансон

Ну, причастился, Поль?

Поль

Да, папочка.

Сансон

Великий это день.
Теперь ты, так сказать, вступаешь в жизнь.
Мяч – в сторону. Теперь ты должен мыслить.
Ты должен быть католиком, французом
И верноподданным. Не забывай,
Что пред тобой почетная задача
И трудная: быть добрым членом рода,
Который много лет не выпускал
Меч правосудия из рук. Ты будешь,
Как монсиньор архиепископ или
Как маршал Франции: перед лицом
Всего Парижа будешь подыматься
На помост роковой и заносить
Над головой преступника тот меч,
Чью рукоять рука отца сжимала
И деда твоего, и прадеда.

Поль

Мне и кюре об этом говорил.

Сансон

Вот видишь! Но не забывай притом,
Что дело не в одном почете. Должность
Немаловажный и доход приносит.
Сам видишь: мебель вот, картины, люстра,
По праздникам жжем восковые свечи, –
Все точно у судьи любого. Если ж
Нам должность потерять – тогда конец:
Другого дела не дадут Сансонам
Завистливые эти горожане,
Как не давали в жены дочерей…
Поэтому быть надо осторожным
И, Боже сохрани, не поскользнуться.

Поль

Об этом тоже говорил кюре.

Сансон

Вот видишь! Я тебе и приготовил.

Поль

Что это?

Сансон

Библия, подарок мой!
Я в переплет велел вплести листы
Бумаги чистой. Заноси туда
Свои раздумья, запечатлевай
Слова, советы, что услышишь. Пусть
И Слово Божие, и опыт твой
Тебе всегда послужат руководством.

Поль

Спасибо, папочка! Какой прекрасный
Сафьянный переплет! Какой обрез!
Тут и картинки.

Сансон

Ну, ступай, мальчишка.
Ишь…
(*Входит Шмидт.*)

Шмидт

Здравствуйте, мой друг! Здорово, Поль!
Что это у тебя?

Поль

Подарок папы:
Сегодня я конфирмовался.

Шмидт

Вот что!
Жаль, папа твой мне не сказал об этом,
А то б и я с пустыми не пришел
Руками. Впрочем, обещаю: будет.
Как поживаете, Сансон?

Сансон

Ступай, сынок.
(*Поль уходит.*)
Спасибо, что ж, недурно. Досточтимый
Судья наш де Вири мне обещал
Исхлопотать, чтобы одежда вся,
Что от казнимых остается, шла
Мне в собственность.

Шмидт

Прекрасно, поздравляю.
А я принес вам дивный бержерет.
Слова и музыка – сплошная прелесть!
Исполним?
(*Раскрывает ноты; Сансон садится за клавикорды, играет; Шмидт поет.*)
Блистала долина
Хрустальной росой.
Пастушка Алина
Стопою босой
Левкоев касалась,
И нежная грудь,
Чуть смея вздохнуть,
Легко волновалась.
Чуть смея вздохнуть,
Легко волновалась.

Лиэль загорелый,
Глядя в ручеек,
Упругий и белый
Лелеял цветок,
И ласки страшася,
Прекрасная грудь…
(*Стук в дверь.*)

Сансон

Прошу.
(*Входит Гильотен.*)

Гильотен

Простите: помешал я? Слышу
Здесь музыку.

Сансон

Нисколько.

Гильотен

Гильотен.
Я вам писал, и очень сожалею,
Что не поспел принять вас.

Сансон

Ничего.
Чем я могу служить вам?

Гильотен

Дело в том,
Что я как врач и гуманист давно
Скорбел, что казнь…

Сансон

Она необходима.

Гильотен

Нет-нет, кто возражает? Я скорбел,
Что казнь творится не совсем согласно
С тем, что нам разум говорит. Ведь цель
Всех казней – не мучение, иначе
Казнь было б можно пыткой заменить,
Но кара, устрашение злодея, –
А также устрашение всех тех,
Кто обуян преступной волей. Правда?

Сансон

Согласен.

Гильотен

Так! А нынче казнь творится
Отсекновеньем головы…

Сансон

Что ж, можно
И вешать.

Гильотен

Никогда. Должна быть казнь –
Кровавою. Лишь вид пролитой крови
Нам достодолжно потрясает душу.
Но голову рубить мечом… При этом
Палач, простите, исполнитель может
Неверный нанести удар…

Сансон

Бывает.

Гильотен

Преступник может увернуться. Надо
Тогда его ловить, держать; он бьется.
Нередко меч тупится – пять ударов
Не могут позвонки перерубить.
Преступник мучится недопустимо.
В сердцах глядящих шевелится жалость –
И тут благая цель наглядной казни
Не достигается. И я подумал:
Что если бы изобрести прибор,
Которым бы преступник недвижимо
Удержан был в пристойной позе, меч же,
Пружиной мощной кинутый, ложился
Как раз ему на шею…

Сансон

Да, пожалуй,
Так было б лучше. Надо поразмыслить.

Гильотен

Но я не практик. Думаю, что вам
Уместно было бы как знатоку

Проект составить.

Сансон

Шмидт, а ваше мненье?

Шмидт

Я думаю, что доктор Гильотен…

Гильотен

Вы знаете меня?

Шмидт

О, да, наш цех,
Которому святой Жозеф патроном…

Гильотен

А, плотник вы?

Шмидт

Столяр и плотник. Я
На службе у суда. Моя работа
Для казней строить помосты.

Гильотен

Так-так…
Немало вашей братии лечить
Мне приходилось как хирургу: вечно
Полпальца кто-нибудь отхватит стругом.

Шмидт

И вы всегда лечили превосходно,
И деньги трудно было вам вручить…
Так вот, пока вы говорили, я
Смекнул насчет прибора. Если меч
Сам должен наносить удар, то надо,
Чтобы он падал прямо вниз: тут груз
Удобно применить, а не пружину.

Сансон

Тогда уже не меч – топор широкий.

Шмидт

Я это думал. А преступник должен
Под ним лежать. Продеть в колодку шею –
И все.

Гильотен

Я не сообразил: как это?

Шмидт

А я вам начерчу.
(*Ищет бумаги и берет с клавикордов ноты.*)

Сансон

Ведь это ж ноты.

Шмидт

Тут чистый есть листок.
(*Чертит.*)
Вот-вот:
Устои, желобки для топора,
Здесь ложе и колодка.

Сансон

А топор?

Шмидт

Вот и топор.

Сансон

Прямой?

Шмидт

Прямой.

Сансон

Ну, нет.
Не знаете вы, что такое шея.
Ее перерубить прямым ударом
Так же легко, как гвоздь перекусить.
Вот, посмотрите:
(*Достает из шкапа меч.*)
Он дугой изогнут
И при ударе наискось скользит,
Разрезывает, а не разрывает.

Гильотен

Так очень просто: топору придать
Вид треугольника.

Сансон

Конечно, так.

Шмидт

Да, верно, косарем-то будет лучше.

Гильотен

Глубоко благодарен вам. Что значит
Мысль практика! Позвольте вас просить
Модель исполнить.

Шмидт

Рад служить вам, доктор.

Гильотен

А сколько бы…

Шмидт

Нет-нет, какая плата!
Ни ливра не возьму. Мы, столяры,
Все ваши должники.

Гильотен

Благодарю вас!
До скорого свиданья, господа.
Надеюсь, господин Сансон, что вскоре
Вам предстоит осуществить впервые
На практике прекрасную реформу.

Сансон

Прощайте, сударь! Если буду нужен
Вам для совета, милости прошу.

Гильотен

Благодарю сердечно. До свиданья!
(*Уходит.*)

Шмидт

Добряк… Вы что-то хмуритесь?

Сансон

Кто знает…
Оно бы лучше: нет возни; да горе:
Искусства тут не надо – всякий сможет
Связать да уложить, да дернуть крюк.
А род наш – он хранил секрет удара,
Была наследственною должность наша…
А тут…

Шмидт

Пустое! Кто отнять посмеет
У сына вашего дворянство казни?..

Ну, что ж, вернемся к музыке?

Сансон

Давайте.

Сцена III

Кабинет доктора Гильотена.
Жером.

Жером (*рассматривая модель*)

Подводят, значит, на доску кладут,
Колодкою захватывают шею,
(*Кладет в модель палец.*)
Потом пружинкой щелк. Ох, черт возьми.
Чуть пальцу голову не отрубил…
Бр-р-р… Шея – штука тонкая. Захватят
Ошейником дощатым и – пожалте! –
Подергайтесь, подрыгайте ногами,
Повтягивайте щеки – ускользнуть бы!
А нож – как в масло: ц-с-с, так и прорежет.
Ну и глоточек – пять пудов металла.
Нет, раньше поприятней было, право.
Тебя казнят, так ты – живой – стоишь,
Упрешься, думаешь: не шевельнуться б,
Не промахнулся бы палач. А тут
Одна обида – деревяшка держит,
А на тебя плевать…
И что это мой барин так срамится?
Можно сказать – хирург, лечить умеешь,
Горчишники тут, банки, кровь пускай,
Клистиры ставь, вари декокты – мало ль
Заботы всякой доброй? Нет, поди ж ты,
Стал смерть прописывать, добра желает.
Тьфу!

(*Входят Гильотен, аббат Раго, судья де Вири, доктор Трейль.*)

Гильотен

Прошу.

Трейль

Так вот уютный тот покой,
Где зрела ваша мысль, почтенный доктор.
Да, здесь, конечно, в этой тишине,
Где все полно раздумьем и природой,
Мог человеколюбец начертать
Свой план благой.

Де Вири

Прекрасно, бесподобно!
Пятьсот семнадцать казней видел я
И смело говорю: такой, как ныне,
Прекрасной операции не видел.
Спокойно, чисто, аккуратно. Раньше
Сансон тревожится, казнимый тоже,
Толпа глаза таращит: как-то он
В последнюю минуту устоит?
А тут – машина. Никаких волнений.

Раго

И осужденный, примирившись с Богом,
Уже не отвлекается ничем,
Не отдает земной гордыне дани –
Взамен того, чтоб на друзей глядеть
И стойкостью тщеславною кичиться,
В последний миг молитву мирно шепчет
И искупление приемлет. Церкви
Немаловажную услугу вы,
Почтенный доктор, оказали.

Гильотен

Право,
Мне совестно: такие похвалы!
Ведь я лишь долг свой выполнял, не больше,
Долг гуманиста.

Трейль (*замечает модель*)

Вот она, машина.
Как остроумно! Этот нож косой.
Шарниры эти, быстрые зажимы.
Все учтено. Да, разум торжествует.

Де Вири

Вот мысли путь достойный! С государством
И правосудием войдя в союз…

Раго

И с церковью…

Де Вири

Она свою задачу
Почетно выполняет. Мы должны
Увековечить ваше имя, доктор.
Уже решил я: все мои вердикты
Именовать машину вашу будут –
Как? Угадайте? Гильотиной!

Раго и Трейль

Браво!

Гильотен

Сердечно вам признателен, друзья!

Де Вири

Позвольте нам откланяться. Примите
Признательность и удивленье наши.

Раго

Позвольте вас благодарить.

Трейль

Спасибо
От имени науки.

Гильотен

Господа,
Мгновенье это – лучшая награда
Для скромного ученого. Прощайте!
(*Трейль, де Виро и Раго уходят.*)
Жером, а ты молчишь? Ведь вышло все
По-твоему.

Жером

Да что же, сударь, я…
Я неученый человек. Не знаю…

Гильотен

Подумай: вывели его, Жибэ,
Взвели на эшафот; Прево прочел

Судебное постановленье; дал
Ему аббат прощение грехов;
Потом Сансон с помощниками быстро
Его ремнями привязал к доске.
Перевернули доску… Правда, тут
Заминка вышла – голову втянул
Преступник, не попала прямо в прорезь,
И за уши его пришлось тащить,
Пока не уложили; свистнул нож,
И голова уже в корзине. Пять
Всего минут прошло. Ты что бормочешь?

Жером

Так… Пять минут – секунд три сотни, значит.
До тысячи успеешь просчитать.

Гильотен

Зато удар – мгновенно. Не успел
Он и вздохнуть. Как дуновенье ветра.
Страданья ни на йоту… Ты молчишь?

Жером

Я, сударь, попросить хотел вас…

Гильотен

Ну?

Жером

Я, сударь, из крестьян…

Гильотен

Так что же?

Жером

Там…
Ну, словом, полевые там работы.
Я, сударь… да… Пожалуйте расчет.

Гильотен

Да ты рехнулся, мой любезный? Как?
Три года служишь у меня, привык.
И я к тебе привык. Ты мне помощник.
А тут – расчет. Работы полевые…

Жером

Нет, сударь, уж увольте.

Гильотен

Да и денег
Нет у меня. Ведь ты не получал
Полгода жалованья. Послужи
Еще с полгода. Раньше не смогу
С тобою рассчитаться.

Жером

Что ж, пускай.
Потом когда-нибудь. Прощайте, сударь.
(*Уходит.*)

Гильотен

Постой!.. Ушел… Что с ним такое, право?..

1922

Георгий Шенгели

Доктор Гильотен

Драматическая поэма

Сцена I

Слуга Жером и Посетитель.

Посетитель

Сказали вы, что с вечера ушел он,
А вот уж день. Пора ему вернуться.
Позволите – я подожду его?

Жером

Что ж, если вам не жаль полдня потратить.
Когда мой барин свой футляр рабочий,
С ланцетами, берет с собой, тогда,
Случается, и сутки пропадает.

Посетитель

Точь-в-точь как я.

Жером

Вы тоже врач?

Посетитель

Пожалуй.
И у меня в шагреневом футляре
Есть парочка ланцетов.

Жером

Значит, вы
Хирург?

Посетитель

Хирург. Когда больному худо,
Когда ему железные пилюли,
Диета и массаж, и моцион,
С веслом в руках, киркой или лопатой,
Не помогают, – то являюсь я.
Ланцетом – раз.

Жером

Прекрасная система.

Известно, что причина всех болезней
Есть опухоль, под сердцем или в почках.
Не правда ли?

Посетитель

Конечно. Особливо
Та опухоль, что на плечах бывает,
Quae caput appelatur. Срежь – капут.

Жером

Кому капут?

Посетитель

Да никому – болезни.

Жером

Вы, сударь, говорите как-то странно,
Я не пойму вас.

Посетитель

Ничего, мой друг,
Не стоит опухоль ломать… Ну, так
Я ожидать не стану. Вы же, милый,
Вручите доктору мой личный адрес,
Вот, и прибавьте заодно, что я
Теперь прошу его ко мне. Прощайте.

(Уходит.)

Жером

Прощайте… Очень странный господин.
Кто б это был?

(*Через боковую дверь входит с охапкой срезанных цветов доктор Гильотен.*)

Вы, сударь, здесь?

Гильотен

Я садом
Прошел. Какая свежесть. И в цветах
Роса прохладной радугой трепещет…
Поставь их в воду.

Жером

Можно вас поздравить
С успешной операцией?

Гильотен

Еще бы.
Такой здоровый мальчик. Фунтов десять
Или двенадцать.

Жером

Боже мой! Да разве
Маркиз рожал?

Гильотен

Какой маркиз?

Жером

Который
За вами присылал вчера.

Гильотен

А, тот…
Я был у гончара. Его жене
Никак не удавалось разрешиться.

Жером

А гонорар вам уплатили?

Гильотен

Нет,
Я сам ему два ливра дал, бедняге

Жером

Что? Вот так практика! Ах, сударь, сударь!
А жалованье мне? Ведь я уже
Три месяца его не получал.

Гильотен

Ну, не ворчи, Жером. Что делать… Слушай,
А что ж цветы? Поставь скорее в воду.
Как можно быть таким жестоким? Разве
Они не так же жаждут пить, как ты?

Жером

Сейчас… Вы, сударь, отдохнуть легли бы.

Гильотен

Нет, нет: меня работа ждет.

Жером

Работа…
В гроб хочет лечь: не ест, не пьет, не спит;
(*Уходит.*)

Гильотен

Какое утро. Как сильна природа.
Как сладко в ней всевластный чуять разум.
Во всем. От листьев и до человека.
(*Снимает чехол со скелета.*)
Хотя б скелет: вот позвонки – чем ниже,
Тем толще, ибо возрастает груз
Несомых ими мышц. А передав
Вес туловища тазу и бедру,
Вдруг истончаются. Какой природа
Ваятель, зодчий! И какой хозяин:
Ни лишней доли вещества и силы
Не израсходует… А эта шея!
Семь позвонков, и каждый тверже меди –
Не прорубить, и паяны так плотно.
Не рассчитать удара, что проник бы
Меж позвонков. И, значит, взмах меча,
Рассекши кожу, мышцы, увлекает
Перед собой случайный позвонок,
Пока не разорвется сухожилье,
И лишь тогда сталь проникает вглубь
И отделяет голову… Как сложно!
Какую муку должен испытать
Казнимый, и палач какою силой
Быть наделен. Нет, несогласно это
С разумной мыслью… Эй, Жером!

Жером

Я здесь.

Гильотен

Никто меня не спрашивал?

Жером

Был кто-то,
Какой-то странный господин, – не знаю.
Для вас он адрес свой оставил.

Гильотен

Что же
Ты не сказал? Как можно так зевать?

Тебя не спросишь, ты… Давай скорее.
(*Читает.*)
Как жаль, что опоздал я. Знаешь ты,
Кто это был?

Жером

Он говорил: хирург.

Гильотен

Он пошутил. То был Сансон, палач.

Жером

Палач! Святая Дева! Что же надо
Ему от вас? Велел он вам сказать,
Что будет ждать вас. Не ходите, сударь!

Гильотен

Не бойся, милый мой. Мне надо с ним
Поговорить… Когда-нибудь ты видел
Казнь?

Жером

Видел раз. Черт потянул смотреть.

Гильотен

А что ты чувствовал?

Жером

В грудях тошнило.

Гильотен

А было жаль преступника?

Жером

А как же?
Известно, жаль. Он бьется, верещит.
Палач раз шесть его рубил – не мог
Перерубить. За волосы потом
Схватил и вроде как пилить стал шею.
А кровь-то хлещет, как из кабана.

Гильотен

Ведь он преступник.

Жером

Что ж, немудрено:
Законов всех и не сочтешь. К тому же

Никто в злодеи даром не пойдет –
От голода всё больше.

Гильотен

Значит, лучше,
Чтоб казней вовсе не было таких?

Жером

Известно, лучше.

Гильотен

Да, я так и думал:
Народный, здравый дух… Постой, Жером,
Мы скоро это всё исправим!

Сцена II

Гостиная в доме Сансона. Сансон и его сын Поль.

Сансон

Ну, причастился, Поль?

Поль

Да, папочка.

Сансон

Великий это день.
Теперь ты, так сказать, вступаешь в жизнь.
Мяч – в сторону. Теперь ты должен мыслить.
Ты должен быть католиком, французом
И верноподданным. Не забывай,
Что пред тобой почетная задача
И трудная: быть добрым членом рода,
Который много лет не выпускал
Меч правосудия из рук. Ты будешь,
Как монсиньор архиепископ или
Как маршал Франции: перед лицом
Всего Парижа будешь подыматься
На помост роковой и заносить
Над головой преступника тот меч,
Чью рукоять рука отца сжимала
И деда твоего, и прадеда.

Поль

Мне и кюре об этом говорил.

Сансон

Вот видишь! Но не забывай притом,
Что дело не в одном почете. Должность
Немаловажный и доход приносит.
Сам видишь: мебель вот, картины, люстра,
По праздникам жжем восковые свечи, –
Все точно у судьи любого. Если ж
Нам должность потерять – тогда конец:
Другого дела не дадут Сансонам
Завистливые эти горожане,
Как не давали в жены дочерей…
Поэтому быть надо осторожным
И, Боже сохрани, не поскользнуться.

Поль

Об этом тоже говорил кюре.

Сансон

Вот видишь! Я тебе и приготовил.

Поль

Что это?

Сансон

Библия, подарок мой!
Я в переплет велел вплести листы
Бумаги чистой. Заноси туда
Свои раздумья, запечатлевай
Слова, советы, что услышишь. Пусть
И Слово Божие, и опыт твой
Тебе всегда послужат руководством.

Поль

Спасибо, папочка! Какой прекрасный
Сафьянный переплет! Какой обрез!
Тут и картинки.

Сансон

Ну, ступай, мальчишка.
Ишь…
(*Входит Шмидт.*)

Шмидт

Здравствуйте, мой друг! Здорово, Поль!
Что это у тебя?

Поль

Подарок папы:
Сегодня я конфирмовался.

Шмидт

Вот что!
Жаль, папа твой мне не сказал об этом,
А то б и я с пустыми не пришел
Руками. Впрочем, обещаю: будет.
Как поживаете, Сансон?

Сансон

Ступай, сынок.
(*Поль уходит.*)
Спасибо, что ж, недурно. Досточтимый
Судья наш де Вири мне обещал
Исхлопотать, чтобы одежда вся,
Что от казнимых остается, шла
Мне в собственность.

Шмидт

Прекрасно, поздравляю.
А я принес вам дивный бержерет.
Слова и музыка – сплошная прелесть!
Исполним?
(*Раскрывает ноты; Сансон садится за клавикорды, играет; Шмидт поет.*)
Блистала долина
Хрустальной росой.
Пастушка Алина
Стопою босой
Левкоев касалась,
И нежная грудь,
Чуть смея вздохнуть,
Легко волновалась.
Чуть смея вздохнуть,
Легко волновалась.

Лиэль загорелый,
Глядя в ручеек,
Упругий и белый
Лелеял цветок,
И ласки страшася,
Прекрасная грудь…
(*Стук в дверь.*)

Сансон

Прошу.
(*Входит Гильотен.*)

Гильотен

Простите: помешал я? Слышу
Здесь музыку.

Сансон

Нисколько.

Гильотен

Гильотен.
Я вам писал, и очень сожалею,
Что не поспел принять вас.

Сансон

Ничего.
Чем я могу служить вам?

Гильотен

Дело в том,
Что я как врач и гуманист давно
Скорбел, что казнь…

Сансон

Она необходима.

Гильотен

Нет-нет, кто возражает? Я скорбел,
Что казнь творится не совсем согласно
С тем, что нам разум говорит. Ведь цель
Всех казней – не мучение, иначе
Казнь было б можно пыткой заменить,
Но кара, устрашение злодея, –
А также устрашение всех тех,
Кто обуян преступной волей. Правда?

Сансон

Согласен.

Гильотен

Так! А нынче казнь творится
Отсекновеньем головы…

Сансон

Что ж, можно
И вешать.

Гильотен

Никогда. Должна быть казнь –
Кровавою. Лишь вид пролитой крови
Нам достодолжно потрясает душу.
Но голову рубить мечом… При этом
Палач, простите, исполнитель может
Неверный нанести удар…

Сансон

Бывает.

Гильотен

Преступник может увернуться. Надо
Тогда его ловить, держать; он бьется.
Нередко меч тупится – пять ударов
Не могут позвонки перерубить.
Преступник мучится недопустимо.
В сердцах глядящих шевелится жалость –
И тут благая цель наглядной казни
Не достигается. И я подумал:
Что если бы изобрести прибор,
Которым бы преступник недвижимо
Удержан был в пристойной позе, меч же,
Пружиной мощной кинутый, ложился
Как раз ему на шею…

Сансон

Да, пожалуй,
Так было б лучше. Надо поразмыслить.

Гильотен

Но я не практик. Думаю, что вам
Уместно было бы как знатоку

Проект составить.

Сансон

Шмидт, а ваше мненье?

Шмидт

Я думаю, что доктор Гильотен…

Гильотен

Вы знаете меня?

Шмидт

О, да, наш цех,
Которому святой Жозеф патроном…

Гильотен

А, плотник вы?

Шмидт

Столяр и плотник. Я
На службе у суда. Моя работа
Для казней строить помосты.

Гильотен

Так-так…
Немало вашей братии лечить
Мне приходилось как хирургу: вечно
Полпальца кто-нибудь отхватит стругом.

Шмидт

И вы всегда лечили превосходно,
И деньги трудно было вам вручить…
Так вот, пока вы говорили, я
Смекнул насчет прибора. Если меч
Сам должен наносить удар, то надо,
Чтобы он падал прямо вниз: тут груз
Удобно применить, а не пружину.

Сансон

Тогда уже не меч – топор широкий.

Шмидт

Я это думал. А преступник должен
Под ним лежать. Продеть в колодку шею –
И все.

Гильотен

Я не сообразил: как это?

Шмидт

А я вам начерчу.
(*Ищет бумаги и берет с клавикордов ноты.*)

Сансон

Ведь это ж ноты.

Шмидт

Тут чистый есть листок.
(*Чертит.*)
Вот-вот:
Устои, желобки для топора,
Здесь ложе и колодка.

Сансон

А топор?

Шмидт

Вот и топор.

Сансон

Прямой?

Шмидт

Прямой.

Сансон

Ну, нет.
Не знаете вы, что такое шея.
Ее перерубить прямым ударом
Так же легко, как гвоздь перекусить.
Вот, посмотрите:
(*Достает из шкапа меч.*)
Он дугой изогнут
И при ударе наискось скользит,
Разрезывает, а не разрывает.

Гильотен

Так очень просто: топору придать
Вид треугольника.

Сансон

Конечно, так.

Шмидт

Да, верно, косарем-то будет лучше.

Гильотен

Глубоко благодарен вам. Что значит
Мысль практика! Позвольте вас просить
Модель исполнить.

Шмидт

Рад служить вам, доктор.

Гильотен

А сколько бы…

Шмидт

Нет-нет, какая плата!
Ни ливра не возьму. Мы, столяры,
Все ваши должники.

Гильотен

Благодарю вас!
До скорого свиданья, господа.
Надеюсь, господин Сансон, что вскоре
Вам предстоит осуществить впервые
На практике прекрасную реформу.

Сансон

Прощайте, сударь! Если буду нужен
Вам для совета, милости прошу.

Гильотен

Благодарю сердечно. До свиданья!
(*Уходит.*)

Шмидт

Добряк… Вы что-то хмуритесь?

Сансон

Кто знает…
Оно бы лучше: нет возни; да горе:
Искусства тут не надо – всякий сможет
Связать да уложить, да дернуть крюк.
А род наш – он хранил секрет удара,
Была наследственною должность наша…
А тут…

Шмидт

Пустое! Кто отнять посмеет
У сына вашего дворянство казни?..

Ну, что ж, вернемся к музыке?

Сансон

Давайте.

Сцена III

Кабинет доктора Гильотена.
Жером.

Жером (*рассматривая модель*)

Подводят, значит, на доску кладут,
Колодкою захватывают шею,
(*Кладет в модель палец.*)
Потом пружинкой щелк. Ох, черт возьми.
Чуть пальцу голову не отрубил…
Бр-р-р… Шея – штука тонкая. Захватят
Ошейником дощатым и – пожалте! –
Подергайтесь, подрыгайте ногами,
Повтягивайте щеки – ускользнуть бы!
А нож – как в масло: ц-с-с, так и прорежет.
Ну и глоточек – пять пудов металла.
Нет, раньше поприятней было, право.
Тебя казнят, так ты – живой – стоишь,
Упрешься, думаешь: не шевельнуться б,
Не промахнулся бы палач. А тут
Одна обида – деревяшка держит,
А на тебя плевать…
И что это мой барин так срамится?
Можно сказать – хирург, лечить умеешь,
Горчишники тут, банки, кровь пускай,
Клистиры ставь, вари декокты – мало ль
Заботы всякой доброй? Нет, поди ж ты,
Стал смерть прописывать, добра желает.
Тьфу!

(*Входят Гильотен, аббат Раго, судья де Вири, доктор Трейль.*)

Гильотен

Прошу.

Трейль

Так вот уютный тот покой,
Где зрела ваша мысль, почтенный доктор.
Да, здесь, конечно, в этой тишине,
Где все полно раздумьем и природой,
Мог человеколюбец начертать
Свой план благой.

Де Вири

Прекрасно, бесподобно!
Пятьсот семнадцать казней видел я
И смело говорю: такой, как ныне,
Прекрасной операции не видел.
Спокойно, чисто, аккуратно. Раньше
Сансон тревожится, казнимый тоже,
Толпа глаза таращит: как-то он
В последнюю минуту устоит?
А тут – машина. Никаких волнений.

Раго

И осужденный, примирившись с Богом,
Уже не отвлекается ничем,
Не отдает земной гордыне дани –
Взамен того, чтоб на друзей глядеть
И стойкостью тщеславною кичиться,
В последний миг молитву мирно шепчет
И искупление приемлет. Церкви
Немаловажную услугу вы,
Почтенный доктор, оказали.

Гильотен

Право,
Мне совестно: такие похвалы!
Ведь я лишь долг свой выполнял, не больше,
Долг гуманиста.

Трейль (*замечает модель*)

Вот она, машина.
Как остроумно! Этот нож косой.
Шарниры эти, быстрые зажимы.
Все учтено. Да, разум торжествует.

Де Вири

Вот мысли путь достойный! С государством
И правосудием войдя в союз…

Раго

И с церковью…

Де Вири

Она свою задачу
Почетно выполняет. Мы должны
Увековечить ваше имя, доктор.
Уже решил я: все мои вердикты
Именовать машину вашу будут –
Как? Угадайте? Гильотиной!

Раго и Трейль

Браво!

Гильотен

Сердечно вам признателен, друзья!

Де Вири

Позвольте нам откланяться. Примите
Признательность и удивленье наши.

Раго

Позвольте вас благодарить.

Трейль

Спасибо
От имени науки.

Гильотен

Господа,
Мгновенье это – лучшая награда
Для скромного ученого. Прощайте!
(*Трейль, де Виро и Раго уходят.*)
Жером, а ты молчишь? Ведь вышло все
По-твоему.

Жером

Да что же, сударь, я…
Я неученый человек. Не знаю…

Гильотен

Подумай: вывели его, Жибэ,
Взвели на эшафот; Прево прочел

Судебное постановленье; дал
Ему аббат прощение грехов;
Потом Сансон с помощниками быстро
Его ремнями привязал к доске.
Перевернули доску… Правда, тут
Заминка вышла – голову втянул
Преступник, не попала прямо в прорезь,
И за уши его пришлось тащить,
Пока не уложили; свистнул нож,
И голова уже в корзине. Пять
Всего минут прошло. Ты что бормочешь?

Жером

Так… Пять минут – секунд три сотни, значит.
До тысячи успеешь просчитать.

Гильотен

Зато удар – мгновенно. Не успел
Он и вздохнуть. Как дуновенье ветра.
Страданья ни на йоту… Ты молчишь?

Жером

Я, сударь, попросить хотел вас…

Гильотен

Ну?

Жером

Я, сударь, из крестьян…

Гильотен

Так что же?

Жером

Там…
Ну, словом, полевые там работы.
Я, сударь… да… Пожалуйте расчет.

Гильотен

Да ты рехнулся, мой любезный? Как?
Три года служишь у меня, привык.
И я к тебе привык. Ты мне помощник.
А тут – расчет. Работы полевые…

Жером

Нет, сударь, уж увольте.

Гильотен

Да и денег
Нет у меня. Ведь ты не получал
Полгода жалованья. Послужи
Еще с полгода. Раньше не смогу
С тобою рассчитаться.

Жером

Что ж, пускай.
Потом когда-нибудь. Прощайте, сударь.
(*Уходит.*)

Гильотен

Постой!.. Ушел… Что с ним такое, право?..

1922

Феликс Кохрихт

Две столицы – через мост

В хорошую погоду с бастионов крепости, возвышающейся над Братиславой, видна Вена, в свою очередь обладающие хорошим зрением могут увидеть оттуда шпиль собора Святого Мартина – на противоположном берегу Дуная.

Столицы Австрии и Словакии разделяет великая европейская река, истоки которой в Альпах, а дельту делят Украина и Румыния, в частности – и города Одесской области. Весной и летом путешествие между столицами можно совершить на катере, мы же сделали это зимой на комфортабельном автобусе всего за сорок минут.

После развала Австро-Венгерской империи Прессбург (так тогда называлась Братислава) стал главным городом Словакии, входившей в Чехословакию, а нынче это – столица суверенного государства.

С очаровательным старинным словацким городом нас объединяют здания оперных театров, спроектированные известными австрийскими архитекторами Фельнером и Гельмером. Они же создали театр и в Вене, но не знаменитый огромный оперный,

В центре Братиславы оборудован каток, а вокруг него – лавочки с традиционными словацкими лакомствами

а Фолькстеатр, столь же изящный, как и наш, и братиславский, хотя, как известно, одесский – лучший в мире.

В этих театрах мы бывали, в нынешнюю поездку посчастливилось с большим трудом приобрести через Интернет (спасибо Алексею Ботвинову) доступные билеты на шедевры немецких классиков, двух Рихардов – Вагнера (пятичасовая сага «Тристан и Изольда») и Штрауса («Саломея», идущая без антракта, но не менее насыщенная потрясающей музыкой). Оба спектакля производят грандиозное впечатление, которым я еще поделюсь.

В Вене, наделенный полномочиями в рамках проекта «Ambassador of Odessa», я открыл «Embassy of Odessa» – «Посольство Одессы» при всемирно известной сети эксклюзивных отелей «MGallery». Каждый из них – часть коллекции, включающей гостиницы, оформленные в стилистике творчества выдающихся европейских деятелей искусства разных эпох.

В нашем, венском отеле Am Konzerthaus все было проникнуто духом социсьона – уникального художественного течения, зародившегося в Австрии в начале XX века и завоевавшего весь мир благодаря творчеству таких мастеров, как Климт и Шиле. В этом

Этот старожил Прессбурга-Братиславы с сегодняшнего дня разделяет нашу любовь к Одессе

стиле оформлены холлы, залы, ресторан, номера, каждый из которых имеет свою изюминку.

Отель расположен в центре столицы, вблизи от оперы, филармонии, музейного квартала, дворца Бельведер. Здесь по традиции живут выдающиеся деятели искусства – гости Вены. С нами соседствовали музыканты знаменитого Лондонского симфонического оркестра.

Я встретился с менеджментом отеля и рассказал им о вкладе граждан Австро-Венгрии в историю Одессы, о нашем оперном театре, об ассоциации «Туризм Одесса», о проекте, согласно которому в разных странах открываются «Посольства Одессы».

Такое посольство открылось в Вене 22 января 2015 года.

«Я ЛЮБЛЮ ОДЕССУ!» – с этим транспарантом мы фотографировались перед памятниками истории, архитектуры и искусства Братиславы и Вены, в который раз объясняясь в любви и верности родному городу

Дунайские сестрицы

Вена

Так невинно.
Так нежданно.
Так мгновенно.
Откровенно.

Вена – ванна.
Вена – сложно,
но возможно.
Вена – пудель.
Вена – штрудель,
штрудель с кофе –
непременно.
Вена.

Вена – шницель.
(Цены – можно удавиться.)
И картофельный салат:
символ веры – Wiener Art.

Вена – Климт.
Вена – бренд.
Вена – тренд.
Вена – френд.

Вена – Шиле.
Вена – в стиле
Ах, по Рингу кони скачут.
Кони – в мыле.

Здесь закатывают бал.
Лох и лузер не попал.

Здесь дворец есть – Бельведер.
Вот пришли б сюда Советы,
проживал бы пионер.

Здесь Гитлер, блин, не поступил, блин, в худакадемию.
Всему миру отомстил за плохое поведение.
Любопытно: об Адольфе здесь не скажут, блин, – земляк.
Немец он, зато Бетховен – Людвиг Ван – блин, австрияк!

Кулинары мастерят здесь телячие котлеты,
а из моцартов катают круглые конфеты.

Если ночью адрес знать и постучаться в двери,
вам откроют, как в Одессе, Моцарт и Сальери.
Только – вот вам мой совет: здесь при лунном свете
ничего не ешьте, блин, ничего не пейте!

Вена – Штраус,
Штраус – Vater
Вена – Sisi.
Вена – Пратер.
Сиси, блин, императрица,
а не то, что у девицы…

Вена – колокольный звон.
Вена – Моцарт –
Моцарт – Sohn.
Но тогда и Штраус – Sohn:
Vatera – не хуже он.

Но уж темнеет вечер синий –
пора нам в оперу скорей!
Там Саломея и Изольда
погубили двух парней.
Торжествует, без сомнений,
сумрачный германский гений.

Вена – это Хундертвассер –
он, бывало, сильно квасил
и фасады криво красил.

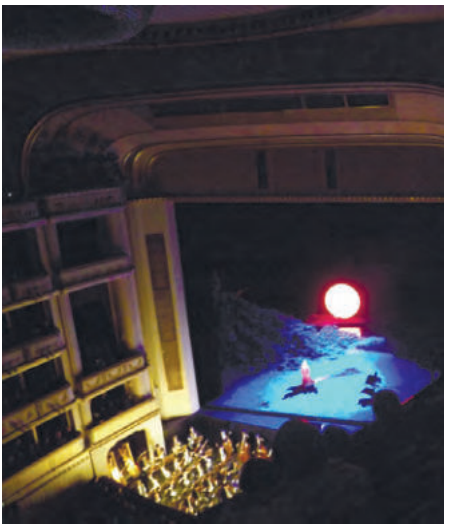
Здесь родился социсьон –
нынче в моде снова он.
Вена – тортик, тортик Захер,
Вена – полный щахер-махер!
И притом – со всех сторон…

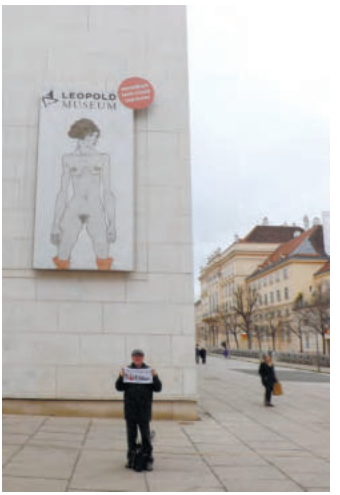
Имперская Вена

Венский оперный театр

Венская опера. Рихард Вагнер. «Тристан и Изольда». Финальная сцена

В Музейном квартале Вены огромной популярностью пользуется выставка работ одного из создателей стиля ар-нуво Эгона Шилле

На высокой скале стоит Братиславский замок, в котором размещается музей

В Старом городе Братиславы почтили деятельность местных сантехников

Братиславский оперный театр построен по проекту Фельнера и Гельмера – создателей одесского

P. S. Утомился я слегка: забыл про Фрейда старика,
что впарил нам психоанализ…
Видать, ребята, мне пора мозгам устроить, блин, диализ.

Братислава

А напротив – Братислава –
скромна, чиста и величава…
Здесь крепость на скале стоит,
Дунай-река под ней журчит.

Здесь на трон короновались
одиннадцать венгерских королей…
В соборе Мартина – лампада,
орган молчит, прохлада и елей…
Признаюсь, с Таней мы мечтаем
приехать вновь из Вены – на трамвае –
попить пивка из деревянной кружки.
Здесь памятник Сантехнику лежит –
Европы современный хит.
И очень милые старушки.

* * *

Две столицы – две сестрицы
по соседству, через мост.
Натурально: West und Ost.
Ну что мне вам о них сказать…
Вена – горделивая невеста.
Братислава – ласковая мать.
Их, как у Рязанова поется,
надо благодарно принимать.

Иван Липтуга,
президент Ассоциации «Туризм Одессы»

Food Tourism

Конфуций, живший две с половиной тысячи лет назад, почему-то решил, что даже врагу не пожелает жить в эпоху перемен. Если бы он только мог представить, как интересна и многообразна жизнь в эту эпоху, он вряд ли бы сделал такое заключение. Мир стремительно меняется, и мы не успеваем уследить даже за малой частью изменений, которые происходят в разных сферах жизнедеятельности людей. Нас с каждым годом становится все больше. Только за последние сто лет население планеты выросло с полутора миллиардов человек до семи с половиной. Бóльшая часть людей на Земле теперь живет в городах, и они стали главными центрами притяжения государств. Информационные технологии, транспортная доступность, снижение визовых и таможенных барьеров между странами позволили людям путешествовать во все уголки мира. Еще не так давно, в 1950 году, по данным Всемирной туристической организации, во всех странах мира насчитывалось примерно 25 миллионов международных туристов. Спустя 35 лет, в ’85-м, их было уже 250 миллионов, а в прошлом – 2014-м –

ЮНВТО зафиксировала 1 миллиард 170 миллионов. Это число растет в среднем на 5-8 процентов каждый год, и такая тенденция будет сохраняться по крайней мере ближайшие полвека.

Может возникнуть вопрос: «Зачем нам это знать?». Ответ прост: во время путешествий в среднем треть расходов приходится на питание, поэтому любой турист – потенциальный клиент ресторанов, кафе, баров. Но к нему нужны, во-первых, особый подход, во-вторых, дополнительные знания и навыки.

Итак, путешествуют все! Кто-то недалеко от дома, кто-то в соседние страны, кто-то на другие континенты. Мотивы совершенно разные: культурно-познавательные, деловые, религиозные, развлекательные, оздоровительные и многие другие. Объединяет все виды туризма то, что с какой бы целью человек его ни совершал, питаться он будет в любом случае. И если в искусстве и культуре разбираются далеко не все, то в том, что такое вкусно поесть, понимает большинство людей на планете. А для некоторых еда вообще является одним из главных мотиваторов выбора места для путешествия.

Гастрономический туризм, или food tourism, как отдельное направление стало формироваться не так давно, но с каждым годом становится популярнее и разнообразнее. Мода на здоровый образ жизни отодвигает fast food на второй план, уступая место проверенной временем slow food. Возрождается интерес к натуральным экологическим продуктам и традиционным рецептам приготовления блюд. Отправляясь в гастротур, путешественники едут за новыми знаниями и эмоциями, которые они могут получить от посещения местных продуктовых рынков, фестивалей и ярмарок, знаменитых ресторанов, дегустаций местной еды и напитков, мастер-классов признанных шеф-поваров. Гастротуры дают возможность туристу оживить и разнообразить любое путешествие, окунуться в гастрономическую среду региона и ощутить себя истинным гурманом.

В каждом отдельно взятом регионе местная кухня, построенная на исторически сложившихся традициях приготовления блюд из локальных продуктов, – неотъемлемая и важная часть культурного наследия этой территории. В глобализирующемся мире между странами и городами стираются границы, а вместе

с ними теряются аутентичность и культурные ценности, поэтому для каждой местности крайне важно проявлять и подчеркивать свою идентичность и уникальные особенности. Кухня – это первое, что позволяет безошибочно идентифицировать место, ничто так не формирует устойчивый образ региона, как местная еда и напитки.

Осознавая это, страны и города строят свои бренды в неразрывной связи с локальными продуктами и традициями их приготовления, соответственно формируя маркетинговую стратегию. В основе гастрономического туризма лежит качественный продукт. Стимулируя производство местных экологических продуктов, регионы продвигают их на национальном и международных рынках, прививают культуру и гастрономические ценности, а также развивают знания местного населения.

Национальные туристические организации разных стран, уделяя внимание развитию гастротуризма в своих странах и в отдельно взятых городах, развивают сотрудничество туристических компаний и различных туристических объектов с заведениями общественного питания и производителями местных продуктов, благодаря чему появляются новые туристические маршруты.

В Украине, несмотря на свойственный нам культ еды, food tourism пока не очень развит. Только начинают появляться гастроивенты, но пока они носят локальный характер и ориентированы в основном на местных жителей. Крупных мероприятий с самостоятельным брендом, которые бы могли привлечь туристов из других городов и стран, пока не хватает. То же самое можно сказать и о ресторанном бизнесе. Несмотря на наличие меню на иностранных языках, пока у нас не так много ресторанов, чей бизнес зависел бы от туристического потока хотя бы на треть. Украина имеет разнообразные культурные традиции регионов, а также богатый природный и сельскохозяйственный потенциал. Пример тому – Одесская область с ее многонациональной кухней. Объединив между собой производителей продуктов, рестораторов, туристических операторов и организаторов событий, мы можем сполна использовать все имеющиеся у нас шансы и создать уникальную националь-

ную гастрономическую карту, а также сеть туристических маршрутов, которая будет пользоваться спросом во всем мире и привлекать туристов из разных стран.

Успех каждого гастрономического региона зависит от трех ключевых моментов:

1) Качество и экологичность местных продуктов;

2) Талант местных поваров и культурная идентичность приготовления ими блюд;

3) Сочетание безупречного, но аутентичного сервиса.

«Моя одесская кухня»

Так назвал свою книгу известный ресторатор и кулинар Савелий Либкин. Он активный и неутомимый пропагандист одного из ярких брендов Южной Пальмиры – уникальных традиций застолья на основе рецептов блюд, созданных представителями разных этносов, сформировавших особую общность – одесситов.

Основа одесской кухни – аутентичные продукты, многие из которых обладают особым неповторимым одесским вкусом, купленные на наших одесских рынках и в наших одесских магазинах.

Предлагаем вам меню одесского обеда по рецептам С. Либкина.

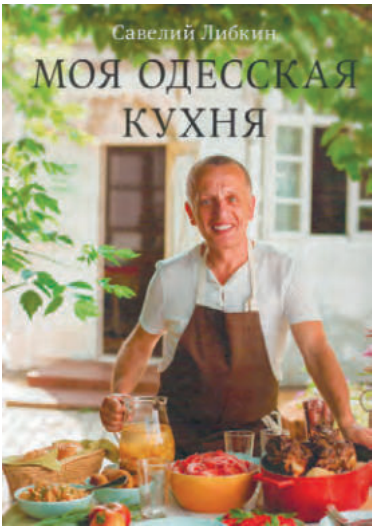
Икра из синих

У меня в семье, и не только у меня, а во всем нашем кругу, делали так: пекли синие на жестяном круге на примусе или на противне. Причем родители утверждали, что на сковороде получается совершенное «не то», потому как у нее слишком массивное дно. Так это или нет – не знаю, но я чисто эстетически воспринимал синие только на противне.

Икру из синих можно только рубить. Не тереть на терке, не молоть на мясорубке, не измельчать блендером. Именно рубить! В классическом исполнении – деревянным ножом, чтобы на вкусе не сказался процесс окисления.

Баклажаны моем, накалываем вилкой или ножом, чтобы они не начали «стрелять». Запекаем в духовке на противне до готовности при 180°С. Как вариант, печь можно, переворачивая с боку на бок, и в чугунной сковороде под крышкой. А в идеале – на мангале: тогда икра получится с дымком.

Савелий Либкин
МОЯ ОДЕССКАЯ КУХНЯ

Готовые баклажаны перекладываем на доску и оставляем на 15 минут, чтобы стек сок.

Помидоры сорта «микадо» подпекаем на сковороде и снимаем с них кожицу.

Репчатый лук режем и пассеруем в подсолнечном масле. Все овощи охлаждаем.

Баклажаны, помидоры и лук очень мелко рубим ножом. Выдавливаем один зубчик чеснока, добавляем к овощам и продолжаем рубить, добиваясь получения нужной консистенции: почти однородной, но не похожей на мусс. Раз мы делаем икру, в ней должны быть «икринки».

Готовую икру заправляем мелко рубленной зеленью и подсолнечным маслом. На самом последнем этапе солим.

По возможности даем икре несколько часов настояться.

Совсем не русский форшмак

В моей семье форшмак тоже делала именно бабушка. От нее я научился нехитрому и эффективному способу разделки селедки, с которого предлагаю начать.

Острым тонким ножом делаем по спине и около головы непотрошеной дунайки неглубокие надрезы и снимаем кожу, начиная с головы. После этого отрезаем голову.

Затем берем селедку за хвост двумя руками и разрываем ее, как лист бумаги. Если все сделать правильно – получатся две половинки. При этом все кости останутся на спинной части. Снимаем спинки с хребта, а брюшную часть освобождаем от внутренностей и мелких косточек (если остались).

В итоге из одной рыбины легко и просто получится четыре полоски филе. Но этот способ разделки годится только для приготовления блюд из рубленой сельди.

Теперь можно приступить к приготовлению.

Филе сельди рубим ножом.

У белой булки обрезаем корочку, заливаем молоком и отжимаем.

Репчатый лук чистим и промываем под проточной водой.

Кислое яблоко, лучше всего сорта «ренет Симиренко», очищаем от кожуры и сердцевины с семенами.

Яблоко и лук трем на мелкой терке.

Добавляем к ним размягченное сливочное масло, булку и филе сельди. Теперь можно посолить и поперчить по вкусу. Не забыть каплю лимонного сока или уксуса для вкуса.

Все хорошо вымешиваем.

Подаем форшмак с гренками и лимоном или, как вариант, в виде готовых бутербродов. Для этого ломтики бородинского хлеба слегка поливаем оливковым маслом, накладываем, не жалея, форшмак, а сверху – кусочек сельди. Такой бутерброд хорош с рюмкой ледяной водки.

Уха из камбалы и кефали

В Одессе конкуренцию ухе может составить только борщ. Это все-таки два главных местных «жидких». Поэтому свои рецепты, секреты ухи есть в каждой одесской семье, где готовят. То есть действительно в каждой.

Кефаль моем и потрошим. Из головы камбал удаляем глаза и жабры, а саму камбалу разделываем так, чтобы получилось чистое филе: удаляем из каждого куска кости и снимаем с него шкуру.

Кости и голову камбалы вместе с мелкой кефалью заливаем холодной водой и доводим до кипения. Затем уменьшаем огонь и варим 30 минут без видимого кипения.

Получившийся рыбный бульон процеживаем через сито.

Помидоры ошпариваем, снимаем кожицу, удаляем семена, а мякоть нарезаем кубиками. Лук, перец, морковь, корень петрушки и сельдерея моем, чистим и нарезаем вдоль на 4 части.

Подсаливаем наш рыбный бульон, опускаем в него картофель, нарезанный кубиками, добавляем все остальные овощи и варим на умеренном огне до полуготовности картофеля.

Затем закладываем все пряности: лавровый лист, горошины душистого и черного перца, зерна кориандра.

Вливаем в уху рюмку водки и продолжаем варить в течение 15 минут.

Опускаем в бульон нарезанное крупными кусками филе камбалы и готовим еще 15 минут. За минуту до выключения огня доводим уху солью до вкуса.

При подаче кусок камбалы заливаем бульоном с овощами и посыпаем уху мелко рубленной петрушкой.

Жаркое из говядины с черносливом

Это жаркое, пришедшее из еврейской кухни, в Одессе обычно называют без уточнений – просто «кисло-сладким». Всем понятно, о чем речь. Мясо из него всегда съедается первым, но наиболее вкусное остается на дне казанка – тот самый кисло-сладкий соус.

Покупаем на рынке чернослив и белый изюм. Обращаем внимание на то, что они должны быть матовыми: блестеть сушеный фрукт может только в том случае, если его чем-то дополнительно обработали. Аромат костра, исходящий от чернослива, говорит о том, что, скорее всего, его коптили при помощи «жидкого дыма». Поэтому выбираем обязательно черный, матовый, «без дымка», желательно сухой и сладкий, но с легкой кислинкой. Лучше взять с косточками и вынуть их дома.

Чернослив без косточек и белый изюм замачиваем в холодной воде на 1 час.

Кусок говяжьего антрекота зачищаем от всех пленок и нарезаем кубиками примерно по 50 граммов каждый.

Крупные клубни картофеля сорта «синеглазка» моем, чистим и нарезаем кубиками того же размера, что и мясо.

Репчатый лук и морковь моем, чистим и нарезаем: лук – крупными дольками, а морковь – кубиками.

В чугунном казане обжариваем мясо на растительном масле в течение 20 минут. Добавляем лук и обжариваем еще 15 минут.

Вливаем 200-250 мл бульона и уменьшаем огонь. Тушим 75 минут, постоянно помешивая и иногда понемногу подливая бульон.

Солим, слегка перчим, добавляем 5-7 горошин душистого перца и 1 лавровый лист.

Засыпаем чернослив с изюмом и заливаем бульоном так, чтобы он едва покрывал мясо с овощами. Тушим еще 25 минут.

В конце добавляем картофель и, плотно закрыв крышкой, оставляем жаркое на самом маленьком огне на 35-40 минут. Не перемешиваем и не открываем крышку. Необходимо рассчитать время приготовления так, чтобы подать жаркое через час после выключения огня.

Торт «Наполеон»

«Это главный одесский десерт», – так начинает Савелий Либкин свой гимн «Наполеону». Но мы не станем давать здесь рецепт его приготовления… Дело в том, что в нашем городе проходит конкурс на лучший одесский тортик, и каждая хозяйка может в нем если не победить, то достойно заявить о себе.

Дерзайте!

Михаил Пойзнер

Не словом единым…

В 2007 году «по телевизорам» искрометно, на одном дыхании, пронеслась «Ликвидация». Радости не было предела. Одесса буквально замерла! И разве только Одесса?!

Наше родное, одесское – на поверхности! Как говорится – щупай, измеряй даже глазами! Тот Гоцман в исполнении Машкова прямо стоял у всех «перед жизнью». Мол, знай наших! Когда кругом ахали и охали, в Одессе все-таки усмехались – напутали те ре-

В мастерской А. Токарева
Слева направо: В. Курлянд, А. Поярков, А. Токарев, М. Пойзнер. Июль 2008 г.

жиссеры с теми операторами по «части Одессы» тоже прилично. Но это уже другое…

Изначально и я принимал какое-то незаметное участие в подготовке сценария «Ликвидации», что-то подсказывал сценаристу Леше Пояркову. Подсказывал, чтобы больше приблизиться к настоящей Одессе, чтобы поглубже окунуться в атмосферу тех одесских лет.

Даже умудрился поработать в спецархиве областного управления милиции, впервые (до меня это никому не удавалось) просмотрел личное дело Давида Курлянда – одесского прототипа Гоцмана. А дело-то до сих пор хранится под грифом «Сов. секретно»!.. Короче, все это в конечном счете докатилось до Киева. Тогдашний министр внутренних дел Украины Луценко дал отмашку ставить в Одессе возле областного управления милиции памятник Гоцману.

Установить сам памятник – дело, вроде бы, нехитрое, а задумываться все же надо. С кого лепить Гоцмана? В Киеве, например, когда ставили памятник Паниковскому, лепили с Зиновия Гердта, прямо по кинофильму «Золотой теленок». А тут если лепить с Машкова в военной форме, то тот же Машков играл жулика в известном кинофильме «Вор», тоже в военной форме…

Посоветовались с внуком Курлянда Володей и все же решили взять за основу фото Давида Курлянда конца 40-х годов. То самое фото, которое я «нашел» в спецархиве областной милиции. Кстати, сходство с Машковым – поразительное!

Памятник «делал» скульптор Александр Токарев. А Саша никогда ничего автоматически не делал. Позировал Саше другой наш приятель, тоже Саша, которого мы много раз заставали в мастерской Токарева, – в военной форме, застывшего с вытянутой рукой.

В итоге памятник получился.

А если добавить еще и голубей, мастерски придуманных Сашей Токаревым? Голубей, символизирующих надежду на все-таки мирную жизнь.

Было также решено на фасаде здания областного управления милиции, возле памятника, закрепить табличку со словами –

что-то вроде девиза, который должен являться основой жизни и службы работников милиции.

Я написал текст:

«Честь. Мужество. Благородство.

Оперативным сотрудникам Одесского уголовного розыска послевоенных лет.

Благодарные одесситы»

Текст понравился. Однако необходимо согласование тогдашнего начальника одесской областной милиции – генерала, не так давно прибывшего в Одессу откуда-то с Западной Украины. Между прочим, человека приличного и профессионального.

Генерал сразу же одобрил текст посвящения. Потребовался перевод на украинский язык. У тут-то начались сложности.

Переводили слово в слово, под руководством генерала.

Как будет *«Честь»*? Так и будет: *«Честь»*.

Как будет *«Мужество»*? Пишем: *«Мужність»*.

Как будет *«Благородство»*? А *«Благородство»*, если дословно, – *«Шляхетність»*. Когда-то в это вкладывали несколько иной смысл, очевидно, имея в виду родословную. Мол, какая кровь в жилах течет…

Генерал сразу же возразил руками: «Нет, нет! Не пойдет! Вы что, такое написать?! Где-где, а в Одессе никто не разберется. Еще смеяться будут…».

Мы предложили заменить *«Благородство»*, например, на *«Достоинство»*.

Генерал снова возмутился: «Еще хуже! *«Достоинство»* будет *«Гідність»*. Это еще кто как в Одессе поймет…».

Начались размышления вслух: «Может, написать на украинский манер *«Благородність»*?

Нет!

Генерал принял волевое решение.

Так и оставили *«Благородство»*, хотя такого слова в украинском языке нет.

Слова такого нет, но в Одессе не заметят…

В Одессе не заметили.

А как по мне, так пиши с любыми ошибками.

Это *«Благородству»*, настоящему *«Благородству»*, не помеха.

Михаил Пойзнер

Не словом единым…

В 2007 году «по телевизорам» искрометно, на одном дыхании, пронеслась «Ликвидация». Радости не было предела. Одесса буквально замерла! И разве только Одесса?!

Наше родное, одесское – на поверхности! Как говорится – щупай, измеряй даже глазами! Тот Гоцман в исполнении Машкова прямо стоял у всех «перед жизнью». Мол, знай наших! Когда кругом ахали и охали, в Одессе все-таки усмехались – напутали те ре-

В мастерской А. Токарева
Слева направо: В. Курлянд, А. Поярков, А. Токарев, М. Пойзнер. Июль 2008 г.

жиссеры с теми операторами по «части Одессы» тоже прилично. Но это уже другое…

Изначально и я принимал какое-то незаметное участие в подготовке сценария «Ликвидации», что-то подсказывал сценаристу Леше Пояркову. Подсказывал, чтобы больше приблизиться к настоящей Одессе, чтобы поглубже окунуться в атмосферу тех одесских лет.

Даже умудрился поработать в спецархиве областного управления милиции, впервые (до меня это никому не удавалось) просмотрел личное дело Давида Курлянда – одесского прототипа Гоцмана. А дело-то до сих пор хранится под грифом «Сов. секретно»!.. Короче, все это в конечном счете докатилось до Киева. Тогдашний министр внутренних дел Украины Луценко дал отмашку ставить в Одессе возле областного управления милиции памятник Гоцману.

Установить сам памятник – дело, вроде бы, нехитрое, а задумываться все же надо. С кого лепить Гоцмана? В Киеве, например, когда ставили памятник Паниковскому, лепили с Зиновия Гердта, прямо по кинофильму «Золотой теленок». А тут если лепить с Машкова в военной форме, то тот же Машков играл жулика в известном кинофильме «Вор», тоже в военной форме…

Посоветовались с внуком Курлянда Володей и все же решили взять за основу фото Давида Курлянда конца 40-х годов. То самое фото, которое я «нашел» в спецархиве областной милиции. Кстати, сходство с Машковым – поразительное!

Памятник «делал» скульптор Александр Токарев. А Саша никогда ничего автоматически не делал. Позировал Саше другой наш приятель, тоже Саша, которого мы много раз заставали в мастерской Токарева, – в военной форме, застывшего с вытянутой рукой.

В итоге памятник получился.

А если добавить еще и голубей, мастерски придуманных Сашей Токаревым? Голубей, символизирующих надежду на все-таки мирную жизнь.

Было также решено на фасаде здания областного управления милиции, возле памятника, закрепить табличку со словами –

что-то вроде девиза, который должен являться основой жизни и службы работников милиции.

Я написал текст:

«Честь. Мужество. Благородство.

Оперативным сотрудникам Одесского уголовного розыска послевоенных лет.

Благодарные одесситы»

Текст понравился. Однако необходимо согласование тогдашнего начальника одесской областной милиции – генерала, не так давно прибывшего в Одессу откуда-то с Западной Украины. Между прочим, человека приличного и профессионального.

Генерал сразу же одобрил текст посвящения. Потребовался перевод на украинский язык. У тут-то начались сложности.

Переводили слово в слово, под руководством генерала.

Как будет *«Честь»*? Так и будет: *«Честь»*.

Как будет *«Мужество»*? Пишем: *«Мужність»*.

Как будет *«Благородство»*? А *«Благородство»*, если дословно, – *«Шляхетність»*. Когда-то в это вкладывали несколько иной смысл, очевидно, имея в виду родословную. Мол, какая кровь в жилах течет…

Генерал сразу же возразил руками: «Нет, нет! Не пойдет! Вы что, такое написать?! Где-где, а в Одессе никто не разберется. Еще смеяться будут…».

Мы предложили заменить *«Благородство»*, например, на *«Достоинство»*.

Генерал снова возмутился: «Еще хуже! *«Достоинство»* будет *«Гідність»*. Это еще кто как в Одессе поймет…».

Начались размышления вслух: «Может, написать на украинский манер *«Благородність»*?

Нет!

Генерал принял волевое решение.

Так и оставили *«Благородство»*, хотя такого слова в украинском языке нет.

Слова такого нет, но в Одессе не заметят…

В Одессе не заметили.

А как по мне, так пиши с любыми ошибками.

Это *«Благородству»*, настоящему *«Благородству»*, не помеха.

Наиль Муратов

Юлька-шарманщица

В Одессе каждое арт-кафе зарабатывает как умеет. В полуподвальном «Таракане», например, время от времени организуют рок-фестивали. Такие, знаете ли, мини. Ну, скажем, приехали в гости к кому-то из одесситов музыканты из Бердичева, а у нас и у самих таких талантов не меряно. Вот и устраивается соревнование типа футбольного – с пивом. А для лучшего проникновения в тему и с кое-чем покрепче. Публика наведывается постоянная, от пятнадцати до сорока. Гвалт жуткий, но спасает аппаратура: доносит до ушей и вокал, и музыку. Здесь все друг друга знают по имени, и каждый – колоритная личность. Вот Юлька, например. В «Таракан» она никогда не наведывается одна, только с подругой Дашей. Даша – исключение из правил. Никакого макияжа, одета скромно, и точно так же себя ведет. В этой паре ведущая – Юлька. Приходит, как правило, в чем-то невообразимом и сразу же заказывает коньяк. Обычно ей хватает одной рюмки. Пьяненькая, она начинает громко орать «браво» исполнителям и цепляться ко всем присутствующим мужского пола. В общем, отрывается по полной. Правда, на Юльку никто не ведется, потому что бесперспективно: никогда не теряющая бдительности Даша ревниво оберегает подругу от чужих заигрываний.

Шарманщицей Юльку прозвали после очередного фестиваля. Во время антракта она вдруг вылезла на сцену с ветхой коробкой, оказавшейся настоящей шарманкой. Воспроизведенная сим допотопным механизмом музыка особо никого не впечатлила, тем не менее оригинальность выходки присутствующие оценили, наградив исполнительницу овацией и заодно соответствующей кличкой.

А совсем недавно Юлька стала причиной грандиозного скандала. На очередной «фестиваль» она заявилась в облегающем коротком платье из кожзаменителя, с которым отлично гармонировали блестки на щеках, густые темные тени под глазами и иссиня-черный ежик волос. Из-за спины Юльки выглядывали два крыла, похожие на стрекозиные. В общем, полный отпад для тех, кто понимает, а понимающих в таких местах всегда хватает. Денег на коньяк у Юльки, видимо, не было, поэтому она сидела трезвая и злая. Ничего бы, наверное, и не случилось, но кто-то угостил подруг косячком, и к тому времени, когда начался рок-концерт, обе они достигли пика блаженства. Второй косячок, выкуренный впопыхах в туалете, оказался той роковой каплей, что переполнила чашу. В перерыве Юлька решительно полезла на опустевшую сцену.

– Эй, ты че? – выкрикнул один из музыкантов, не успевший дойти до стойки бара.

В полифоническом гаме арт-подвала Юлька его просто не услышала. Подошла к электрооргану и, зачарованная, остановилась.

– Да ладно, пусть слабает что-нибудь! – снисходительно заметил кто-то из публики.

– Она хоть по клавишам бить умеет? – поинтересовался музыкант у Даши.

– Как богиня! – немедленно отозвалась прилично окосевшая Даша.

К сожалению, проверить ее слова не удалось: после выступления орган успели обесточить, а секрет его включения был Юльке неведом. Как привидение она начала бродить по сцене, переходя от бас-гитары к ударным и обратно, пока не уперлась прямо в старенькое фортепьяно, доставшееся «Таракану» в наследство от предыдущего хозяина. Перетащив одну из табуреток к почтенному инструменту, Юлька открыла крышку и одной рукой коснулась клавиш, но в зале стоял такой шум, что звучания нот никто не услышал. Тогда она устроилась поудобнее и начала играть.

Вообще-то, зная ее причуды, на Юльку никто особо внимания не обращал. Занимался народ обычным в таких случаях делом: потягивая пиво или коньяк, каждый старался перекричать

соседа, чтобы поделиться с окружающими драгоценными мыслями. Первыми Юльку услышали за двумя ближними столиками: мягкие звуки Лунной сонаты заставили удивленно умолкнуть сначала одного, а потом и всех остальных сидящих здесь фанатов тяжелого рока. Поскольку число разговаривающих уменьшилось, музыка стала слышнее, и ее начали улавливать уши меломанов, расположившихся во втором ряду. Кто-то из них застыл, так и не донеся кружки с пивом ко рту, кто-то просто умолк на полуслове. Процесс этот неспешно распространялся по залу, обездвиживая присутствующих подобно облаку отравляющего газа. Спустя несколько минут в зале была слышна только гениальная музыка Бетховена. Юлька играла вдохновенно: ее руки летали над клавиатурой, как две птицы, и им в такт трепетали крылья за спиной.

После последнего аккорда наступила такая гнетущая тишина, словно с окончанием музыки пришло и окончание жизни. Никому не пришло в голову аплодировать: созвучия Лунной сонаты все еще продолжали вибрировать в душах присутствующих. Молча сидели долго, затем тишину нарушил голос одного из рокеров:

– Ты где так научилась?

– В консерватории! – ответила гордая за подругу Даша и, не удержавшись, выкрикнула:

– Юлька – лучшая!

Мысль, что Шарманщица учится в консерватории и является куда более талантливым музыкантом, чем любой из присутствующих, с трудом пробивала путь в умы завсегдатаев «Таракана».

– Давай еще! – неожиданно попросил ударник, и в этот момент раздались наконец заслуженные аплодисменты.

– Выдай им Баха! – громко предложила Даша.

Органист вылез на сцену и буквально за несколько секунд настроил свой инструмент. Юлька с выражением блаженства на лице, вызванном то ли творческим подъемом, то ли травкой, но скорее совместным действием обоих этих компонентов, подошла к органу. От первых же аккордов по спинам слушателей побежали мурашки: такую музыку здесь никогда не слышали.

И, видимо, больше не услышат. Владелец «Таракана», вовремя сообразивший, что с каждым тактом бессмертной фуги из кассы

заведения безвозвратно уносится часть прибыли, начал подбираться к сцене. В руке он держал первое, что подвернулось под руку, – швабру. Двигало хозяином ясное понимание того, что за последние двадцать минут в заведении не было продано ничего – ни пива, ни коньяку, ни даже пустяковой упаковки чипсов.

– Ты что тут творишь, тварь обдолбанная?! – заорал хозяин, перекрикивая звуки органа.

Юлька взвизгнула, поскольку швабра пронеслась в опасной близости от ее ноги, и рванула со сцены к выходу из подвала. За ней бросилась Даша, а следом помчался хозяин, но будучи от природы толстым и неповоротливым, догнать девушек он не смог. Только крикнул вслед:

– Чтоб ноги вашей здесь больше не было!

– Да пошел ты, хрен собачий! – откликнулась сверху Юлька.

Но еще более забористыми оказались ругательства, озвученные безобидной доселе Дашей, что окончательно взбесило владельца арт-кафе. К его несчастью, брошенная им швабра в беглянок не попала, зато разбила вдребезги зеркальное стекло входной двери.

С тех пор в «Таракане» исполняют только нормальный, вполне созвучный нашему замечательному времени рок. А Юлька… боюсь, что ее музыку вы теперь сможете услышать только на концертах в консерватории. Но мой вам совет: не приходите туда с пивом или с косячком. Там это не принято.

Максим Блох

Дедушкины истории

Одесса-мама и пальто

Начну издалека.

Мне решили купить пальто. Эпоха дефицита. С папой долго мотались на машине и где-то в районе Фрунзенской набережной нашли магазин. Биля! Я в восьмом классе, влюблен. А там пальто габардиновое с искусственным воротником. И моего размера нет. Папа сказал:

– Берем! На вырост!

Мои робкие протесты не были приняты в расчет.

Боже! Эпоха мини, а пальто миди, рукава до первых фаланг пальцев.

Позор мне, но я решил вырасти побыстрее. А какая альтернатива?

Но я не об этом.

Умерла какая-то тетя Циля. Я ее едва знал.

Хоронили ее на Донском.

Мой дед, одесский, громко рыдал.

Я его отвел на скамейку, мы присели. Он прильнул к моему плечу и пальто. Приобнял меня и сквозь рыдания, сказал:

– А у тебя новое пальто? – ощупав, добавил: – А матерьяльчик неплохой, добротный.

Два Парижа – 1

На инерции постхрущевской оттепели, в 1967-м, мой одесский дед нашел свою сестру Фиру, Эсфирь, в Париже. Прошло ровно полвека

как они не виделись, разлученные «окаянными годами». Дед остался здесь, она уехала в эмиграцию.

Она стала мадам Монтазани и жила на рю Марешаль-де-Фош.

Это богатый район. Я не знаю, кто был мсье Монтазани, но звучит.

И деда собирали туды, в Париж, всем кагалом.

Был пошит новый костюм, куплены и начищены картонные ботинки. Матрешки, водка, икра.

И дед отбыл.

Через три недели дед был возвращен нам в целости и сохранности, в парижском костюме и остроносых крокодиловых туфлях. И с подарками родне.

Туфли перекочевали к моему папе, ибо дед не понял рокабилли.

Я их на новогоднем вечере в школе использовал для соблазнения возлюбленной.

Помогло. Или мне кажется? Но это было позже. Под Адамо.

А ее сын был тогда консулом где-то во французской колонии, в Западной Африке, не помню где. В Сенегале?

Это будет относительно важно в части второй.

О Распутине и деде, точнее – наоборот

Я уже писал, давно, повторюсь кратко.

Мой дед поехал из Одессы в Питер, к Распутину, просить записку в Ростовский университет, чтоб его приняли по квоте.

Об этом у меня есть запись на кассете, даже двух. В начале 70-х папа его заставил рассказать эту и прочие истории.

Это шедевр! Вы уже узнали немного моего деда? А представляете, что дед там надиктовал?

У меня сил нет разворочать мои коробки, они тяжелые, неподъемные.

Друзья знают. И до мая нет возможности.

Опять пролет.

А Распутин дал ему записку. Но у деда увели чемодан в поезде.

Но ничего, но он вспоминал под запись, что творилось у Распутина в приемной. И что слышали сидящие в очереди.

Но это не наше дело?

Два Парижа – 2. Ответный визит

В мае знаменитого 1968-го, когда Кон-Бендит – о, франкофоны меня бы поняли, сколько там нецензурного, – так вот, когда началась эта студенческая милая фуйня, и когда Де Голль все это пресек, зная, что анархия не сестра демократии, когда мир был на грани разлома между поколениями, сестра деда приехала в Москву.

Тетя Фира поселилась в «Метрополе», в номере люкс.

И с ней прибыла ее невестка по имени Дениз.

Это имя мне еще раз встретилось по жизни, но я о другом.

Родственники во главе с дедом, в коем прослеживалась гордость за преодоление полувековой покорности власти, который стал смел и безогляден.

Мы все явились в «Метрополь», прослушиваемый насквозь, и вели свободолюбивые речи про дефицит и прочие притеснения.

Я был слишком юн, но я прислушивался и поедал канапе с черной икрой.

А тетя Фира отказалась выходить на все время визита в город. Она сказала:

– Если бы мы встретились в Одессе!

А ее невестка ходила со мной по Калининскому проспекту, только отстроенному, и она, француженка, дивилась. Такие огромные витрины, а товаров нет. А в Париже витрины маленькие, а товары ломятся.

В меня закралось что-то нехорошее про наш легпром.

Я робко сказал ей на своем недоученном франсэ, что мы тут тайно любим с ребятами «Битлз».

Она воскликнула, мол, какой вопрос? Пришлю все, что найду!

Через два месяца мне пришло письмо, выслала, мол, много.

Почта молчит до сих пор.

А еще полвека прошло.

Обида у меня на совок, и не первая.

А так жили неплохо, не знали ничего, кроме того, что там негров бьют и коварные планы НАТО строят.

Долго запрягают. А наши уже запрягли.

Я спать

Лайкайте, если не лень, как говорил дедушка, я с этого ничего не имею, но мне это приятно.

И это кое-что. Таки.

Заходите в гости. Хотите чаю? Почему же нет? Ну нет, так нет.

Москва

Сергей Осташко

Как закалялся чугун…

Пародия с эпиграфом, который больше, чем сама пародия

Сармачному Евгению Деменку посвящается

Эпиграф

Сармачный

Это привычное для нас слово имеет интереснейшую историю и происходит от названия племени, две тысячи лет назад заселявшего огромную территорию от Средней Азии до Дуная. Да-да, это сарматы. И недаром слово «сармачный» мы применяем в значении «состоятельный», «богатый». Ведь после завоевания Европейской Скифии в III веке до нашей эры сарматы стали одним из самых могущественных народов древнего мира. Собственно говоря, вся Восточная Европа и Кавказ получили тогда название Сарматия. Сарматы заставили считаться с собой даже Римскую империю – они добились от Рима выплаты ежегодных субсидий в обмен на участие в обороне римских границ на Дунае. Прекратив получать дань, в 117 году сарматы вторглись в дунайские провинции Рима, и после двухлетней войны империя вынуждена была возобновить выплату дани. Вторая война с Римом состоялась в 160-е и 170-е годы. В 179 году Марк Аврелий заключил мирный договор с сарматским царем Зантиком, пойдя на условия сарматов, – те же, в свою очередь, вернули Риму сто тысяч пленных. Интересно, что после этого восьмитысячный отряд сарматской конницы был принят в римскую армию, при этом часть всадников отправлялась служить в Британию, и, по мнению французского ученого Жоржа Дюмезиля, именно сарматские мифы легли в основу кельтских мифов о короле Артуре и рыцарях круглого стола.

Восточные сарматы, которые жили в степях Прикаспия и Предкавказья, господствовали над западным и северным побережьем Каспийского моря и контролировали торговые пути, шедшие через Кавказ и Среднюю Азию. Их богатство и могущество объясняли участием в международной торговле. Именно через их территорию проходил торговый путь, соединявший Китай и Среднюю Азию с Восточной Европой, и морской торговлей по Черному и Средиземному морям.

Сарматское могущество постепенно сошло на нет с началом великого переселения народов, начало которому положили гунны, напавшие с территории Китая на восточные владения сармат. Потерпев поражения в многочисленных сражениях, часть сармат ушла на Запад и растворилась среди европейского населения Римской империи, часть ушла на Кавказ, а часть закрепилась на Дону и влилась в древнерусский этнос. Именно эти сарматы – донские аланы, – будучи ассимилированными восточными славянами, вошли потом в состав казачества, а через него – в состав русской и украинской наций. Именно через них и появилось в нашем языке слово сармачный.

А еще говорят, что словом *чугун* мы обязаны никому иному как гуннам. Но это уже предмет отдельного исследования.

Евгений Деменок

А теперь, собственно, пародия

Как известно, богатые и непобедимые сарматы, воюя во II веке с римлянами, всегда возвещали о своем приближении звоном колоколов. А так как они были богатыми (сармачными), то и колокола лили исключительно из серебра. И слыша этот серебряный звон, враги в страхе разбегались в разные стороны. Именно благодаря этому сарматы долгое время считались непобедимыми.

Победить их удалось только гуннам, царь которых – Аттила, как известно, был глухим. Причем глухим настолько, что и сам не знал, как правильно произносится его имя: Аттила или Отелло. Два «т» или два «л»? Поэтому он отзывался на любое из этих имен.

Из-за своей глухоты царь Аттила не услышал приближения сарматов, не разбежался в разные стороны, а вышел навстречу врагу и поразил его. Именно с этим позорным поражением сарматов связана потеря второго «н» в изначальной транскрипции слова «серебряный».

Завоевав сарматов, Аттила решил в дальнейших завоеваниях применять сармачную военно-колокольную хитрость. Но поскольку царь был глухой, то приказал отлить колокола не из серебра, а из железа, причем достаточно низкого качества.

«Я не слышу никакой разницы», – аргументировал он свой приказ и велел звонить к атаке.

Но племена древних германцев, в отличие от Аттилы, обладали идеальным слухом. Поэтому, услышав звон и не зная, где он, германцы вначале испугано прислушались – «Чу?» – потом, убедившись, что это не серебряные колокола сарматов, успокаивались – «Гун!». А затем выбегали навстречу и били нападающих.

Именно благодаря этим набегам гунны были вынуждены отступить от границ Римской империи буквально через 15 лет после смерти Аттилы, а мы получили для железа, загрязненного углеродными примесями, название «чугун».

P. S. Исследователи новейшей истории утверждают, что из-за непрекращающегося падения курса рубля в ближайшее время следует ожидать потерю второго «н» в слове «деревянный».

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Анатолий Контуш
Одесса и другие явления природы
Одесса, Optimum, 2015

Писать об Одессе трудно. Сколько уже написано превосходных романов, рассказов, стихов! Писать об Одессе легко, поскольку каждое признание в любви, если оно искреннее, всегда неожиданно и личностно. Именно в этом убеждаешься, читая новую книгу Анатолия Контуша, крупного ученого-биофизика, работающего в Париже, но сердцем оставшегося навсегда в Одессе.

Это книга рассказов, часть из которых публиковал наш альманах. Но вместе с тем это единый текст, где рассказы утопают в сложной конструкции – портретах друзей автора и портретах улиц родного города.

Предисловие к книге написал парижский журналист поэт Виталий Амурский, очень точно назвав ее «Путем Одиссея».

Очень удачно издательство подобрало обложку к этой ностальгической книге, репродуцировав картину Льва Межберга «Дом Руссова».

Как после этого не процитировать последние две строки из «Эпилога»:

«И только не переживай за нее:
Одесса была, есть и будет одесской».

Константин А. Ильницкий
Смотритель времен. Стихи
Одесса, Порты Украины, 2015

Это вторая книга стихов одесского журналиста и путешественника Константина Ильницкого. Конечно, это не только география, это осмысление жизни профессиональным историком, открытость всем бедам и горестям очень небольшого, как оказалось, земного шара.

Написал предисловие к этому сборнику стихов, поэтому не хочу повторяться. Правильным будет привести отклик на эту книгу из далекой Австралии, написанный Юрием Михайликом и помещенный на последней странице обложки:

«Сказание о Гильгамеше» – так называется самая древняя известная нам поэма о странствии. Уровень мастерства ее неведомых авторов таков, что ясно – «они стояли на плечах титанов». И на их плечах стояли странники последующих поколений, и сколько бы их ни было, всякий раз Одиссей возвращался «пространством и временем полный».

Вот об этом и речь, не о путевых заметках, о том, что у всех поэтов главнейшим вопросом творчества было наше восприятие мира, его пространства, способ понимания нашего (и не только нашего) времени.

Книга Константина Ильницкого написана поэтом, и дело не в литературной умелости – мало кто не умеет сегодня рифмовать, не умеет сплетать и шлифовать метафоры. Константин Ильницкий видит мир со свежестью человека, допущенного к его подлинности, новизне и древности, с пониманием человека, принадлежащего зрелой культуре. И оба эти поэтические свойства сегодня попадают, к сожалению, в разряд редкостей».

Александр Бирштейн
Будем жить. Рассказы
Одесса, Плутон, 2015

Новый сборник рассказов Александра Бирштейна написан на автобиографическом материале. Здесь нет сквозных героев ряда других его книг, которыми он причудливо заселил Одессу. Здесь сам автор, проходящий путь взросления, постижения сложных законов жизни. Это ироническая проза, в которой автор не скрывает улыбку, воссоздавая свой путь постижения мира. Но это и поэтическая проза. И если даже не знать, что А. Бирштейн начинал как поэт, и сейчас пишет стихи, надеюсь, мы увидим его поэтический сборник, то в этой книге рассказов, в ее образности и метафоричности, присутствует поэт.

И еще. В этом сборнике рассказов автор убедительно пользуется возможностями короткой прозы. То ли время сейчас такое, то ли Фейсбук воспитывает и в читателе, и в писателе тягу

к минимализму. Уже трудно представить автора, который возьмется за свою «Сагу о Форсайтах», да и чеховская «Степь» кажется повестью. И поэтому мускулистость текстов, где в двух-трех страницах умещается не только фабула, но и отношение автора к происходящему, привлекают в этой книге Александра Бирштейна.

Аркадий Рыбак
Флирт длиною в жизнь
Одесса, Издательство газеты
«Порто-франко», 2014

Признаюсь, я растерялся, узнав, что Аркадий Рыбак начал отсчет седьмого десятка лет. Для меня он вечный юноша, спортсмен, плейбой. И вдруг – попытка подвести предварительные итоги, осмыслить свой путь в журналистике.

В книге много героев, но самыми важными для меня были Белла и Миша Рыбак, родители Аркадия, давшие ему не только жизнь, но и профессию.

Книга проиллюстрирована фотографиями Михаила Рыбака, не устаревшими ни технически, ни эстетически, выдержавшими проверку временем.

Многих журналистов вспоминает в этой книге Аркадий. Я всех их знал, со многими оценками согласен. Но и сейчас, спустя годы, Аркадий не стал называть тех, кто анонимками свел в могилу его отца, мешал ему жить.

Таково его решение. С ним можно не соглашаться. Но нельзя не уважать человека, имеющего свою позицию.

Может, когда-нибудь будет написана история одесской журналистики второй половины XX века. Думаю, ее авторы не смогут обойтись и без этого ценного свидетельства о таких журналистах,

как Ян Софронский, Алексей Иванов, Всеволод Рымалис... Называю спортивных журналистов, с которыми больше, чем с другими, общался автор книги Аркадий Рыбак.

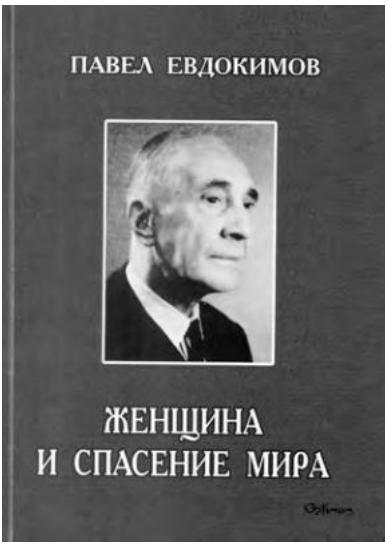
Западное православие. Братство святого Фотия
Переводы Н.А. Полторацкого
Одесса, Optimum, 2015

Павел Евдокимов
Женщина и спасение мира
Перевод Г.Н. Кузнецовой
Под редакцией Н.А. Полторацкого
Одесса, Optimum, 2015

Я не случайно объединил эти две книги, вышедшие благодаря энергии и подвижническому труду Анатолия Катчука, мужа Анны Николаевны Полторацкой. Продолжая начатую ею работу, Анатолий Катчук знакомит читателей с творческим наследием замечательного человека, богослова, просветителя Николая Алексеевича Полторацкого.

Книга «Западное православие» включает не только переводы двух фундаментальных религиоведческих трудов, но и перевод «Писем с горы» Жан-Жака Руссо. Помню, с каким интересом работал Н.А. Полторацкий вместе с В.А. Алексеевым-Поповым над томом Руссо для издательства «Наука». Важно подчеркнуть, что составитель включил в этот том и статьи самого Н.А. Полторацкого «Западное православие», и статьи авторов из его окружения, в частности М. Ковалевского и одессита по происхождению К. Мочульского, впервые опубликовав его воспоминания о Матери Марии.

Книга Павла Евдокимова переведена ближайшим другом Н.А. Полторацкого Галиной Николаевной Кузнецовой. Мало

того, что это не традиционный для ортодоксального православия трактат о роли женщины в мире, в религии, но, кроме этого, замечательное, интересное повествование.

Переводы Н.А. Полторацкого и Г.Н. Кузнецовой показывают, как русские люди в эмиграции бережно сохраняли русский язык.

В книгах приложены воспоминания и о Г.Н. Кузнецовой, и о Н.А. Полторацком. А составитель – Анатолий Катчук – посвятил их памяти Н.А. Полторацкого и А.Н. Полторацкой.

Для детей и их родителей

Первые детские книги. Как много они значат в жизни… Думаю, большинство из нас помнит те первые книги, которые не мы читали, а нам читали. У одних это Маршак, у других Пушкин. Уже вырастает поколение, которому читали Хармса. А я вспоминаю, что в годы войны мне читали лирику Симонова, и я выучил наизусть «Открытое письмо женщине из Вичуга»…

Найти умную добрую книгу для ребенка и себя непросто. Поэтому радует, что в Одессе

для детей пишут Игорь Потоцкий и Инна Ищук, Владимир Рутковский и Евгений Деменок. А недавно в магазинах появились две новые книги.

Светлана Нисилевич
Букварик
Одеса, Друк-Південь, 2015

Роман Бродавко
В первый раз
Одесса, Печатный дом, 2014

Книга Светланы Нисилевич предназначена для самых маленьких – это шутливые, я бы сказал, игровые стихи.

Книга Романа Бродавко обращена не к малышам, а к тем, кому от 7 до 12 лет. Это своеобразное воспитание в стихах правил поведения, восходящее к знаменитому «Что такое хорошо и что такое плохо».

Уверен, что эти книги понравятся не только детям, но и их родителям.

Издано в США

Вера Зубарева, Изя Шлосберг
Гаданье на чернильной гуще
Поэзия. Живопись
Балтимор, 2015

Второй раз стихи Веры Зубаревой выходят в книге альбомного формата в сопровождении живописи и графики. В первый раз ее «Трактат об ангелах» проиллюстрировал Эрнст Неизвестный.

А ныне популярный американский художник, выходец из Белоруссии Изя Шлосберг издал ее книгу стихов «Гаданье на чернильной гуще», сопроводив их репродукциями пятидесяти своих работ.

Книга вышла в серии, основанной И. Шлосбергом, «Библиотека XXI века».

Представлять Веру Зубареву, первого лауреата премии имени Беллы Ахмадулиной, читателю альманаха вряд ли есть нужда. Мы публиковали ее стихи, ее прозу, ее статьи. Так получилось, что в этом альманахе идет подборка ее стихов из только что вышедшей в Америке книги. Зубарева нередко приезжает в Одессу. Думается, на очередной «Зеленой волне» пройдет презентация и этой книги-альбома.

Издано в Санкт-Петербурге

Кото-собачий разговорник
для людей, призраков и ангелов
Петраэдр, 2015

Эта удивительная книга рассказов о кошках и собаках попала в наш обзор в связи с тем, что иллюстратором ее, автором двух обложек – с кошачьей и собачьей стороны – выступает наша землячка, художница и писательница Елена Лебедева.

Психологические, иронические рассказы более чем 50-ти авторов сопровождаются изысканными рисунками Е. Лебедевой. Художница два года назад показывала свои работы во Всемирном клубе одесситов. И в этом году с середины июня до середи-

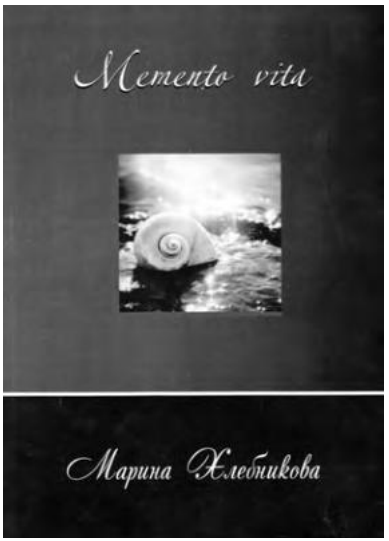
ны июля во Всемирном клубе одесситов пройдет выставка ее работ. В этот раз мы покажем ее «кошачью» и «собачью» серии.

Думается, что знакомство с работами Е. Лебедевой убедят вас в справедливости древней максимы: «Человек выбирает и воспитывает собаку, кошка выбирает и воспитывает человека».

Как я уже писал, Елена Лебедева не только изысканный художник, но и сложившийся литератор. Достаточно прочесть ее рассказ (в кошачьем разделе книги), чтобы понять: это настоящая проза, продолжающая традиции русского психологического рассказа. Думаю, нам предстоит увидеть собственную книгу Е. Лебедевой с ее иллюстрациями. Нашелся бы издатель!

Евгений Голубовский

Memento vita

Как легко и радостно писать предисловия к первым книгам молодых, вступающих в литературу поэтов!

Как трудно и печально писать предисловие к книге стихов ушедшего от нас поэта, не увидевшего при жизни своего первого сборника…

Римляне научили нас мудрости: «Vita brevis ars longa» – «Жизнь коротка, искусство вечно». Эта книга стихов Марины Хлебниковой – прямое подтверждение латинской максимы.

Начну не со стихов, а с рассказа об этом незаурядном человеке. Мы познакомились с Мариной в редакции журнала «Одесса» в 1996 году, куда ее привел наш коллега, ее друг Сергей Осташко. Привел не как поэта, а как начинающего журналиста. «Одесса» тогда платила гонорары, что в те трудные годы было немаловажно.

Удивительно, но начинающей Хлебникова не показалась. Потом я понял: как в поэзию она вошла сразу, без ученичества, – так и в журналистику.

Я готовил к печати ее очерк о художнике Геннадии Гармидере. Легкий, свободный, с одесским юмором, этот текст не требовал

никакой правки. Гармидер в нем был живым, со своими прибаутками, с широкими жестами. Когда текст был сдан в печать, я попросил Марину почитать свои стихи.

– Не здесь, – сказала она, – тут слишком рабочая атмосфера. Давайте, я зайду к вам во Всемирный клуб одесситов. Договорились о встрече. Помню, меня поразила скрупулезная пунктуальность Марины, столь редко присущая поэтам.

Выпили кофе. Я спросил, каково писать стихи, когда рядом две великие тени – Марина Цветаева и Велимир Хлебников.

– Умом понимаю их величие, но это не мои вечные спутники. Мне много ближе акмеисты – Гумилев, Ахматова. Я «смысловик» а не человек, ткущий колдовскую паутину звуков. Вот послушайте…

Первое впечатление, которое сохранилось в памяти до сегодняшнего дня. Зрелый человек, зрелые, глубокие стихи. Размышления о насущном.

С этой встречи я начал печатать стихи Марины Хлебниковой в газете «Вестник региона», в журнале «Одесса», в газете «Всемирные одесские новости». Нужно сказать, что Марина не была обойдена публикациями, занимаясь в Литинституте имени Горького, она не только опубликовала ряд стихов в журналах, но и как диплом подготовила книгу стихов «Проверка слуха», которая должна была выйти в Москве. Лихие девяностые не дали этому осуществиться. И все же по этой, еще не вышедшей книге Хлебникова была принята в Союз писателей России.

Как-то мы шутили, что в наших биографиях много сближений. И Марина, и я окончили Одесский политехнический институт, прежде чем уйти в литературу. Я окончил в 1958, в год рождения Марины, она окончила в 1981 году. И я, и она почти по десятку лет проработали инженерами, прежде чем начать новую жизнь.

Начала писать стихи Марина в 28 лет. Кто мог тогда предположить, что ей уготовано всего 12 лет творчества… Удивительно, еще раз говорю, что в ее наследии нет ученических подражательных стихов. Ее учеба – запойное чтение русской классики, мне кажется, что литинститут был для Марины не столько учебой, сколько общением со многими и многими поэтами. Ей было интересно, и как они пишут стихи, и о чем они пишут стихи. Но свою тропу она нашла и с нее не сходила.

Я дал почитать ей книгу стихов Юрия Михайлика «Плюс четырнадцать», изданную Всемирным клубом одесситов.

– Это мой поэт. Жаль, что я его не знала. Чувство моря в его стихах созвучно мне.

Марина…

Может, поэтому так ярко и образно она писала о море. А впрочем, именем своим она обязана тому, что отец был капитаном дальнего плавания – Сергей Демин. А фамилия Хлебникова – от мужа, известного яхтсмена Сергея Хлебникова, замуж за которого она вышла, еще будучи студенткой политехнического. Так что море билось о стены ее квартиры буквально с детства.

Все сместилось, все перевернулось,
И боюсь я волшебство спугнуть,
То ли небо в море окунулось,
То ли море лижет Млечный Путь.

Пожалуй, ни в каких других стихах Марина не была столь романтична, как в стихах о море.

Помнишь, когда этот парус был ярким и новым,
Я отвечала – с дарами сплошные заботы.
Лучше рыбачить, под вечер являться с уловом,
Глосиков жарить и «Шабское» пить по субботам…

Удивительно, вспоминая стихи Марины, я не могу припомнить того, что называется «любовной лирикой». В стихах есть материнская нежность, на последнем курсе политехнического Марина родила сына, есть размышления о любви.

Размышления…

Я бы сказал, что это основная магистраль поэзии Хлебниковой. Почти все ее поэтическое наследие – это жанр, не так часто разрабатываемый ныне, особенно молодыми поэтами, – философская лирика.

Помню, в те годы мы с насмешкой относились к причитаниям – только б не было войны. Казалось, что это идеологический штамп. Иное виденье было у Марины, так аукнувшееся в наше время:

Потому что любая война
Безымянной травой прорастает.

Для нее не было табу в поэзии, обо всем можно писать, если душа болит, все можно осмыслить.

В поэзии – все беззаконно,
Не потому, а вопреки.

Беззаконными были ее размышления о жизни и смерти:

Уйдя от райских врат,
Не сунусь в двери ада,
И вечность буду я стоять среди дверей.

Во многих стихах Марина, я бы сказал, исследует тему ухода, присматривается к ней, пытается объяснить, как не совпадает поэт со временем, повторюсь, с лихими девяностыми. Тогда и написано ею стихотворение «Memento mori»:

О смерти помнить – значит мудро жить…

Я мог бы привести строки из десятка стихов, где Марина как бы объясняет свой будущий поступок. Каюсь. В те годы я воспринимал это как литературу, следование традиции Байрона, Лермонтова. А это была подлинная жизнь. Уже сейчас я осознаю, что даже когда Марина улыбалась, глаза у нее оставались грустными…

Но и эти свои, как сейчас понимаю, страшные стихи, она завершала:

Но вы, дорогие, живите,
Живите!..

Да, это было напутствие: «Memento vita».

Жизнь Марины Хлебниковой оборвалась 6 декабря 1998 года. Ей было 40 лет. В январском номере «Всемирных одесских новос-

тей» за 1999 год должна была идти ее подборка стихов. Не стал писать некролог. Расширил подборку до целой газетной страницы и озаглавил ее: «Человек уходит – поэзия остается».

Эти же слова могу произнести спустя полтора десятилетия. Рад, что в Ильичевске в 2014 году в рамках фестиваля «Провинция у моря» была открыта доска на доме, где жила Марина Хлебникова.

Рад, что выходит сборник ее стихов. Они и сегодня современны и созвучны времени. Настоящая поэзия выдерживает проверку годами. Это знала Марина, написавшая прекрасные стихи о Пушкине, о Блоке…

Еще раз перечитываю стихотворения для этой книги. И уверенно пишу, что это не только дань памяти, но и сущностный разговор с нашим современником. Да, действительно, это нужно не мертвым, это нужно живым…

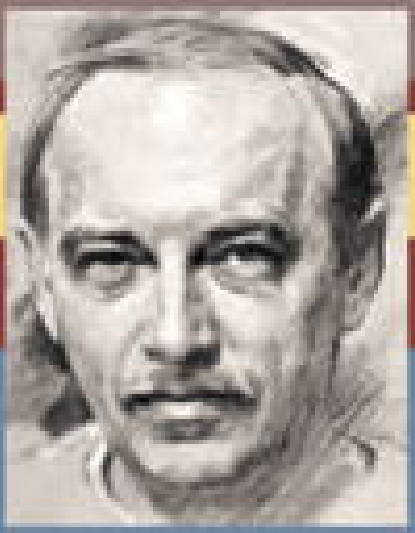
Одесский альманах

№61

II / 2015

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ